

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

РЕВКОМЫ — ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1875—1878 гг.

И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

БОЕВОЙ ОРГАН РЕВОЛЮЦИИ

ГДЕ ПЕЧАТАЛАСЬ «ИСКРА»?

11
МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 11

НОЯБРЬ

1976

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н. Ф. Бугай — Ревкомы как чрезвычайные органы диктатуры пролетариата (1918—1921 гг.) 3
Д. Исмаил-Заде — Русские поселения в Закавказье в 30-х—80-х годах XIX века 18
Академик А. Л. Нарочницкий — Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы 32
С. С. Салычев — Некоторые тенденции в эволюции социал-демократии 53
И. П. Дементьев — Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени 67
В. А. Устинов, В. И. Кузищин, Ю. Н. Павловский, А. С. Гусейнова (Баку) — Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса 91

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- З. Н. Тихонова — Ленинская газета «Вперед» 109
В. В. Сазонов — Публицистика Ф. Энгельса в «манчестерский период» 116
Ж. В. Андреева (Владивосток) — Синие Скалы 129

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- В. И. Буганов — К изучению Крестьянских войн в России 138
А. М. Филитов — Координационное совещание 143

Рецензии

- В. П. Иванов, Н. В. Пулькин — «В. И. Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917—1922 гг.) 146
Л. С. Гапоненко — Г. А. Трукач. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти 149
Н. В. Романовский — Н. В. Наумов. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии 152

Н. Я. Гушин (Новосибирск), Б. М. Шерешевский (Новосибирск) — Э. М. Шагин. Октябрьская революция в деревне восточных ок- раин России (1917 — лето 1918 гг.)	155
Г. Д. Бурдей (Саратов), Л. А. Дербов (Саратов) — «История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века»	158
Е. В. Чистякова — Н. Б. Голикова. Астраханское восстание 1705— 1706 гг.	161
Б. С. Попков (Петрозаводск) — О. П. Морозова. Польский рево- люционер-демократ Бронислав Шварце	163
А. К. Мартыненко (Киев), А. Ф. Трубайчук (Киев) — «Новейшая исто- рия. 1939—1973 гг.»	165
Г. Н. Севостьянов — В. В. Журкин. США и международно-полити- ческие кризисы	167
Новые книги	170
Статьи в советских периодических изданиях	172
Хроникальные заметки	175

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. В. Игнатьев — Симпозиум историков социалистических стран . . .	178
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

Э. Г. Истомина, Г. И. Королев — Историко-географическая литература социалистических стран Европы	181
--	-----

Рецензии

И. Н. Хлопин (Ленинград) — Э. Бикерман. Хронология древнего мира (Ближний Восток и античность)	190
--	-----

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . .	193
Рецензии на советские издания	195
Коротко о книгах	196

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Ю. С. Уральский — Где и сколько номеров ленинской «Искры» было напечатано	199
З. Д. Ясман — Первая сельскохозяйственная школа в России	203
О. М. Ронский (Ростов-на-Дону) — Повстанческие станицы в Верх- нем Поволжье в начале XVIII века	209
В. О. Печатнов — Ньюбургский заговор	213
—	
Сведения об авторах	220
Резюме статей на английском языке	221

РЕВКОМЫ КАК ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

(1918—1921 гг.)

Н. Ф. Бугай

Организации и деятельности революционных комитетов в литературе уделяется много внимания. За последние годы появились статьи¹ и монографии² о ревкоммах. Однако они посвящены отдельным регионам страны, что, разумеется, не позволяет сделать вывод об особенностях организации и деятельности ревкомов на всей территории СССР. Первая попытка создания обобщающего труда о ревкоммах предпринята Г. И. Литвиновой. Однако проблема решается ею в юридическом аспекте. Анализ законодательных и исполнительных функций ревкомов, направленности их правовых актов, форм взаимоотношений ревкомов с партийными и советскими органами—основные линии исследования. Автор выявляет особенности строительства ревкомов в Белоруссии, на Украине и в Якутии, однако не освещает их систему в РСФСР, Средней Азии и других национальных районах страны. Отсутствуют в книге сведения о численности ревкомов, их партийном и национальном составе, без которых нельзя получить полное представление о системе ревкомов, понять политику Коммунистической партии по осуществлению через эти чрезвычайные органы власти диктатуры пролетариата на местах.

До сих пор нет работы, в которой с учетом особенностей различных районов страны нашли бы отражение такие вопросы советского строительства в 1918—1921 гг., как причины организации ревкомов, динамика их численности, определение их роли в годы гражданской войны; широта и устойчивость связей ревкомов с трудящимися массами; характеристика одной из особенностей советского строительства того периода, когда диктатура пролетариата в нашей стране приобрела характер «военно-пролетарской диктатуры»³. Нуждается в обобщении опыт КПСС по осуществлению советского строительства в условиях гражданской войны, деятельность ревкомов по поддержанию революционного

¹ Т. С. Исаева. Из истории образования ревкомов. «Ученые записки» Дальневосточного университета. Т. 50. Владивосток. 1971; В. Т. Медведев. Деятельность ревкомов Западной Сибири по ликвидации последствий колчаковщины (ноябрь 1919—1920 гг.). «Труды» Томского университета имени В. В. Куйбышева. Т. 231, вып. 7. 1972; Ф. Г. Тимербаев. Башревком и основы национально-государственного строительства в Башкирии (март 1919—июль 1920 гг.). «Сборник аспирантских работ» Свердловского юридического института. Вып. 14, 1972, и др.

² Л. Л. Потаркина. Ревкомы Украины в 1918-1920 гг. Киев. 1957 (на укр. яз.); И. Д. Ахалая. Революционные комитеты Грузии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г.—март 1922 г.). Сухуми. 1968; А. К.-М. Исрапилов. Рожденные революцией (Деятельность ревкомов Дагестана). Махачкала. 1969; Г. И. Литвинова. Революционные комитеты в годы гражданской войны. М. 1974; П. Т. Петриков. Ревкомы Белоруссии. Минск. 1975.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2. Изд. 8-е, стр. 207.

порядка, восстановлению народного хозяйства, постановке культурно-просветительной работы и созданию условий для перехода всей полноты власти к Советам. Изучение этих вопросов в историческом плане позволит полнее осветить историю борьбы трудящихся масс нашей страны за торжество власти Советов, что имеет огромное значение для всех прогрессивных, революционных сил мира, добывающихся социального и национального освобождения. Дальнейшая разработка проблемы важна в научном и политическом плане и потому, что буржуазные авторы, фальсифицируя историю Великого Октября и гражданской войны в СССР, противопоставляют партию большевиков трудящимся массам, деятельность Советов и ревкомов — деятельности Коммунистической партии; рассматривают ревкомы как «надзаконные органы», отрицают, что они являлись звеньями советского государственного аппарата; стремятся доказать, что революционная власть в национальных районах страны определялась и направлялась через ревкомы якобы «исключительно русскими», выдвигая тезис о некоей «интервенции русских» в национальные районы, о «советской колонизации».

Автор ставит своей задачей рассмотреть причины организации и эволюцию ревкомов, выявить их численность по отдельным регионам страны, партийный и национальный состав, что представляется важным для понимания места и роли ревкомов в системе диктатуры пролетариата, в мобилизации трудящихся масс на защиту завоеваний Октября.

В эпоху империализма, в новых условиях борьбы пролетариата за свои права, обобщая опыт революции 1905—1907 гг. и Февральской революции 1917 г., В. И. Ленин открыл новую политическую форму диктатуры пролетариата — Республику Советов. Это имело величайшее значение для победы Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой в нашей стране была установлена Советская власть. Политической ее основой стали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В них с наибольшей отчетливостью проявился главный принцип диктатуры пролетариата — союз рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Однако уже в ходе подготовки Октябрьской революции становилось очевидным, что для взятия рабочим классом и крестьянством власти и ее последующего упрочения необходимо создать особые боевые штабы, которые объединяли бы все вооруженные силы, разрабатывали планы военных операций против сил контрреволюции, руководили в ходе революции борьбой масс. В сентябре 1917 г. в письме в ЦК РСДРП(б) «Марксизм и восстание», поставив в порядок дня задачу подготовки вооруженного восстания, В. И. Ленин отмечал: «Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов»⁴. В дни Октября такие штабы возникали при Советах рабочих и солдатских депутатов.

Первым штабом вооруженного восстания был Петроградский ВРК⁵. По примеру Петрограда и Москвы военно-революционные комитеты создавались при Советах по всей территории страны. В литературе пока нет обобщенных данных о численности военно-революционных комитетов периода Октября. Интересные сведения о ВРК Центрального промышленного района, Урала и Поволжья опубликованы Р. Г. Цыпкиной. Она определила, что в этих районах с октября 1917 г. по март 1918 г. существовала обширная сеть военно-революционных комитетов, а именно: 214 губернских и уездных, волостных и сельских ВРК, в том числе

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 247.

⁵ О военно-революционных комитетах периода Октября подробнее см.: С. С. Хенсин. Военно-революционные комитеты в период Великого Октября. «Вопросы истории», 1974, № 11; его же. Становление пролетарской диктатуры в России. М. 1975, и др.

в 14 губерниях центра страны — 153, в 4 губерниях Урала — 34, в 6 губерниях Поволжья — 27⁶. Известны многочисленные факты появления ревкомов на юге страны, в Средней Азии, Прибалтике, городах Сибири и Дальнего Востока. Призванные осуществить оперативное руководство установлением власти Советов, они повсюду пользовались широкой поддержкой масс в решении конкретных задач социалистического переворота, являясь первыми исполнительными аппаратами Советов, и опирались на силу вооруженных трудящихся. В ревкомах, как правило, преобладающее влияние оставалось за большевиками, но были и представители мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков.

Завоевание трудящимися массами политической власти не означало еще окончания революции. Необходимо было ее сохранить и упрочить, то есть подавить контрреволюционные попытки свержения Советской власти, а также обеспечить становление и формирование государственного аппарата на советских началах. За два с половиной месяца, прошедших со II Всероссийского съезда Советов, только в Европейской части России Советская власть победила в 263 уездах 30 губерний⁷, к концу марта 1918 г. — почти повсеместно. ВРК, проделав большую работу по мобилизации трудящихся масс на борьбу за Советскую власть, передавали затем власть в руки Советов. Через Советы широкие массы рабочих и крестьянской бедноты принимали активное участие в государственном управлении, приступали к реализации первых декретов Советского правительства.

Но уже в первой половине 1918 г. из-за ожесточенного сопротивления внутренних и внешних врагов Советской власти многие ее начинания были прерваны. В стране вспыхнула гражданская война. Решающая роль в борьбе с врагами принадлежала Советам. Однако условия этой борьбы, разгул бандитизма, враждебная деятельность мелкобуржуазных партий вызвали необходимость в чрезвычайных и решительных действиях для защиты завоеваний революции. Надо было провести ряд изменений в советском аппарате, приспособить его к нуждам войны, мобилизовать все силы и средства на помощь фронту. В этих условиях, по словам В. И. Ленина, была «необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения... в деле «налаживания» социалистического хозяйства»⁸. Были созданы временные чрезвычайные органы диктатуры пролетариата — ревкомы, которые являлись звеньями советского государственного аппарата. Составляя неотъемлемую часть единой системы, эти органы выполняли в конкретной обстановке важные государственные функции.

Общими причинами, вызвавшими к жизни ревкомы в годы гражданской войны, послужили близость фронтов и постоянная опасность непосредственного вторжения интервентов, продолжительная оккупация ряда районов белогвардейской контрреволюцией, бесчинства остатков отрядов разгромленных войск классового врага, терроризировавших местное население, присутствие воинских частей. Все это обуславливало необходимость строгой согласованности действий местных гражданских органов с требованиями военных нужд. Влияние мусульманской реакции в Средней Азии, Поволжье, на Северном Кавказе и в Закавказье, слабость в этих районах пролетарской прослойки и отсутствие необходимых кадров для работы в советском аппарате, ожесточенная борьба

⁶ Р. Г. Цыпкина. Сеть военно-революционных комитетов Европейской части России. «Вопросы истории», 1975, № 2, стр. 20.

⁷ Х. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М. 1960, стр. 149.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 26.

с контрреволюцией (басмачество в Средней Азии, бандитизм в центре страны, на Северном Кавказе, Украине, в Белоруссии, Поволжье, Сибири и других районах), нецелесообразность возвращения к органам власти, созданным в ходе триумфального шествия Советской власти, но в ряде мест засоренным представителями мелкобуржуазных партий, националистическими, антисоветски настроенными кулацко-мулльскими элементами также диктовали необходимость образования ревкомов. Таким образом, возникновение ревкомов отвечало интересам утверждения и укрепления диктатуры пролетариата в обстановке гражданской войны, военной интервенции и ожесточенного сопротивления свергнутых, но окончательно не уничтоженных эксплуататорских классов.

Организация ревкомов в Советской республике представляет собой особенность ее государственного строительства, которая объяснялась чрезвычайным положением, существовавшим в 1918—1921 гг. почти во всех районах страны и сделавшим эту меру необходимой. Появление ревкомов в сложных условиях военного времени свидетельствовало о том, что органы диктатуры пролетариата, выражавшие ее сущность, могли изменяться вместе со сдвигами в соотношении классовых сил и в связи с внутривнутриполитическим и внешнеполитическим положением страны. Однако эти сдвиги не касались главного: ревкомы, как и Советы,— это органы одной системы государственной власти — советской.

Революционные комитеты периода гражданской войны отличались от военно-революционных комитетов периода Октябрьской революции. Если ВРК являлись боевыми штабами революционных сил, по выражению В. И. Ленина, «штабами повстанческих отрядов»⁹ и, как правило, создавались при Советах, а главной их задачей было руководство борьбой трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти, то ревкомы периода гражданской войны — это самостоятельные органы власти. Они должны были оказывать помощь Красной Армии в окончательной ликвидации врага, мобилизовывать массы на восстановление народного хозяйства, налаживание транспорта, постановку культурно-просветительской работы, создание условий для перехода к Советам. Разумеется, с введением ревкомов в Советской республике происходило некоторое сужение демократии, однако это было вынужденной временной мерой, связанной с обострением классовых противоречий.

Аппарат ревкомов складывался не сразу. Формы организации и управления подсказывались самой обстановкой, зависели от опыта и творчества возглавлявших их людей. Состав ревкомов по сравнению с ВРК периода Октября изменился. В ревкомы назначались коммунисты и преданные Советской власти беспартийные. В целом ревкомы периода гражданской войны были рабоче-крестьянскими. Коммунистическая партия, осуществляя общее руководство государством, обеспечивала единство и согласованность всех звеньев государственного аппарата и требовала, чтобы ревкомы оказывали всемерную помощь действующим частям Красной Армии, воссоздавали и отстаивали советский строй. В годы гражданской войны во многих районах страны, в частности в прифронтовой полосе и в освобожденных от противника местностях (Сибирь, Северный Кавказ, Среднее Поволжье, Урал, Крым, Северо-Западные губернии), а также в районах, где возникла опасность контрреволюционных выступлений, ревкомы являлись руководителями военной и общественной жизни, им принадлежала вся полнота власти. Они создавались различными органами — ВЦИК, СНК, в ряде случаев — партийными бюро, ячейками, Советами (Ставрополье, Сибирь) или реввоенсоветах Красной Армии.

В советском законодательстве до октября 1919 г. не было общего положения, которым определялись бы состав и функции чрезвычайных

⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 247.

органов власти, отсутствовала и единая система ревкомов. В этих условиях ВЦИК и СНК неоднократно направляли на места письма, в которых содержались указания местным Советам и всему населению, как поступать в случае чрезвычайного положения (угроза захвата врагами территории, подведомственной тому или иному Совету)¹⁰. В июле 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет СНК РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским краем», в котором определялись цели и задачи ревкома: борьба с военной интервенцией и внутренней контрреволюцией; обеспечение государственного, хозяйственного и культурного строительства; подготовка созыва Учредительного Киргизского съезда Советов. 27 августа было опубликовано постановление ВЦИК «Об организации гражданского управления в Сибири»¹¹.

Дальнейшее обострение внутривластной обстановки в стране потребовало обобщения вопросов советского строительства в условиях гражданской войны, выработки единых принципов создания органов власти трудящихся. Учитывая сложность политической ситуации 1919 г., Центральный Комитет партии, В. И. Ленин пришли к выводу, что на захваченной врагом (там, где это было возможно) и освобождаемой территории необходимо учредить строго централизованные, оперативные, способные работать в условиях военного времени чрезвычайные органы власти — ревкомы. В октябре началась разработка положения о строительстве ревкомов. 15 октября Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о положении на фронтах и приняло решение о превращении Советской России в военный лагерь. Комиссия в составе В. И. Ленина, секретаря ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинского и других должна была подготовить декрет об упрощении гражданского управления, проект которого неоднократно обсуждался в ЦК РКП(б) и Совнарком. В середине октября группа членов Оргбюро ЦК РКП(б) продолжила разработку положения о строительстве ревкомов, получившего наименование «Положение о революционных комитетах — органах упрощения полувоенного, полугражданского управления в прифронтовых местностях»¹².

Губернские партийные и советские органы постоянно запрашивали центральные органы Советской власти об инструкциях по строительству ревкомов. Наркомат внутренних дел, ведавший строительством Советской власти на местах, отвечал на множество таких писем. Так, 17 октября Архангельскому губисполкому было сообщено следующее: «Инструкция об организации революционных комитетов разрабатывается особой комиссией и в ближайшее время будет разслана всем губисполкомам»¹³. 20 октября В. И. Ленин информировал Тульский ревком: «Декрет о сокращении гражданского управления будет издан на днях, его надо не только соблюсти, но применить архидобросовестно и усердно»¹⁴. 22 октября его утвердил ВЦИК. Новое «Положение» за подписью В. И. Ленина и М. И. Калинина было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 28 октября 1919 года. Ревкомы определялись в «Положении» как временные чрезвычайные органы государственной власти, создаваемые для «упорной обороны, установления революционного порядка в местностях, освобождаемых от противника, в прифронтовой полосе и в тылу». Круг задач, решаемых ревкомом, не ограничивался чисто оборонительными мероприятиями. Они фактически занимались

¹⁰ См., например, циркуляр ВЦИК от 2 июня 1918 г. «Декреты Советской власти». Т. 2. М., 1959, стр. 606—607.

¹¹ «Сибирский революционный комитет (август 1919 — декабрь 1925 гг.)». Сборник документов. Новосибирск. 1959, стр. 5; «Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917—1920 гг.)». Документы и материалы. Алма-Ата. 1972, стр. 101.

¹² «Известия ЦК РКП(б)», 22.X.1919.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 11, д. 40, л. 1.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 65.

всем, что входило в обязанности исполкомов Советов, включая хозяйственные вопросы, здравоохранение, образование и т. д.

При формировании ревкомов партийные и советские органы особое внимание уделяли привлечению к деятельности в них рабочих и крестьян. В дальнейшем упрочении союза рабочего класса и трудового крестьянства партия, В. И. Ленин видели залог победы Советской власти в гражданской войне. Почти в каждом из своих выступлений В. И. Ленин призывал рабочих и крестьян стать активными строителями новой жизни. В связи с тем, что преобладающую массу населения страны составляло крестьянство, активное участие его в советском строительстве было важным условием для завоевания доверия к партии со стороны не только крестьянской бедноты, но и широких слоев трудового крестьянства, интересы которого теснейшим образом были связаны с Советской властью.

«Положение» формулировало только общие принципы и способствовало достижению известного единства в создании чрезвычайных органов власти в стране. Как правило, местные особенности того или иного района учитывались в других, дополнительных положениях и инструкциях, разработка которых возлагалась на реввоенсоветы фронтов и армий. Эти документы четко определяли место и роль ревкомов в системе диктатуры пролетариата. В «Положении» (инструкции) о ревкомах, составленном комиссией под руководством начальника политуправления Туркестанского фронта, комиссара Красного десанта по разгрому врангелевских частей на Кубани Д. А. Фурманова, указывалось: «Ревкомы являются органами пролетарской диктатуры, выполняющими функции советского строительства. Ревком назначается там, где нет возможности создать по разным причинам Совета депутатов или исполкома»¹⁵.

Для национальных автономных государственных образований в каждом отдельном случае разрабатывались специальные инструкции по организации ревкомов. Известны декреты ВЦИК и СНК об образовании ревкома Татарской АССР (27 мая 1920 г.), решение Оргбюро ЦК РКП(б) о создании ревкома Чувашской автономной области (24 июня 1920 г.), декрет ВЦИК о Карельской трудовой коммуне (август 1920 г.), декрет ревкома Грузии об Абхазской АССР (16 июля 1921 г.) и ряд других. Во всех этих документах указывается, что ревкомы назначаются как высшие временные органы власти¹⁶. Организация национальных ревкомов проходила на основе принципов, предусмотренных «Положением ВЦИК о ревкомах» от 24 октября 1919 г., но их функции были несколько иными. Главным в работе ревкомов являлось укрепление революционного порядка, строгое соблюдение норм национально-государственного строительства. Руководствуясь принципами ленинской национальной политики, ревкомы в своей деятельности учитывали специфику местных условий, особенности быта, традиции коренного населения, содействовали вовлечению трудовых его слоев в органы Советской власти.

Особую роль в деле строительства ревкомов сыграло «Положение о сельских ревкомах», разработанное не позднее февраля 1920 г. комиссией Народного комиссариата внутренних дел во главе с заведующим информационно-инструкторским отделом С. И. Духовским. Этот документ, дополняющий «Положение ВЦИК о ревкомах», определял структуру, компетенцию и порядок организации ревкомов в селах, деревнях, аулах. В нем указывалось, что в селениях, имеющих менее 300 жителей, отдельные ревкомы не создаются; трудящиеся «осуществляют свое

¹⁵ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 552, оп. 3, д. 1, л. 1.

¹⁶ «Политика Советской власти по национальным делам за три года». М. 1920, стр. 42, 50.

право управления, объединяясь с соседними селениями, хуторами и т. д. для назначения общего для всех этих населенных пунктов сельского ревкома»¹⁷. «Положение» намечало круг задач, которые обязаны были решать председатель и члены сельских ревкомов, а именно: выполнение всех постановлений высших органов Советской власти; проведение мероприятий, направленных на охрану порядка; организация коллективных хозяйств; повышение культурного уровня жизни населения; всемерное привлечение трудящихся к делу строительства новой жизни.

Заметный скачок в организации ревкомов наблюдается после развязанного белочехами мятежа, когда на востоке страны существование Советской власти находилось под угрозой. Здесь распространились контрреволюционное движение и тесно смыкавшийся с ним политический бандитизм. Только в июле—августе 1918 г. в 22 губерниях центра страны произошло более 200 кулацких мятежей и вооруженных выступлений против Советской власти; в прифронтной полосе Советской республики с июля по ноябрь — 108 кулацких мятежей¹⁸. Уже в конце мая 1918 г. для руководства борьбой с белочехами был образован Пензенский губревком, однако просуществовал он непродолжительное время и только после изгнания чехов из Пензы возобновил свою деятельность¹⁹. 18 июля 1918 г. Казанский Совет рабочих и крестьянских депутатов создает ВРК для борьбы с белочехами и активизировавшейся местной контрреволюцией. Два дня спустя ревком объявил военное положение в Казани и губернии, в связи с чем в срочном порядке стали формироваться ревкомы на местах (в уездах, на больших железнодорожных станциях и крупных предприятиях).

Восстание Дутова в Оренбуржье крайне осложнило обстановку в Самарской губернии. Контрреволюция активизировала свои действия, но эсерский губисполком игнорировал необходимость борьбы с дутовщиной. Приказом главкома Урало-Оренбургского фронта Самарский губисполком был распущен, а власть в губернии передана ревкому, который возглавил В. В. Куйбышев. В июле 1918 г. вспыхнул мятеж левых эсеров в Ярославле. На собрании представителей от партийных организаций ряда промышленных предприятий для общего руководства всей военной жизнью города 11 июля был сформирован губернский ВРК в составе коммунистов А. Я. Громова, П. А. Будкина, М. О. Пантина, В. И. Охапкина, К. Е. Бабича, Н. А. Пожарова²⁰. Во второй половине 1918 г. ревкомы были созданы в Самарской, Нижегородской, Астраханской, Вологодской, Пермской, Вятской, Костромской, Воронежской, Саратовской губерниях, в отдельных областях Северного Кавказа²¹.

В сложной обстановке 1918 г. для Коммунистической партии и Советского правительства весьма важным было сосредоточить в своих руках ключевые позиции, а в целях своевременного снабжения армии

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 22, д. 7, л. 57.

¹⁸ «Правда», 13.XI.1918; Г. В. Шаратов. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М. 1961, стр. 165.

¹⁹ «Подготовка и победа Октябрьской революции в Пензенской губернии». Сборник документов. Пенза. 1957, стр. 273—275.

²⁰ Р. В. Балашов. Ярославская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). «Очерки истории Ярославского края». Ярославль. 1974, стр. 201. Ревком действовал до 2 сентября 1918 г., и, как отмечалось на общегородской конференции коммунистов в августе 1918 г., его основной задачей «была организация и руководство борьбой рабочих и беднейших крестьян с контрреволюцией» («Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями». Т. 4. М. 1969, стр. 104, 127).

²¹ «Юго-Восточный железнодорожный съезд районных революционных комитетов». Воронеж. 1918; «Самарская губерния в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Куйбышев. 1958; В. Ф. Аржанова. О деятельности Нижегородского революционного комитета в 1918 г. «Труды Горьковского политехнического института. Т. 16, вып. 3. 1960; Р. Х. Гугов. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик. 1975, и др.

передать контроль над производством, транспортом местным ревкомом и партийным организациям. В связи с этим ревкомы создавались почти на всех крупных узловых железнодорожных станциях. Наведение революционного порядка, охрана мостов, борьба с саботажем и злоупотреблениями по службе — таковы главные направления деятельности желдорревкомов.

В конце 1918 г. в связи с захватом многих районов страны белогвардейцами коммунисты, оставшиеся в тылу врага, продолжали работу в нелегальных условиях. Они создавали подпольные партийные организации и ревкомы. Так, из Крыма в декабре 1918 г. сообщалось в ЦК РКП(б): «Во всех городах Крыма организованы Советы и революционные комитеты, действующие нелегально (тайно)»²². Подпольные ревкомы возникали на Северном Кавказе, Украине. На селе их функции по укреплению позиций пролетарской власти выполняли комитеты бедноты. К концу 1918 г. по РСФСР было образовано свыше 122 тыс. комбедов²³. Таким образом, ревкомы 1918 г., будучи органами единой советской системы, существовали на значительной части территории страны.

Опыт строительства Советов, исполкомов, комбедов и ревкомов, накопленный в период подготовки социалистической революции и в первый год существования пролетарской диктатуры, был всесторонне использован во время гражданской войны. Так, по образцу ранее создававшихся областных объединений Советов²⁴ в годы гражданской войны образовывались территориальные чрезвычайные органы Советской власти, объединявшие под своим руководством ряд областей и губерний страны. К таким ревкомом относятся Всеукраинский, Всебелорусский, Сибирский, Дальревком, Кавказский (Северо-Кавказский), ревком по управлению Киргизским краем, Поволжья и другие²⁵.

Попытка определить общее количество губернских ревкомов, имевшихся на территории Европейской части РСФСР в 1919 г., была впервые предпринята Л. В. Люцаревой²⁶. По ее данным, здесь существовало 28 губревкомов. Дальнейшее исследование архивных документов и периодической печати позволило установить, что в этом регионе действовало 33 губернских и областных ревкома. Конец 1919 г. и начало 1920 г. характеризовались «сплошной полосой» создания ревкомов — их формирование было почти повсеместным. Если в Центральном промышленном районе, в отдельных губерниях Северо-Запада в декабре 1919 г. — январе 1920 г. ревкомы уже передавали свои функции Советам, то на Севере, в Поволжье, Сибири, на Урале, Северном Кавказе,

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 24, л. 178.

²³ «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М. 1969, стр. 25.

²⁴ Объединения Советов существовали в 1917 — начале 1918 г. и являлись формой организации власти трудящихся. Московский областной Совет руководил 10 губернскими Советами, Сибирский областной Совет — 5 губернскими Советами и т. д. (см. подробнее: А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М. 1967, стр. 137—138).

²⁵ А. Мухтаров. Деятельность Кирревкома по подготовке образования Казахской АССР. «Известия» АН Казахской ССР. Вып. 2. Алма-Ата. 1960; В. Е. Чаплик. Сибревком — орган диктатуры пролетариата. «Труды» Новосибирского мединститута. Т. XXXIV, кн. 1. Новосибирск. 1960; Т. С. Исаева. К вопросу о создании Дальревкома как чрезвычайного органа власти на Дальнем Востоке. «Ученые записки» Дальневосточного университета. Т. XXI, ч. III. 1969; В. И. Шишкин. Сибирский революционный комитет (август 1919 г. — март 1921 г.). «Известия» Сибирского отделения АН СССР. 1973, вып. 3, № 11; Н. Ф. Бугай. Северо-Кавказский ревком — чрезвычайный орган Советской власти (1920 г.). «Исторические записки». Т. 93. 1974, и др.

²⁶ Л. В. Люцарева. Борьба Коммунистической партии за укрепление местных партийных и массовых организаций Советской республики в период мирной передышки в 1920 году. «Ученые записки» МГПИ имени В. П. Потемкина. Т. 76, вып. 3. М. 1957, стр. 113—114.

в Крыму они действовали вплоть до конца 1921 г. (создание ревкомов после 1921 г. носило эпизодический характер и зависело от остроты складывавшейся на местах обстановки).

В начале 1920 г. на Дону политотделы IX армии за короткое время образовали около 500 ревкомов²⁷. По приблизительным подсчетам, на Тереке их было более 500, в Кубано-Черноморье — около 700, в Ставрополье — свыше 100²⁸. К концу 1920 г. в Крыму функционировали 21 районный и 292 сельских ревкома. Их возглавляли коммунисты²⁹. На северо-западе страны ревкомы имелись в Псковской, Вологодской, Новгородской, Петроградской губерниях. Так, в январе 1920 г. в Петроградской губернии были учреждены 11 райревкомов, 4 прифронтовых уездных (Лужский, Ямбургский, Царскосельский и Петергофский), подчинявшихся губисполкому. Продолжали действовать ревкомы в губерниях Поволжья и Урала. Так, в Пермской губернии в январе 1920 г. существовало 6 ревкомов³⁰.

Широким фронтом развернулось строительство ревкомов в Сибири, особенно после освобождения ее территории от колчаковцев. Только в Омской губернии Сибревком и политотделы реввоенсоветов действовавших там армий, начиная с декабря 1919 г., создали 534 волостных, 4286 сельских, 921 аульский, 524 поселковых и 57 станичных ревкомов. К январю 1920 г. в этом районе насчитывалось 6322 ревкома. К середине февраля в Томской губернии функционировали 260 волостных и 3474 сельских ревкома³¹. Особая роль в строительстве ревкомов на территории Сибири принадлежит Красной Армии. Только политические органы V армии организовали от Волги до Байкала 5 тыс. ревкомов, комбедов и комитетов профсоюзов³².

В 1919—1921 гг. ревкомы возникают в национальных районах страны. Так, 24 июня 1920 г. возник ревком Чувашской автономной области, 7 января 1921 г. ВЦИК утвердил состав ревкома Марийской автономной области. В это же время национальные ревкомы были образованы у малых народов Севера, а также у национальностей, населяющих Северный Кавказ³³. Ревкомы функционировали на территории Украины, Молдавии, Закавказья, Средней Азии. В апреле 1920 г. были созданы ревкомы во всех 17 уездах Азербайджана³⁴. 30 ноября 1920 г. в телеграмме на имя В. И. Ленина сообщалось об образовании Армянского ревкома. На территории, освобожденной от белопольских захватчиков, крестьянские секции политотделов дивизий XII армии в июне—августе 1920 г. образовали 527 волостных и 429 сельских ревкомов, а политработники XIV армии в августе—сентябре 1920 г. — 806 ревкомов³⁵. В Туркестане к концу 1920 г. насчитывалось 6 областных, 26 уездных, 477 волостных ревкомов³⁶. Особое внимание уделялось тем районам, где проходили военные действия. 6 июля 1920 г. ТурЦИК и РВС Туркестанского фронта издали приказ за подписью М. В. Фрунзе, предусмат-

²⁷ «Отчет III съезду Советов Донской области». Ростов-на-Дону. 1920, стр. 1.

²⁸ Н. Ф. Бугай. Организация революционных комитетов на Северном Кавказе (1920—1921 гг.). «Ученые записки» Кабардино-Балкарского университета. Вып. 43. Нальчик. 1971.

²⁹ «Сборник отчетов отделов Крымревкома». Симферополь. 1921, стр. 6.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 11, д. 36, лл. 36, 54.

³¹ В. Т. Медведев. Создание ревкомов в Западной Сибири. «Труды» Томского университета имени В. В. Куйбышева. Т. 177, вып. 1. 1964, стр. 57.

³² Г. Х. Эйхе. На главном направлении. «Разгром Колчака». М. 1969, стр. 163.

³³ С. Э. Эбзеева. Становление советской национальной государственности на Северном Кавказе. М. 1976.

³⁴ «Городские и уездные революционные комитеты Азербайджана». Обзор документов и материалов. Баку. 1961, стр. 4.

³⁵ «Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919—1920 гг.)». Сборник документов. М. 1964, стр. 385, 407.

³⁶ «Отчет о деятельности Туркестанского экономического совета за февраль — октябрь 1921 г.». Ташкент. 1922, стр. 238.

ривавший организацию районных ревкомов для содействия обороне против врага, поддержания революционного порядка и ликвидации басмачества. В Ферганской области в связи с этим было создано 22 райревкома, в Андижанском уезде — 6 районных, 13 волостных, 109 сельских и аульских, в Ферганском уезде — 17 волостных, в Ошском — 17 волостных, 63 сельских ревкома³⁷. Таким образом, даже неполные данные о численности ревкомов говорят о том, что они представляли собой систему чрезвычайных органов диктатуры пролетариата на всей территории страны.

Коммунистическая партия направляла в ревкомы опытных партийных и советских работников, а также рабочих с передовых промышленных предприятий. Это способствовало как увеличению в ревкомех численности коммунистов, так и укреплению пролетарской прослойки. Среди 77 членов 16 станичных ревкомов Пятигорского уезда (Терская область) — 21 (27%) коммунист (направлены Центром), 54 (70%) — сочувствующих партии большевиков, 2 (3%) — беспартийных³⁸. По мере дальнейшего развития работы ревкомов число коммунистов в их составе возрастало. Как правило, значительная часть коммунистов находилась в губернских, областных, уездных, городских и крупных станичных ревкомех, низовые же ревкомы (волость, хутор, селение, аул) в большинстве случаев состояли из беспартийных.

В национальных районах среди членов ревкомов преобладали представители трудящихся местных национальностей. Ярким доказательством этого являются данные о национальном составе различных местных революционных органов власти, в частности сельских, окружных и уездно-городских ревкомов. Так, в Нальчикском и Чеченском окружных национальных ревкомех все члены были представителями коренного населения; в пяти участковых ревкомех Осетинского округа осетины составляли 77%, русские — 23%, а все члены 27 сельских ревкомов Ингушского округа (81 человек) были представителями коренной национальности³⁹. Национальный состав семи уездно-городских ревкомов Семиреченской области на 1 января 1921 г. характеризовался такими данными: киргизы и казахи — 53%, русские — 33%, татары — 8%, гаранчинцы — 4%, дунгане — 2%. В составе уездно-городских ревкомов Сырдарьинской и Ферганской областей в 1920 г. представителей коренного населения было 52,5%, а в Самаркандской области — 66%⁴⁰. Аналогичным был состав ревкомов и в других национальных районах Средней Азии, Сибири, Поволжья, севера страны. Таким образом, власть на местах определялась и направлялась не «исключительно русскими», как утверждают советологи, а рабочими и крестьянами местных национальностей в содружестве с представителями русского и других народов нашей страны.

Ревкомы, где бы они ни создавались, были призваны с максимальной быстротой и твердостью решать задачи, возникшие в момент непосредственной опасности для местности, которой угрожал враг. Ревкомы были наделены военными и административно-хозяйственными функциями. В годы гражданской войны они направляли свои усилия прежде всего на оказание всесторонней помощи Красной Армии. В центре их деятельности стояла военно-мобилизационная работа: формирование воинских частей и подразделений, укомплектование их коммунистами и комсомольцами, осуществление очередных призывов, выделение уполномоченных по проведению мобилизации, организация начальной воен-

³⁷ Р. Т. Шамсутдинов. Из истории революционных комитетов Туркестана. 1918—1923 гг. «История СССР», 1970, № 6, стр. 60.

³⁸ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 36, оп. 1, д. 114, лл. 64а, 70б.

³⁹ Там же, ф. Р-39, оп. 1, д. 38, лл. 19—23; д. 14, л. 23; ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 73, оп. 1, д. 7, л. 30.

⁴⁰ Р. Т. Шамсутдинов. Указ. соч., стр. 61.

ной подготовки и т. д. Как правило, эти задачи были в ведении военных отделов ревкомов.

Губернские и областные комитеты РКП(б) совместно с Советами и ревкомом разрабатывали планы и операции по разгрому очагов контрреволюции. Существенную помощь военным отделам ревкомов оказывали военные комиссариаты. Уже в 1918 г., когда в Поволжье вспыхнул чехословацкий мятеж, а в значительной части губерний центра страны, в Поволжье, на Украине, в Сибири прокатилась волна кулацких восстаний, Советы и ревкомы, военные комиссариаты в срочном порядке приступили к мобилизации трудящихся и формированию новых частей Красной Армии. В напряженной обстановке 1919—1920 гг. ревкомы проводили большую работу по возведению оборонительных рубежей и укрепрайонов, которые начиная с весны 1919 г. существовали в Казанской, Петроградской, Тульской и многих других губерниях. Почти повсеместно Советы, ревкомы создавали караульные роты, заградительные тройки. Так, 28 июня 1919 г. Воронежский губком РКП(б) обязал уездные ревкомы организовать оборонительные рубежи в прифронтовой полосе, сформировать повсеместно коммунистические и рабочие вооруженные отряды. В Воронеже отряд в 250 человек состоял из коммунистов и рабочих передовых предприятий⁴¹. В августе 1919 г. Борисоглебским уездным ревкомом Тамбовской губернии был создан боевой отряд в составе 170 человек. Наряду с этим ревком мобилизовал на фронт 120 рабочих-железнодорожников. Члены ревкома выезжали на линию фронта, принимали участие в боях⁴². Неослабное внимание уделялось организации рабочих дружин. С этой целью ревкомы разрабатывали специальные инструкции. Так, в постановлении Дмитровского уездного ревкома Московской губернии от 13 июня 1919 г. отмечалось: «Дружины формируются при всех фабриках и заводах... Во главе их назначается ревкомом бригадир по представлении кандидатов местной партийной организацией»⁴³.

Повсеместно ревкомы располагали значительной военной силой и оказывали существенную поддержку частям Красной Армии. В конце сентября 1919 г., когда в результате похода Деникина угроза нависла над Москвой, по указанию штаба Московского сектора обороны строительством оборонительных сооружений занимался Тульский губревком. За короткое время необходимо было создать четыре оборонительных рубежа в пределах губернии⁴⁴. В письме, направленном в Тулу 20 октября 1919 г., В. И. Ленин подчеркнул, что «значение Тулы для Республики огромно. Поэтому *все* силы надо напрячь на *дружную* работу, сосредоточивая *все* на военной и военно-снабженческой работе». В этот же день в телеграмме Тульскому ревкому В. И. Ленин наметил конкретные задачи деятельности ревкома: «Оборона города, обучение красноармейцев, снабжение»⁴⁵. Мероприятия по организации обороны проводились всеми губернскими и уездными ревкомом страны.

На заключительном этапе гражданской войны в новую фазу вступила и борьба против бандитизма. В 1920—1921 гг. сложность ее заключалась в изменении бандитами тактики: они стали действовать мелкими шайками, что распыляло силы Советов и ревкомов, затрудняло борьбу по ликвидации остатков бандитизма. Например, на огромной территории Северного Кавказа, по сведениям местного военного округа, летом 1920 г. орудовали 115 мелких бандитских шайек и отрядов,

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 48, л. 17.

⁴² Там же, оп. 65, д. 68, лл. 31, 37.

⁴³ Государственный архив Московской области, ф. 680, оп. 3, д. 420, л. 4.

⁴⁴ «В грозные годы гражданской войны (1919—1920 гг.)». Сборник документов. Тула. 1963, стр. 99.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 65; «В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920 гг.)». М. 1956, стр. 215.

которые насчитывали в общем 7062 сабли, 110 пулеметов, 1 орудие, 2763 штыка⁴⁶. Аналогичной была обстановка на Урале, в Поволжье, Сибири, районах севера страны. Партийным и советским органам необходимо было, сконцентрировав вооруженные силы, ударить по кулачеству, составлявшему основной костяк банд. В августе 1920 г. В. И. Ленин дал указание ревкому Уральской области и Саратовскому губисполкому относительно борьбы с бандами Сапожкова, наносившими существенный урон Советской власти: «1) обязать все ревкомы и исполкомы оставаться на местах до последней возможности, энергично ведя агитацию против изменника и всячески препятствуя его агитации среди населения... 3) установить самую тесную связь между подчиненными вам ревкомом и исполкомом и воинскими отрядами, обеспечить согласованность действий, принять меры к охранению технической связи; 4) вести самое тщательное наблюдение за движением отрядов Сапожкова»⁴⁷.

В эти же годы задачи по установлению и поддержанию революционного порядка решались губернскими партийными и советскими органами Украины, Белоруссии и Закавказья. В первой половине 1920 г. были подавлены значительные кулацкие мятежи в Азербайджане и Армении. Ревкомам Средней Азии пришлось долгие годы вести ожесточенную борьбу с басмачеством.

Таким образом, несмотря на то, что задача подавления сопротивления эксплуататорских классов в основном была решена уже на первом этапе революции (до марта 1918 г.), ввиду особых условий (активизация кулачества, недовольство части среднего крестьянства отдельными мероприятиями Советской власти, в частности продовольственной политикой, недостаточная организованность сельской бедноты) она продолжала в ряде районов оставаться одной из основных на протяжении некоторого времени и после окончания гражданской войны.

В ходе борьбы с контрреволюцией, наведения революционного порядка ревкомы и исполкомы проводили повсеместную большую работу по восстановлению промышленности и транспорта. Особое внимание обращалось на налаживание деятельности промышленных предприятий, занятых производством военного снаряжения. Обстановка гражданской войны ускорила темпы национализации промышленности, так как все силы и средства необходимо было сосредоточить в руках пролетариата и направить на разгром врага. В конце мая 1918 г. в соответствии с решениями I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства повсеместно создавались отряды управления национализированными предприятиями. До 28 июня 1918 г., когда был принят декрет СНК о национализации крупной промышленности, предприятий железнодорожного транспорта и паровых мельниц, в собственности Советской республики находилось 513 заводов и фабрик⁴⁸, причем подавляющее большинство из них было национализировано местными органами Советской власти — Советами и ревкомом. Этот процесс продолжался и в последующие годы гражданской войны. Например, в Казанской губернии наибольшее число предприятий было национализировано в марте—апреле 1919 г.; к концу года на учете губернского СНХ было 485 заводов и фабрик⁴⁹.

Партийные организации, Советы, ревкомы мобилизовали все силы на увеличение выпуска предметов военного снаряжения и помощи фронту, налаживали бесперебойную работу промышленных предприя-

⁴⁶ ЦГАСА, ф. 25896, оп. 3, д. 76, л. 191.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 347—348.

⁴⁸ «Народное хозяйство», 1918, № 4, стр. 45.

⁴⁹ У. Б. Беляков. Из истории национализации промышленности и создания органов ее управления в Казанской губернии (1918—1920 гг.). «Ученые записки» Казанского университета имени В. И. Ленина. Т. 120, кн. 5, 1960, стр. 165.

тий. Благодаря принятым ими мерам уже в январе 1919 г. оружейный завод Тулы увеличил производство пулеметов на 57%, винтовок — на 9%, револьверов — на 50%, а патронный завод произвел патронов почти вдвое больше, чем в 1918 году. Было налажено также производство запасных частей для пулеметов и винтовок⁵⁰. В связи с тем, что в 1918—1919 гг. прекратили выпуск оружия Сестрорецкий и Петроградский заводы, в руках белогвардейцев оказался Ижевский оружейный завод, немцами, а затем денкинцами был захвачен Луганский патронный завод, Тула становилась основным поставщиком вооружения для Красной Армии.

На заключительном этапе гражданской войны существенные преобразования в области промышленности были проведены ревкомками Урала, Сибири, Украины, Белоруссии, Дона, Крыма и Северного Кавказа. Весной 1920 г. на Дону удалось ввести в строй металлургические заводы в Таганроге, Сулине, завод сельскохозяйственных орудий «Аксай» в Ростове. К этому времени уже были пущены в ход 304 предприятия из 1640, взятых на учет⁵¹. Ревкомом Таганрога при активной поддержке Реввоенсовета Кавказского фронта была налажена работа на заводе Лебедева, мастерские которого поставляли снаряжение для Красной Армии. Быстрыми темпами развивалась мукомольная промышленность. Было взято на учет более 500 мельниц⁵². Благодаря мероприятиям, проведенным областными и губернскими ревкомками, в собственность Советского государства на Северном Кавказе, по данным местного военного округа, перешли крупные предприятия, средние фабрики и мастерские, всего около 1500 со средним числом рабочих 58 человек на каждом, а также 5134 заведения со средним числом рабочих 39 человек на каждом⁵³.

Ревкомы сыграли важную роль в решении аграрного вопроса. Политику Советской власти в этой области проводили на местах создаваемые в структуре ревкомов земельные отделы. Непосредственные задачи по этому вопросу были обобщены в «Положении о сельских ревкомках». Областные и губернские ревкомы, учитывая особенности районов, разрабатывали инструкции и положения по аграрному законодательству. Руководствуясь указаниями областных и губернских ревкомов, нижестоящие ревкомы принимали свои решения по осуществлению советских аграрных законов. Показательно в этом отношении постановление Медвеженского уездного ревкома (Ставропольская губ.) от 24 февраля 1920 г.: «Взять на учет все частновладельческие имения и хутора, а также живой и мертвый инвентарь; не дать возможности расхищать народное достояние»⁵⁴.

В 1918—1921 гг. на первый план в деятельности сельских ревкомов и комбедов выдвинулся продовольственный вопрос. Страна и армия остро нуждались в хлебе. Кулачество держало в руках огромные его запасы и всячески сопротивлялось проведению хлебной монополии, надеясь превратить голод в своего союзника в борьбе против Советской власти. Ревкомы и комбеды, опираясь на продовольственные отряды, проводили операции по изъятию излишков хлеба, запрещали частную торговлю им, занимались организацией деревенской бедноты, оказывали ей помощь. Советы и ревкомы выступали инициаторами создания первых советских хозяйств (совхозов, коммун) в деревне. К февралю 1919 г. в стране насчитывалось уже до 2 тыс. сельскохозяйственных артелей⁵⁵.

⁵⁰ «В грозные годы гражданской войны (1919—1920 гг.)», стр. 69.

⁵¹ В. И. Иванов. Советское строительство на Дону. 1920 г. Канд. дисс. Ростов-на-Дону. 1969, стр. 174.

⁵² ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 19, л. 71; «Советский юг», 9.XI.1920.

⁵³ ЦГАСА, ф. 25986, оп. 3, д. 588, л. 8.

⁵⁴ Государственный архив Ставропольского края, ф. 3146, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁵⁵ Я. Л. Ниренбург. Из истории борьбы Коммунистической партии за социалистическое преобразование сельского хозяйства в 1919—1920 гг. «Труды» Ошского пединститута. Вып. III. 1959, стр. 102.

Особенно активизировалась деятельность ревкомов по претворению в жизнь декретов Советской власти в области сельского хозяйства после освобождения губерний и областей от врага. Ревкомы разъясняли аграрную политику Коммунистической партии, осуществляли практическое руководство процессом восстановления сельского хозяйства. Все их усилия были направлены на укрепление экономической базы сельского хозяйства. Особое внимание обращалось на сохранение от разорения помещичьих имений и строительство на их базе совхозов, агрономических участков, ферм, прокатных пунктов.

Важным моментом в аграрной политике было принятие в феврале 1919 г. положения ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». Организация советских хозяйств повсеместно обретала целенаправленный характер. В документе отмечалось, что советские хозяйства организуются для наивозможно большего увеличения производства продуктов путем поднятия производительности сельского хозяйства и расширения посевной площади, обеспечения условий для полного перехода к коммунистическому земледелию, создания и развития культурно-агрономических центров⁵⁶. В 1920—1921 гг. на Северном Кавказе, например, было создано 1754 коллективных хозяйства⁵⁷, в Сибири — 1130 сельскохозяйственных коммун и артелей⁵⁸. Коллективные хозяйства создавались Советами и ревкомом и в других районах страны. Советы и ревкомы на местах брали на себя учет продовольствия, контроль за его распределением. Благодаря принятым мерам потребляющие губернии России получили в первой половине 1919 г. 517 вагонов различных продовольственных грузов⁵⁹.

Продовольственная проблема была в центре внимания и ревкомов союзных республик. 27 января 1920 г. Всеукраинский ревком принял решение о введении в действие на территории республики продовольственного законодательства РСФСР. Это дало возможность увеличить продовольственную помощь братской России, способствовало укреплению союза республик в годы гражданской войны и в послевоенное время.

Советы и ревкомы сыграли важную роль в выполнении продразверстки, организовывали «недели продразверстки», мобилизуя для этого передовых рабочих, создавая «продовольственные тройки». Так, по указанию Кубано-Черноморского областного ревкома для проведения «недели продразверстки» в сентябре 1920 г. в округа было направлено 500 коммунистов (из Новороссийска — 150, Екатеринодара — 200, Лабинска — 150). В области действовали в это время 44 продотряда, в состав которых входили 1304 рабочих с предприятий Москвы и Петрограда⁶⁰.

Событием огромной важности явился X съезд партии (март 1921 г.), провозгласивший переход к новой экономической политике. Осуществляя это решение, Советское правительство приняло декрет «О замене продразверстки продналогом». Ревкомы приступили к претворению в жизнь нового декрета Советской власти. 21 июля 1921 г. декретом ревкома Грузинской ССР продналог на хлеб, продукты виноградарства, картофель и овощи, мясо, фрукты и молочные продукты был введен в Грузии. 27 июля 1921 г. Дагестанский ревком принял декрет о введении продналога на территории Дагестана. Такие же мероприятия проводились в Сибири и Белоруссии.

⁵⁶ «Сборник декретов и постановлений Советской власти по народному хозяйству». 1917—1919. М. 1940, стр. 57.

⁵⁷ П. В. Семернин. Первые шаги Донской областной организации в колхозном движении (1920—1921 гг.). «Ученые записки» Ростовского университета. Т. XXXI, вып. 1. Харьков. 1955, стр. 50—51.

⁵⁸ И. П. Ярко в. Первые колхозы Сибири (1918—1926 гг.). «Труды» Новосибирского института инженеров водного транспорта. Вып. 8. Новосибирск. 1960, стр. 51.

⁵⁹ «Экономическая жизнь», 29.VI.1919.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 291, л. 51; «Советский юг», 25.XI.1920.

Аграрные преобразования Советской власти способствовали значительным классовым и социальным изменениям на селе. Были подорваны основы помещичьего и кулацкого землевладения. Трудящиеся массы получили землю и под руководством Коммунистической партии приступили к строительству новой жизни.

Будучи органами власти трудящихся на местах, ревкомы проделали большую работу в области социального и культурного строительства, уделяли много внимания насущным нуждам трудящихся и улучшению их материального благосостояния. Под их руководством проводилось открытие столовых, организация пунктов питания, обеспечение нуждающихся материальными и денежными средствами. Так, Крымревком в 1921 г. выделил гражданскому населению области денежных пособий на сумму 200 млн. рублей, мануфактуры — 18 тыс. аршин, организовал питание 14 тыс. детей бедноты, открыл более 150 детских домов и садов⁶¹. Аналогичные мероприятия проводились ревкомы Поволжья, Сибири, Северного Кавказа.

Выступая в качестве чрезвычайных, временных органов диктатуры пролетариата, ревкомы обязаны были в процессе своей деятельности подготовить условия для выборов в Советы. Сразу же после окончания военных операций в центральных районах страны Совет Рабочей и Крестьянской Обороны 2 января 1920 г. постановил: «Ввиду изменения обстановки, исключающей необходимость иметь на местах параллельно действующие органы власти (Революционные комитеты, Исполнительные комитеты и военные комиссариаты), упразднить все губернские и уездные революционные комитеты, за исключением тех вновь освобожденных от неприятеля мест, где не учреждены еще нормальные правительственные органы»⁶². Однако к январю 1920 г. во многих районах страны Советская власть еще не окрепла, поэтому постановление фактически относилось лишь к ревкомам центра РСФСР.

В. И. Ленин проявлял большую заботу о том, чтобы на очищенной от неприятеля территории восстанавливались Советы. В записке наркому юстиции Д. И. Курскому в июле 1920 г. он писал: «Приняты ли меры к *немедленному* (1) созданию в освобожденных местах *Советской власти*; (2) созыву *съездов* Советов; (3) изгнанию *помещиков*, раздаче части их земель крестьянской бедноте, остальной *Советам батраков?*»⁶³.

В связи с трудными условиями гражданской войны и тяжелыми ее последствиями упразднение ревкомов не стало единовременным актом. Оно растянулось на довольно длительный период. Революционные комитеты совместно с партийными организациями руководили кампанией по выборам в Советы, проделали огромную работу по обеспечению победы на них действительных сторонников Советской власти, ограждали Советы от проникновения в них классовых врагов. Кампания по выборам в Советы превращалась на практике в школу политического воспитания масс. В конце 1919 — начале 1920 г. ревкомы были упразднены в губерниях центра и севера страны, в 1920—1921 гг. — на Украине, в Крыму, Поволжье, отдельных районах Северного Кавказа. Продолжительное время (до 1925—1928 гг.) они еще существовали в силу сложившихся условий в Ставрополье, Закавказье, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке.

В истории Советской республики ревкомы занимают особое место. Они являлись органами защиты интересов трудящихся масс и внесли весомый вклад в дело борьбы за упрочение власти Советов.

⁶¹ «Сборник отчетов отделов Крымревкома», стр. 270, 308.

⁶² СУ РСФСР, 1920, №№ 1—2, ст. 5.

⁶³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 231.

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 30-х — 80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Д. Исмаил-Заде

Переселение крестьян из внутренних губерний России на окраины страны относится к числу актуальных вопросов отечественной истории XIX века. Переселенческое движение было связано с развитием капитализма вширь, оно оказывало влияние на социально-экономические отношения не только на окраинах, но и в метрополии. В то же время крестьянская колонизация способствовала усилению связей русского народа с местным населением, что привело в дальнейшем к складыванию единого интернационального фронта классово-борьбы против эксплуататоров.

Однако если современная историография располагает значительным количеством работ по истории переселений в такие районы, как Предкавказье, Сибирь, Средняя Азия и Казахстан¹, то применительно к Закавказью данный вопрос остается пока не исследованным. В качестве исключения могут быть названы работы, в которых о первых русских переселенцах в Закавказье (а в 30-е—80-е годы XIX в. основной контингент их составили сосланные туда крестьяне — раскольники и сектанты) говорится в связи с изучением истории религиозного сектантства. Так, в книге А. И. Клибанова в главах, посвященных сектам духоборов и молокан, определенное место отведено экономическому развитию и социальным противоречиям в духоборческих и молоканских поселениях Закавказья в XIX — начале XX века. В аналогичном аспекте, но на более локальном материале написана работа З. И. Поракишвили. Сведения о русских переселенцах в Грузии и Армении в первой половине XIX в. содержатся и в книгах И. Г. Антелавы и В. А. Парсамяна. Можно упомянуть также статью Г. А. Оруджева, содержащую перечень русских поселений на территории Азербайджана².

Что касается историографии досоветской, то и здесь трудно указать работу, которую можно было бы отнести к числу специальных исследо-

¹ См. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 1957; Л. Ф. Скляр. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. 1962; В. А. Степанын. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск. 1962; С. А. Чекушев. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск. 1967; «Казахстан в канун Октября». Алма-Ата. 1968; К. П. Тен. Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. «История СССР», 1970, № 4; А. А. Шацкий. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. «Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России». Ставрополь. 1970; Н. Н. Канода. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.). Ашхабад. 1973.

² А. И. Клибанов. История религиозного сектантства в России. М. 1965; И. Г. Антелава. Государственные крестьяне Грузии в XIX веке. Т. I. До крестьянской реформы 1864 г. Тбилиси. 1969, стр. 19—20; Г. А. Оруджев. К истории образования русских поселений в Азербайджане. «Известия» АН АзССР. Серия истории, философии и права. 1969, № 2; З. И. Поракишвили. Духоборы в Грузии. Тбилиси. 1970; В. А. Парсамян. История армянского народа. 1801—1900 гг. Кн. I. Ереван. 1972, стр. 109—110.

ваний по истории переселения русских крестьян в пределы Закавказья, хотя в дореволюционной литературе и встречались сведения о закавказском направлении переселений. Но это относилось главным образом к тому периоду в переселенческом движении (с конца XIX в. и особенно в годы столыпинской аграрной реформы), когда оно приобрело широкий размах и в общественных кругах назрела потребность осмыслить данное явление³.

Первые отклики на появление переселенцев в Закавказье содержались в периодической печати в виде серии статей-обзоров об их поселениях: наименовании, расположении, примерной численности жителей, некоторых чертах их быта и т. п.⁴ Следует также отметить статьи секретаря елисаветпольского губернского статистического комитета, основанные на личных наблюдениях и содержащие добротный фактический материал⁵. Особую группу составляют очерки и статьи, в которых история возникновения русских поселений в Закавказье трактуется в шовинистически-русификаторском духе⁶. Эти работы могут быть использованы при условии критического анализа приводимого в них материала.

В свете сказанного понятно, какая огромная роль принадлежит различного рода источникам об истории первых русских поселений в Закавказье. Отметим следующие их группы: во-первых, документальные материалы, опубликованные в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (под ред. А. Берже), содержащие сведения о районах расселения, численности переселенцев, а также правительственных мероприятиях по отношению к ним; во-вторых, материалы законодательного характера, позволяющие проследить эволюцию политики самодержавия по определению статуса раскольников и сектантов в Закавказском крае; в-третьих, статистико-демографические материалы, камеральные описания, списки населенных мест и т. п., собранные как местной администрацией, так и правительственными ведомствами (министерство государственных имуществ и др.); в-четвертых, архивные документы, отразившие разнообразные моменты хозяйственной, социально-экономической и политической истории переселенцев. Из всех этих материалов здесь следовало бы выделить отчет М. П. Позена «О русском населении Закавказья» (в котором приводятся данные о численности русских в Закавказье, их контингенте), а также ряд документов, находящихся в ЦГИА СССР, ЦГИА Азербайджанской и Грузинской ССР.

В настоящей статье ставится задача осветить начальный этап переселения русских в губернии Закавказья, определить их численность и места размещения, а также раскрыть сущность переселенческой политики царизма в этом крае в 30-х—80-х годах XIX века.

Указанные хронологические рамки выбраны не случайно. К 30-м годам относится появление первых русских переселенцев в Закавказье, когда царизм превратил этот край в один из основных районов, куда ссылались крестьяне-раскольники и сектанты. Однако политика самодержавия в вопросе переселения русских в Закавказье в дальнейшем претерпела значительную трансформацию. В 80-х годах XIX в., когда

³ См., например, работы А. А. Кауфмана: «Переселение и колонизация». СПб. 1905; «Переселение и его роль в аграрной программе» («Аграрный вопрос». М. 1905), «Русская община в процессе ее зарождения и роста». М. 1908, и др. Исчерпывающую характеристику взглядам А. А. Кауфмана на переселенческий вопрос дал В. И. Ленин (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 224, 226—227, 229, 336, 405).

⁴ «О русских переселенцах в Закавказском крае». Газета «Кавказ», 1850, № 32; Н. Истомин. Две недели в Славянке. Там же, 1858, №№ 13, 15; К. С.-А. Русские раскольники, поселенные в Бакинской губернии. Там же, 1868, №№ 9—10.

⁵ И. Л. Сегаль. Русские поселенцы в Елисаветпольской губернии (Статистико-этнографический очерк). «Кавказ», 1890, №№ 40—43.

⁶ К. Бороздин. Переселенцы в Закавказье. «Русский вестник». 1891, т. 215; А. П. Липранди. Кавказ и Россия. Харьков. 1911; Н. Шаповалов. Русская колонизация на Кавказе. «Вопросы колонизации». Т. 8. СПб. 1911.

переселенческая политика стала осуществляться в общеперском масштабе, Закавказью отводится одно из ведущих мест среди других районов Кавказа.

Как известно, более ранней колонизации было подвергнуто степное Предкавказье (начиная с конца XVI в.)⁷. Позже стали осваиваться и другие районы Кавказа. До окончательного присоединения территории Закавказья к России (1828—1829 гг.) экономическое значение отдельных его районов, например, восточного, не осознавалось достаточно ясно ни правительством, ни местной кавказской администрацией; преобладающими в правительственной политике оставались военно-стратегические соображения. Однако наиболее дальновидные политики уже тогда считали вполне своевременным и экономическое освоение края. С самого начала практические мероприятия царской администрации на Кавказе проводились в русле тех задач, которые впоследствии нашли свое оформление в правительственном курсе, отводившем Закавказью роль аграрно-сырьевого придатка⁸. При этом предпочтение отдавалось отечественной колонизации, хотя в первые годы после присоединения Закавказья были предприняты определенные меры по привлечению иностранных (главным образом немецких) колонистов⁹. Еще в начале века ставился вопрос о привлечении в край русского населения и даже были сделаны некоторые шаги в этом направлении.

А. П. Ермолов, занимавший пост главнокомандующего в Грузии и возглавлявший военную и гражданскую власть на Кавказе, предложил создать постоянные штаб-квартиры и хозяйства при них на присоединенных территориях (выбор мест, естественно, определялся соображениями исключительно стратегического порядка); в штаб-квартирах должны были располагаться военные подразделения из семейных солдат. «Это было,— писал русский военный историк В. А. Потто,— нечто вроде основания для солдат полуседлого, полуказацкого быта, который только один и мог придать непреодолимую крепость русским границам»¹⁰. Возведение штаб-квартир началось с Грузии — близ Гори, в Манглисе и ряде других мест, затем — недалеко от Эривани, в Карабахе — близ Шуши, около Дербента, и, наконец, близ г. Кубы¹¹. Однако реализация проекта А. П. Ермолова не могла дать значительных результатов. Со временем военное и частично полувоенное население небольших штаб-квартир неминуемо должно было рассеяться, уехать на родину по окончании срока службы.

Автор одной из апологетических работ о колонизации Кавказа К. Бороздин склонен был связывать появление в крае переселенцев с размещением здесь отставных русских солдат, которых он называл «пионерами русской колонизации»¹². Между тем в литературе упоминается лишь одно поселение подобного типа — Хан-Кенды в Шушинском уезде. Составитель упоминавшегося уже описания русских поселений в Елисаветпольской губернии И. Л. Сегаль (в серии работ такого рода оно должно быть отнесено едва ли не к лучшим) дает следующую характеристику этому поселению: «Селение Хан-Кенды (скорее урочище) образовано из отставных солдат, а также из членов их семей, не пожелавших по отбытии срока службы вернуться на родину»¹³.

⁷ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 18—20.

⁸ См. об этом подробнее: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960; З. В. Анчабадзе. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси. 1966. стр. 33—37.

⁹ Г. Х. Манджгаладзе. Немецкие колонисты в Закавказье (1817—1920 гг.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси. 1970.

¹⁰ В. А. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2, вып. 4. СПб. 1886, стр. 680.

¹¹ Там же, стр. 681—682.

¹² К. Бороздин. Указ. соч., стр. 123, 135—137.

¹³ И. Л. Сегаль. Указ. соч. «Кавказ», 1890, № 40.

В 1837 г. была сделана еще одна попытка создать военные поселения в Закавказье. По распоряжению Николая I в крае (Манглисе, Елисаветполе, Цалке, Белом Ключе и Лагодехе) были образованы военные колонии. Цель их устройства заключалась в том, чтобы увеличить русское население, обеспечить безопасность границ, способствовать развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности края¹⁴. Однако своего назначения эти колонии не выполнили и впоследствии, в 1857 г., были переведены в казенное ведомство под начало Экспедиции государственных имуществ за Кавказом¹⁵.

Начало законодательно оформленному водворению русских переселенцев на территории Закавказья было положено в 1830 г.: 20 октября последовало первое правительственное распоряжение о переселении раскольников и сектантов в так называемые Закавказские провинции¹⁶. До этого основным местом ссылки раскольников и сектантов на юге России был Новороссийский край. Таким путем правительство и официальная церковь вели борьбу с частью русского крестьянства, выступавшей нередко носителем антифеодальных настроений в дореформенной деревне¹⁷. В основном это были представители сект преимущественно духовоборов, молокан, меньше — субботников, прыгунов, скопцов. Выселялись они из губерний: Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Астраханской, Самарской, Пензенской, Рязанской¹⁸ — словом, из тех мест, где то или иное направление религиозного сектантства получило наибольшее распространение.

Согласно указу, переселение производилось на следующих основаниях: крестьянина, признанного по суду виновным в распространении ереси и привлеченного к ней других, отдавали в солдаты на службу в Кавказский корпус. Неспособных же к несению военной службы, равно как и женщин, отсылали для водворения в Закавказские провинции. Будучи мерой исключительно судебно-карательного значения, указ содержал статьи относительно правового статуса переселяемых. Определять, где размещать вновь прибывших, должна была местная администрация, учитывая как интересы заселения края, так и необходимость пресечения раскола¹⁹. Однако с самого начала местная администрация старалась всячески препятствовать устройству в крае русских переселенцев. Запретительные тенденции, возникшие в начале 30-х годов XIX в., за исключением небольших периодов, и в дальнейшем отличали политику царской администрации на Кавказе в переселенческом вопросе.

В 1832 г. главноуправляющий в Грузии и областях Закавказских и Кавказа барон Г. В. Розен обратился к министру внутренних дел по поводу устройства группы молокан из Тамбовской губернии. Запрос этот возник в связи с распоряжением, сделанным его предшественником — И. Ф. Паскевичем-Эриванским и заключавшимся в том, чтобы всех высылаемых в Закавказский край «духоборцев и прочих сектантов» селить в Карабахской провинции²⁰. Трудно сказать, почему Паскевичем был избран именно данный район. Во всяком случае, распоряжение его вызвало возражение Розена, выдвинувшего ряд соображений общего

¹⁴ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее — АКАК). Т. XII, ч. II. Тифлис. 1904, стр. 1349.

¹⁵ ПСЗ (собр. 2-е). Т. 32, отд. I. СПб. 1858, № 32068.

¹⁶ ПСЗ. Т. 5, отд. I. СПб. 1831, № 4010.

¹⁷ «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — писал В. И. Ленин, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России» (В. И. Ленин, ф. ПСС. Т. 4, стр. 228).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 56. Более подробно см. об этом: К. С.-А. Указ. соч.; И. Л. Сегаль. Указ. соч.; З. И. Порякишвили. Указ. соч.

¹⁹ ПСЗ. Т. 5, отд. I, № 4010, пп. 1—3.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 791, журнал заседаний, 1832, ноября 29, ст. 1958. Приложения, л. 287.

порядка о расселении в крае русских. Розен предлагал прежде всего не переселять лиц, не занимавшихся хлебопашеством, или же селить последних для «торгового промысла» в городах, где преобладает армянское население, дабы не склонять к расколу нижних воинских чинов, расквартированных в некоторых местных городах. Вообще же он считал, что следует запретить переселение раскольников и сектантов в Закавказский край, поскольку оно не принесет пользы ни государству, ни краю, «стеснит коренных жителей относительно их кочевьев и пастьб»²¹.

На основании выдвинутых Розеном соображений министр финансов Е. Ф. Канкрин следующим образом сформулировал вопросы, требующие незамедлительного решения: допускать ли раскольников в Закавказские провинции согласно закону 1830 г. или приостановить переселение, поскольку местная администрация в лице главноуправляющего признает это опасным и неудобным; если позволить переселяться, то на каких основаниях; следует ли причислять к городам для торгового промысла лиц, не занимавшихся хлебопашеством²². Предложения Розена послужили поводом для специального обсуждения вопроса «касательно поселения раскольников в Закавказских провинциях» в Комитете министров 29 ноября 1832 года. В результате было принято решение, которое всецело предоставляло главноуправляющему Закавказским краем право решать вопрос о размещении в нем переселенцев. При этом было учтено высказанное Розеном соображение по поводу расселения их в разных районах. Для тех, кого высылали в судебном порядке, администрация должна была подготовить соответствующие места, что же касается переселяющихся добровольно для «соединения со своими единомышленниками», то они должны были сами заботиться об устройстве. Лиц, не занимавшихся хлебопашеством, было признано более правильным не приписывать к городам, а размещать изолированно от местного населения, о чем им должно быть объявлено предварительно²³.

В 1837 г. законоположение 1830 г. было дополнено новым указом — «О разрешении субботникам Кавказской области переселяться в Закавказские провинции», расширившим также доступ сюда для русских переселенцев из соседних кавказских областей²⁴. Поскольку существовавший для сектантов паспортный режим ограничивал их передвижение с одного места на другое в поисках заработка, то было решено впредь не препятствовать их переездам в тех случаях, когда открывалась возможность освоения новых районов.

Местная администрация вначале предполагала поселять раскольников и сектантов отдельными деревнями вдали от городов²⁵. Затем, в связи с предоставлением им льгот в 1848 г., было признано возможным, чтобы они обосновывались также и в городах²⁶.

Временем, от которого обычно ведется «летосчисление» первых русских переселенцев на территорию Азербайджана, принято считать 1838 год, когда здесь была образована деревня Вель в Ленкоранском уезде²⁷. Однако существуют работы, в которых рядом с датой основания этой деревни указывается, что размещение русских в Азербайджане началось уже в 1834 г.²⁸ и даже в 1832 году²⁹. Более того, эти сведения

²¹ Там же, л. 290.

²² Там же, лл. 291—292.

²³ Там же, лл. 296—297.

²⁴ ПСЗ. Т. 5, отд. 2. Приложение. СПб. 1840, № 10093а.

²⁵ К. С.-А. Указ. соч.

²⁶ ПСЗ. Т. 23, отд. 2. СПб. 1849, № 22806.

²⁷ Н. Шавров. Указ. соч., стр. 138; С. Т. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис. 1890, стр. 12; «Списки населенных мест Российской империи». Бакинская губерния (по сведениям с 1859 по 1864 гг.). Т. 65. Тифлис. 1870, стр. 84—85 и др.

²⁸ А. П. Липранди. Указ. соч., стр. 136.

²⁹ К. С.-А. Указ. соч.

конкретизируются указанием мест их поселения — Шемахинский и Шушинский уезды (согласно административно-территориальному делению несколько более позднего времени). По-видимому, в данном случае речь идет о первых молоканах (40 дворов), обосновавшихся в самом начале 30-х годов XIX в. в местности Базар-чай в Зангезурском уезде. Но вследствие того, что саранча истребила весь их урожай, в 1833 г. молокане в полном составе переместились в Джебраильский уезд, основав там деревню Карабулаг³⁰. К сожалению, мы не располагаем никакими другими материалами для подтверждения сведений относительно времени появления русских на территории Шемахинского и Шушинского уездов. Но, очевидно, первые поселения раскольников и сектантов возникли в Азербайджане все же ранее 1838 года. Таким образом, начало 30-х годов можно считать крайней хронологической гранью при определении начала переселения русских в Закавказье.

По сведениям анонимного корреспондента газеты «Кавказ», расселение раскольников и сектантов в Закавказье при первоначальном их водворении там в 30-х—40-х годах XIX в. выглядело следующим образом. Наибольшее число поселений было сконцентрировано в пределах Шемахинской губернии — 19 деревень; в Тифлисской губернии их было 9 (в г. Тифлисе — 2 и Елисаветпольском уезде — 7, не считая четырех хуторов на землях кн. Орбелиани); в Эриванской губернии — 6 деревень. Всего в Закавказском крае, по данным на 1 января 1849 г., числилось русских переселенцев 3 259 семей, или 19 351 душа обоюбого пола³¹. Более конкретные данные содержатся в рапорте статс-секретаря М. П. Позена (1844 г.), основанном на сведениях, которые были представлены главноуправляющим Закавказским краем. Рапорт был озаглавлен: «О русском населении Закавказья»³². По сообщению Позена, русское население края делилось на две категории: раскольников (под ними подразумевались не только старообрядцы, но и сектанты), водворяемых сюда принудительно, по распоряжению царского правительства, или ссылаемых по судебным приговорам, и на лиц разного звания, переселившихся добровольно в разное время из внутренних губерний.

Распределялось русское население в Закавказье к 1844 г. следующим образом: раскольников и сектантов 8 618 человек (6 811 человек в Каспийской области и 1 807 человек в Грузино-Имеретинской губернии³³), из них 4 276 душ мужского пола. Прочих лиц русского населения (казенные и вольноотпущенные крестьяне, крепостные крестьяне, мещане, купцы) было 1 740 душ мужского пола (Каспийская область — 1 483 души мужского пола, Грузино-Имеретинская губерния — 257 душ мужского пола). В целом в Закавказском крае русских числилось 6 016 душ мужского пола, что составляло около 0,8% мужского населения Закавказья, определенного местной администрацией примерно в 770 тыс. человек³⁴.

Данные рапорта Позена в целом подтверждаются материалами других документов о числе русских в Закавказском крае и по общей их численности, и по отдельным категориям. Так, согласно «Ведомости

³⁰ И. Л. Сегаль. Указ. соч.

³¹ «О русских переселенцах в Закавказском крае». «Кавказ», 1850, № 32.

³² ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390. М. П. Позен в 1837 г. был назначен управляющим делами Комитета по устройству Закавказского края, участвовал в составлении проекта Положения об управлении Закавказским краем, в 1843 г. — управляющий VI временным отделением собственной его императорского величества канцелярии, где сосредоточивались дела по Закавказью («Русский биографический словарь». Т. 14. М.-СПб. 1905). В 1842 г. М. П. Позен был послан ревизовать Закавказский край (ЦГИА СССР, ф. 1269, оп. 1, д. 227, лл. 6, 7), следствием чего и явился указанный рапорт (ГПБ. Отдел рукописей, Г. IV, лл. 296—296 об., 298—298 об.).

³³ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 57.

³⁴ В рапорте также сообщается о 1092 душах мужского пола русских, перешедших в Каспийскую область, но еще не учтенных при подсчете итоговых данных.

о числе и социальном составе переселенцев в Закавказье» (1844 г.), насчитывалось 1740 душ мужского пола крепостных и вольноотпущенных крестьян, купцов, мещан и т. д.³⁵ Цифры о числе переселенцев-раскольников Каспийской области (1844 г.) также свидетельствуют в пользу данных Позена — 1747 душ обоего пола³⁶. Правда, другой источник, отражающий расселение раскольников и сектантов в Каспийской области в период 1830—1844 гг., показывает цифру несколько иную — 8361 душа обоего пола. Эта цифра, во-первых, — округленная, а во-вторых, с учетом переселенцев и Грузино-Имеретинской губернии, фигурировала в записке министра государственных имуществ, которая обсуждалась на заседании Кавказского комитета 29 ноября 1845 г., где указывалось: с 1830 по 1845 г. в Закавказский край было переселено до 10 тыс. душ обоего пола³⁷.

Более полные и точные сведения, на основе которых можно выяснить численность русского населения в Закавказье к середине XIX в., содержались в отчете Экспедиции государственных имуществ при главном управлении Закавказского края за 1854 год. Согласно данным отчета, русских переселенцев, размещенных в 56 селениях, было 3 680 семей. По отношению ко всему населению края, находившемуся в ведомстве государственных имуществ (194 611 семей), это давало всего 1,9%. Основная масса переселенцев — это раскольники и сектанты. 3 524 семьи их размещались в 50 селениях и 297 семей в городах³⁸. Надо отметить, что эти цифры корректируются сведениями из рапорта кавказского наместника за 1851 г., согласно которому русских поселенцев, прибывших в Закавказский край из внутренних губерний России, насчитывалось 3660 семей и проживали они в 45 селениях³⁹.

Первоначально значительных переселений в Закавказье не ожидалось, и поэтому план расселения не был подготовлен. В связи с этим прибывшие оказывались в тяжелом положении. Как правило, им отводились малопригодные в климатическом, топографическом и хозяйственном отношении земли; нередко их земельные участки оказывались либо собственностью частных лиц, либо являлись спорными. С самого начала это служило источником постоянных миграций переселенцев по территории края. Лишь после учреждения в 1846 г. Комиссии по устройству поселений делается попытка упорядочить дело размещения в крае русских⁴⁰. В связи с созданием 21 декабря 1849 г. Экспедиции государственных имуществ, непосредственно подчиненной кавказскому наместнику, комиссия эта была ликвидирована и функции ее переданы губернским и уездным управлениям государственных имуществ⁴¹. Выработанные экспедицией «Правила по водворению и устройству вновь прибывших в Закавказский край русских переселенцев» сводились к организации своевременной информации об их приезде. Поскольку лица, отправленные в Закавказье, прибывали двумя путями — через Тифлис

³⁵ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане». Ч. II. М.-Л. 1937, стр. 271.

³⁶ Там же, стр. 272.

³⁷ АКАК. Т. X. Тифлис. 1885, док. 293, 97.

³⁸ Там же, док. 82. Эти данные, однако, не совпадают с материалами «Статистических очерков некоторых городов Кавказа и Закавказского края» (середины 50-х годов XIX в.). «Кавказский календарь» на 1852—1856 годы. Итоговые цифры о численности раскольников и сектантов не подтверждаются данными самих ведомостей. Согласно им, по Тифлисскому уезду было раскольников и сектантов 801 душа обоего пола, но не показано ни одной деревни, по Елисаветпольскому уезду — 4 124 души обоего пола и лишь 5 деревень и, наконец, по Шемахинской губернии — 6 118 душ обоего пола, сосредоточенных в 12 деревнях. По Эриванской же губернии не было учтено ни одного русского поселения («Кавказский календарь на 1854—1856 гг.).

³⁹ ЦГВИА СССР, ф. 38, оп. 30/286, св. 855, л. 108 об

⁴⁰ «О русских переселенцах в Закавказском крае».

⁴¹ ПСЗ. Т. 24, отд. 2. СПб. 1850. № 23753; ЦГИА АзССР, ф. 44, оп. 2. д. 20, лл. 1—1 об.

и Шемаху, то после получения экспедицией сведений от министра государственных имуществ и губернаторов внутренних губерний надлежало поставить в известность о числе отправляемых управления государственных имуществ при губернских правлениях Тифлисской и Шемахинской губерний. В случае, если крестьяне приезжали в край без предварительного извещения, они вносились в особый реестр⁴².

Сосланные в Закавказье переселенцы облагались таким же податным окладом, как и местные жители. Льгота предоставлялась лишь тем русским крестьянам, которые переселялись не в судебном, а в обычном порядке. Из 1 092 душ мужского пола, переселившихся в Каспийскую область, 1 035 была предоставлена льгота в окладе податей⁴³. Правда, трудно судить, на каком основании эти крестьяне пользовались льготой, поскольку неизвестны причины, побудившие их переселиться. Русские крестьяне в Закавказье облагались следующими податями: казенные — по 3 руб. серебром с семьи, а помещичьи — по 95 коп. с души⁴⁴.

В начале 40-х годов XIX в. предпринимаются попытки выяснить реальные возможности края с точки зрения размещения в нем переселенцев и соответственно пересмотреть правила о переселении. По инициативе министерства государственных имуществ были собраны сведения о подходящих местах для размещения русских⁴⁵. Наиболее пригодными были признаны земли, расположенные в восточной части Закавказья, в провинциях Карабахской, Ширванской, Шекинской и в Талышинском ханстве. В связи с тем, что площадь казенных земель края не была еще определена, министр государственных имуществ П. Д. Киселев предложил ограничить переселение определенным количеством семей (от 200 до 300 ежегодно) и предварительно согласовать этот вопрос с местным начальством. 14 декабря 1842 г.⁴⁶ были выработаны новые правила о переселении малоземельных государственных крестьян из внутренних губерний России, конкретизированные последующей инструкцией местной администрации от 2 мая 1843 года⁴⁷.

Однако с самого начала реализации правил 1842 г. кавказская администрация проявляет нежелание принимать очередные партии переселенцев. В частности когда в 1844 г. несколько сот молочан получило разрешение на переселение (на основании вышеуказанных правил), то возглавлявший в то время военную и гражданскую власть на Кавказе А. И. Нейдгардт решительно воспротивился и обратился к П. Д. Киселеву с просьбой приостановить переселение раскольников и сектантов в Закавказье впредь до выяснения размеров казенных земель. Вместе с тем А. И. Нейдгардт считал вполне возможным и рациональным размещать переселенцев на землях, принадлежащих частным лицам, в связи с чем он и рекомендовал П. Д. Киселеву обратить внимание на проект кн. Чавчавадзе. Но идея размещения переселенцев на помещичьих землях показалась тогда Киселеву почти невероятной и, стоя на страже интересов ведомства государственных имуществ, он категорически возражал против предложения Нейдгардта. Аргументация его заключалась в следующем: в силу существующих постановлений государственные крестьяне должны иметь земли казенные, к которым они приписываются и с которых платят в казну оброчные подати даже в том случае, если у них есть собственные, купленные земли⁴⁸.

Вопрос о размещении русских на землях местных помещиков вскоре вновь возник в связи с устройством очередной партии переселенцев

⁴² ЦГИА АзССР, ф. 44, оп. 2, д. 20, л. 3.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 56.

⁴⁴ Там же, л. 57.

⁴⁵ АКАК. Т. X, док. 95.

⁴⁶ Дополнение ко второму полному собранию законов Российской империи. Ч. I. СПб. 1855. Дополнение к 17 тому, № 16336 б.

⁴⁷ АКАК. Т. X, док. 95.

⁴⁸ Там же.

в Мегрелии. В ноябре 1845 г. в Кавказском комитете он подвергся все-стороннему обсуждению. Комитет положительно отнесся к планам переселения русских крестьян в Закавказский край, так как это содействовало бы как «упрочению там русского владычества и к слиянию края с империей, так и особенно в промышленном отношении, усиливая по возможности промышленную деятельность края и распространяя разные, почти неизвестные прежде, отрасли сельского хозяйства»⁴⁹. Следует обратить внимание на высказанную кавказским наместником М. С. Воронцовым оценку позитивных последствий водворения в крае русских переселенцев. Несмотря на весьма малый срок их пребывания, стали очевидными некоторые новые черты в хозяйстве и бытовом укладе местного населения (появились извоз и извозчики, занимавшиеся перевозкой клади, плотники и другие мастеровые).

В связи с тем, что количество желающих переселиться в край все возрастало, а земли оставались неразмежеванными, усиливались трудности в размещении переселенцев. Опять встал вопрос о возможности расселения их на частных землях. Но, поскольку казна не могла пойти на приобретение в свою собственность пустующих частных земель, представлялось желательным устройство крестьян на условиях, которые были предложены правителем Мегрелии кн. Дадияни и сводились к тому, чтобы переселенцы, оставаясь на правах казенных крестьян, отбывали в пользу владельца определенные повинности. Аналогичный прецедент уже имел место, когда в соответствии с правилами 1842 г. «Обществу распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности» с согласия правительства было разрешено селить на принадлежавших ему землях молочан.

В результате ряда высказанных при обсуждении мнений и внесенных коррективов Кавказский комитет принял решение, впоследствии, с 1845 г., приобретшее силу закона⁵⁰, о том, что государственным крестьянам, принадлежавшим к разного рода сектам, которые желают переселиться в Закавказский край, разрешено жить в Мегрелии на положении государственных крестьян. Поселенцам отводились земли (под усадьбу, огороды, виноградники, хлебопашество, сенокосные угодья и выгоны для пастьбы скота) не выше 10 дес. на ревизскую душу, а их повинности и льготы регламентировались. Правительство, а точнее, местные помещики довольно скоро пришли к мысли о возможности использовать в своих хозяйствах труд переселенцев. Выработанный для них статус хотя формально и оставлял их на положении государственных крестьян, но в податном и правовом отношении ставил в зависимость от помещика. Что касается ограничений в передвижении раскольников и сектантов, то они были продиктованы стремлением не допускать распространения их влияния в крае.

Условия, определившие положение крестьян, которые размещаются на помещичьих землях в Мегрелии, свидетельствуют о том, что в отношении правительства к переселенцам уже произошли некоторые изменения. Более отчетливо они проявились к концу 40-х годов XIX в., когда на смену ограничительной политике приходит поощрительная. Правительство надеялось на то, что русские крестьяне будут способствовать упрочению позиций царизма в крае. Поэтому 9 декабря 1848 г. был издан указ «О льготе раскольникам, переселяющимся в Закавказский край». Льгота от платежа податей и повинностей на 8 лет предоставлялась тем, кто переселялся не по суду, а добровольно⁵¹. Указом от 21 декабря 1849 г. раскольники, переселявшиеся добровольно в Закавказский

⁴⁹ Там же, док. 97.

⁵⁰ Дополнение ко второму полному собранию законов Российской империи. Ч. II. СПб. 1855. Дополнение к 20 тому, № 19487 а.

⁵¹ ПСЗ. Т. 23, отд. 2, № 22806.

край, были уравнены в правах с малоземельными государственными крестьянами, которые располагались в так называемых многоземельных местах. Основанием для этого послужили правила 1843 г., определившие льготный статус переселявшихся государственных крестьян: наряду с подушевым наделом земли им разрешалось отводить семейные участки — от 30 до 60 дес. на семью; они на 8 лет освобождались от платежа податей и повинностей, от воинского постоя и пользовались рядом других льготно-поощрительных условий (денежная ссуда, бесплатный отпуск леса для первоначального озбавления, снабжение общественными земледельческими орудиями и т. п.)⁵².

Таким образом, переселению в Закавказский край русских крестьян, обвинявшихся в расколе и сектантстве и ранее ссылавшихся туда в судебном порядке, было придано совершенно иное значение. Расширение прав исключало их из категории людей гонимых и приравнивало к той части русского населения, которая должна была стать, по мнению царизма, его оплотом на окраинах. Об этом свидетельствовали следовавшие один за другим указы, в которых отличие раскольников и сектантов от иных категорий русского населения все больше нивелировалось. Наконец, указом от 28 мая 1858 г., разрешавшим размещать в Закавказском крае на владельческих землях не только немецких колонистов, но и всех других переселенцев, какого бы вероисповедания они ни были⁵³, правительство фактически расширило сферу действия правил 1845 г. о русских переселенцах Мегрелии, распространив их на весь Закавказский край. Этими законодательными актами завершается тот период в правительственной политике по отношению к русским переселенцам в Закавказье, начало которому было положено в 30-х годах XIX века.

Однако все перечисленные выше изменения касались лишь раскольников и сектантов. В отношении же иных категорий населения, переселявшегося на Кавказ, главным образом крестьян, правительство придерживалось сугубо ограничительных позиций. Так, отпущенным на волю крепостным крестьянам из внутренних губерний России разрешалось переселяться лишь при условии зачисления их в кавказские казачьи войска⁵⁴.

В конце 40-х годов XIX в. чиновником министерства финансов Ю. А. Гагемейстером, состоявшим при кавказском наместнике и непосредственно занимавшимся русскими переселенцами, был поднят вопрос об орошении свободных земель в восточном Закавказье с целью наилучшего устройства переселенцев. Размещение их на территории Азербайджана происходило с самого начала за счет пастбищных земель местного кочевого населения. В силу специфики форм землевладения и землепользования в кочевом хозяйстве местная администрация считала эти земли свободными и потому пригодными для колонизации. Об этом свидетельствует следующий факт, нашедший свое отражение в одном из законодательных актов о немецких колонистах. Когда в 1843 г. 70 семей вюртембергских немцев попросили разрешения поселиться в урочище Маразы, близ Шемахи, то это место было рекомендовано в качестве свободного, так как оно представляло собою пастбище кочевников⁵⁵. Занимаясь вплотную вопросами орошения безводных пространств Шемахинской губернии, в частности Ширванской степи, Ю. А. Гагемейстер предвидел те последствия, которые могли возникнуть при отводе земель кочевников для оседлого поселения. Об этом напоминали обострившиеся противоречия между местными крестьянами — кочевыми и оседлыми. «Потребность в земле,— писал Ю. А. Гагемейстер,— как для скотоводов, так и для земледельцев, производит уже частые между ними

⁵² Там же. Т. 18, отд. 1. СПб. 1844, № 16718.

⁵³ Там же. Т. 33, отд. 1. СПб. 1860, № 33213.

⁵⁴ «Свод законов Российской империи». Т. IX, кн. 1, разд. IV. 1842—1848 гг. СПб. 1872, §§ 1069, 1083.

⁵⁵ ПСЗ. Т. 17, отд. 1. СПб. 1843, № 15248.

столкновения. Недостаток ее обнаруживается всего более ныне при отыскании мест для водворения переселенцев из России. Поселение их необходимо стеснит кочующих, потому что все так называемые свободные земли Закавказья, если не бесплодны, служат для пастьбы скота»⁵⁶.

Размещение на территории Азербайджана русских переселенцев привело к появлению нового аспекта в правительственной политике в отношении местного кочевого населения. Беспокойство администрации вызывалось не только необходимостью рационально разместить в крае переселенцев с точки зрения их земельного обеспечения, но в немалой степени и взаимоотношениями последних с коренным населением. Чиновники местной администрации стали требовать введения каких-либо правил, регулирующих передвижение кочевников во время сезонных переходов с одних пастбищ на другие. Первым заговорил об этом тот же Ю. А. Гагемейстер, по распоряжению наместника в 1846 г. знакомившийся с бытом раскольников и ставший свидетелем их многочисленных жалоб на кочевников⁵⁷. Им был составлен проект особых правил и маршрутов для перехода кочевников с низменных мест в горы⁵⁸.

В это же время с аналогичным предложением выступил А. М. Фадеев, так же совершивший инспекторскую поездку по центральному Закавказью — Елисаветпольскому, Шушинскому и Александропольскому уездам, где он наблюдал аналогичную картину. В своем рапорте Фадеев отметил справедливость жалоб не только оседлого, но и кочевого населения, страдавшего «от ограничения их в пользовании летними пастбищами основанием русских поселений»⁵⁹. Фадеев считал «безотлагательным упорядочивание... кочевого быта», в частности путем введения специальных правил кочевания. Он рекомендовал ряд мер, действие которых должно было иметь силу на протяжении трех лет, после чего их следовало пересмотреть. Все они носили явно ограничительный характер (например, обособленность кочевников во время передвижения от окружающего населения, строгая регламентация срока стоянок для отдыха скота, учреждение разездов при русских селениях, плата за пастьбу скота во время вынужденных стоянок на землях русских переселенцев и т. д.).

Земли, отводимые русским переселенцам, как правило, отторгались от пастбищного фонда кочевников. Это подтвердилось при обсуждении проектов Фадеева и Гагемейстера, отданных по распоряжению кавказского наместника М. С. Воронцова на рассмотрение уездных начальников. Каждый из последних должен был «приложить» правила к местным условиям, чтобы составить наиболее приемлемые маршруты для кочевников. Многие из уездных начальников заявили о невозможности введения предлагаемых правил кочевания ввиду существовавших сложных земельных отношений, топографических трудностей и т. д.

Переселенческая политика самодержавия в дореформенный период не была однородной в разных частях Кавказа⁶⁰. Для Северного Кавказа

⁵⁶ ЦГИА АзССР, ф. 65, оп. 1, д. 6, лл. 10—11; см. также ф. 32, оп. 1, д. 270, лл. 4—6, 11—12.

⁵⁷ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 52, лл. 68—69.

⁵⁸ Там же, л. 62.

⁵⁹ Там же, лл. 51 об., 55.

⁶⁰ К освоению Западного Кавказа — Черноморского побережья — царское правительство приступило лишь в пореформенное время, после окончания военных событий на Кавказе. Создание Черноморского округа и утверждение Положения о его заселении (1866 г.) открывало возможности для колонизации этой части территории Кавказа (главным образом районов Анапы и Новороссийска), хотя еще раньше, после утверждения Адрианопольского мирного договора (1829 г.) был создан ряд военных крепостей на так называемой Черноморской береговой линии (ПСЗ. Т. 41, отд. 1. СПб. 1868, № 43093; А. В. Верещагин. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат. СПб. 1885, стр. 2). Закон 1832 г. разрешал «желающим людям свободного состояния», казакам, казенным крестьянам селиться на северо-восточном берегу Черного моря и в бухтах Сунджук-Калеской и Геленджикской (ПСЗ. Т. 7, СПб. 1833, № 5275).

(Предкавказья) была свойственна главным образом военно-казацкая колонизация и в меньшей степени — крестьянская. В дореформенный период этот район принадлежал к наиболее заселенным на Кавказе. Здесь прослеживается известная аналогия с тем, как происходило освоение Средней Азии и Казахстана на первых этапах присоединения их к России (Семиреченская область), где военно-казацкая колонизация стала сочетаться с крестьянской лишь с конца 60-х годов XIX века⁶¹. Что касается Закавказья, то освоение его осуществлялось преимущественно посредством высылки раскольников и сектантов, составлявших здесь основную контингент русских переселенцев.

В пореформенный период Кавказ (главным образом Предкавказье) становится одним из основных районов размещения крестьян из внутренних губерний России, хотя в царском законодательстве вплоть до 1881 г. не было общих правил, определявших порядок переселения. Исключение составляло «Положение» 19 февраля 1861 г., но и оно признавало право на переселение лишь за незначительной частью крестьян, которая не получила надела по реформе. В целом же, как известно, в переселенческом вопросе царское правительство по-прежнему стояло на ограничительных позициях, сохранив уголовные меры наказания не только за самовольное переселение, но даже за подготовку к нему без разрешения⁶². Тем не менее после реформы 1861 г. на территорию Предкавказья, прежде всего в Кубанскую область, устремилось большое количество крестьян, которых влекли легенды о неведомом крае⁶³, получившие широкое распространение в связи с периодическим усилением крестьянской колонизации и переселенческого движения вообще⁶⁴. Окончание военных действий на Кавказе, в свою очередь, побудило царизм к его скорейшему освоению. В «Положении о заселении предгорий Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. эта цель была ясно сформулирована⁶⁵. Оно явилось первым законодательным актом, который в пореформенное время открыл Кавказ (правда, пока только один из его районов) для свободной крестьянской колонизации. Что касается Закавказья, то здесь по-прежнему основной контингент переселяющихся составляли раскольники и сектанты, которые приезжали с ведома и согласия правительства.

Распределение и численность русского населения Кавказского края по данным 1873 г.⁶⁶ выглядели следующим образом:

⁶¹ К. П. Тен. Указ. соч., стр. 144.

⁶² «Полный свод уголовных законов». Уложение о наказаниях. СПб.-М 1879, ст. 947, 948.

⁶³ Л. М. Мельников. Иногородние в Кубанской области. «Кубанский сборник». Т. VI. Екатеринодар. 1900, стр. 75.

⁶⁴ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М. 1967, стр. 238; см. также описанную К. В. Чистовым легенду об Анапе (стр. 309—311).

⁶⁵ ПСЗ. Т. 37. отд. I. СПб 1865, № 38256.

⁶⁶ Таблица составлена на основании данных камерального описания, проведенного на Кавказе в 1873 году. Цифры о русском населении извлечены из таблицы о народонаселении Кавказского края по народностям («Сборник сведений о Кавказе». Т. VII. Тифлис. 1880, стр. I—XXIX). Однако исчисления камерального описания нуждаются в специальной оговорке. По существующей традиции главное внимание уделялось исчислению дымов (единице обложения), определение же душевого состава отходило на второй план. Составление камерального описания производилось полицейскими чинами на основании опросов крестьян (см. А. В. Парвизкий. Численный состав государственных крестьян. «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т. II. Тифлис. 1887, стр. 85). Кроме того, в камеральном описании 1873 г. женская часть населения определялась по каждому дыму, как правило, огульно, неполно отражалась численность лиц неподатных сословий, неудовлетворительно обстояло дело с учетом неприписного населения и т. п. (см. об этом пояснительную записку главного редактора Кавказского статистического комитета Н. Зейдлица — «Сборник сведений о Кавказе». Т. IV Тифлис. 1878). Таким образом, данные описания 1873 г. следует считать заниженными. В статистике того времени украинцы и белорусы объединялись, как правило, в одну графу с русскими.

Губернии, области, округа, отделы	Все население	Русское население	Русское население по отношению ко всему (%)
Кубанская	843 247	733 007	86,9
Ставропольская	475 051	367 881	77,4
Терская	530 980	167 811	31,6
Всего на Северном Кавказе	1 849 278	1 268 699	68,6
Тифлисская	660 800	36 390	5,5
Бакинская *	540 773	18 229	3,4
Елисаветпольская	593 784	8 891	1,5
Дагестанская	481 524	4 727	1,0
Эриванская	547 693	4 525	0,8
Сухумский отдел	41 364	138	0,3
Кутаисская	570 691	1 158	0,2
Закатальский округ	68 839	-	-
Всего по Закавказью и Дагестанской обл.**	3 505 468	74 058	2,1
Черноморский округ	15 735	10 692	67,9
Итого	5 370 481	1 353 449	25,2

* В 1859 г. Шемахинская губерния была переименована в Бакинскую.

** Дагестанская область дается в границах административного деления 1860 года.

Таким образом, численность русского населения Закавказья оставалась незначительной — 2,1% по отношению ко всему его населению. Ведущее место в этом смысле занимала Тифлисская губерния, в которой русское население составляло 5,5%. В значительной степени это обусловливалось тем, что Тифлис являлся центром кавказского наместничества, где сосредоточивался весь административный аппарат, и доля русского городского населения здесь была относительно высокой.

В 1884—1885 гг. министерство государственных имуществ (к которому в 1883 г. были отнесены ведомства государственных имуществ Закавказского края) произвело обследование экономического положения государственных крестьян края в связи с предстоящим их поземельным устройством. Оно не ограничилось данными последнего по времени камерального описания (1873 г.), послужившими в качестве исходных, а дополнило их разнообразными сведениями, полученными из опросов складов и отдельных хозяев, метрических книг, списков населенных мест, окладных листов казенных палат, списков сельских обществ и т. п. «Без всякого сомнения,— писал один из составителей материалов обследования, А. В. Парвицкий,— сведения эти отличаются превосходством... Нельзя, однако, не указать, что если... сведения и отклоняются в ту или другую сторону.., то эти отклонения заключаются в таких ограниченных пределах, которые не могут особенно подрывать должного к ним доверия»⁶⁷. Таким образом, есть возможность судить о численности и удельном весе русских государственных крестьян в губерниях Закавказского края в годы, непосредственно предшествовавшие новому этапу в переселенческой политике самодержавия.

Из пяти подвергнутых обследованию губерний Закавказского края русские крестьяне были рассредоточены в Тифлисской, Бакинской, Ели-

⁶⁷ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 87.

саветпольской и Эриванской. Всего было обследовано 80⁶⁸ русских селений (это составляло 1,9% всех сельских поселений края⁶⁹, или 7 309 дворов⁷⁰. Общее число русских крестьян — 44 531 человек — составляло лишь 2,7% всех государственных крестьян края⁷¹. Как следует из материалов обследования, в абсолютном выражении наибольшее количество русских государственных крестьян проживало в Бакинской губернии — 17 675 человек, в относительном же на первом месте по их числу стояла Тифлисская губерния (5,2%). Среди государственных крестьян — русских по происхождению — доля лиц, принадлежавших к православной церкви, была сравнительно невысока: 10 432 человека против 34 099 раскольников и сектантов⁷². Следовательно, основной контингент переселенцев по-прежнему составляли крестьяне, сосланные по обвинению в ереси. Переселенческое движение крестьян, активно охватившее в пореформенный период районы Северного Кавказа, пока еще не коснулось по-настоящему Закавказского края.

Таковы в целом итоги начального периода переселения русских на территорию Закавказского края в 30—80-х годах XIX века. Качественно новый этап наступает в 80-х годах, когда массы крестьян из внутренних губерний России, а позднее и из районов Северного Кавказа, спасавшихся от растущего малоземелья, устремились в Закавказье. Аграрное перенаселение не только внутренних губерний России, но и некоторых районов самого Кавказа (прежде всего Кубанской области и Ставропольской губернии) вынудило царское правительство законодательно открыть для переселения Северный Кавказ и Закавказье (закон от 15 апреля 1899 г.).

Первые русские поселения в Закавказье сыграли большую роль в хозяйственной, социально-экономической и политической жизни Закавказья. Выходцы из центральных районов страны слились с населением края, и их дальнейшее развитие проходило во взаимовлиянии во всех сферах жизни и деятельности.

⁶⁸ Сюда включены два селения Горийского уезда Тифлисской губернии со смешанным населением (С. П. Зелинский. Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян. «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т. II, стр. 4).

⁶⁹ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 110—112.

⁷⁰ С. П. Зелинский. Указ. соч., стр. 4.

⁷¹ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 187.

⁷² С. П. Зелинский. Указ. соч., стр. 58.

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1875—1878 гг. И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Академик А. Л. Нарочницкий

Прошло столетие со времени подъема национально-освободительной борьбы балканских народов против чужеземного ига и Балканского кризиса 1875—1878 годов¹. Составная часть этого кризиса — русско-турецкая война 1877—1878 гг., несмотря на реакционность царизма, имела важные прогрессивные последствия для балканских народов: она оказала прямое содействие их борьбе за национальную независимость, против турецкого феодально-абсолютистского гнета. Важную роль в ходе Балканского кризиса 1875—1878 гг. играла политика так называемых великих держав, породившая множество противоречивых мнений в исторической литературе. Вот почему уместно обратиться к итогам исследования этих проблем, которые уже давно занимают советских историков.

За 100 лет об этих событиях накопилась огромная литература, было издано множество документальных материалов. Анализ политики великих держав и балканских государств в 1875—1878 гг. продвинулся с тех пор далеко вперед, хотя еще во многом не завершен. Представление о характере, причинах и содержании Балканского кризиса того времени постепенно менялось и обогащалось по мере его изучения. Известны примитивные публицистические версии, взятые из дипломатических фальшивок и прессы 70-х годов прошлого века, о Балканском кризисе как результате «происков русских эмиссаров»², о том, что захват Константинополя был извечной целью царской России, легенды об «обороне» Австро-Венгрии и Англии от «русской агрессии», о «бескорыстной защите целостности» Турецкой империи Англией, о «защите» Австро-Венгрии «порядка» в Боснии и Герцеговине, о том, что политика России диктовалась одними только религиозно-национальными симпатиями к славянам. Подобные легенды имели хождение в прошлом, да и сейчас еще не совсем забыты³. Балканские события долгое время анализировались в российской и зарубежной буржуазной историографии также с точки зрения традиционной дипломатической истории, формального хода дипломатических переговоров, но внутренние причины кризиса, национальные движения, народные восстания, классовая сущность политики государств и позиции политических партий и течений не рассматривались.

Однако такой устарелый подход уже уступил место более глубокому научному анализу событий 1875—1878 годов. Прогресс научного исследования совершался в ходе критического пересмотра и отбрасывания перечисленных выше штампов, преодоления националистической

¹ Балканский кризис понимается в статье как охватывающий события 1875—1877 гг., русско-турецкую войну и последовавшее за ней мирное урегулирование.

² С. А. Никитин. Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-е годы XIX века. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. 1946, т. III, № 1, стр. 87—91.

³ С. А. Никитин. Восточный кризис 70-х годов XIX в. в новейшей литературе. «Краткие сообщения» Института славяноведения АН СССР. М. 1964. Вып. 40, стр. 29—30 и др.

идеализации позиции тех или иных государств, установления более полной и точной картины фактов на основе архивных и других источников. Югославские ученые, например, отвергли неверное представление относительно причин боснийско-герцеговинского восстания, которое якобы вспыхнуло вследствие подстрекательства иностранных агентов, хотя этой точки зрения придерживался в сербской буржуазной историографии один из видных ее представителей, С. Йованович⁴. В. Чубрилович, В. Чорович, М. Экмечич и другие югославские ученые⁵, опираясь на факты, решительно подчеркивают ошибочность этого мнения. Современная югославская историография внесла крупный вклад в разработку истории боснийско-герцеговинского восстания и его международных последствий. В болгарской историографии были подвергнуты критике английские «Синие книги», в которых утверждалось, что борьба славян против Турции была спровоцирована русской агентурой.

Разумеется, в рамках статьи невозможно осветить все аспекты Балканского кризиса в целом, подробно рассмотреть международные проблемы, возникшие в его ходе. Наша задача более ограничена — изложить основные итоги исследования советскими историками политики великих держав в связи с Балканским кризисом 1875—1878 годов. Понять и оценить значение выводов советской исторической школы по этой проблеме можно лишь сопоставляя их с выводами буржуазной историографии. Необходимо также иметь в виду общность основных принципиальных позиций советских ученых в освещении этих проблем с концепциями историков социалистических стран.

Общеизвестно, что наша историческая наука опирается на марксистско-ленинскую методологию, которая дает теоретическую основу для широкого комплексного классового подхода к истории балканских стран и кризиса 1875—1878 гг. с учетом процессов социально-политического и экономического развития. Отсюда вытекает подход к балканским событиям и к так называемому восточному вопросу XVIII — начала XX в. как к сложному переплетению процессов внутреннего упадка, разложения Османской империи, развития национально-освободительных движений, образования и роста молодых национальных государств, противоречий между великими державами в этом регионе. К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали их агрессивные цели на Ближнем Востоке и в то же время отмечали, что в сложившейся обстановке и греки, и славяне «видят в России свою естественную покровительницу»⁶. Русско-турецкие войны и политика России постепенно подрывали турецкое господство на Балканах, содействовали образованию и развитию там буржуазных национальных государств.

Положение на Балканах в последней трети XIX — начале XX в. глубоко осветил В. И. Ленин. Он исходил из необходимости учитывать теснейшую связь внешней и внутренней политики, глубокие истоки процессов и событий, лежащих в основе Балканского кризиса 1875—1878 гг., и давать их классовый анализ. В. И. Ленин подчеркивал, что при изучении общественной жизни надо всесторонне анализировать всю совокупность фактов, учитывать сложные исторические явления в их взаимосвязи, тогда как выхватывание отдельных «фактиков» не дает надежной основы для правильных выводов, есть только «игра в примеры»⁷. При исследовании политики великих держав исходным моментом дол-

⁴ С. Йовановић. Сабр. дела. Т. VII. Влада Милана Обреновића. Београд. 1934, стр. 492.

⁵ В. Чубриловић и В. Чоровић. Србја од 1858 до 1903. Београд. [1938], стр. 74; см. также В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Србији и XIX в. Београд. 1958; его же. Босански устанак. Београд. 1930; М. Екмечић. Устанак у Босни 1875—1878. Сарајево. 1960.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 22.

⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350.

жно служить выяснение целей и интересов господствующих классов, которым принадлежала решающая роль в определении внутренней и внешней политики.

Для анализа сущности кризиса 1875—1878 гг. важное значение имеет правильное понимание прогрессивной роли национально-освободительных движений и образования самостоятельных национальных государств. В. И. Ленин не раз подчеркивал позитивную роль освободительных национальных движений, в частности на Балканском полуострове. Он писал, что в эпоху крушения феодализма и абсолютизма и складывания буржуазно-демократического общества и государства «национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д.». Для этой эпохи «типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»⁸. В. И. Ленин отмечал, что в это время народное движение является общедемократическим, то есть «буржуазно-демократическим по своему экономическому и классовому содержанию». В другом месте он писал, что «наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств»⁹.

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — писал В. И. Ленин, — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹⁰. Капитализм на Балканах, указывал В. И. Ленин, развивается в конце XIX — начале XX в. бурно, но неравномерно. «В Восточной Европе — на Балканах, в Австрии и в России — мы видим наряду с районами высокоразвитого капитализма угнетение масс феодализмом, абсолютизмом, тысячами остатков средневековья. Крестьянин в Боснии и Герцеговине на берегах Адриатики до сих пор задавлен крепостниками-помещиками»¹¹. Развитие капитализма ставило в порядок дня ликвидацию отживших остатков средневековья в этом регионе Европы.

Национальное движение народов Балканского полуострова В. И. Ленин оценивал как прогрессивные усилия, направленные на создание буржуазных национальных государств. Касаясь русско-турецкой войны 1877 г., В. И. Ленин писал, что ее содержанием являются «буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹². И в событиях 1877—1878 гг. В. И. Ленин прежде всего видел их наиболее характерные особенности, которые для балканских народов выражаются в присущем периоду развития капитализма образовании национальных государств. «1877—1878: (Освобождение национальных государств на Балканах.)»¹³ — так характеризовал В. И. Ленин этот период в «Тетрадах по империализму». Войны в этот период, писал он, «были связаны, несомненно, с *важнейшим* «народным интересом», именно: с могучими, трагичными миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета»¹⁴. В. И. Ленин подчеркивал зависимость

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 264.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144; т. 25, стр. 262.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 155.

¹¹ Там же, стр. 136.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 668.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 101.

национальных вопросов на Балканах от социально-экономических, указывая, что решение последних явится и предпосылкой успешного решения национальных проблем. Он отмечал, что лишь «доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»¹⁵.

Отвергая с интернационалистических позиций все разновидности националистической идеализации политики великих держав, В. И. Ленин раскрывал буржуазную и помещичью сущность этой политики, ее экспансионистский характер, характеризовал ее как «систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова»¹⁶. Указывая на положительные результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг., следствием которой явилось «освобождение национальных государств на Балканах», он здесь же отмечал, что вмешательство европейских держав в ближневосточный кризис 1875—1878 гг. было вызвано захватническими целями. «Грабят («делают») Турцию (Россия + Англия + Австрия)», — так характеризовал он события 1877—1878 годов. Результаты Берлинского конгресса В. И. Ленин оценивал именно как раздел, ограбление Турции великими державами. «Берлинский конгресс (грабят Турцию)»¹⁷, — подчеркивал он¹⁸.

Можно сказать, что привлечение новых источников и критическое исследование проблем Балканского кризиса 1875—1878 гг. подтвердили приведенные выше оценки и положения В. И. Ленина. Ниже рассматриваются важнейшие итоги исследований советских историков в области политики каждой из великих держав¹⁹ в Балканском кризисе.

Политика России. Классические в советской исторической литературе труды С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова, С. А. Никитина и другие работы и документальные публикации позволили воссоздать в целом правильную картину политики России на Балканах в 1875—1878 годах²⁰. Они разработали цельную концепцию роли России в Балканском кризисе, раскрыли обусловленность ее политики, показали несостоятельность ряда легенд и вымыслов зарубежной и российской дореволюционной публицистики и историографии, дали оценку позиции некоторых общественных течений, в частности славянофилов и панславистов, в отношении балканских событий того времени.

Документально установлено, что царское правительство (прежде всего Александр II, князь А. М. Горчаков, военный министр, министр финансов, шеф жандармов и др.) длительное время всячески пыталось добиться разрешения Балканского кризиса дипломатическим путем, старалось удержать от войны Сербию и Черногорию. Причиной этому были слабая подготовленность России к войне, финансовые трудности, нежелание форсировать развал Османской империи в условиях, когда этим вследствие военной и экономической слабости России с наибольшей выгодой могли воспользоваться Англия, Австро-Венгрия и другие

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 188.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 225.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 668, 672.

¹⁸ Свой анализ международных отношений на Балканах В. И. Ленин в дальнейшем развил и продолжил применительно к эпохе империализма, особенно в связи с Балканскими войнами 1912—1913 гг., первой мировой войной, но это уже вопросы, выходящие за рамки данной статьи.

¹⁹ Кроме Италии, позиция которой остается еще в советской исторической литературе почти не исследованной.

²⁰ С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1. М. 1928 (2-е изд. М. 1974); В. М. Хвостов. История дипломатии. Т. II. М. 1963; С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М. 1960; «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы. В 3-х тт. (публикация подготовлена совместно с болгарскими историками). М. 1961—1967; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. V, гл. V (автор Л. И. Нарочницкая). М. 1968, и многие другие работы и публикации.

великие державы, страх перед возможностью их новой коалиции против России. Царское правительство стремилось не допустить, чтобы начавшиеся на Балканском полуострове восстания переросли во «всеобщее возмущение», и добивалось от султана проведения реформ. Россия оказывала в этом вопросе наиболее активное дипломатическое давление на Турцию. Версия же о том, что восстания в Герцеговине и в Болгарии были делом рук русских подстрекателей, не имеет ничего общего с действительностью.

Когда Балканский кризис возник, правительство России сочло необходимым оказать поддержку национально-освободительной борьбе южных славян, видя в них опору своего влияния на полуострове. Вместе с тем оно, учитывая неготовность России к войне и слабость сил самих балканских народов, предостерегало их от преждевременных и изолированных выступлений. Довольно подробно освещены, но требуют еще более глубокого исследования некоторые разногласия в правительственных сферах России по этим вопросам — действия посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, сторонника проведения более активной политики на Балканах, настроения некоторых идеологов крайней реакции вроде К. П. Победоносцева, желавшего войной с Турцией отвлечь народное недовольство и упрочить царский режим военными победами.

В конечном итоге, когда Сербия, воевавшая с Турцией, оказалась перед угрозой полного разгрома, правительственные круги во главе с Александром II приняли решение начать войну с Турцией, чтобы избежать потери своего влияния на Балканском полуострове, укрепить и расширить его победоносной войной. Ярко выраженный реакционный характер имело стремление царского правительства путем военных побед отвлечь от себя народное недовольство в самой России, укрепить реакцию внутри страны и свое влияние в Европе. На эти цели царизма указывали К. Маркс и Ф. Энгельс²¹. Достигнуты они в ходе войны не были. Вместе с тем удар, нанесенный по турецкому господству на Балканах, и помощь освободительному движению балканских народов были фактами прогрессивными.

Значительному уточнению подверглись представления о территориальных притязаниях России к Турции. Теперь можно считать доказанным, что захват Константинополя не входил в планы царского правительства. Территориальные требования России ограничивались Южной Бессарабией и Батумом, а вопрос о Карсе и Ардагане возник лишь в ходе войны. Зато Австро-Венгрия еще перед войной добилась согласия России на оккупацию Боснии и Герцеговины²² при условии предоставления им автономии.

Нередко буржуазные авторы утверждают, что Россия поддерживала главным образом болгар и в меньшей мере оказывала содействие Сербии и Черногории. Известно, что переориентация Сербии на Австрию в 1867 г. и последовавший затем выход из Балканского союза Черногории и Греции весьма затрудняли более активную политику России в западной части Балканского полуострова. Серьезные трудности в этом плане создали Рейхштадтское соглашение 1876 г. и Будапештская конвенция 1877 г., предоставлявшие Австро-Венгрии решающую роль в западной части Балканского полуострова. За нейтралитет Австро-Венгрии требовала в качестве компенсации согласия на занятие ею Боснии и Герцеговины и обязательства России не создавать на Балканах крупного славянского государства. Российское правительство пыталось удержать Сербию от объявления войны Турции, но было твердо намерено

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 43, 47.

²² См. тексты Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции («Русско-германские отношения 1873—1914 гг.», М. 1922); С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 47 (здесь и ниже ссылки на 2-е изд.).

не допустить ее разгрома Турцией и стало на ее защиту. Русский ультиматум Порте был предъявлен после неоднократных обращений князя Милана к России с просьбой о помощи. Это необходимо учитывать, как и территориальные приращения к Сербии и Черногории, предусмотренные Сан-Стефанским договором 1878 года. К сожалению, отношения России с Сербией и Черногорией, дипломатические переговоры с ними в 1875—1878 гг. до сих пор не освещены еще в достаточной мере в советской историографии и архивный материал по этим вопросам еще далеко не полностью использован.

Поддержка царским правительством освободительного движения балканских народов, несомненно, была обусловлена его собственными классовыми целями, в частности стремлением к расширению своего влияния, ослаблению господства Турции на Балканском полуострове и осуществлению некоторых территориальных притязаний. Однако это отнюдь не перечеркивает положительное значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для утверждения и развития самостоятельных балканских государств и прогрессивное значение той поддержки, которую балканским народам оказывали русская армия и различные круги русского общества. Важное значение имело укрепление связей русских общественных кругов и боевого сотрудничества русской армии и добровольцев с балканскими народами, прежде всего с болгарским.

Глубокая вера болгар в Россию как в своего защитника от турецкого господства вызывала недовольство среди европейских политиков, стремившихся представить болгарский народ пассивно переносящим свое угнетенное положение. Составители некоторых западноевропейских публикаций пытались создать впечатление, что освобождение Болгарии было совершено русской армией без участия ее населения и даже вопреки его воле²³. В противовес этой неверной концепции в советской и болгарской марксистской историографии большое внимание уделено изучению русско-болгарского боевого сотрудничества в борьбе против османского владычества. В память освобождения Болгарии был издан специальный сборник²⁴ и ряд других книг. Русская армия вступила в страну, народ которой активно помогал ей в войне против Турции. В 1877—1878 гг. развернулось широкое русско-болгарское боевое содружество, способствовавшее победе над Турцией.

За последние десятилетия появились не только новые советские и болгарские исследования истории русско-турецкой войны, но был издан ряд специальных работ и документальных публикаций, осветивших роль России в борьбе за освобождение Болгарии и, в частности, такие вопросы, как военное обучение болгар, формирование болгарского ополчения, ход совместных русско-болгарских вооруженных действий против Турции. В итоге была более точно определена роль национально-освободительной борьбы болгарского народа в русско-турецкой войне. Изучено было не только участие болгарских отрядов в военных действиях против турецкой армии, но и добровольная экономическая помощь населения русским войскам, первые шаги по воссозданию национального Болгарского государства и т. д.²⁵

В историографии Народной Республики Болгарии на основе прежде всего болгарских источников Д. Косевым, Х. Христовым и другими учеными глубоко освещена история боевого содружества русских воинов и болгарского народа. Д. Косев следующим образом определяет значение русско-турецкой войны: «Необходимо прежде всего помнить,

²³ См. «Parliamentary Papers (Blue Books) — Turkey». (London), 1876—1878; «Correspondence respecting the Affairs of Turkey». L. 1877.

²⁴ «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953.

²⁵ Н. И. Белаяев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М. 1956; П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М. 1950; В. Д. Конобеев. Русско-болгарское сотрудничество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М. 1953.

что она спасла болгарский народ от новых громадных жертв, которые он неизбежно понес бы в жестокой и неравной борьбе с Османской империей»²⁶. Болгарские историки отмечают огромные жертвы, принесенные русским народом в борьбе за освобождение поработанных Турцией южнославянских народов. Болгарский народ был освобожден ценой жизни 200 тыс. русских воинов. Несмотря на реакционность замыслов царизма, русская армия помогла славянским народам в их борьбе против турецкого владычества. В ходе русско-турецкой войны совершилась, по сути дела, буржуазно-демократическая революция, уничтожившая прогнившую османскую феодально-деспотическую систему и расчистившая путь для капиталистического развития Болгарии. Разумеется, освобождение принес Болгарии не тот «радикальный переворот», который проповедовал болгарский революционный демократ Христо Ботев. Царское правительство было вынуждено взять в Болгарии курс на создание конституционной буржуазной монархии, хотя и пыталось затем поддерживать в стране реакционные группировки.

Советские историки положили начало изучению процесса ликвидации турецкого феодального землевладения (Н. Г. Левинтов). Болгарские авторы Х. Христов, Л. Беров внесли крупнейший вклад в исследование этой проблемы. Затем было более конкретно установлено (работы В. Д. Конобеева) существо социального переворота в Болгарии. Ликвидация турецкой верховной собственности на землю привела к упразднению феодальной ренты и превратила болгарских крестьян в полных собственников обрабатываемой земли.

Как известно, в ходе русско-турецкой войны был ликвидирован государственный аппарат турецкой власти и воссоздано Болгарское государство в форме конституционной монархии. Его организация была осуществлена при активном воздействии русского гражданского управления. Органы местного самоуправления создавались самим населением на освобожденной от турецких войск территории при поддержке русских военных и гражданских властей. Помощь России в возрождении болгарской государственности также имела важное прогрессивное значение вопреки реакционности царизма. Воссоздание Болгарского государства было предусмотрено Сан-Стефанским мирным договором. По его условиям Болгария была объявлена самоуправляющимся княжеством в границах, которые вызвали решительные возражения на Берлинском конгрессе со стороны западных держав. Хотя Берлинский конгресс значительно урезал эти границы, но именно 3 марта 1878 г. — день подписания Сан-Стефанского мира — стал днем освобождения Болгарии от турецкого ига. Каждый год болгарский народ отмечает этот день как свой национальный праздник.

Вопрос о политике России в отношении Румынии в эти годы также получил освещение в ряде исследований советских историков, особенно в работах М. М. Залышкина и Е. Е. Чертана²⁷. Анализ экономического и политического положения Румынии в середине 70-х годов XIX в. привел их к выводу, что предпосылкой создания румынского буржуазного государства было внутреннее развитие страны. Вместе с тем созданию из Валахии и Молдавии единой помещичье-буржуазной Румынии способствовали политика России, заинтересованной в подрыве условий

²⁶ Д. Косев. Характер и значение на русско-турската война през 1877—1878 гг. «Освобождението на България от турско иго». София, 1958, стр. 9.

²⁷ М. М. Залышкин. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М., 1974; Л. Г. Бескровный. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов. «Вопросы истории», 1967, № 6; В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан. Россия и формирование Румынского независимого государства. М., 1969 (разделы, посвященные 1875—1878 гг., написаны Е. Е. Чертаном); Н. К. Головкин. Историческая роль России в освобождении Румынии от турецкого ига. Автореф. канд. дисс. Кишинев, 1956.

Парижского мира 1856 г., и отчасти политика Франции. В 1877—1878 гг. война России с Турцией и русско-румынский союз в этой войне явились необходимым условием достижения Румынией полного освобождения от турецкого господства.

Национальные интересы Румынии требовали оказания содействия и активной помощи южным славянам, но ее правительство в начале Балканского кризиса заняло позицию нейтралитета. Одной из причин этого было враждебное отношение Австро-Венгрии и Англии к стремлению Румынии достичь полной независимости от Турции. Более благоприятная позиция России в этом вопросе, сочувствие широких масс румынского народа национально-освободительному движению южных славян, усилившееся движение за независимость внутри страны привели к изменению политики нейтралитета и сближению с Россией. Именно заключение политической и военной конвенции с Россией в начале апреля 1877 г., объявление войны Турции привели к провозглашению независимости Румынии 9 мая 1877 года. Победы русской армии имели решающее значение для закрепления этого результата. Участие Румынии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на стороне России помогло подтвердить и закрепить право Румынии на самостоятельное национальное существование, что и нашло затем отражение в решениях Берлинского конгресса. Решение проблемы независимости было достигнуто Румынией при объединении ее усилий с усилиями России.

Таким образом, детальное исследование взаимоотношений России и Румынии также показало, что, какие бы цели ни преследовали господствующие классы России в странах Балканского полуострова, ее политика в этом регионе имела многие объективно прогрессивные последствия. Россия, несмотря на реакционность царизма, оказала значительную помощь Румынии в ее борьбе за полное объединение, сохранение и расширение автономии Румынского государства, помогла достижению независимости страны, признав за нею права суверенного государства. В результате проведенных советскими историками исследований более широкое освещение получили также русско-румынские революционные и другие общественные связи того времени.

Александр II, Победоносцев и значительная часть правительственных кругов рассматривали движение южных славян исключительно с точки зрения внешнеполитических выгод царского правительства. Прибалтийская знать, представителей которой было немало на русской дипломатической службе, относилась иронически к идеям панславистов. Этой же позиции в значительной мере придерживались и сам Александр II, и великий князь Александр Александрович (будущий царь Александр III).

Реакционные панслависты на первое место ставили свои религиозные и националистические идеи, носились с химерическими планами славянской федерации на Балканах под эгидой царизма, что, впрочем, не входило в намерения самого царского правительства.

Иной была позиция широких слоев русского общества и народных масс. В России развернулось бурное общественное движение в защиту южных славян. В нем и, в частности, в сборе пожертвований принимали участие и дворяне, и купечество, и интеллигенция. Интересно подчеркнуть, что большую часть денежных и других пожертвований в фонды помощи внесли простые трудовые люди — крестьяне и горожане. Многие из революционных народников принимали участие в движении в защиту балканских народов. Известна роль в этом движении выдающихся художников (В. Поленов, К. Маковский), писателей (Г. Успенский и др.), врачей (С. Боткин), критиков (В. Стасов), скульпторов (М. Антокольский). Их побуждения отличались высоким бескорыстием и благородством. Русские добровольцы, врачи, сестры милосердия нередко показывали примеры беззаветного самопожертвования. Широко

известен подвиг русской девушки Юлии Вревской, графини родом, ставшей сестрой милосердия и в условиях походной жизни погибшей от болезни в 22-летнем возрасте.

Новейшие исследования и публикации намного расширили наше представление о позиции различных общественных кругов и течений в России в отношении освободительного движения южных славян против турецкого господства и русско-турецкой войны. Рассмотрение литературы по этим вопросам выходит, однако, за рамки статьи. Советские ученые исследовали также отклики на Балканский кризис не только в Европе, но и в США и Японии²⁸, однако и этот вопрос лежит за пределами рассматриваемой темы. Как было упомянуто, советские историки показали, что надежда реакционных правительственных кругов на то, что война с Турцией отвлечет общественное недовольство и укрепит самодержавие, не оправдалась. Огромные издержки на войну и людские потери содействовали дальнейшему ослаблению царского режима внутри страны. Как известно, сразу же после русско-турецкой войны в России возникла революционная ситуация 1879—1881 гг., изучением которой занята большая группа советских ученых во главе с М. В. Нечкиной.

Политика Австро-Венгрии. В ходе Балканского кризиса, особенно во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., важное значение имела позиция Австро-Венгрии. Советские ученые всегда подчеркивали классовую помещичье-буржуазную суть политики правящих кругов габсбургской двуединой монархии. Эти круги хотели сохранить и упрочить господство над народами своей многонациональной державы, распространить ее власть или политическое влияние на другие народы Балканского полуострова. С этой точки зрения для них особенно важное значение приобретало подавление национально-освободительного движения балканских народов, в первую очередь славянских. Из всего этого вытекал и ярко выраженный реакционный и экспансионистский характер политики Австро-Венгрии, на Балканах в частности, ее экономическая экспансия в этом направлении в связи с возрастающим значением рынка балканских стран для австрийской буржуазии. Одним из важнейших средств австрийского проникновения в этот регион являлось железнодорожное строительство на Балканском полуострове. Планы овладения Боснией и Герцеговиной также имели свой экономический аспект.

В Австро-Венгрии важная роль принадлежала мадыарскому дворянству, которое было особенно заинтересовано в подавлении освободительного движения славянских народов, так как большая часть населения «земель короны св. Стефана» состояла из славян. Граф Д. Андраши олицетворял эту мадыарскую политическую группировку в австро-венгерском правительстве. Вместе с тем некоторые представители правящих кругов австрийской части империи вынашивали планы превращения ее из дуалистической в триалистическую с тем, чтобы ослабить венгерское влияние, создав третью, славянскую, часть Габсбургской монархии. Они намеревались путем сделки с Россией разграничить сферы влияния на полуострове, включить в состав своего государства южнославянские области западной половины Балкан, начав эту политику с захвата Боснии и Герцеговины. В создавшейся ситуации графу Андраши приходилось маневрировать при осуществлении внешнеполитического курса. Указанные исходные моменты австро-венгерской политики на Балканах нашли отражение в фундаментальных трудах С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова²⁹ и других советских ученых.

²⁸ А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М. 1956.

²⁹ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 85—86; С. Д. Сказкин. Указ. соч.

После потери Ломбардии (1859 г.) и поражения в войне с Пруссией (1866 г.) стремление австрийских правящих кругов к захвату Боснии и Герцеговины стало проявляться все более заметно. Выдвигались соображения военно-политического и экономического характера, например, о том, что, пока эти области находятся в руках Турции, нельзя думать об экономическом подъеме империи. Высказывались мнения, что территориальные потери предшествующих времен требуют «компенсации». Весной 1875 г. император Франц-Иосиф II совершил поездку в Далмацию, в основе которой лежали военно-экономические мотивы. Но для того, чтобы осуществить эти цели, надо было доказать, что Турция не способна управлять указанными провинциями, и сделать так, чтобы они не попали в руки других великих держав³⁰.

Хотя Андраши был против какого-либо расширения Габсбургской монархии на юг, он все же вынужден был прислушиваться к мнению двора и военно-аристократических кругов. В официальных выступлениях вплоть до весны 1875 г. он маскировал политику Австро-Венгрии, заявляя, что она абсолютно не помышляет об оккупации Боснии и Герцеговины. При этом он оставлял лазейку, отмечая, что такая политика может иметь место до тех пор, пока безопасность империи не будет затронута³¹. Секретная же деятельность в этой области шла полным ходом. В лице России Австро-Венгрия видела главного противника осуществления своей политики на Балканах. Не имея особых экономических интересов на Балканах вследствие неразвитости своей промышленности и транспорта, Россия в определенных рамках оказывала помощь национально-освободительному движению и пользовалась большой симпатией патриотов не только в восточной, но и в западной части Балканского полуострова³².

Австро-русские противоречия и антиславянская направленность политики Габсбургской монархии отразились в 1875—1876 гг. на рассмотрении проекта реформ в Боснии и Герцеговине, находившихся под властью султанской Турции. Пресловутая нота Андраши (30 декабря 1875 г.) приглашала Турцию и великие державы к проведению умеренных реформ для облегчения участи христианских подданных султана. Нота преследовала цель по возможности ограничить роль России и Сербии в определении характера указанных реформ, поставив этот вопрос в зависимости от участия в его решении ряда других держав. В особенности Андраши стремился урезать политические требования народов Боснии и Герцеговины и оставить их пока под властью Турции. Он считал, что легче осуществить на Балканах экономическую экспансию при сохранении «дряблой» Турции, и опасался дальнейшего развития Балканского кризиса³³. Одновременно он искал тайного соглашения с Россией на случай войны.

Инициаторами публикации важнейших источников о подлинных целях Австро-Венгрии в ходе Балканского кризиса явились советские ученые³⁴. Осложнения на Балканах в середине 70-х годов XIX в. ставили новые задачи перед правительствами Австро-Венгрии и России, каждое из которых искало выгодных для себя решений. Такая попытка имела место во время встречи в Рейхштадте Франца-Иосифа II и Андраши с Александром II и Горчаковым (8 июля 1876 г.). Как известно, специального протокола не было подписано, но остались записи бесед в двух редакциях (русской и австрийской), отличающиеся друг от друга

³⁰ Th. Sosnosky. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarn seit 1866. Bd. I. Stuttgart und B. 1913, S. 136—140, 177.

³¹ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 85.

³² См. С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 47.

³³ С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 37—43, 46—47, 51—52, 60 и др.

³⁴ См. «Красный архив». Т. I. М. 1922.

по содержанию³⁵. Обе стороны декларировали «принцип невмешательства» в балканские дела, который являлся скорее результатом отсутствия взаимоприемлемых решений. Взрывоопасная ситуация на Балканах сохранялась. По русской записи, Австро-Венгрия в случае войны и перекройки карты Балкан получала только часть Боснии, по австрийской, — всю Боснию и большую часть Герцеговины. Очевидно из этого, что в ходе беседы аппетиты Австро-Венгрии не были удовлетворены и полной договоренности не было достигнуто, хотя австрийский император Франц-Иосиф II внешне был очень доволен результатом этой встречи.

Рейхштадтская сделка была уточнена, как известно, Будапештской конвенцией, в которой отражено было, в частности, стремление Австро-Венгрии не допустить создания на Балканах большого славянского государства. Российское правительство дало такое обещание, хотя самый термин «большое» допускал весьма различные толкования. При поддержке Германии и Англии Андраши упорно добивался своей цели, выторговывая у России уступки. Он рассчитывал, что в случае русско-турецкой войны Австро-Венгрия сохранит нейтралитет и вместе с тем оккупирует в виде «залога» Боснию и Герцеговину.

Условия Сан-Стефанского мирного договора, способствовавшие возрождению Болгарского, Румынского, Сербского и Черногорского государств, находились в явном противоречии с планами Австро-Венгрии. Для уточнения ее позиции в марте 1878 г. в Вену была послана миссия во главе с российским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым³⁶. На миссию обрушился град обвинений в нарушении условий Рейхштадта и Будапешта. Австро-Венгрия требовала обеспечения себе торгового пути к Эгейскому морю, экономического влияния в Вардарской долине, выступала против ослабления Турции и т. д. В планы двуединой монархии входило противопоставление друг другу Сербии и Болгарии, чтобы, сталкивая их, укрепить свое влияние на Балканах. Андраши заявил Игнатьеву, что будет настаивать на созыве европейского конгресса, и пригрозил союзом с Англией.

Эта программа нашла горячее одобрение у германского канцлера О. Бисмарка. Андраши легко достиг взаимопонимания и с Англией, позиция которой была близка к австро-венгерской. 6 июня 1878 г. три державы подписали договор о проведении согласованной политики на конгрессе. На Берлинском конгрессе позиции Германии и Англии содействовали тому, что Австро-Венгрия без единого выстрела получила Боснию и Герцеговину; были удовлетворены и другие ее претензии. Подъем национально-освободительного движения в этих областях был временно подавлен.

Все это подтверждает, что политика Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины носила экспансионистский и реакционный характер. Шаг за шагом следуя своей цели, она на Берлинском конгрессе в основном добилась ее реализации. Нельзя не отметить откровенный характер заявления Андраши на заседании конгресса 28 июня 1878 года. Он сказал, что в Боснии и Герцеговине царит «анархия» и больше нельзя «сидеть в бездействии», когда на территорию империи проникают тысячи беженцев, содержание которых ложится тяжелым бременем на государство и местных жителей. Мысль о предоставлении боснякам и герцеговинцам автономии казалась ему совершенно неприемлемой³⁷.

³⁵ Текст русской записи см.: «Русско-германские отношения 1873—1914 гг.», стр. 37—39. Содержание австрийской записи приводится в книге: E. von Wertheimer, Graf Julius Andrássy: sein Leben und seine Zeit. Bd. 2. Stuttgart. 1913, S. 322—324.

³⁶ С. Л. Чернов. Миссия Н. П. Игнатьева в Вену (К вопросу о русско-австрийских отношениях накануне Берлинского конгресса 1878 года) «Вопросы истории СССР». Сборник статей. М. 1972.

³⁷ «Les protocoles du Congrès de Berlin avec le Traité Préliminaire de San-Stefano du 19 février (3 mars) 1878 et le Traité de Berlin du 13 juillet 1878». St. Petersburg. 1878.

Реакционность этих рассуждений и желание Андраши подавить освободительное движение в Боснии и Герцеговине очевидны.

Советские историки подчеркивают, что политика Австро-Венгрии в годы Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ничего общего не имела с «защитой» Турции, что и показала оккупация Боснии и Герцеговины. Австрийские авторы много писали на эти темы, главным образом в официозно-публицистическом плане, они идеализировали политику Андраши, игнорируя ее классовые основы³⁷. Оценки же политики России биографом Андраши Е. Вертхаймером, по вполне обоснованному мнению американского историка Д. Раппа, особенно тенденциозны³⁸. Известным шагом вперед явилась более объективная публикация А. Новотного³⁹.

Политика Германии. Выше уже отмечалось, что во время Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Австро-Венгрию поддерживала Германия. Советские историки обоснованно отвергли официальные бисмарковские легенды о беспристрастии «железного канцлера» и его роли «честного маклера» на Берлинском конгрессе. Российские дипломатические источники, открытые после Великой Октябрьской социалистической революции для изучения и публикации, а также издание германских дипломатических документов ясно показали, что Германия поощряла экспансию Австро-Венгрии на Балканах. Занятая на Востоке, Габсбургская монархия должна была полностью отказаться от реванша за Садовую и не могла бы уже никогда претендовать на восстановление былого влияния в Южной Германии. Общеизвестно, что сам Бисмарк в своих «Мыслях и воспоминаниях» (т. II) расценивал австро-венгерский дуализм как своего рода плотину против славянства. Отсюда неизбежно вытекала определенная поддержка Германской империей экспансии Австро-Венгрии на Балканах. В то же время Бисмарк подстрекал Россию к войне с Турцией, чтобы ослабить ее. А это означало, что в случае возникновения австро-русского конфликта Германия встанет на сторону Австро-Венгрии. Сближение с ней позволяло Бисмарку проводить независимую от России политику. И когда в 1876 г. Горчаков через военного уполномоченного германского императора в Петербурге генерала Б. Ф. Вердера решил выяснить позицию Германии на случай австро-русской войны, ответ германской стороны был ясен: если Австро-Венгрии будет угрожать опасность, то Германия выступит на ее стороне⁴⁰. В дальнейшем Бисмарк защищал интересы Австро-Венгрии, особенно ее претензии на Боснию и Герцеговину, в ходе подготовки и проведения Берлинского конгресса и оказывал давление на Порту.

Важным и убедительно обоснованным тезисом советских исторических трудов является то, что уже в ходе Балканского кризиса, а вовсе не после Берлинского конгресса, закладывался фундамент австро-германского антирусского союза. Основа этого союза наметилась не в результате антигерманских выступлений русской печати после Берлинского конгресса, а ранее, уже в ходе Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Советские историки осветили сложный характер дипломатической игры Бисмарка. Он подталкивал Россию к войне в расчете на то, что она увязнет на Балканах и в большей мере будет зависеть от позиции Германии. Франция осталась бы тогда изолиро-

³⁷ R. Charnatz. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert. Bd. I—II. Leipzig. 1914; E. von Wertheimer. Op. cit. Bd. 1—2. Stuttgart. 1910—1913.

³⁸ G. H. Rupp. A Wavering Friendship: Russia and Austria. 1876—1878. Cambridge, L. 1941, p. 571.

³⁹ «Quellen und Studien zur Geschichte des Berliner Kongresses 1878». Bd. I. Hrsg. von A. Novotny. Graz. 1957.

⁴⁰ См. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871—1914» (далее — «Die Grosse Politik»). Bd. 1. B. 1922. № 296, S. 159 и др.

ванной, а Австро-Венгрия надежно повернула бы к союзу с Германской империей. Раздувая осложнения на Балканах и на Ближнем Востоке, Бисмарк отклонял предложения о решении ряда вопросов на мирной конференции, прикрывая свою политику миротворческой фразеологией⁴¹. В марте 1877 г. Бисмарк обещал России не только нейтралитет в случае русско-турецкой войны, но и дипломатическую поддержку. Подобные же обещания давались и Турции.

Как и следовало ожидать, победа России в войне не была выгодна ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Англии. Поэтому на Берлинском конгрессе Россия оказалась в изоляции. В итоге Австро-Венгрия более других усилилась на Балканах, заняв Боснию и Герцеговину. Это имело и свои последствия. С. Д. Сказкин отмечал: «Русско-турецкая война и Берлинский конгресс создали наконец ту международную ситуацию, которую Бисмарк считал желательной с точки зрения германских интересов. Оказав поддержку Австрии, он уже стал фактически на почву тех отношений, которые были затем оформлены в австро-германском союзе»⁴².

Важность приведенных выше выводов советских ученых и необходимость их популяризации видны, в частности, из того, что некоторые историки ФРГ до сих пор недооценивают старания Бисмарка изолировать Францию и его воинственные угрозы в ее адрес, особенно во время военной тревоги в 1875 году. Они умалчивают о поощрении Бисмарком экспансии Австро-Венгрии на Балканах. В ряде книг западногерманских авторов Бисмарк необоснованно именуется «апостолом общеевропейского мира». Единственным возмутителем спокойствия в Европе в 70-х годах XIX в. изображается Россия. Особенно выделяется панславизм как источник всех «беспорядков» на Балканах, хотя не подлежит сомнению отрицательное отношение наиболее влиятельных кругов при царском дворе к панславизму. В духе австрийской публицистики 70-х годов XIX в. восстания балканских народов против турецкого ига и теперь изображаются некоторыми историками ФРГ как результат действий «панславистских агитаторов». Современные историки ФРГ восхваляют позицию Бисмарка, который в 1876 г. дал знать России, что Германия не допустит разгрома Австро-Венгрии. Они хвалят и провокационную политику Бисмарка в ходе Балканского кризиса 1875—1878 гг., пытаются толковать ее как «миротворчество». Воспроизводятся и устаревшие версии о «беспристрастности» Бисмарка, о его роли «честного маклера» на Берлинском конгрессе. Эти тенденции присущи книгам таких западногерманских буржуазных историков, как А. Хильгрубер, В. Моммзен, Ф. Хазельмайр, В. Рихтер⁴³. Подобные концепции повторяются и в ряде других работ, вышедших в ФРГ.

В то же время историки ГДР приходят к заключениям, весьма близким к выводам советских ученых. В противоположность открытой апологии действий Бисмарка в западногерманской историографии ученые ГДР подходят к этим вопросам объективно. Они уделяют много внимания внешнеполитическому курсу Бисмарка⁴⁴, раскрывают его политику в отношении Франции, приведшую к созданию острых конфликтных ситуаций, отмечают, что Бисмарк старался создать условия для повторения «локализованной войны» против Франции. Во второй половине

⁴¹ «Die Grosse Politik». Bd. 2, №№ 279, 261.

⁴² С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 81.

⁴³ А. Hillgruber. Bismarcks Aussenpolitik. Freiburg. 1972, S. 131, 135—136, 139, 145—151; W. Mommsen. Bismarck. Ein politisches Lebensbild. München. 1959, S. 170, 175—176; Fr. Haselmayr. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reichs von 1871—1918. I. Buch. München. 1955, S. 104—182; W. Richter. Bismarck. Frankfurt am Main. 1973, S. 294, 298, 338, 339, 361—369. См. также К. Д. Петряев. Мифы и действительность в «критическом» пересмотре прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев. 1969, стр. 182—183.

⁴⁴ См. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1970. Sonderband. Historische Forschungen in DDR 1960—1970». В. 1970, S. 472—473.

70-х годов XIX в. германское правительство намечало возможность «превентивной войны» против Франции во избежание войны на два фронта в будущем⁴⁵. Бисмарк разжигал противоречия между Россией и Австро-Венгрией в интересах своей политики, имея в виду усиление позиций Германии. Он был ярким противником освободительной борьбы балканских народов и стремился использовать для этой цели реакционные силы других государств, прежде всего Австро-Венгрии. Политика Бисмарка в ближневосточном кризисе 1875—1878 гг. содействовала поддержанию напряжения на Балканах⁴⁶ и возникновению русско-турецкой войны. Э. Энгельберг (ГДР) пишет, что вся политика «железного канцлера» носила милитаристский характер. Ученый решительно выступает против изображения Бисмарка в качестве миротворца, противника войны, разоблачает несостоятельность легенды о политике «честного маклера» на Берлинском конгрессе, показывает антигуманный, антидемократический характер позиции Бисмарка, пишет, что осенью 1876 г. он был готов пойти навстречу русскому запросу (относительно войны с Австро-Венгрией) при условии, что Россия гарантирует Германии обладание Эльзасом и Лотарингией, что означало бы резкое обострение отношений между Россией и Францией и полную изоляцию последней⁴⁷. Э. Энгельберг, однако, несколько преувеличивает влияние панславизма на внешнюю политику царского правительства⁴⁸, но в целом его глубоко обоснованный анализ событий сходен с концепциями советской историографии.

Политика Англии. В исторической литературе весьма запутан вопрос о характере британской политики в ходе Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В традиционной английской историографии консервативного толка упорно проводилась идея о якобы чисто «оборонительной и бескорыстной» роли Великобритании в этих событиях. Англия изображалась как «защитница» Турции от «русской агрессии». Такую точку зрения выдвинули еще современники событий Х. Раулинсон и Х. Вормс⁴⁹. Их книги носили публицистический характер, были обусловлены политическими соображениями момента, но положили начало огромной апологетической литературе, ставшей особенно обильной с наступлением империалистической эпохи и прославлявшей политику консервативного правительства Б. Дизраэли. В качестве характерного примера может служить хотя бы его биография, принадлежащая перу Дж. Бекля и В. Монипенни⁵⁰. Эти авторы придерживаются несостоятельной версии об агрессивности политики одной только России в восточном вопросе. В книге английского историка Б. Самнера⁵¹, хотя и делается попытка рассматривать дипломатическую историю в связи с экономическими и социальными факторами, Балканский кризис необоснованно представляется как следствие интриг русской дипломатии. Самнер продолжает традиционную концепцию оправдания английской захватнической политики необходимостью обороны от «русской агрессии» и обходит молчанием экспансионистские цели Англии.

Эта точка зрения получила поддержку и за океаном. Американский историк У. Лангер выставляет в качестве виновника восточного

⁴⁵ «Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung». В. 1971, S. 145—149.

⁴⁶ «Die grosspreussisch-militärische Reichsgründung 1871. Voraussetzungen und Folgen». Bd. 2. В. 1971, S. 304.

⁴⁷ E. Engelberg. Deutschland von 1871 bis 1897. В. 1965, S. 89—90, 92, 100, 102, 104—107.

⁴⁸ Ibid., S. 100—102.

⁴⁹ H. Raulinson. England and Russia on the East. L. 1876; H. Worms. England's Policy on the East. L. 1876.

⁵⁰ G. Buckle and W. F. Monypenny. The Life of Disraeli. Vol. 1—6. L. 1920—1931.

⁵¹ B. H. Sumner. Russia and the Balkans, 1870—1880. L. 1937.

кризиса Россию и «панславизм», а политику Англии изображает как исключительно оборонительную⁵². С ним сходится и другой американский историк, профессор Стэнфордского университета Д. Харрис. Претендуя на объективность изложения, он пишет, что Дизраэли был якобы вынужден оставить Боснию и Герцеговину на произвол Турции с целью помешать России добиться полного освобождения всех славянских провинций Османской империи. Англия, по его словам, была «другом Турции»⁵³.

Одновременно с консервативной версией родилась и либеральная интерпретация политики Англии в ближневосточном кризисе 70-х годов XIX века. Отражая мнение оппозиционной политической партии, концепция либеральных авторов была обусловлена соображениями политической борьбы и конкретными обстоятельствами своего времени. Либеральная партия победила консерваторов на выборах 1880 г. в основном под лозунгами критики дорогостоящей агрессивной внешней политики последних. Во время предвыборной кампании осенью 1879 г. лидер либералов У. Гладстон резко критиковал протурецкий курс правительства Дизраэли, считая подобную политику глубоко ошибочной. «Как прежде он призывал турок к ответу, так теперь он звал лордов Биконсфилда и Солсбери к ответу перед общественным мнением за их поведение, особенно в области внешней политики»⁵⁴, — пишет один из панегиристов Гладстона. Начавшаяся с работ герцога Аргайльского и П. Клэйдена⁵⁵, которые критиковали агрессивный курс Дизраэли с целью привлечения на сторону своей партии избирателей, либеральная историография выросла со временем в обширную и помпезную «гладстониаду». Гладстона его почитатели изображали в виде некоего идеального уникама среди политических деятелей XIX в., чуждого земных материальных интересов и следовавшего в жизни и политике лишь гуманистическим соображениям христианской морали. В работах либеральных английских историков Гладстон предстает как принципиальный противник агрессивной внешней политики и колониальных захватов, сторонник мира и сокращения военных расходов, «друг» угнетенных и малых народов⁵⁶.

Развернутая Гладстоном в 1876 г. с определенными политическими целями антитурецкая кампания и критика правительственного курса на Ближнем Востоке, а также выход в свет его памфлета «Болгарские ужасы», в котором он призывал изгнать султана с европейского континента «со всеми его пожитками»⁵⁷, способствовали укоренению среди современников и в позднейшей историографии легенды о Гладстоне как последовательном «защитнике» славянства и непримиримом враге турецкого деспотизма. Подобная точка зрения проникла и на страницы русской дореволюционной либеральной литературы⁵⁸. Один из представителей либеральной историографии, Р. Ситон-Уотсон, рассматривает политику Дизраэли как ошибочную, а самого Дизраэли как творца определенного курса внешней политики объявляет попросту «историческим мифом»⁵⁹. Ситон-Уотсон подчеркивает попытки

⁵² W. L. Langer. *European Alliances and Alignments, 1871—1890*. N. Y. 1931, pp. 66, 73, etc.

⁵³ D. Harris. *A Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875—1878*. L.—N. Y. 1936, pp. 18, 33.

⁵⁴ P. Knapplund. *Gladstone's Foreign Policy*. N. Y.—L. 1935, p. 72.

⁵⁵ Argull, Duke of. *The Eastern Question from 1856 to 1878*. Vol. 1—2. L. 1879; P. W. Clayden. *England under Lord Beaconsfield*. L. 1880.

⁵⁶ J. Morley. *The Life of Gladstone* W. E. Vol. 1—3. L. 1911; P. Knapplund. *Op. cit.*; Ph. Magnus. *Gladstone. A Biography*. L. 1954.

⁵⁷ Цит. по: E. Fitzmaurice. *The Life of Granville*. Vol. 2. L. 1906, p. 165.

⁵⁸ С. С. Татищев. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб. 1903; Л. Фелькнер. Славянская борьба 1875—1876 гг. СПб. 1877.

⁵⁹ P. W. Seton-Watson. *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*. L. 1935.

царского правительства разрешить Балканский кризис 1875—1878 гг. дипломатическим путем. Но на книге Ситона-Уотсона также лежит печать идеализации либералов во главе с Гладстоном и субъективно-идеалистического подхода к историческим явлениям.

Классовая сущность политики правительства Дизраэли в связи с балканскими событиями 1875—1878 гг., а также позиция либеральной партии во главе с Гладстоном широко освещены в работах советских историков Х. Муратова, Е. В. Елисеевой, М. К. Гринвальд, Г. Н. Реутова, О. Б. Шпаро⁶⁰. Обобщенная, всесторонняя характеристика ближневосточного кризиса 70-х годов XIX в. и политики держав, включая и Англию, дана в III и IV главах написанного В. М. Хвостовым фундаментального труда «История дипломатии» (т. II. М. 1963).

На основании изучения большого конкретно-исторического материала советские исследователи установили, что действия Англии на Балканах и на Ближнем Востоке в целом в 1875—1878 гг. отражали ее экспансионистский курс, направленный на противодействие национально-освободительным движениям балканских народов против турецкого владычества, подчинение британскому влиянию Турции и частичный раздел или захват ее владений, особенно Египта и Кипра. Консервативный кабинет Дизраэли широко применял вмешательство во внутренние дела Турции, выразившееся, в частности, в смещении при участии английской дипломатии султана Абдул-Азиза, а затем и Мурада V. Дипломатия Дизраэли была направлена не на поддержку Турции, а на подталкивание ее к войне с Россией и подавление национально-освободительных движений в Османской империи с целью ослабить как Турцию, так и Россию, а затем потребовать «компенсаций». Англия успешно подстрекала Турцию к войне⁶¹, которая началась не столько в интересах последней, сколько нужна была Дизраэли для того, чтобы заставить ее просить о помощи: прислать флот в проливы, высадить десант и т. д. Хотя пресловутые заявления о «сохранении независимости и целостности» Османской империи по-прежнему оставались традиционным лозунгом английских консерваторов, британский премьер после покупки в 1875 г. контрольного пакета акций Суэцкого канала строил планы получения в виде «уступки» со стороны Турции какого-либо порта или острова для английской военной базы. В этом плане фигурировали даже Варна, Батум и др. пункты⁶². Таким образом, официальный тезис о «защите» Турции являлся лишь прикрытием истинных намерений Англии по отношению к ней.

Советские историки, не игнорируя влияния либеральной буржуазной идеологии на политику Гладстона, учитывают прежде всего классовые основы политического курса либералов — то, что либеральная партия выражала интересы части английской буржуазии, знаменем которой было фритредерство. И если «обновленный демократический торизм», глашатаем которого выступал Дизраэли, принес первые веяния новой, империалистической эпохи с ее культом безудержной колониальной экспансии, то либералы еще были твердыми сторонниками фритредерства. Их призывы к воздержанию от прямых колониальных

⁶⁰ Х. Муратов. Роль Англии в «восточном кризисе» (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 гг.). «Историк-марксист», 1940, № 7; Е. В. Елисеева. Политика Дизраэли в «восточном вопросе» накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Канд. дисс. М. 1949; е е же. Из истории агрессивной политики Великобритании на Ближнем Востоке в 1875—1877 гг. «Ученые записки» МГПИ имени В. П. Потемкина. Т. XIV, вып. 1, кафедра истории нового времени. М. 1951; М. К. Гринвальд. Отношение либеральной партии к агрессивной и реакционной политике кабинета Дизраэли на Ближнем Востоке в 1875—1878 гг. Автореф. канд. дисс. Л. 1951; Г. Н. Реутов. Ближневосточная политика Великобритании в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и подготовка захвата Кипра. Автореф. канд. дисс. Л. 1957; О. Б. Шпаро. Захват Кипра Англией. М. 1974.

⁶¹ Х. Муратов. Указ. соч., стр. 79.

⁶² Е. В. Елисеева. Из истории агрессивной политики Великобритании..., стр. 51.

захватов и войн, стремление к экономии средств за счет сокращения военных расходов вытекали из интересов тех кругов английской буржуазии, которые в то время не получали непосредственных выгод от колониальных войн и больше уповали на экономическую экспансию под флагом свободы торговли. Кроме того, оппозиция английских либералов политике Дизраэли отражала нежелание платить дополнительные налоги на осуществление прямых колониальных захватов.

Вторым обстоятельством, обусловившим тактику либералов, были соображения, продиктованные подготовкой к парламентским выборам. Критика агрессивной дорогостоящей внешней политики консерваторов и антитурецкая агитация были борьбой за голоса избирателей, не получивших выгод от политики Дизраэли. Либеральная оппозиция предлагала свою, несколько отличную от консервативной, внешнеполитическую линию. Эта линия в конечном счете также выражала интересы английской буржуазии, но иным способом. Консерваторы стремились подчинить своему влиянию Балканский полуостров, официально делая ставку на Турцию и султанский деспотизм. Либералы же считали, что Англии выгоднее ориентироваться не на дряхлеющую Турцию, а добиваться поддержки со стороны балканских народов. Симпатии к освободительной борьбе южных славян были широко распространены среди простых людей Англии, и либералы также учитывали это. Отсюда выступления либералов в парламенте, полные жалости к угнетенным славянам, тогда как речи консерваторов дышали злобой и пренебрежением к ним⁶³.

В выступлениях либералов красной нитью проходит мысль о том, что именно независимые или автономные балканские государства могли бы под английским влиянием стать барьером, отделяющим Россию от проливов и Константинополя. Утверждение либеральной историографии о русофильстве Гладстона требует оговорок. В своем памфлете «Болгарские ужасы» он критиковал английское правительство не за антирусскую политику, а за неумелое ее ведение, вследствие чего англичане «под предлогом противодействия и угроз» в адрес России «постоянно и очень неловко играли ей на руку»⁶⁴. Следует, однако, заметить, что хотя Гладстон также имел в виду ослабление позиций России на Балканском полуострове, он намеревался осуществить ее вытеснение из этого района путем содействия славянам. Рассмотрев отношение либеральной оппозиции к ближневосточному кризису 70-х годов XIX в. на различных его этапах, Е. В. Елисеева пришла к выводу, что «оно определялось не принципиальными расхождениями с консерваторами о конечных целях английской внешней политики на Балканах, а политической конъюнктурой внутри страны, которая давала возможность либералам использовать благоприятную обстановку для борьбы за возвращение к власти»⁶⁵. Во всяком случае, либералы широко использовали искреннее возмущение многих простых людей Англии турецкими жестокостями в отношении славянских народов. Что же касается постоянных апелляций Гладстона к категориям добра и зла, справедливости и разума при обосновании им своих политических позиций, то его религиозно-моральные принципы, конечно, имели значение, но не помешали ему, например, симпатизировать рабовладельческому Югу в годы гражданской войны в США.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. правительство Дизраэли афишировало себя как защитника проливов, Галлиполийского полуострова и Константинополя от возможного занятия их русскими войсками, но Дизраэли при этом вынашивал планы оккупации Англией зоны проливов. «Хотел бы видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в качестве материальной гаран-

⁶³ Там же, стр. 64.

⁶⁴ Там же, стр. 69.

⁶⁵ Там же, стр. 87.

тии»⁶⁶, — писал он британскому послу в Константинополе О. Г. Лайарду. Дизраэли приказал британскому флоту в феврале 1878 г. пройти через Дарданеллы в Мраморное море без разрешения султана.

После Сан-Стефанского мира кабинет Дизраэли стремился ограничить уступки со стороны Турции в пользу России и славянских народов Балканского полуострова. Вместе с Австро-Венгрией он не желал допустить там образования большого славянского государства и грозил войной. Как известно, пересмотренные условия мира были вначале зафиксированы в русско-английском соглашении от 30 мая 1878 года. Спустя пять дней было подписано англо-турецкое соглашение, вошедшее в историю под названием «Кипрской конвенции». Этот договор выявил действительные цели, которые британское правительство преследовало в ближневосточном кризисе. Подчиняя себе Кипр и обеспечивая право вмешательства во внутренние дела Турции, Англия стремилась придать благовидную внешность этой конвенции, выдавая свой захват Кипра за «добровольную уступку» его Портой. Утверждение ряда английских историков о том, что со стороны Турции конвенция была добровольным актом, а со стороны Англии — «бескорыстным», направленным на защиту слабой Турции, представляется явно несостоятельным⁶⁷. Уже самый факт, что англо-турецкое соглашение, которое декларировалось в качестве гарантии против дальнейшего продвижения русских войск на азиатском театре войны, было заключено после русско-английского, в котором была намечена будущая русско-турецкая граница в Закавказье, показывает несостоятельность заявлений британской дипломатии о «защите» Турции.

На деле «Кипрская конвенция» была вырвана Англией у Турции путем угроз⁶⁸. Советские исследователи установили, что захват Кипра подготавливался английским правительством еще до русско-турецкой войны⁶⁹. Остров этот предполагалось использовать как плацдарм для дальнейшего английского продвижения в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где главным объектом британской экспансии был Египет. Купив в 1875 г. контрольный пакет акций Компании Суэцкого канала, британское правительство, по существу, стало хозяином этой важнейшей водной артерии. Это был первый акт в истории закабаления Египта Англией. Стратегическим оплотом для дальнейшей экспансии в этом направлении стал Кипр с его важным географическим положением.

На Берлинском конгрессе обсуждался, как известно, статус черноморских проливов. Главным противником действовавших в то время международных конвенций о закрытии проливов для военных судов выступила Англия. Целью британской дипломатии было стремление добиться такого режима в проливах, который позволял бы английскому флоту проходить через Босфор и Дарданеллы в Черное море и держать под угрозой русское Черноморское побережье, что давало бы Англии большую свободу рук в Афганистане, Иране, Турецкой империи. Британский представитель на конгрессе лорд Солсбери объявил, что принцип закрытия проливов для военных судов носит характер обязательств держав перед султаном. Следовательно, это обязательство отпадает, если султан пригласит флот той или иной державы в проливы. Современный американский историк Б. Елавич характеризует заявление Солсбери как стремление «освободить английскую сторону от соблюдения соглашения по проливам»⁷⁰.

⁶⁶ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 118—123.

⁶⁷ См. Г. Н. Реутов. Указ. соч.

⁶⁸ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 129; Г. Н. Реутов. Указ. соч., стр. 127—129.

⁶⁹ О. Б. Шпаро. Указ. соч., стр. 29—30, 270—271.

⁷⁰ B. Jelavich. The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question. 1870—1887. Bloomington — L. 1973, p. 124.

Следует признать, что ряд западных буржуазных историков теперь все чаще отказывается от безоговорочной трактовки позиции Англии в 1875—1878 г. как «защиты» Турции от «русской агрессии». Та же Б. Елавич пишет, что «защита» интересов Турции провозглашалась лишь в качестве прикрытия английской политики, преследовавшей узкоэгоистические цели. «Защитники» Турции — Англия и Австро-Венгрия — «не только не имели намерения поддерживать интересы Порты, но, как стало ясно к 1878 г., они также имели определенные виды на территорию империи»⁷¹. Эти-то «защитники» и явились инициаторами частичного раздела Турции. Австро-Венгрия и Англия без единого выстрела захватили: первая — Боснию и Герцеговину, вторая — Кипр.

Позиция Франции и Италии. В отличие от детального анализа политики Англии, Германии и Австро-Венгрии в советской историографии дана лишь весьма общая характеристика позиции Франции в период Балканского кризиса 1875—1878 годов. Французское правительство стремилось в то время предотвратить войну на Балканском полуострове. Конфликт России с Турцией представлялся руководителям французской внешней политики опасным, так как он мог бы развязать Германии руки для нападения на Францию⁷². Именно поэтому французские дипломаты старались удержать Черногорию⁷³ и Сербию от войны. Французские деловые круги, связанные с банками, инвестировавшими капиталы в Турции, опасались укрепления влияния России в Османской империи. Конкуренция с английскими финансистами в Турции не мешала им сотрудничать с ними в целях противодействия России. Финансовые круги Франции стояли за «невмешательство» в Балканский кризис. Более широкие слои французской буржуазии, не имевшие прямых интересов на Ближнем Востоке, продолжали считать главной опасностью германскую угрозу. Они видели в России прежде всего противовес Германии и выражали определенные симпатии русской политике в ближневосточном кризисе⁷⁴.

Политика балансирования между Россией и Англией проводилась французской дипломатией в начале Балканского кризиса и нашла свое отражение в поведении французского представителя на Константинопольской конференции в ноябре 1876 года. Официальный циркуляр правительства Франции от 19 ноября 1876 г. говорил о том, что она не имеет непосредственных интересов в этом конфликте и стремится к миру и согласию между европейскими державами. Но в строго секретной инструкции французским уполномоченным было указано, что они должны поддерживать на конференции Россию⁷⁵. В довольно сложной обстановке французские представители придерживались этой инструкции на конференции, которая, как известно, окончилась безрезультатно. С началом русско-турецкой войны французское правительство заявило о своем полном и строгом нейтралитете⁷⁶, и в целом он был благожелательным для России.

Однако вскоре после поражения монархическо-клерикальных сил во главе с Мак-Магоном и победы буржуазных республиканцев новое французское правительство повернуло к сближению с Англией и Австро-Венгрией, противниками России. Французская пресса, связанная с правительственными кругами, стала выступать против политики России на Ближнем Востоке. Согласно новому внешнеполитическому курсу, на Берлинском конгрессе французские уполномоченные не только оказали под-

⁷¹ Ibid., p. 110.

⁷² А. З. Манфред. Внешняя политика Франции 1871—1891. М. 1952, стр. 189. См. также: «Франко-германский кризис 1875 г.». «Красный архив», 1938, т. 91; Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. М. 1951.

⁷³ Д. Вујовић. Црна Гора и Француска. 1860—1914. Цетиње. 1971, ст. 202—204 и сл.

⁷⁴ А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 190—194.

⁷⁵ «Documents diplomatiques français, 1871—1914». Т. 2. P. 1930, №№ 115, 116.

⁷⁶ Ibid., № 159.

держку западным державам, но и создавали затруднения для России⁷⁷. Французская финансовая буржуазия, заинтересованная в сохранении и расширении позиций французского капитала на Ближнем Востоке, усматривала в России опасного соперника; в славянских народах, поддерживаемых Россией, она видела ее политическую опору. Поэтому французские дипломаты противодействовали планам России и освободительным стремлениям славянских народов. Они подчеркивали линию на «территориальную целостность Турции», то есть на сохранение османского феодального гнета на Балканах. «Целостность» Турции была нужна французской буржуазии для того, чтобы получить с нее ростовщические проценты по займам, а освобождение славянских народов от османского господства могло сократить эти доходы французских капиталистов. Практически политика «незапятнанных рук», провозглашенная французским кабинетом, свелась к поддержке Англии и Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе.

Италия после 1870 г. уже считалась входящей в число великих держав, но ее роль в ближневосточном кризисе была сравнительно малозначительной и почти не освещена в советской историографии. В ходе Берлинского конгресса итальянские уполномоченные пытались добиться «компенсаций» за усиление Австро-Венгрии. Один русский дипломат заметил по этому поводу: «На каком основании итальянцы требуют себе приращения территории? Разве они опять проиграли сражение?», — намекая на территориальные приобретения Италии, полученные после войны 1866 г. невзирая на сокрушительное поражение итальянцев при Кустице⁷⁸. Немецкие и австрийские партнеры Италии обращали ее внимание на Тунис. Ирредентистское движение за присоединение к Италии Триеста не оказало влияния на развитие Балканского кризиса. Следует подчеркнуть, что политика Италии на Балканском полуострове в 70-х годах XIX в. в советской историографии еще специально не исследована.

Резюмируя, можно отметить, что в целом советская историография вместе с учеными-марксистами социалистических стран пришла к объективным и обоснованным выводам о политике великих держав в Балканском кризисе 1875—1878 гг. и в огромной степени способствовала всестороннему изучению этого явления во всей его сложности и противоречивости. Особенно это относится к балканской политике России, русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и различным аспектам ее влияния на национально-освободительное движение балканских народов, которому русская армия оказала мощную поддержку. Раскрыты были противоречивые стороны войны 1877—1878 гг., роль в ней реакционных интересов царизма и других правительств, объективно прогрессивные последствия побед русской армии для балканских народов, показаны совместные действия патриотических сил славянских народов с русской армией, вошедшие в историю как незабываемые страницы боевого содружества и взаимной поддержки. То же касается русско-румынских отношений и боевого сотрудничества русских и румынских войск в 1877—1878 годах. Политика России и действия русской армии спасли Сербию от полного разгрома. С другой стороны, реакционный компромисс царского правительства с Австро-Венгрией еще до начала войны и затем давление западных держав на Берлинском конгрессе способствовали оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Англия использовала Балканский кризис для захвата Кипра. «Защитники» Турции получили компенсации за ее счет. Большой вклад внесен в изучение общественных течений в России и их отношения к Балканскому кризису и русско-турецкой войне, широкого движения в России в поддержку южных славян.

⁷⁷ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 130.

⁷⁸ «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 49; «История Италии». Т. II. М. 1970, стр. 282.

Еще недостаточно, однако, изучена деятельность добровольцев, позиция различных групп народников в отношении южнославянского освободительного движения и русско-турецкой войны. Как известно, часть народников считала, что передовым силам русского общества нет дела до освободительного движения южных славян и что поддержка его лишь отвлекает внутренние силы России от борьбы за социальное освобождение. Эта тенденция части народников не может расцениваться позитивно и характеризует их идейно-теоретическую слабость, недооценку ими национально-освободительных движений балканских славян, иллюзии относительно непосредственного перехода к полному социальному освобождению без развития капитализма и революционного рабочего движения, без сочетания борьбы за социальное освобождение с демократической борьбой и против царизма, и против национального гнета. Проблема эта требует, конечно, специального исследования. В то же время не изучены еще многие архивные материалы. Особенно это касается отношений России с Сербией и Черногорией в рассматриваемый период, политики России на Балканах накануне Балканского кризиса, то есть в начале 70-х годов XIX в. и непосредственно после Берлинского конгресса.

Таковы основные результаты, достигнутые советской исторической наукой в исследовании политики великих держав на Балканском полуострове в 1875—1878 гг. в сопоставлении с некоторыми концепциями западноевропейской историографии.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

С. С. Салычев

Каковы место и роль социал-демократии в современном мире? Каковы перспективы ее развития? Ответу на эти вопросы посвящен опубликованный в 1975 г. сборник «Письма и беседы»¹, в котором руководители крупнейших социал-демократических партий: ФРГ — В. Брандт (СДПГ), Австрии — Б. Крайский (СПА) и Швеции — У. Пальме (СДПШ) — характеризуют идейные принципы современной социал-демократии, ее отношение к капитализму, к буржуазному государству, ее стратегию и тактику. Значение публикации определяется в первую очередь положением ее авторов, которые возглавляют партии, задающие тон в Социалистическом интернационале. Высказывания В. Брандта, Б. Крайского и У. Пальме вполне авторитетно выражают новейшие тенденции в политике и идеологии современной социал-демократии.

За последние более чем полвека социал-демократия пределала значительную эволюцию вправо. До второй мировой войны социал-демократические партии открыто отстаивали реформизм, но еще ссылались на марксизм, разумеется, соответствующим образом ревизованный. В послевоенное время они официально порвали с марксизмом. Социал-демократические лидеры и идеологи выдвинули в качестве руководства в политике концепцию «третьего пути», отличного как от реального социалистического, так и от капиталистического. Поскольку реальность классовой борьбы не дает подобной возможности, то в политической практике эти партии сделали выбор в пользу капитализма. Во Франкфуртской декларации Социнтерна (1951 г.) говорилось: «Социалисты заявляют о своей солидарности со всеми народами, живущими в условиях фашистской или коммунистической диктатуры»². В этой формуле коммунизм выступает как большая угроза, нежели капитализм, а следовательно, оправдывается любое сотрудничество с буржуазными партиями на антикоммунистической платформе.

На рубеже 50-х — 60-х годов социал-демократические лидеры развернули под лозунгом «деидеологизации» кампанию за отказ от социалистических идеалов и от какого-либо цельного мировоззрения. «Деидеологизация» призвана была закрепить зависимость социал-демократии от буржуазной политики. Социал-демократические лидеры полагают, что курс на «деидеологизацию» вполне соответствует общим тенденциям капиталистического развития. Тогдашние экономические успехи капитализма и благоприятные для развития производительных сил перспективы научно-технической революции служили в их глазах достаточно веским основанием для вывода о том, что социально-политическая стабильность капитализма будет неуклонно возрастать, что классовая борьба обречена на затухание и что в таких условиях социал-демократия сможет приспособиться наилучшим образом к развитию, если от-

¹ W. Brandt, B. Kreisky, O. Palme. Briefe und Gespräche, 1972 bis 1975. Frankfurt a/M.— Köln. 1975 (далее: «Briefe und Gespräche»).

² SFIO. «L'Internationale socialiste». P. (6r), p. 29.

бросит ставший обременительным идейный багаж социалистического движения.

Однако вопреки этим прогнозам во второй половине 60-х годов капиталистический мир вступил в полосу невиданных по масштабам и остроте массовых движений протеста. Отступление политики «холодной войны» в пользу международной разрядки подтачивало «священное единение» социал-демократического руководства с буржуазией, то самое «единение», которое замораживало классовую борьбу во имя сохранения «атлантической солидарности». С ослаблением «холодной войны», констатирует Б. Крайский, «начался процесс политической дифференциации»³, что вновь выдвинуло вопросы идеологии на первый план. При этом социал-демократическому руководству пришлось столкнуться с небывалым усилением левых настроений в рабочем и демократическом движении, огромным ростом интереса самых широких масс к марксизму и в целом к социалистическим идеалам. Иными словами, «деидеологизация» оказалась в прямом противоречии с социально-политической реальностью.

Необходимость пересмотра идейно-политических установок социал-демократии властно вмешивалась в самые прагматические расчеты социал-демократических лидеров, побуждая их шаг за шагом отступать от привычных догм «холодной войны». В 1962 г. конгресс Социнтерна счел нужным подчеркнуть: «Нельзя допускать, чтобы враждебность к коммунизму выливалась в поддержку фашистских, реакционных и феодальных режимов»⁴. В документах Социнтерна апология агрессивного Североатлантического блока уступила, наконец, место призывам «сделать решительные шаги в направлении разрядки и сотрудничества»⁵. Возглавляемое социал-демократами правительство ФРГ внесло свой вклад в улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Финские социал-демократические лидеры активно содействовали подготовке и успешному завершению работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Социал-демократическое правительство Швеции оказало существенную дипломатическую поддержку борьбе вьетнамского народа за свое освобождение.

В 1972 г. бюро Социнтерна вынуждено было снять запрет на сотрудничество с коммунистами, предоставив социал-демократическим партиям «свободу рук»⁶. Это решение отражает весьма противоречивые процессы в социал-демократическом движении. Во Франции, Италии, Финляндии, где действуют влиятельные коммунистические партии, усилились левые тенденции в политике социал-демократических партий, наблюдается прогресс в деле сближения всех сил рабочего движения. Напротив, в ФРГ, Англии, Австрии социал-демократические лидеры заметно активизируют борьбу против коммунизма и коммунистических партий. Однако инициаторам антикоммунистических кампаний приходится сталкиваться с сильным сопротивлением со стороны повсеместно возросших в социал-демократических партиях левых течений. Вопрос об отношениях с коммунистами был в центре дискуссий на состоявшихся в 1976 г. конференциях социал-демократических партий в датском городе Хельсингёре и в Париже.

Новые положительные тенденции в политическом курсе оказывают соответствующее воздействие и на идеологию социал-демократического движения. На смену лозунгу «деидеологизации» пришли призывы к «реидеологизации» социал-демократии. Генеральный секретарь Социнтер-

³ «Rote Markierungen». Wien. 1972, S. 7.

⁴ Socialist International. «The World Today... The Socialist Perspective». L. (6r), p. 11.

⁵ «Socialist Affairs», May—June 1971, p. 107.

⁶ См. «Socialist Affairs», June—August 1972, p. 113.

на Г. Яничек заявил, что социал-демократия нуждается в «новой идеологической концепции роли и целей социал-демократии в странах развитого капитализма»⁷. Само возрождение интереса к идеологическим проблемам, социалистическим целям движения создает более благоприятную обстановку для развития левых течений, усиливающихся в большинстве социал-демократических партий. Однако, включившись в кампанию по «реидеологизации», социал-демократические лидеры придают ей сугубо антикоммунистический характер. Типичной в этом отношении является попытка У. Пальме сконструировать модернизированный вариант «третьего пути». У. Пальме предлагает следующую схему. В мире господствуют две «сверхдержавы»: США и СССР. В течение многих десятилетий эти две системы (США и СССР) представляли собой главные альтернативы. Они экспортировали свои образцы в Западную Европу, и борьба между сторонниками этих двух вариантов занимала авансцену социально-политической борьбы, которая к тому же была чревата опасностью термоядерной войны. Ныне две «сверхдержавы» пришли к пониманию необходимости стать на путь мирного сотрудничества. Ни капитализм США, ни социализм Советского Союза не смогли осуществить свои цели. Западной Европе следует сделать выводы из этого. Во внешнеполитическом плане она должна научиться сотрудничать с обеими «сверхдержавами». А в плане внутривнутриполитическом «Западная Европа должна освободиться, наконец, от обеих систем мышления»⁸, что и откроет ей «третий», социал-демократический путь. По У. Пальме, освободившись от СССР и США, Западная Европа сможет, наконец, осознать свою паневропейскую сущность, которая заключается в социал-демократизме, в то время как капиталистическая эксплуатация, политический гнет, реакция и т. п. принадлежат к неевропейским явлениям.

Шведская социал-демократия известна своим прагматизмом и «не любовью» к теории, и поэтому для У. Пальме не составляет особого труда зачеркнуть марксизм и всю западноевропейскую социалистическую мысль. Поражает, однако, то, что ни В. Брандт, ни Б. Крайский, представляющие партии, как будто бы склонные к теории, не произнесли ни слова против концепции У. Пальме. Вот почему идею «паневропейского социализма» нельзя воспринимать только как плод оригинальничанья У. Пальме. Конечно, на самом деле ни он, ни его коллеги не намерены превращать социал-демократию в еще одну разновидность паневропейского движения. Однако указанный факт свидетельствует по крайней мере о том, что В. Брандта и Б. Крайского не интересует теоретическая обоснованность концепции «третьего пути» и что, по их мнению, рассуждения У. Пальме ничем не хуже других самых разнородных обоснований этой концепции. Важно само признание «третьего пути».

Естественно, возникает вопрос: реален ли вообще «третий путь»? Общественная практика не дает никаких доказательств в его пользу. Социал-демократическим правительствам, шедшим этим путем, нигде так и не удалось открыть перспективу социалистического развития. «Ни в одной из стран, где социал-демократы находятся (иногда в течение многих лет) у власти, им не удалось преобразовать экономический строй. Именно скандинавские страны дают нам наилучший и нагляднейший пример этого»⁹, — признавал в свое время генеральный секретарь СФИО Ги Молле.

В свое время виднейший лидер социал-демократии О. Бауэр писал: «Реформистский социализм есть не что иное, как неизбежная идеология рабочего класса на определенной ступени его развития, когда

⁷ «Socialist Affairs», May 1972, p. 101.

⁸ «Briefe und Gespräche», S. 94.

⁹ «Le Nouvelle Observateur», 28.X.1968, p. 24.

рабочий класс еще недостаточно силен для того, чтобы свергнуть капиталистический общественный порядок, но когда он достаточно силен, чтобы успешно использовать демократические институты в борьбе за повышение своего жизненного уровня в рамках капиталистического общества»¹⁰. Многие из нынешних социал-демократических лидеров охотно соглашались с подобным определением. По словам социал-демократических идеологов и политиков, «реформистский социализм» имеет то преимущество, что, приспособляясь к капиталистическому развитию и одновременно защищая интересы рабочего класса, он не требует от последнего тех жертв и лишений, с которыми сопряжена революционная борьба.

Однако опыт классовой борьбы опровергает эти утверждения. За все достижения «реформистского социализма» рабочий класс расплачивается тем, что неразрывно связывает свои интересы с превратностями капиталистического развития. Цена этой расплаты была сравнительно невелика, пока капитализм развивался по восходящей линии, но резко возрастает по мере превращения капитализма в основное препятствие на пути к общественному прогрессу. В результате «реформистский социализм», который вначале отражал лишь слабость рабочего класса, последовательно превращается в препятствие революционному, а затем и демократическому развитию.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции реформистские лидеры социал-демократии уверяли, будто их борьба против революционных выступлений масс была подчинена интересам защиты демократии. После второй мировой войны они заявляли, что интересы демократии требовали отказа от социалистических целей. Так, в 1951 г. Ги Молле утверждал, что перед социалистами была дилемма: «Либо стать соучастниками большевиков в ликвидации республиканского режима во имя того, чтобы не делать никаких уступок в нашей программе и в нашем учении... либо, наоборот, для защиты республики пойти на то, чтобы выглядеть в глазах определенной части общественности и иногда наших же товарищей людьми, изменяющими нашей основной цели, самому смыслу нашей деятельности»¹¹. И поныне социал-демократические лидеры на упреки в отходе от социалистических целей отвечают, что этого-де требуют интересы защиты демократии.

В социал-демократическом словаре реформизм давно уже стал синонимом демократичности, революционности — недемократичности. В буржуазной и социал-демократической литературе широкое распространение получила легенда, будто после Октябрьской революции в России Э. Вандервельде и К. Каутский отстаивали «демократический» путь революционного развития против «недемократического» пути большевиков. Историческая реальность решительно отличается от этого мифа. Именно В. И. Ленин был наиболее решительным противником элитарных концепций революции «сверху», совершающейся в условиях ограничения демократии. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что не партия, а народ совершает революцию и что только качественное расширение демократии способно обеспечить успех социалистической революции¹². Э. Вандервельде, К. Каутского и других социал-демократических лидеров фактически не устраивала именно демократичность революционного процесса. К. Каутский не был принципиальным противником использования насилия. «Насильственные акты, — писал он, — неизбежны, если совершается насилие с целью подавить демократию. На насилие всегда отвечают насилием». К. Каутский возражал не про-

¹⁰ O. B a u e r. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie, des Socialismus. Bratislava. 1936, S. 318.

¹¹ «SFIO. 43-e Congrès national (Compte-rendu stenographique)». P. 1951, p. 55.

¹² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 327—329; т. 39, стр. 330; т. 41, стр. 77, 80—82.

тив использования революцией насилия, а против передачи народу политической власти. «Большевики... перешли после разгона Учредительного собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор боевой организацией одного класса, сделать государственную организацию. Они уничтожили демократию...»¹³.

Как правые, так и центристские лидеры социал-демократии утверждали, что передача народу политической власти может создать угрозу обществу. Их опасения были порождены глубоким, чисто элитарным недоверием к народным массам. «Мы считаем,— заявлял Л. Блюм,— что в условиях нынешнего капиталистического общества было бы безумием полагаться на неорганизованные массы»¹⁴. Социал-демократические лидеры полагали, что политическую власть можно доверить только социал-демократическим партиям, но никак нельзя допускать к власти неорганизованные массы. К. Каутский обвинял революционное крыло социал-демократии в «безответственном доверии» к неорганизованным массам, которые он презрительно называл «улицей», состоящей из невежественных и корыстных элементов общества. Установление власти «улицы», по словам К. Каутского, «означало бы не что иное, как унижение революции. И такое унижение было бы предверием полного развала»¹⁵.

Это высокомерие по отношению к народным массам привело К. Каутского и других реформистских лидеров социал-демократии в контрреволюционный лагерь. В Ноябрьской революции 1918 г. в Германии К. Каутский видел две силы: вооруженных пролетариев и «безоружное гражданское население»¹⁶. Первые, по его мнению, выступали против вторых. В состав «безоружного гражданского населения» входили: политически наиболее отсталая часть трудящихся, неспособная к самостоятельной политической борьбе, мелкобуржуазные обыватели и буржуазия, обладавшая всеми средствами принуждения, во много раз превосходившими средства принуждения вооруженного пролетариата. На выборах контрреволюционные партии получили большинство голосов. Однако морально-политический авторитет буржуазии был настолько подорван, что, даже победив на выборах, она не могла рассчитывать на то, чтобы воодушевить массы на борьбу в защиту ее целей, тогда как революцию защищал вооруженный народ. Чтобы выполнить «волю, выраженную на выборах», министр-социалист Г. Носке формирует «свободный корпус» из монархических и реакционно настроенных офицеров, которые, потопив в крови выступления рабочих Берлина, продемонстрировали на деле, как выглядит «законное» насилие буржуазного государства в защиту «демократии». Зрелище было настолько отталкивающим, что побудило многих социал-демократических политиков и идеологов сурово осудить поведение германской социал-демократии. «Германские социал-демократы,— писал, например, видный теоретик английского лейборизма Д. Коул,— заботились значительно больше о сохранении старого общества, чем о создании подлинно нового строя, и в силу этого они предали революцию и способствовали полному краху республики»¹⁷.

В 1930-х годах в недрах буржуазной демократии зародился фашизм, а средства парламентской борьбы оказались бессильными противостоять его развитию. Все сколько-нибудь серьезные победы над фашизмом были одержаны посредством внепарламентской массовой борьбы. Весьма поучительными в этом плане были события во Франции

¹³ К. Каутский. Диктатура пролетариата. Екатеринбург. 1919, стр. 40.

¹⁴ «SFIO. XVIII Congrès national (Compte-rendu stenographique)». P. 1921, p. 263.

¹⁵ К. Каутский. Проблемы пролетарской революции. Пётр. 1919, стр. 24.

¹⁶ Там же, стр. 23.

¹⁷ D. H. Cole. Communism and Social-Democracy. 1914—1931. Vol. IV, pt. II. L. 1958, p. 893.

в феврале 1934 года. 6 февраля 1934 г. демонстрации фашистских банд настолько запугали парламент, что тот, несмотря на то, что в нем большинство принадлежало депутатам левых партий, утвердил ставленника реакции Г. Думерга в качестве главы правительства. Однако через шесть дней, 12 февраля, прошедшие по всей стране антифашистские демонстрации свели на нет победу реакции. Победив в парламенте, фашистская реакция потерпела поражение на улице

После окончания второй мировой войны в социал-демократической литературе широко обсуждался опыт антифашистской борьбы. Обращалось, в частности, внимание на то, что зависимость социал-демократических партий от буржуазной политики серьезно ослабила их способность к антифашистской борьбе в условиях, когда буржуазные партии стали делать ставку на фашистскую реакцию. Указывалось на пагубное влияние раскола рабочего класса. В этой связи допускалось немало клеветнических инсинуаций в адрес коммунистов. Вместе с тем социал-демократы не могли уйти от вопроса: почему коммунисты, на которых они смотрели как на злейших врагов демократии, оказались самыми стойкими защитниками демократии и национальных интересов? Было немало признаний того, что в целом коммунистическое движение доказало свою неизмеримо большую по сравнению с социал-демократией способность отстаивать демократию в тяжелейших условиях антифашистской борьбы, когда верность демократии приходилось доказывать своей кровью и самой жизнью. Д. Коул вынужден был признать, что в целом политическая мораль коммунистического движения оказалась намного выше социал-демократической и что коммунисты проявили «неизмеримо большую верность идеалам и готовность идти на жертвы»¹⁸. Эти признания, несомненно, свидетельствуют об известной ограниченности демократических потенций реформистской политики социал-демократического движения.

Роль же революционного течения в борьбе за социалистические и демократические цели неуклонно возрастает. Теперь уже невозможно отрицать, не покидая почвы реальности, достижения Советского Союза и его огромное воздействие на весь ход классовой борьбы в мире. В середине 30-х годов один из убежденнейших противников Октябрьской революции, О. Бауэр, вынужден был под влиянием этих достижений признать: «В центр исторической концепции должен быть прежде всего поставлен важнейший факт послевоенной истории — факт победоносного развития социализма в СССР, — писал он. — Следует преодолеть мещанские вульгарно-демократические предубеждения против Советского Союза, которые все еще существуют в реформистском социализме»¹⁹. Огромное впечатление на мировое общественное мнение оказал решающий вклад Советского Союза в спасение мировой цивилизации от нацистской чумы и авангардная роль коммунистов в антифашистской борьбе.

Создание ракетно-ядерного оружия в Советском Союзе вызвало примечательную реакцию многих видных западных политиков. «Отныне создаются наилучшие перспективы для обеспечения мира»²⁰, — заметил, например, видный лидер французских социалистов Ж. Мок. И это высказывание не было единичным.

Социал-демократические лидеры вынуждены были признать, что даже реформистские достижения самой социал-демократии были бы намного скромнее, не будь Октябрьской революции и примера социалистического строительства в Советском Союзе, и что страх буржуазии перед коммунизмом и социализмом в Советском Союзе побудил господствующие классы к уступкам рабочему движению.

¹⁸ D. H. Cole. *Socialism and Fascism. 1931—1939*. Vol. V. L. 1960, p. 28.

¹⁹ O. Bauer. *Op. cit.*, S. 326.

²⁰ J. Moch. *En retard d'une paix...* P. 1958, p. 127.

Невозможно переоценить значение Великого Октября и социалистического строительства в развитии политического сознания и борьбы международного пролетариата. Пытаясь не замечать этого, социал-демократические политики и идеологи нередко оказываются в нелепом положении. Ныне они утверждают, что выдвигаемая ими программа установления «экономической и социальной демократии» есть последнее достижение социал-демократической мысли, которое позволяет преодолеть «ограниченность» революционной политики. Между тем конкретные пункты этой программы, в частности планирование, экономика, национализация, производственная демократия, законодательное закрепление основных социальных прав трудящихся, представляя собой пересказ лозунгов, которые родились в рабочем движении под прямым воздействием Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Об этом достаточно много пишется не только в марксистской, но и в буржуазной литературе. Например, профессор права Парижского университета Ж. Бурдо подчеркивал: «Формула социальных свобод появилась после войны 1918 года как следствие политических и социальных преобразований, затронувших Европу»²⁰. «Вклад социал-демократических теоретиков выразился лишь в том, что они обкорнали реальную революционную программу, отбросив задачу завоевания пролетариатом политической власти, которое только и обеспечивает осуществление этой программы.

Многолетний опыт классовой борьбы свидетельствует об ограниченности реформизма, особенно рельефно выступающей на фоне того реального вклада, который революционное течение в рабочем движении внесло в борьбу за демократию и социализм.

Но если исторический опыт предостерегает против переоценки демократических потенций социал-демократической политики, то теоретические аргументы в пользу «демократического социализма» внушают еще меньший оптимизм. Каков социал-демократический идеал общества? Изложение социал-демократическими лидерами этого идеала способно озадачить самого невзыскательного человека. Оказывается, будущее, которого добиваются эти лидеры, не несет человечеству каких-либо новых идейных, экономических или политических принципов. Социал-демократические лидеры обещают сделать более справедливыми и гуманными нормы буржуазного общества и решительно бороться с коммунистическими идеями.

Правда, в частных находках нет недостатка. Так, В. Брандт, характеризуя идейные принципы социал-демократии, сообщает об удивительном достижении западногерманской социал-демократии, которая, приняв в 1959 г. Годесбергскую программу, стала, наконец, партией «идейной свободы» и сделала тем самым, как он утверждает, новый шаг на пути развития демократии. В. Брандт имеет в виду, что СДПГ объявила себя свободной от какого-либо мировоззрения. Нельзя сказать, чтобы Б. Крайский и У. Пальме проявили восторг по этому поводу. У. Пальме даже заметил, что немного идеологии не повредило бы социал-демократии. Но в целом принципиальных возражений с их стороны не последовало. Да и не могло быть, ибо возражать В. Брандту значило бы выступить против принципа «нейтральности» в идеологии, который после второй мировой войны взят на вооружение социал-демократией²¹.

Между тем напрашиваются серьезные возражения против рассуждений В. Брандта об «идейной свободе» в партии и против самого принципа «нейтральности» в идеологии. В. Брандт и другие социал-

²⁰ G. Burdeau. *Traité de science politique*. T. VI. P. 1956, p. 463.

²¹ В декларации учредительного Франкфуртского конгресса Социалистического интернационала подчеркивается: «Социализм — это международное движение, которое не требует строгого единства взглядов» (SFIO. «L'Internationale socialiste», p. 27).

демократические лидеры совершенно некстати вспоминают в данном случае о демократии. Ни одна политическая партия не свободна от идеологии, ибо она не может действовать, не руководствуясь теми или иными воззрениями. Фразы о недемократичности самого принципа идейного единства партии могут вызвать лишь недоумение. Ведь партия — добровольное объединение единомышленников, и как таковая она имеет полное демократическое право принимать только единомышленников. Отказ принять в партию лиц, придерживающихся иных воззрений, не ущемляет никаких демократических прав, не представляет собой посягательства на свободу мышления. Так что в этом смысле «идейная свобода» — фикция. И в то же время В. Брандт умолчал о двух вполне реальных аспектах «идейной свободы». Поскольку в обществе, в котором действует СДПГ, господствует буржуазная идеология, то и провозглашение «идейной свободы» партии, то есть безразличия к воззрениям ее членов, означает идейное разоружение перед буржуазной идеологией. Последняя автоматически становится господствующей и в самой этой партии.

У концепции «идейной свободы», означающей отказ от конечных целей движения во имя сиюминутных выгод, свободу от идеалов социалистического движения, есть и моральный аспект. У этой «свободы» имеются и другие названия: прагматизм, цинизм и тому подобное. Напротив, строгость революционной партии в вопросах мировоззрения означает идейность, верность идеалам, конечным целям борьбы рабочего класса.

Нежелание В. Брандта спускаться с философских высот на землю объясняется просто. Ведь именно социал-демократическое правительство ФРГ провело через бундестаг закон «о запрете на профессию». Отныне от службы в государственных учреждениях может быть отстранено любое лицо, взгляды которого, по мнению государственных чиновников, недостаточно благонадежны. «Цель этого постановления, — пишет журнал «Stern» (1975, № 49), — отстранить от государственной службы «противников конституции», прежде всего коммунистов... Крайне правые, например, в эту категорию практически не попадают»²². По свидетельству того же журнала, члены неофашистской партии НДП не увольняются со службы. В. Брандт, восторгаясь «идейной свободой» в СДПГ, ни словом не обмолвился о возведении на уровень государственной политики «охоты за ведьмами».

Коммунисты, как и все подлинные демократы, будут решительно бороться против всяких попыток гальванизации духа и практики маккартизма.

В сфере социально-экономической авторы сборника «Письма и беседы» намечают довольно широкую программу реформ. Поддерживая традиционные экономические требования трудящихся, они обращают внимание на ряд новых направлений борьбы, новых проблем. Так, они вполне правомерно подчеркивают, что капиталистическое общество платит слишком высокую цену за материальный прогресс: изнашивание человека и природы. Нельзя не согласиться с выводом: «Если мы хотим надолго качественно улучшить условия жизни, нужно начать с отношений в сфере труда»²³, — а также с тезисом о том, что «рыночная экономика» не может удовлетворительно решить проблему защиты окружающей среды. Эти положительные аспекты программы деятельности социал-демократических партий могут составить реальную платформу для сотрудничества социал-демократов и коммунистов.

Однако лидеры большинства социал-демократических партий, в том числе и авторы упомянутой публикации, отвергают такую перспективу, выдвигая против сотрудничества с коммунистами самые различные до-

²² Цит. по: «За рубежом», 1975, № 1.

²³ «Briefe und Gespräche», S. 58.

воды. Фактически же их не устраивают революционные цели коммунистов, которые противоречат социал-демократическому курсу на приспособление, а не на ликвидацию капиталистических законов экономического развития. Отношение авторов сборника к капитализму лучше всего иллюстрируется высказыванием В. Брандта: «Должны ли мы в нашем районе земного шара отказаться от выгод рыночной экономики (в тех областях, где об этом можно говорить серьезно) и взять на себя риск создания экономики, управляемой из одного центра? Я думаю, что весь наш зрелый опыт говорит против того, чтобы мы вступили на такой путь, и за то, чтобы мы и дальше и в возможно более всеобъемлющем размере развивали силы рынка и конкуренции»²⁴. Не так уж часто можно услышать теперь от социалиста столь безоговорочную поддержку концепции «свободного предпринимательства». Ведь ныне и буржуазия готова признать необходимость ограничения действия сил «свободного рынка». Видимо, почувствовали некоторую неловкость и коллеги В. Брандта. У. Пальме, например, заметил, что все же «силами, действующими на рынке, следует управлять»²⁵. Б. Крайский также признал необходимость установить контроль над экономикой. Но в целом У. Пальме и Б. Крайский были шокированы скорее резкой формой, чем существом. В конце концов сам Б. Крайский убежден, что требование К. Маркса об «экспроприации экспроприаторов» ныне совершенно неприменимо²⁶.

Нюансы рассуждений на эту тему не меняют сути дела. Ведь главное ясно. Руководители крупнейших социал-демократических партий Европы в принципе против ликвидации капиталистической собственности, они твердо выступают за сохранение законов «свободного рынка» (при некоторых различиях во взглядах на степень ограничения действия этих законов). Нельзя считать случайностью тот факт, что в программной декларации Социтерна «Мир сегодня... Социалистическая перспектива» (1962 г.) традиционное социалистическое требование ликвидировать капиталистическую собственность заменено неопределенным пожеланием относительно расширения общественной собственности²⁷. Иными словами, «третий путь» социал-демократов не угрожает устоям капиталистической экономики.

В программных документах международной социал-демократии именно на буржуазное государство возлагается основная миссия построения «демократического социализма». «Демократический социализм достиг многого, но предстоит решить еще более крупные проблемы,— говорится в упомянутой декларации.— Нет единого метода преодоления пороков нынешнего общества. Для того, чтобы добиться справедливого распределения богатств, мы настаиваем на расширении общественной собственности и контроля, принятии законов, направленных на обуздание власти частных монополий, проведение радикальной реформы налоговой системы и защиту потребителей. Государственное вмешательство, опирающееся на демократические решения, крайне необходимо для обеспечения быстрого экономического развития, достаточно высокого уровня капиталовложений и быстрого внедрения новейших технических достижений. Это превращает экономическое и социальное планирование в главную функцию правительства»²⁸.

В. Брандт предлагает следующее определение современного буржуазного государства: «Мы должны рассматривать цивилизованное демократическое государство как организованное правовое сообщество народа, которому поручено заботиться о безопасности, свободе и спра-

²⁴ Ibid., S. 66.

²⁵ Ibid., S. 61.

²⁶ Ibid., S. 47.

²⁷ См. Socialist International, «The World Today... The Socialist Perspective», p. 7.

²⁸ Ibid.

ведливости»²⁹. Государству, стоящему, по словам В. Брандта, на страже справедливости, вручается монопольное право на использование насилия. Ставя точку над «i», У. Пальме категорически осуждает революционное насилие как якобы антидемократический, непригодный для западноевропейских стран метод, порождаемый, как он утверждает, «элитарным мышлением» коммунистов и анархистов³⁰. Поистине социал-демократические лидеры не знают границ в словесной эквилибристике вокруг понятия «демократия». С революционной традицией у современной социал-демократии сведены все счеты. В свое время Б. Крайский уже имел возможность открыто высказаться по этому вопросу: «Революции как политические категории лишены какого-либо реального содержания. Мы должны иметь мужество признать, что общество может быть изменено только посредством непрерывной серии реформ»³¹. Реформизм объявляется гарантом демократии и столбовой дорогой к социализму; революционность — опасным для демократии и ненужным для социализма продуктом «элитарного» мышления.

Сконструированный таким образом «третий путь» социал-демократические лидеры интегрировали в общий поток капиталистического развития. В начале 1960-х годов один из руководителей голлистской партии (ЮДР), А. Шаландон, выступил с призывом: «Перед лицом марксизма — социализма прошлого и перед лицом устаревшего капитализма мы все должны построить социализм будущего — голлистский гуманизм»³². Что значит это почти дословное совпадение программы партии крупного капитала с социал-демократической формулой «третьей силы»? Случайно ли оно? Или, быть может, буржуазная партия стремится использовать в демагогических целях популярный лозунг? А возможно, и реальное совпадение существа двух концепций «третьей силы». Это последнее предположение опирается на многочисленные факты. Из идейно-политической платформы современной социал-демократии исчезли элементы принципиальной оппозиции экономическим, политическим и идейным устоям буржуазного общества. Да и прошлый опыт политики «третьей силы» изобилует примерами сотрудничества социал-демократических партий с партиями крупного капитала на антикоммунистической основе.

Не питая никаких иллюзий в отношении возможностей реформистской политики, коммунисты вместе с тем учитывают, что раскол рабочего класса серьезно ослабляет борьбу за повседневные интересы трудящихся и что в прошлом этот раскол был одним из основных факторов, затруднивших организацию оппора фашистской реакции.

Социал-демократические партии ведут за собой значительные силы рабочего класса. Имея социальную опору главным образом среди трудящихся и демократических слоев, эти партии не могут не считаться с демократическими устремлениями народных масс. Самое провозглашение социалистических целей создает в социал-демократическом движении более благоприятную, чем в несоциалистических партиях, идейную атмосферу, подготавливающую массы к борьбе за социализм. Вот почему коммунистические партии придают такое большое значение задаче борьбы за единство рабочего класса и за установление сотрудничества с социал-демократическими партиями.

В документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий подчеркивается: «Участники конференции приветствуют успехи в развитии сотрудничества коммунистических и социалистических или социал-демократических партий, достигнутые в ряде стран и в международном плане. Они считают, что коренные интересы рабочего клас-

²⁹ «Briefe und Gespräche», S. 15.

³⁰ Ibid., S. 22.

³¹ «Socialist Affairs», May 1972, p. 101.

³² Цит. по: «Cahiers du communisme», 1962, № 5, p. 30.

са и всех трудящихся требуют преодоления преград, стоящих на пути сотрудничества и осложняющих борьбу трудящихся масс против монополистического капитала, против реакционных и консервативных сил»³³.

Существует широкая основа для сотрудничества коммунистов и социал-демократов в борьбе за мир, за демократические свободы и права, за повседневные, в том числе и экономические, требования трудящихся. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, отмечая, что коммунисты ценят то, что было достигнуто в области контактов с социалистическими и социал-демократическими партиями ряда стран, заявил на XXV съезде КПСС: «Безусловно, об идеологическом сближении научного коммунизма с реформизмом социал-демократов не может быть и речи. Среди социал-демократов еще немало таких, кто всю свою деятельность строит на антикоммунизме и антисоветизме. Есть даже партии, где карают за общение с коммунистами. Против таких явлений мы будем вести борьбу, ибо они на руку только реакции. Однако с социал-демократами, сознающими свою ответственность за дело мира, и тем более с социал-демократическими рабочими нас могут объединить и объединяют забота о безопасности народов, стремление обуздать гонку вооружений, дать отпор фашизму, расизму и колониализму. Именно в этом плане мы проявляли и будем проявлять инициативу и добрую волю»³⁴.

Отход социал-демократического руководства от догм «холодной войны» и поиски им более реалистичной политики, направленной на улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, улучшают перспективы борьбы за упрочение международной разрядки и ликвидацию очагов агрессии. Коммунистические партии Советского Союза и других социалистических стран неоднократно выражали готовность сотрудничать с социал-демократическими партиями на международной арене. Повсеместно расширяются возможности для налаживания единства действий коммунистов и социалистов по таким проблемам, как разрядка международной напряженности и нормализация отношений между Востоком и Западом, прекращение гонки вооружений и меры по разоружению, обеспечение безопасности в Европе, ликвидация очагов агрессии, борьба против фашистской и всякой иной реакции и т. д.

Рост политической активности масс, ослабление антикоммунистических настроений расширяют возможности сотрудничества социалистов и коммунистов в демократической борьбе. Коммунисты и социалисты Франции совместно ведут борьбу за изменение общего соотношения политических сил в пользу рабочего класса и демократических слоев населения, за приход к власти правительства демократического союза. Такие же задачи стоят перед рабочим и демократическим движением Италии и Финляндии. Бесчинства итальянских неофашистов, оживление деятельности неонацистов в ФРГ — это лишь внешние проявления глубинных политических процессов, определяющих нарастание реакционных тенденций в политике правящих кругов, что расширяет объем задач по защите демократических свобод, прав, институтов.

Наибольший прогресс в сближении рабочих сил достигнут на уровне экономической борьбы. В 1969 г. в Финляндии социал-демократические профсоюзы присоединились к Центральному объединению профсоюзов Финляндии. В Италии налажено сотрудничество трех основных профцентров, объединяющих трудящихся коммунистов, социалистов и католиков. Усиление тенденций к профсоюзному единству наблюдается во Франции, Бельгии и других странах. Интернационализация капита-

³³ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976». М. 1976, стр. 32.

³⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 484—485.

ла и возрастание экономической роли многонациональных монополий побуждают профсоюзы разных стран объединять свои силы в международном масштабе.

Таким образом, создаются благоприятные условия для налаживания сотрудничества коммунистов и социал-демократов по широкому кругу социально-политических проблем, которое не только отвечает непосредственным интересам трудящихся, но и будет способствовать демократическому развитию, борьбе за мир.

Однако нельзя забывать, что за общими для коммунистов и социал-демократов требованиями скрываются различные политические линии. Отстаивая экономические интересы народа и демократические свободы, коммунисты ориентируются на развертывание классовой борьбы, опираются в основном на экономическую борьбу трудящихся и массовую политическую борьбу; социал-демократические руководители — на политику классового сотрудничества, правительство, парламент и другие буржуазно-демократические институты, отводя второстепенную роль массовой борьбе. Коммунисты указывают, что политика социалистических стран и антивоенное массовое движение прокладывают путь к мирному сосуществованию; социал-демократические руководители возлагают все надежды на НАТО. Выдвигая одни и те же лозунги, коммунисты развертывают массовую борьбу для революционного воспитания масс; социал-демократическое же руководство добивается усиления позиций реформизма. Реформисты, писал В. И. Ленин, «надеются посредством тактики единого фронта убедить рабочих в правильности реформистской и в неправильности революционной тактики. Нам нужен единый фронт, потому что мы надеемся убедить рабочих в обратном»³⁵. Принимая во внимание эту политическую реальность, коммунисты предлагают не обуславливать единство действий коммунистов и социалистов требованием предварительно ликвидировать существующие между ними идейные разногласия. Коммунисты подчеркивают, что всякие проявления нетерпимости при организации единых действий играют на руку только буржуазии, исполняющей идейные разногласия для того, чтобы воспрепятствовать объединению рабочих масс в их общей борьбе за конкретные требования. Подвергая острейшей критике оппортунизм и антикоммунизм социал-демократии, коммунисты стремятся не допустить того, чтобы буржуазия выступала в роли верховного арбитра в отношении их разногласий. Борясь за развитие сотрудничества на всех уровнях, поддерживая шаги по налаживанию единства «сверху», установлению сотрудничества между лидерами, коммунистические партии направляют вместе с тем усилия на организацию совместных массовых выступлений «снизу», которые, вовлекая самые широкие массы в активную борьбу за единство рабочих сил, позволили бы им сказать свое слово в разрешении идейных разногласий между коммунистами и социал-демократами.

Таким образом, борьба коммунистов за единство рабочего класса создает благоприятные условия не только для отстаивания повседневных требований трудящихся, но и для формирования самостоятельной политики рабочего движения. Демократизм политики коммунистов — не тактический маневр. Он продиктован глубоким убеждением в том, что возрастание политической активности и политической самостоятельности масс представляет собой самое эффективное средство их революционного воспитания. В этом проявляется теснейшая взаимосвязь демократии и революции.

Напротив, социал-демократические лидеры, неизменно прокламирующие свою приверженность демократии, начисто забывают об этом, как только заходит речь о единстве рабочего класса. Провозгласив ло-

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 144.

зунг «идейной свободы», социал-демократические лидеры открывают все двери в свои партии для буржуазной идеологии и в то же время активно используют идейные различия для сохранения раскола в рабочем движении. Большинство социал-демократических лидеров выражает готовность сотрудничать с коммунистами только после того, как будут разрешены идейные разногласия между коммунистами и социал-демократами. О том, как они представляют себе это, свидетельствует высказывание У. Пальме, который заявил, что у коммунистов есть два выхода: остаться на позициях марксизма-ленинизма или выбрать «новый путь, связанный с традициями демократического социализма»³⁶. В первом случае У. Пальме обещает беспощадную борьбу, во втором — принятие в недра социал-демократии на условиях безоговорочной капитуляции. Лицемерными фразами о необходимости покончить с братоубийственной борьбой маскируют социал-демократические политики свою глубоко антидемократическую политику диктата в отношении коммунистов, проявляя ту самую нетерпимость, в которой они так усердно обвиняют коммунистов.

Там, где социал-демократические лидеры вынуждены идти на сближение с коммунистами, они настаивают на том, чтобы этот процесс находился под исключительным контролем «верхов» и чтобы рядовые члены партии и массы были отстранены от непосредственного участия в нем. Обращение к массам осуждается как проявление «элитизма», а фактическое отстранение масс от процесса сближения между социал-демократическим и коммунистическим движением оказывается совместимым с «истинным демократизмом».

Пресловутая демократичность политики социал-демократического руководства имеет, следовательно, достаточно жесткие пределы. Обратной стороной их всеядности в отношении буржуазных взглядов является фанатичная нетерпимость к революционной идеологии, а претензия на монопольное право говорить от имени демократии сочетается с глубоким недоверием к массам, отстранением их от участия в решении наиболее важных политических проблем.

Недемократичность социал-демократической политики в рабочем движении — не случайность, а отражение зависимости реформизма от буржуазной политики и идеологии. По мере повышения уровня классовый борьбы и политического сознания рабочих масс слабеет уверенность социал-демократических лидеров в своей способности навязать реформистский курс рабочему движению. Отсюда стремление антикоммунистически настроенных лидеров социал-демократии искать поддержки буржуазии в борьбе против революционного течения, претендовать на роль защитников «свободного мира» от «коммунистической угрозы». Учитывая, что наблюдающийся ныне кризис системы буржуазных идейно-политических ценностей снижает эффективность антисоветской пропаганды с открыто буржуазных позиций, правые круги социал-демократии пытаются восполнить этот пробел в буржуазной стратегии активизацией идеологической борьбы против Советского Союза с позиций своей концепции «третьего пути». Лидеры СДПГ подчеркивают, например, что поворот к международной разрядке обязывает социал-демократов усилить идейную борьбу против коммунизма. Председатель Социинтерна Б. Питерман и ряд других видных социал-демократических лидеров откровенно высказываются в пользу разжигания контрреволюционных настроений в социалистических странах, используя для этого социал-демократические идеи. В ход пускается и оголтелая антисоветская клевета³⁷. Эта готовность социал-демократических лидеров сотрудничать с буржуазией в борьбе против Советского Союза и коммунистического движения наносит рабочему движению огромный ущерб.

³⁶ «Briefe und Gespräche», S. 63—64.

³⁷ См., например, «Socialist Affairs», July—August 1975, pp. 44—46.

Социал-демократические лидеры изображают дело так, будто единство рабочего класса нужно только коммунистическим партиям, и в качестве платы за свое согласие на сотрудничество фактически требуют от коммунистов принципиальных идейных уступок. Однако удовлетворение этих требований обесценило бы само рабочее единство, поскольку реформизм обнаружил неспособность защитить интересы рабочего класса и демократии особенно в кризисной обстановке, в самые ответственные, переломные моменты исторического развития. Это значит, что восстановление рабочего единства на реформистской основе разоружило бы рабочее движение. Ныне, как никогда, актуально звучит напоминание об исторических уроках классовой борьбы.

Социал-демократические лидеры выдвигают самые изощренные аргументы против сотрудничества с коммунистами, забывая при этом о вполне реальных угрозах. В нынешнем развитии капитализма появляются весьма опасные тенденции. Кризис капиталистической экономики напоминает кризис 1930-х годов. Сгущаются тучи и на политическом горизонте, что признают и социал-демократические лидеры. У. Пальме с тревогой отмечает: «Парламентаризм в Европе находится в данный момент в состоянии хаоса. С различных сторон выражаются опасения, что с будущим демократии дело обстоит не лучшим образом». В беседе, состоявшейся 25 мая 1975 г. в Вене, У. Пальме заявил: «Многих охватило беспокойство и даже страх. Существует опасность, что этот страх может привести к развитию некоего подобия фашизма»³⁸.

В какой мере социал-демократия готова к резкому обострению социально-политической обстановки? На беседе в Вене произошел примечательный диалог. У. Пальме: «Наша задача — спасти индустриальное общество». Б. Крайский: «Это уже говорилось в 30-е годы». И несколько позже: «Интересно, что схожие исторические ситуации приводят к одинаковым выводам... В 1931 г. Фриц Тарнов произнес речь на съезде немецких социал-демократов, которая вошла в историю под названием «Врач у постели больного капитализма». В этой речи, которая подверглась нападкам со стороны левых, он пытался показать, как это делаешь и ты, Улоф, что индустриальное общество нейтрально. Капитализм не в состоянии решить проблемы индустриального общества, и потому это должны сделать социал-демократы»³⁹. Проблема, затронутая Б. Крайским, не получила решения в ходе беседы. А жаль. Зловещее повторение социал-демократическими лидерами ошибок, которые в 1930-х годах имели столь трагические последствия, должно было бы вызвать у них самую серьезную тревогу. Человечество заплатило слишком высокую цену за опыт 30-х годов и не имеет права благодушно допускать повторения прошлых ошибок.

Ориентируя рабочее движение на эволюционное развитие капитализма, социал-демократические партии обезоруживают рабочий класс перед лицом социально-политических потрясений, которые могут привести к ликвидации многолетних социальных завоеваний рабочих, а также перед лицом фашизма, угрожающего самим основам цивилизации. А эти возможности вписаны в самую логику капиталистического развития. Вот почему сотрудничество социал-демократов с коммунистами становится не только вопросом политической целесообразности, но и средством защиты интересов рабочего класса, обеспечения будущего рабочего и демократического движения.

³⁸ См «Briefe und Gespräche», S. 90, 118.

³⁹ Ibid., S. 121.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

И. П. Деметьев

В изучении американской историографии советские историки добились за последние годы значительных успехов. Характерен разнообразный спектр исследований. В сборниках по американской историографии под редакцией Г. Н. Севостьянова¹ и других исследованиях проанализирована новейшая литература по ряду ключевых проблем истории США. Опубликованы статьи, посвященные таким крупным историкам, как Ч. Бирд, Ф. Д. Тернер, Д. Коммонс, А. М. Шлезингер-младший, и другим. Появились исследования, в которых рассмотрены некоторые новейшие течения и тенденции в буржуазной историографии США 60-х—70-х годов². Во всех этих работах в большей или меньшей степени подвергались анализу проблемы методологии и теоретические установки буржуазных историков. В результате стало не только своевременным, но и возможным дать обобщающую характеристику развития американской историографии в послевоенный период, прочертить главные линии ее эволюции и более точно оценить удельный вес тех или иных направлений и школ³.

Американская буржуазная историография после второй мировой войны развивалась под непосредственным воздействием главного противоречия современности: между социализмом и капитализмом. В обострившейся идеологической борьбе двух систем важное место заняла историческая наука, социальная значимость которой резко возросла. Открыто или скрыто, прямо или опосредствованно позиция буржуазной историографии по кардинальным методологическим и конкретно-историческим вопросам определялась ее противоборством с марксистско-ленинской исторической наукой. Особенности развития США, сделавшие их лидером капиталистического мира, «бастионом антикоммунизма», лишь рельефнее оттеняли эти черты.

В своем послевоенном развитии американская буржуазная историография прошла два этапа. В первое послевоенное десятилетие она

¹ «Основные проблемы истории США в американской историографии (От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг.)». М. 1971; «Американская историография внешней политики США (1945—1970)». М. 1972; «Основные проблемы истории США в американской историографии (1861—1918 гг.)». М. 1974; «Американская историография внутриполитических проблем США в послевоенный период». М. 1974.

² Н. Н. Болховитинов. Современная американская историография: новые течения и проблемы. «Новая и новейшая история». 1969, № 6; В. Л. М а л ь к о в. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии (Кризис методологических основ и практика конкретных исследований). «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М. 1974.

³ В настоящей статье анализируется историография внутриполитической истории США. Обширная проблема историографии внешней политики США заслуживает отдельного рассмотрения.

формировалась в атмосфере «холодной войны» и активизации сил империалистической реакции. Тенденция к реакции во внутренней и внешней политике нашла особенно яркое проявление в маккартистской истерии первой половины 50-х годов, распространении мифов о советской военной угрозе, сочетавшихся с милитаристским угаром. Насаждался конформизм, проявлялось стремление к усилению контроля над сферой идеологии. Требования правящих кругов США к американским историкам были сформулированы в беспрецедентном послании президента Г. Трумэна к Американской исторической ассоциации (АИА) в декабре 1950 года. Главной задачей американской политики, писал он, является борьба с коммунизмом, и в этом деле «труд американских историков имеет колоссальное значение»⁴.

В конце 50-х — начале 60-х годов наступил новый этап послевоенной истории США. Провалы политики «холодной войны» со все большей очевидностью свидетельствовали об изменении соотношения сил в мире в пользу социализма. Последовательная мирная политика СССР пролагала путь к разрядке международной напряженности. В самих США долго и подспудно вызревавшие противоречия вылились в острый социальный кризис. Активизация рабочего класса сочеталась с пробуждением к борьбе широких демократических слоев общества. В стране разворачивается мощное движение негров против расового и социально-политического гнета. В бурные 60-е годы активное участие в движении протеста приняла молодежь, пришедшая на смену «молчаливому поколению» 50-х годов. Она составила основу движения, получившего название «новые левые». Их анархистский протест содержал немалый заряд антимонополистической и антиимпериалистической критики. Острые их выступлений было направлено против моральных ценностей буржуазного общества. Вместе с тем, выступив против «холодной войны», вызванной политикой США, против войны во Вьетнаме, они пришли к выводу о связи внешнеполитических проблем с расовым, социальным и экономическим гнетом в стране.

Изменение международной обстановки и обострение классовых антагонизмов вызвали оживление неоллиберализма, усиление социального маневрирования, политику мелких реформ. Среди многих теорий, рисующих модель современного капитализма, на первый план с конца 50-х и в 60-х годах выдвигается теория «индустриального общества», авторы которой стремятся противопоставить марксистско-ленинскому учению о неизбежности революционной перестройки буржуазного общества альтернативу «трансформации капитализма» с положением о затухании классовых противоречий и надклассовой роли буржуазного государства в основе ее. Эти черты идейно-политической жизни США послевоенного времени оказали прямое или косвенное влияние на развитие историографии.

Повышение социальной значимости, идеологического и политического потенциала исторической науки привело к существенному расширению масштабов исторических исследований в США в послевоенный период. Наличие большого числа научно-исследовательских центров, расширение подготовки профессиональных историков, материальная поддержка, оказанная монополиями («частные фонды») и правительственными учреждениями,— все это придавало гораздо больший размах историческим исследованиям в США, чем в странах Западной Европы. Ведущую роль при этом играют такие университеты, как Гарвардский, Колумбийский, Висконсинский, Калифорнийский, Чикагский, Корнелльский, Принстонский. После войны были также основаны многочисленные институты для изучения отдельных проблем, особенно в сфере

⁴ «American Historical Review» (далее — «AHR»). Vol. LVI, № 3, April 1951, pp. 711—712

международных отношений и советологии. На основе правительственных контрактов работают десятки специальных институтов и центров. Сейчас в США функционирует около 150 исследовательских центров по изучению экономики, истории и политики СССР, из них около 20 учреждений занимаются исключительно историей Советского Союза⁵. Ведущими в этом отношении являются Русский исследовательский центр при Гарвардском университете и Русский институт при Колумбийском университете. Первый из них организован в 1948 г. на средства фонда Карнеги, второй — в 1946 г. и финансируется фондом Рокфеллера. В 1975 г. началось издание 25-томной «Современной энциклопедии русской и советской истории».

Крупнейшей среди профессиональных организаций американских историков является АИА⁶. К ней примыкают Организация американских историков, а также другие ассоциации и многочисленные объединения историков в отдельных штатах. АИА связана с правительственными кругами и имеет своих представителей в национальных научных организациях. Ее органом является журнал «American Historical Review». К числу важнейших периодических исторических изданий относятся также журналы: по всем проблемам истории США («Journal of American History») (до 1964 г. выходил под названием «Mississippi Valley Historical Review»), по истории американского юга («Journal of Southern History»), по новейшей истории США («Journal of Modern History»), по ранней истории США («William and Mary Quarterly»), по истории рабочего движения («Labor History»), по негритянской истории («Journal of Negro History»), а также большое число изданий по международным отношениям, по отдельным регионам мира и эпохам, по отдельным направлениям исторической науки («социальная история», «междисциплинарная история») и др.

В послевоенные годы увидел свет ряд многотомных изданий по истории США. Наиболее значительные из этих серий: «Экономическая история США», «История Юга», «Народ Америки. Историческая серия», «Чикагская история американской цивилизации»⁷. Издается большое число обобщающих работ учебного характера, очень обширна историческая литература, адресованная «массовому потребителю». В последнем случае широко используются также радио, телевидение и пресса.

Главным хранилищем исторических документов являются Национальный архив и Библиотека конгресса в Вашингтоне, а также библиотеки исторических обществ в штатах. Библиотеки отдельных университетов часто создают у себя коллекции документальных источников по специальным проблемам истории США. Например, Стэнфордский университет в Калифорнии известен как обладатель уникальной коллекции прессы раннего периода американской истории, а также материалов по истории внешней политики новейшего времени (институт Гувера). Большое значение для исследователей имеют частные президентские архивы, где сосредоточена значительная часть государственных документов, забираемых президентами после их ухода из Белого дома. В последнее время получили распространение также «устные архивы», содержащие записанные на пленку свидетельства участников и очевидцев недавних исторических событий.

В послевоенный период произошли существенные изменения в теоретико-методологических основах буржуазной исторической науки

⁵ См. подробнее: Б. И. Марушкин. История и политика. М. 1969.

⁶ См. Н. В. Сивачев. На 89-м ежегодном съезде Американской исторической ассоциации. «Вопросы истории», 1975, № 6.

⁷ «The Economic History of the United States». Ed. by H. David a. o. N. Y. 1945—; «The People of America Series». Ed. by L. Adamic. Philadelphia. 1947—; «A History of the South». Ed. by W. H. Stephenson and E. M. Coulter. Baton Rouge. 1948—; «Chicago History of American Civilization». Ed. by D. J. Boorstin. Chicago. 1956—.

США. Критика классического позитивизма, которая нарастала в американской историографии с 30-х годов, достигла своего апогея в конце 40-х — начале 50-х годов. В своей методологической переориентации буржуазная историография опиралась на наследие европейского неокантианства и традиции американского прагматизма. Экзистенциализм и бихевиоризм лежали в том же русле. Все эти философские течения — варианты субъективного идеализма. Его сторонники в США повторили известные положения неокантианцев о принципиальном различии между методологией естественных и общественных наук и утверждение, что в общественных науках невозможно установление общих законов. Своеобразным манифестом этих релятивистских идей явился вышедший в 1946 г. сборник «Теория и практика в историческом исследовании»⁸, в котором приняли участие видные американские историки.

Под флагом выступления против «натурализма» и позитивистской социологии велась борьба с марксистским пониманием общественного развития как естественно-исторического процесса и возможности его познания. Отход от позитивизма был облегчен тем, что Ч. Бирд — глава очень влиятельного в американской межвоенной историографии «экономического» направления, воплощавшего принципы позитивизма, выступал еще с середины 30-х годов с субъективистских позиций. «История! — восклицал он. — Так это всего-навсего кот, которого тащат за хвост в места, куда он редко хочет идти. Другой человек, придерживающийся других взглядов, используя те же материалы, мог бы написать книгу, содержащую концепции, противоположные моим»⁹. В обстановке подъема релятивистской волны стало модным при объяснении исторических событий делать упор на чувства и настроения людей. Для других исследователей исторический процесс оказывается сплошным нагромождением случайностей. Так, например, известный американский историк О. Хэндлин в книге «Поворотные пункты американской истории» пытается доказать, что случайности (погода, внезапная смерть видного политического деятеля и т. д.) решающим образом влияли на исход важнейших событий истории США¹⁰.

Наиболее опасным следствием субъективизма явился, однако, презентизм (от present — современность). Релятивистская концепция подводи́ла философскую базу под модернизацию истории. Раз прошлое дано историку только через переживание в сознании самого историка, то, следовательно, осовременивание прошлого, стирание различия между прошлым и настоящим совершенно естественны. Провозглашалась необходимость «переписывания» прошлого под углом зрения современных политических интересов правящего класса. В этом усматривалось воплощение высокой социальной ответственности историка-профессионала. В 1949 г. президент АИА К. Рид в обращении «Социальная ответственность историка» призвал объяснять прошлое в интересах настоящего: «Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый занял свой пост. Историк так же не свободен от этой обязанности, как физик»¹¹.

Все больше вырисовывавшаяся связь релятивистской философии истории с политической реакцией вызывала сопротивление ряда исследователей. Видный буржуазный историк Ч. Дестлер писал, что К. Рид хочет превратить историю «в инструмент пропаганды и отдал ее зара-

⁸ «Theory and Practice in Historical Study. A Report of the Committee on Historiography». N. Y. 1946.

⁹ Ch. A. Beard. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1946.

¹⁰ O. Handlin. Chance of Destiny. Turning Points in American History. Boston. 1969.

¹¹ C. Reed. Social Responsibilities of the Historian. «AHR». Vol. LV, № 2, January 1950, p. 283.

нее любой правящей группе, которая захватит контроль над Капитолием»¹². Другие историки также нередко связывали подъем релятивизма с общими тенденциями реакции в США и выступали в защиту принципов объективности в научных исследованиях. Но, отвергая «крайности» субъективизма, буржуазные историки не опровергают его теоретические основы. Так, Д. Малин, критикуя релятивистски-презентистские установки, призывал отказаться от любой методологии и провозглашал «независимость» исторической науки от политической борьбы. «Историк не должен извиняться за то, что история бесполезна. История не только бесполезна, историк должен гордиться ее бесполезностью»¹³. Спасаясь от всеразрушающего скепсиса, историки зачастую не видят другого выхода, кроме возвращения к традиционной концепции «чистого факта». В этом направлении идут и призывы сторонников индивидуализирующего метода в духе Ранке; они полагают, что истина заключена в источниках, и чтобы ее извлечь, не нужна теория, а достаточно техники — критики источника. В результате появляется все больше работ по узким и частным вопросам, где описание исторических фактов заменяет объяснение и анализ внутренней связи исторических событий.

Стала меняться и общая мировоззренческая установка буржуазной науки в отношении идеи прогресса. Отказ от идеи поступательного развития общества получил наиболее законченное выражение в концепциях круговорота общественного развития. «Циклическая теория» развития, предложенная английским историком А. Тойнби, снискала популярность и в США. Наиболее влиятельным ее американским вариантом является философско-историческая схема зарождения и упадка «культурных суперсистем» П. Сорокина, пользующегося репутацией патриарха буржуазной социологии США. Наступление на идею прогресса велось и по линии обоснования тезиса о невозможности установить прогрессивность или регрессивность того или иного общественного явления и процесса. Буржуазные историки и социологи подчас просто избегают говорить об историческом прогрессе, предпочитая ему понятие «социальные изменения». Как пояснял американский социолог Г. Барнс, последнее «удобно» (relevant), ибо не требует оценки, является ли данное изменение прогрессивным или регрессивным¹⁴.

Вместе с тем стремление найти альтернативу прогрессивным социальным переменам, происходящим в современном мире, и представить капитализм как динамичную развивающуюся систему побудило многих буржуазных историков и социологов к поискам новых теорий прогресса. Их авторы, опираясь большей частью на концепции «индустриального общества», изображают прогресс как плавное движение по мере постепенного накопления материальных ценностей, а высшим достижением объявляется та стадия социально-экономического развития, на которой находятся США. Наиболее известная и широко распространенная концепция такого рода — теория «стадий экономического роста» — связана с именем социолога и историка-экономиста У. Ростоу¹⁵, который, игнорируя социально-экономические отношения (собственности, распределения и т. д.), пытается установить прямую связь между научно-техническим потенциалом общества и народным потреблением.

Одним из важных следствий идейной и методологической переори-

¹² Цит. по: И. С. Коэн. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 376.

¹³ Там же, стр. 371—372.

¹⁴ Н. Е. Barnes. Historical Sociology. «Contemporary Sociology». Ed. by J. Roucek. N. Y. 1958.

¹⁵ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifest. Cambridge. 1960.

ентации американской буржуазной историографии после второй мировой войны был упадок «экономического» («прогрессистского») направления. В условиях роста реакции внутри страны и «холодной войны» была отвергнута прежняя буржуазно-реформистская концепция как «недостаточно патриотическая» и содержащая отголоски социальной критики «разгребателей грязи». Суть разочарования в «экономизме» раскрывает заявление Л. Хэкера, бывшего до войны приверженцем этого течения: «Материалистическая интерпретация политики несостоятельна. Это марксистский анализ»¹⁶. Характерно, что сам Ч. Бирд, признанный глава «экономического» направления, также не удержался на прежних позициях. В последних своих работах «Республика», «Основы истории Соединенных Штатов»¹⁷, оставив попытку показать единство исторического процесса на основе экономических изменений, он все дальше отходит от познания действительных закономерностей исторического развития. В этих работах исчезает ценный экономический материал, подведший его ранее к плодотворному решению некоторых проблем.

В первое послевоенное десятилетие самое широко распространенное в американской буржуазной историографии получила теория «согласованных интересов» (consensus), согласно которой американское общество на всем своем историческом пути характеризовалось единством по фундаментальным вопросам общественно-политического устройства и отсутствием каких-либо значительных конфликтов социально-политического характера. Частью этой теории является положение об «органической преемственности» (continuity) общественных институтов США. Кредо сторонников теории «согласованных интересов» одним из первых сформулировал ведущий американский историк Р. Хофстедтер. «Изучение идеологии американской государственности,— писал он,— убедило меня в необходимости вновь обратиться к нашим политическим традициям, которые подчеркивают единство нашего общественного мнения. Существование такого общественного мнения было в значительной мере смазано тенденцией выдвигать на авансцену истории политические конфликты... Острота политической борьбы часто вводила в заблуждение, между тем взгляды главных борющихся партий никогда не выходили за границы собственности и предпринимательства. Как бы ни были противоречия по специфическим вопросам, все основные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции»¹⁸. Концепция «согласованных интересов» возникла в буржуазной историографии в результате пересмотра положений «прогрессистской» школы о наличии в американской истории социальных конфликтов и была заострена против марксистской теории классовой борьбы.

Разработка истории США с позиции «консенсуса» требовала иных приемов, нежели те, которыми пользовались прогрессистские историки. Место экономического детерминизма заняла преимущественно психологическая мотивация событий. Большое место отводилось роли идей и политических доктрин в истории, как правило, анализируемых в отрыве от их социальной подосновы. Преуменьшение значения социальной борьбы и подчеркивание единства и стабильности американского общества привело к тому, что отодвигались в тень социальные конфликты: война за независимость и гражданская война 1861—1865 гг., антимонополистическое движение конца XIX—начала XX в. и классовая борьба в период «нового курса» Ф. Рузвельта. Характерным стало отрицание революционных и социалистических традиций и утверждение, что в США никогда не было «классовой борьбы в европейском смысле этого слова». Не уди-

¹⁶ Цит. по: E. Saveth. Understanding the American Past. Boston. 1954, p. 44.

¹⁷ Ch. Beard. The Republic. N. Y. 1943; Ch. Beard and M. Beard. A Basic History of the United States. N. Y. 1945.

¹⁸ R. Hofstadter. American Political Tradition. N. Y. 1948, pp. VII—VIII.

вительно, что сторонники теории «согласованных интересов» подняли на щит забытое сочинение французского историка А. де Токвиля «Демократия в Америке», написанное в 1835 году. В нем Америка изображалась как страна «среднего класса», где отсутствуют острые социальные антагонизмы, как страна, которая одновременно является и стабильной и находящейся в движении. Характеризуя определяющие тенденции в американской историографии этого времени, К. Ван Вудвард (один из историков, оставшийся верным буржуазному экономизму) писал о настойчивом «стремлении ослабить контрасты, приглушить борьбу идей, смягчить остроту противоречий между классами, секциями и интересами и подчеркнуть сходство, согласие в главном. Ясность исчезает при анализе таких полярных сил, как пуритане и кавалеры; приверженцы Джефферсона и Гамильтона, интересы жителей границы и береговой полосы, труд и капитал, либералы и консерваторы... Вспоминая о Джефферсоне, приводят его высказывание: «Мы все федералисты, мы все республиканцы», но не обращают внимания на его слова, «древо свободы должно время от времени поливаться кровью патриотов и тиранов»¹⁹.

Наступивший в 60-х годах серьезный социальный кризис наглядно продемонстрировал несоответствие традиционных догм, которые лежали в основе исторических конструкций, реальной действительности. Видный американский социолог К. Райт Миллс, отмечая разрушительное влияние презентизма на историческую науку и падение ее престижа, писал в 1961 г., что у рядового читателя может сложиться впечатление, будто «история — это в действительности чепуха, это нравоучительные легенды на темы прошлого, необходимые для удовлетворения текущих нужд политика, как либеральных, так и консервативных»²⁰. В новых условиях пошатнулся и престиж теории «консенсуса». Многие буржуазные исследователи начали осознавать необходимость переоценки различных звеньев в той системе ценностей, которая долгое время определяла их историческое мышление. Усилилась критика «консенсуса» со стороны тех, кто и раньше относился к нему скептически. В выступлениях К. Ван Вудварда, Дж. Хайама и других подчеркивалось, что переживаемые страной острые конфликты настоятельно требуют переосмысления прошлого, а теория «согласованных интересов» непригодна для этого. Теория «консенсуса» перестала удовлетворять даже некоторых ее недавних решительных сторонников. Р. Хофстедтер, который был одним из зачинателей пересмотра истории США с позиций «согласованных интересов», в 1968 г. заявил: «Есть три проблемы, при столкновении с которыми история США, написанная с позиций консенсуса, терпит крах. Во-первых, на мой взгляд, такое рассмотрение не может воздать должного действительно радикальным аспектам американской революции, во-вторых, руководствуясь этой теорией, совершенно невозможно объяснить гражданскую войну и связанные с нею проблемы, наконец, эта теория побуждает нас отвернуться от самых значительных фактов американской социальной жизни — расовых, этнических и религиозных конфликтов, которыми насыщена наша история»²¹.

Кризис идейно-политических основ буржуазной историографии оказал воздействие и на ее методологию. Методологическое наследие неокантианства, ставшее главной теоретической опорой буржуазной историографии после второй мировой войны, подвергалось критике и ранее. Но в 60-е годы эта критика получила новый стимул. Была поставлена под сомнение правомерность теории «согласованных интересов». Поражающее воображение развитие естественных наук, успехи смежных с

¹⁹ «New York Times Book Review», 28.VII.1963.

²⁰ C. W. Mills. The Sociological Imagination. N. Y. 1961, p. 156.

²¹ R. Hofstadter. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y. 1968, p. 459; Н. Н. Яковлев. Критика бесконфликтной истории. «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 2.

историей наук — лингвистики, эмпирической социологии — также подтачивали основы неокантианской концепции познания. Вместе с тем буржуазная историография все острее ощущала нехватку цельной теории, позволяющей объяснить накопленный фактический материал и обобщить исторический опыт. В непрекращающихся дискуссиях 60-х годов вновь и вновь поднимались вопросы методологии²².

Реально поиски нового метода, нового видения истории имели весьма ограниченные пределы. Они не выходили за границы идеалистического историзма. Немало буржуазных историков США осталось на старых позициях индивидуализирующего метода описательной историографии, воспротивившись сближению ее — по методу — с другими науками. Эту позицию четко выразил Дж. Хекстер, выступивший на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. против «дегуманизации» истории²³.

Однако значительная часть историков отвергла столь негативный подход и согласилась пойти на сближение с социальными науками, хотя и до определенной грани. В рамках совершенствования техники исторических исследований обращение к методике смежных наук дает нередко положительные результаты. Так, «анализ содержания» (content analysis), включающий применение филологических и психологических методов изучения лексики, дает возможность углубить изучение известных документов или способствует выяснению их авторства (этот метод, в частности, был весьма успешно применен при анализе газет североамериканских колоний в целях уяснения роста национального сознания американцев в канун войны за независимость). Широкое распространение получил также комплексный междисциплинарный подход — изучение исторических процессов с позиций экономики, социологии, психологии, географии и т. д. (основан даже «Журнал междисциплинарной истории» — «Journal of Interdisciplinary History»). Междисциплинарный подход дает подчас возможность получить более полное представление по какой-либо узкой проблеме и некоторые интересные данные на стыке наук. Однако в условиях отсутствия цельной методологии, способной свести воедино полученные данные, междисциплинарный подход означает лишь возвращение к многофакторной концепции на базе развившихся отраслевых общественных наук. Наконец, ряд буржуазных историков (их меньшинство) попытался решить проблемы синтеза исторического материала, базируясь исключительно на логико-технических средствах других наук, пользуясь ими как методологией исторического исследования и таким образом превратившись в «исторических социологов», «историков-психоаналитиков» и т. д. На основе одностороннего применения количественных математических методов сформировалась школа «клиометристов» (Клио — муза, покровительница истории в греческой мифологии).

Описанные выше идейно-политические тенденции и методологические принципы легли в основу формирования главных направлений в американской историографии послевоенного периода. В рамках концепции «консенсуса» развивались ведущие в буржуазной историографии направления — неоконсервативное и неолиберальное.

Историки неоконсервативного направления выступили с пересмотром всей истории США, но особое внимание они уделили раннему периоду, когда, согласно их концепции, был заложен фундамент единства американской нации, то есть истории колониального периода и войны за

²² См. подробнее: К. С. Гаджиев. «Дедалус» о кризисе современной американской историографии. «Вопросы истории», 1972, № 7; М. А. Барг. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1972, № 9; его же. Проблемы социальной истории. М. 1973.

²³ J. A. H e x t e r. History. Social Sciences and Quantification (XIII Intern. Congr. of Hist. Science. Moscow. 1970).

независимость. Особенно характерны в этом плане работы Д. Бурстина, Р. Брауна и Л. Харца²⁴.

Историки этого направления применили в исследованиях сравнительный и культурно-исторический методы. Они исправили некоторые фактические ошибки и опровергли отдельные вульгарно-механистические объяснения прогрессистских историков. Некоторые из них (например, Д. Бурстин) обладают незаурядным литературным дарованием. Однако исходные идейные и методологические принципы предопределили крайнюю тенденциозность и научную несостоятельность их исторических работ, преследующих цель доказать единство американского народа, бесконфликтный характер и преемственность истории США. Согласно Л. Харцу, в Европе острая классовая борьба возникла в тесной связи с существованием различных идеологических систем, «заражавших» друг друга и послуживших почвой для образования новых все более радикальных идеологий («вигизм» породил «якобинизм», а последний — социалистические идеи). Иное дело — Новый Свет. При основании американских колоний от европейского общества отделился один «идеологический фрагмент» — пуританизм, содержащий в зародыше идеалы индивидуализма, свободы и демократии. Поэтому-де на американской земле с самого начала господствовали одни, общие для всех поселенцев идеологические принципы. Р. Браун старается доказать, что в американских колониях существовало социальное равенство, абсолютное большинство населения составляли самостоятельные фермеры. На базе экономической демократии сложилась политическая демократия «среднего класса»²⁵.

Фактически все эти историки развивают теорию «исключительно-сти» США. Неоконсерваторы отрицают революционный характер войны за независимость, выхолащивают из нее социальное содержание. Более того, эта война изображается ими преимущественно как политическое движение, к тому же весьма консервативного характера. Д. Бурстин полагал, что «наиболее очевидная особенность» американской революции как раз в том, что «в современном европейском смысле слова она едва ли вообще была революцией»²⁶. Р. Браун заявлял, что американцы вели войну для того, чтобы сохранить уже существовавшие в колониях социально-политические порядки, а не изменить их. Показательно, что историки неоконсервативного направления устроили своеобразный суд над известной работой Ч. Бирда «К экономической интерпретации конституции США». Р. Браун и его сторонники выступили против положения Ч. Бирда, что конституция 1787 г. являлась плодом усилий главным образом представителей денежного и торгового капитала. Они тщетно пытались доказать, что конституция была принята свободным волеизъявлением народа и отвечала интересам всех его слоев²⁷.

²⁴ D. Boorstin. The Genius of American Politics. Chicago. 1953; e j u s d. The Americans. The Colonial Experience. N. Y. 1958; R. Brown. Middle-Class Democracy and Revolution in Massachusetts 1681—1780. Ithaca. 1955; L. Hartz. The Liberal Tradition in America. N. Y. 1955. Об этом направлении см.: П. Б. Уманский. Усиление реакционных тенденций в современной буржуазной историографии США и проблемы первой американской революции. «Критика буржуазных концепций всеобщей истории». Казань. 1972; В. А. Ушаков. Некоторые проблемы войны за независимость в освещении историков неоконсервативного направления. «Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М. 1972; К. С. Гаджиев. Современная американская неоконсервативная историография и некоторые проблемы пуританизма. «Вестник МГУ». Серия история, 1973, № 3; Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции. «Новая и новейшая история», 1973, № 6.

²⁵ Опровержение этих взглядов см. в работах: А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М. 1963; Г. П. Куропятник. Борьба за землю в колониальный период истории США. «Вопросы истории», 1974, № 8.

²⁶ D. Boorstin. The geniuses of American Politics, p. 66.

²⁷ R. Brown. Charles Beard and the Constitution. A Critical Analysis of «An Economic Interpretation of the Constitution». Princeton. 1956.

Не менее характерен и неоконсервативный подход к истории гражданской войны 1861—1865 годов. Еще в середине 30-х годов возникла концепция Д. Рэнделла — Э. Крэвена, которые отрицали неизбежность гражданской войны и объявили ее «бесполезной», делом «заблуждавшегося поколения»²⁸. Сразу же после второй мировой войны эта трактовка приобрела новых сторонников, обросла дополнительной аргументацией. Историки-неоконсерваторы, отказавшись от анализа социально-экономических противоречий Севера и Юга, свели борьбу системы наемного труда и системы рабства к столкновениям в конституционной области, в сфере морали, этики и идеологии. Некоторые из этих историков рассматривают возникновение гражданской войны как следствие «ошибка национального руководства» (прежде всего, разумеется, «ошибок» президента А. Линкольна) и «слабости» политической системы США²⁹. Они пытаются обосновать мысль, будто эволюционное развитие неизбежно вело к мирной отмене рабства, что гражданская война создала больше проблем, чем решила. Историки неоконсервативного направления даже поставили вопрос об «ответственности» наиболее революционной части американского народа за гражданскую войну. Ими очерняется аболиционистское движение и деятельность радикальных республиканцев³⁰. Но историков-бурбонов уже не устраивает даже доктрина «бесполезной войны»³¹. Они требуют, чтобы борьба за сохранение рабства была признана «справедливой» и прославляют «героизм» армии южан.

В русле неоконсерватизма находится и деятельность «школы бизнеса», которая зародилась еще в конце 20-х годов. Ее центром стало Общество истории бизнеса, а также организованная при Гарвардском университете кафедра истории бизнеса. Историки, принадлежащие к этой «школе», сначала занимались внутренней организацией монополистических объединений, их финансовой деятельностью, историей хранения и сбыта товаров и т. д. Затем они перешли к биографиям основателей трестов, «капитанов индустрии». После второй мировой войны сочинения приверженцев этой реакционной школы множатся. К главным своим задачам «историки бизнеса» относят борьбу с идеями социализма. Один из основателей этой школы, Н. Грас, заявил в 1949 г.: «Мы можем превратить частнокапиталистический бизнес в религию, которая сумеет противостоять его противнику — коммунизму»³². Важное значение придается также борьбе с антимонополистической традицией, пустившей крепкие корни в американском народе. Достаточно вспомнить движение популистов, «разгребателей грязи», разоблачивших тайну возникновения многих крупнейших состояний, резкую критику капитализма выдающимися американскими писателями Дж. Лондоном, Э. Синклером, Т. Драйзером и многими другими.

Современная «школа бизнеса» обрела некоторые новые черты. Раньше историки этой «школы», игнорируя народные массы и прославляя финансовых магнатов, все же отмечали, что капиталисты руководствовались в своих действиях эгоистическими интересами. Теперь они стараются доказать, что действия капиталистов были направлены на улучшение жизни рабочих. С другой стороны, если до второй мировой войны приверженцы «школы бизнеса» выступали по отдельным вопросам, то ныне они пытаются с позиций монополистического капитала пересмотреть всю историю США и представить крупный бизнес как дви-

²⁸ J. Randall. The Civil War and Reconstruction. N. Y. 1937; A. Craven. The Coming of American Democracy. N. Y. 1948.

²⁹ R. Nichols. Disruption of American Democracy. N. Y. 1948.

³⁰ См. подробнее: И. П. Дементьев. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М. 1963.

³¹ E. Coulter. The South during Reconstruction. Baton Rouge. 1947; e. j. s. d. The Confederate States of America, 1861—1865. Baton Rouge. 1950.

³² Цит. по: Г. Аптекер. Лауреаты империализма. М. 1955, стр. 29.

гатель экономического прогресса страны. Ф. Хайек, например, стремился доказать, что массовое производство дешевых товаров, достигнутое, как он утверждал, «благодаря усилиям капиталистов», привело будто бы в конце XIX в. к резкому улучшению положения рабочего класса³³. Образцом апологии монополий является написанная еще в 1940 г. книга А. Невинса «Джон Д. Рокфеллер. Героическая эпоха предпринимательства»³⁴. После войны появились сотни работ о Форде, Меллонах, Моргане, изображаемых как «архитекторы материального роста США»³⁵. Столь откровенная апологетика капитализма вызывает скептическое отношение большей части американских буржуазных историков. Однако это не преуменьшает ее опасности, ибо слишком сильны и активны влиятельные круги, стоящие за спиной «школы бизнеса».

Неолиберальные историки также выступили против «прогрессивистской» школы, но в отличие от неоконсерваторов они не отрицают наличие и борьбу в США либеральной и консервативной идеологии, а подчас и социальные противоречия (разумеется, в пределах согласия по «фундаментальным вопросам»). Двигатель исторического развития при этом усматривается в существующей якобы искони в США традиции либерального реформаторства. Источник этой традиции, как явствует из выводов неолибералов, следует искать в аморфном «среднем классе» — в кругах интеллигенции, либерально настроенных кругах буржуазии, которые, руководствуясь альтруистическими или честолюбивыми мотивами, добивались улучшения социальных условий жизни народа. При этом важнейшая роль в преобразованиях отводится буржуазному государству, способному смягчить или даже полностью излечить экономические и социальные недуги капиталистического общества. Хотя историки неолиберального направления обращаются ко многим проблемам периода домонополистического капитализма, основная тема их работ все же история США XX в., когда буржуазный реформизм оформился как существенная часть политической стратегии государственно-монополистического капитализма.

Ведущим историком неолиберального направления является Р. Хофстедтер. Его исторические взгляды получили выражение прежде всего в работах «Американская политическая традиция» (1948 г.) и «Эра реформ» (1955 г.), а позднее «Антиинтеллектуализм в американской жизни» (1963 г.)³⁶. Главная тема их — реформизм. Р. Хофстедтер дает широкий фон, рисуя бурный процесс индустриализации в США в конце XIX—начале XX века. Сотни тысяч фермерских хозяйств исчезли в результате ожесточенной конкуренции, многие другие попали в зависимость от закупочных и железнодорожных корпораций, мелкая буржуазия города — священники, юристы, врачи, мелкие предприниматели (по терминологии Р. Хофстедтера, «старый средний класс») теряют свои позиции в социальной жизни страны, а рядом с ним вырастает «новый средний класс» (технический персонал, служащие корпораций и т. д.). Многие наблюдения Р. Хофстедтера из области социальной психологии общественных групп интересны и весьма проницательны.

Вместе с тем он, по существу, выхолащивает классовую сущность демократических движений в США конца XIX—начала XX века. Если

³³ F. Hayek a. a. *Capitalism and the Historians*. Chicago. 1954.

³⁴ A. Nevins. *John Rockefeller. The Heroic Age of American Enterprise*. Vols. 2. N. Y. 1910.

³⁵ См., например, многотомное издание по истории «Стандарт ойл Ко»: R. and M. Hidy. *Pioneering in Big Business, 1882—1911*. N. Y. 1955; G. S. Gibb, E. H. Knowlton. *The Resurgent Years, 1911—1927*. N. Y. 1956; H. W. Larson, E. H. Knowlton, S. Poppo. *New Horizons. 1927—1950*. N. Y. 1973. О «школе бизнеса» см. подробнее: А. А. Фурсенко. О «школе бизнеса». «Американская историография внутриполитических проблем США в послевоенный период».

³⁶ R. Hofstadter *American Political Tradition; e jus d. The Age of Reform*. N. Y. 1955; e jus d. *Anti-Intellectualism in American Life*. N. Y. 1963.

историки «экономического» направления во многих случаях показали связь этих движений и их идейно-политических платформ с социально-экономическим развитием, то для Р. Хофстедтера характерен крен в сторону их психологической мотивации. Исторический процесс выступает у него прежде всего как ряд политических изменений, обусловленных переменой «психологической атмосферы», то есть господствующих в обществе настроений, мнений, эмоций. Он утверждает, что действия людей, как правило, не определяются «материальными мотивами или соображениями обладания властью», скорее движущими силами оказываются предрассудки, страх и ненависть, чем реальные интересы³⁷. Требования популистов, согласно Р. Хофстедтеру, глубоко консервативны, они лишь продукт мифа о потерянном «аграрном Эдеме», «ностальгия по утраченным идеалам». Выступления прогрессистов в XIX в. также обусловлены воспоминаниями о разрушенных «индивидуальных ценностях», это «восстание против дисциплины индустриального общества».

Конфликт, переведенный в сферу психологии (пусть даже с элементами социальной психологии), абстрагированной от конфликта материальных интересов, составляющих первооснову общественного развития, теряет классовое содержание. Р. Хофстедтеру чужда мысль, что борьба популистов и «разгребателей грязи» носила глубоко прогрессивный, антимонополистический характер. Вне его поля зрения остается рабочий класс и социалистическое движение, которые служили немаловажным позитивным фактором в возникновении и развитии антимонополистического движения. В результате под пером Р. Хофстедтера массовые демократические движения превращаются в умеренный протест «в пределах предпринимательства и собственности». Конфликт заканчивается принятием реформ, лежащих в рамках либеральной традиции. Динамичные лидеры, ставшие у власти, используя мощь государства, проводят антитрестовское законодательство и вносят в политические основы коррективы, демократизирующие политическую структуру.

Другой ведущий представитель неолиберального направления — А. М. Шлезингер-младший. Его научная деятельность тесно связана с политической, он принимал активное участие в формулировании программы «новых рубежей» и являлся специальным помощником президента Дж. Кеннеди³⁸. Формулируя свои реформистские взгляды, А. М. Шлезингер призывает отказаться от «фальшивого оптимизма» либералов XIX века. Ссылаясь на фрейдистскую теорию о «склонности человека делать зло» и его «податливости» низменным инстинктам, он уверяет, что вообще невозможно достичь идеального общества. Напрасно стремиться к радикальному разрешению всех остроконфликтных проблем, мучающих человечество, заявляет А. М. Шлезингер, они не разрешимы. Следует медленно двигаться по пути частичных улучшений. Политическое и философское кредо А. М. Шлезингера опирается также на постулат о гармоническом (в целом) характере взаимоотношений различных элементов американского общества; что якобы и обеспечивает его поступательное движение. Но это движение не непрерывно. Удачная комбинация определенных факторов и благоприятное стечение обстоятельств позволяют успешно продвигаться по пути прогресса, неудачная — вызывает движение вспять. В связи с этим картина национальной истории, рисуемая А. М. Шлезингером, представляет собой циклические смены периодов либеральных реформ и «консервативной консолидации» (закрепления происшедших перемен). Так, в соответствии с этой схемой джексоновская демократия положила конец консервативной «эре доброго согласия». «Прогрессивная эра», связанная с именами Т. Рузвель-

³⁷ R. Hofstadter. The Paranoid Style in American Politics and other Essays. N. Y. 1965, p. 39.

³⁸ См. подробнее: К. С. Гаджиев. К критике одной буржуазной концепции истории США. «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

та и В. Вильсона, наступила, по А. М. Шлезингеру, после полосы засилья трестов в экономике и общественной жизни, а «новый курс» пришел на смену более чем десятилетнему правлению республиканцев, выражавшему интересы «большого бизнеса». «Новые рубежи» Дж. Кеннеди последовали за «годами бесплодного консерватизма президентства Эйзенхауэра».

Главным полем научного интереса А. М. Шлезингера является история «нового курса». Им написан капитальный труд «Эра Рузвельта»³⁹. Нужно сказать, что ни один период американской истории (за исключением разве гражданской войны) не привлекает такого внимания историков США. Этот интерес не случаен. Сказывается близость проблем, вызвавших к жизни социальные конфликты и реформы 30-х годов, к современной действительности. Число работ по «новому курсу» особенно увеличилось с 50-х годов, когда историки получили доступ к материалам библиотеки Ф. Рузвельта в Гайд-парке, где хранится архив покойного президента.

А. М. Шлезингер рассматривает «новый курс» в плане преемственности либерально-реформистской традиции, для него реформы 30-х годов лишь фаза в целой эпохе, берущей свое начало от «прогрессивной эры» начала XX века. В работе А. М. Шлезингера, написанной на основе широкого круга архивных документов, немало страниц, рисующих остроту «великой депрессии» 30-х годов и отчасти массовое забастовочное движение, но главная проблема времени, в трактовке автора, состояла в приспособлении американского общества к новым условиям «укрупненного производства». Эта задача якобы была решена в результате сотрудничества бизнеса и труда под эгидой государства, выступавшего в качестве нейтральной силы, гарантирующей стабильность. Американская политическая система была усовершенствована, административная система приближена к нуждам «забытого человека», получив новые средства воздействия на социальную и экономическую жизнь страны. При этом А. М. Шлезингер непомерно преувеличил роль Ф. Рузвельта, который изображается как «великий лидер», действующий пронизательно и безошибочно. Президентство Дж. Кеннеди и его политика «новых рубежей» — следующий этап либерального реформаторства. В работе «Тысяча дней»⁴⁰ (1965 г.) Шлезингер дает весьма детальный анализ общественно-политических мероприятий Дж. Кеннеди, рассматривая нового президента как прямого духовного наследника Ф. Рузвельта.

Особой сферой неолиберальной историографии стали проблемы истории рабочего движения в США. Опыт «красных» 30-х годов, весь ход социальной борьбы в США в послевоенный период в значительной мере подорвали влияние концепций «чистого» и «делового» юнионизма висконсинской школы⁴¹. В послевоенные годы лишь сравнительно немногие историки (например, Ф. Тафт) продолжали придерживаться старой концепции, что институционалистская история, прежде всего история соглашений тред-юнионов с предпринимателями, — главный объект исследований. Всякое проявление рабочими политической самостоятельности рассматривается ими как аномалия⁴². С попыткой модернизации идей висконсинской школы выступили историки неолиберального направления (У. Гейлинсон, И. Бернштейн, С. Липсет и др.)⁴³. Основные центры

³⁹ A. M. Schlesinger, Jr. *The Age of Roosevelt*. Vols. 3. Boston. 1957—1960.

⁴⁰ A. M. Schlesinger, Jr. *A Thousand Days*. Cambridge. 1963.

⁴¹ См. подробнее: В. Л. Мальков. Джон Коммонс и висконсинская школа. «История и историки». М. 1966; «История рабочего движения в США в новейшее время». Т. I. М. 1970, гл. XIII.

⁴² Ph. Taft. *The American Federation of Labor from the Death of Gompers to the Merger*. N. Y. 1959.

⁴³ I. Bernstein. *A History of the American Worker 1920—1933. The Lean Years*. Boston. 1960; e. j. s. d. *A History of the American Worker 1933—1941. Turbulent Years*. Boston. 1970; W. Calenson. *Why the American Labor is not Socialist?* Berkeley. 1961.

нового направления — Корнельский университет (где первостепенное внимание уделяется трудовым отношениям и правительственной политике в рабочем вопросе) и Калифорнийский университет (здесь исследователи больше обращаются к самой истории рабочего движения). Эти историки опираются на общую концепцию неолиберальной историографии, в центре которой находится государство, выступающее якобы как надклассовый арбитр, разрешающий экономические и социальные противоречия. Они выдвинули концепцию «социального юнионизма», которая в отличие от «делового юнионизма», обосновывавшего сотрудничество профсоюзов с предпринимателями под предлогом взаимной экономической выгоды, рассматривает сотрудничество между трудом и капиталом в более широком плане.

Исходя из реформистской практики современной профсоюзной бюрократии США, неолибералы считают профсоюзы социально полезным институтом, способным укрепить капиталистический строй. Профсоюзы, согласно концепции «социального юнионизма», должны активно действовать не только в экономической области, но и во всей общественной жизни, сотрудничая с буржуазными партиями и органами государства в сфере внутренней и внешней политики. С этих позиций они нередко критикуют Американскую федерацию труда (АФТ) за элитизм, бюрократическую структуру, а главное, за узкий практицизм, непонимание профсоюзами их «социальной ответственности» в решении общественно-политических проблем США. С другой стороны, историки неолиберального направления, признавая, что в США существовали движения за самостоятельные политические действия рабочих, рассматривают их в духе «консенсуса», заявляя, что они никогда не угрожали незыблемости двухпартийной системы⁴⁴.

Рассматривая буржуазные реформы как движущую силу истории США, неолиберальные историки уделяют особое внимание рабочей политике Ф. Рузвельта. В их изложении реформы периода «нового курса» не результат массового рабочего и демократического движения, как это было в действительности, а, наоборот, сила, давшая новый импульс рабочему движению, оплодотворившая его в социальном отношении. В результате реформ стали возможны переориентация старых профсоюзных лидеров, расширение тред-юнионистского движения и образование новой профсоюзной организации — Конгресса производственных профсоюзов (КПП). Новые горизонты профсоюзного движения они видят в реформистской политике, в еще более активном вмешательстве государства в трудовые отношения.

Вследствие идейно-политических и методологических сдвигов в историографии 60-х — 70-х годов концепция «согласованных интересов» во многом утратила свою популярность, появилось много новых школ и исторических концепций. Против концепции «согласованных интересов» выступило направление молодых радикальных исследователей, непосредственно связанных с движением «новых левых».

Однако и в это время концепция «согласованных интересов» продолжала определять ведущие концепции неолибералов и неоконсерваторов, хотя время безраздельного господства «консенсуса» уже минуло. С одной стороны, обрели новую силу старые направления (прежде всего «экономическое», которое в 40-х — 50-х годах считали отмирающим) и

См. подробнее: «История рабочего движения в США в новейшее время». Т. 2. М. 1971; С. М. Аскольдова. История рабочего движения США в новое время (1880—1918). «Основные проблемы истории США в американской историографии (1861—1918 гг.)»; И. М. Савельева. Современные концепции американского тред-юнионизма. «Вопросы истории», 1974, № 4.

⁴⁴ «Socialism and American Life». Ed. by D. D. Egbert and S. Persons. Vols. I—II. Princeton. 1952; H. H. Quint. The Forging of American Socialism. Origins of the Modern Movement. Columbia. 1953; D. A. Shannon. The Socialist Party of American. A History. N. Y. 1955.

возникли новые, представители которых заявили о несогласии с основными положениями «бесконфликтной истории». С другой — острые конфликты современности побудили ряд серьезных исследователей даже из числа приверженцев концепции «согласованных интересов» порой существенно изменить прежние оценки. В результате, как справедливо отмечает В. Л. Мальков, в практике конкретных исследований «серьезные коррективы вносятся в изучение экономической и социально-политической истории США, рабочего, негритянского, антиимпериалистического движения, в изучение критических периодов прошлого Америки»⁴⁵.

В области изучения войны за независимость традиции «экономического» направления, которые в 50-х годах продолжал защищать М. Дженсен, теперь развивают его многочисленные ученики⁴⁶. Они ввели в научный оборот множество фактов относительно социальных контрастов в предреволюционное время и выступлений «низших классов» против социального неравенства⁴⁷. И все-таки преобладающей остается трактовка войны за независимость с позиций «консенсуса». Правда, взгляды неоконсерваторов несколько модернизированы. Влиятельная школа Б. Бейлина в отличие от традиционных неоконсервативных концепций подчеркивает изменение идейно-политического климата в США в ходе войны за независимость и признает ее революционное значение в сфере идеологии. В то же время неоконсерваторы по-прежнему придерживаются тезисов об исключительности американской истории и единстве американского народа⁴⁸. В связи с 200-летием войны за независимость и проведением юбилейных торжеств была развернута широкая пропагандистская кампания с целью укрепить пошатнувшееся доверие к господствующей социально-политической системе, представить современное буржуазное общество наследником демократических традиций основателей США. Наряду с этим многие буржуазные авторы, оставив в стороне социальные конфликты и сведя войну за независимость к идеологической и политической борьбе, пытаются трактовать ее как «революцию, продолжающуюся до сих пор» и являющуюся «предпочтительной моделью» для стран, освободившихся от колониальной зависимости⁴⁹.

Более существенные перемены произошли в области изучения гражданской войны 1861—1865 гг., а также всего комплекса проблем, связанного с историей освободительной борьбы негритянского народа⁵⁰. Определяющим моментом был радикальный подъем движения за гражданские права в 60-е годы. Прежде всего значительно расширили свою деятельность историки, группирующиеся вокруг Ассоциации по изучению истории и жизни негров. И в 40-х — 50-х годах они в борьбе с неоконсерваторами старались воссоздать реальную картину предвоенного Юга с его системой беспощадного террора, показывали участие негров в аболиционистском движении и гражданской войне. Ныне эту традицию продолжают видные историки Дж. Франклин, Ч. Уэсли⁵¹ и многие

⁴⁵ В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии, стр. 131.

⁴⁶ См. подробнее: Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции.

⁴⁷ M. Jensen. The Articles of Confederation. Madison. 1950 (имеются издания 1940—1948 гг.); e j u s d. The Founding of Nation. A History of the American Revolution, 1763—1776. N. Y. 1968; J. T. Main. Political Parties before the Constitution. Chapel Hill. 1973.

⁴⁸ B. Bailin. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge. (Mass.). 1967.

⁴⁹ R. Morris. The Emerging Nations and the American Revolution. N. Y. 1970, pp. IX—X.

⁵⁰ См. подробнее: А. П. Королева. Негритянская проблема. «Американская историография внутриполитических проблем США».

⁵¹ J. H. Franklin. From Slavery to Freedom. N. Y. 1947, 1956; e j u s d. Reconstruction: After the Civil War. Chicago. 1961; «Understanding Negro History». Ed. by D. W. Hoover. Chicago. 1968.

другие, переиздаются исторические работы У. Дюбуа. В ряде американских университетов, особенно в университетах Фиска и Говарда, возникли научные организации, ставящие целью стимулировать изучение исторического прошлого американских негров («черные исследования»). При всей слабости этой историографии, отличающейся эклектизмом, философским идеализмом, для нее характерны: радикальный подход к негритянской проблеме в США, резкая критика расизма. В целом эти исследования помогают воссоздать прошлое американских негров как интегральную часть истории США.

Существенные сдвиги произошли и в традиционной буржуазной историографии. Если ранее крайне тенденциозный подход неоконсерваторов к проблеме рабства и концепцию «бесполезности» гражданской войны осуждали главным образом историки «экономического» направления, то теперь положение изменилось. В работах таких известных историков, как Д. Дональд, и что особенно симптоматично, в исследованиях большой группы южных историков отвергается апология рабовладельческого Юга⁵². Они обращают внимание на деятельность радикальных республиканцев в период гражданской войны, на борьбу, которую вел против рабства выдающийся лидер негритянского народа Ф. Дуглас, приводят факты совместных выступлений негров и «белых бедняков» против плантаторской олигархии в период реконструкции. Выступая на съезде АИА, Дж. Франклин отмечал, что если ранее «большинство белых историков писали одну афро-американскую историю, а черные — другую», то ныне многое изменилось и «цвет кожи не является критерием авторитетности трудов по афро-американской истории»⁵³.

Критике подвергаются и неолиберальные концепции «нового курса» Ф. Рузвельта. Появляется немало работ, в которых отмечается, что правительственная политика не смогла решить фундаментальных проблем американского общества, и к концу 30-х годов социальные болезни были не излечены, а лишь приглушены. Обращается также внимание на то, что массы готовы были идти значительно дальше, чем реформаторы в верхах, приводится большой фактический материал, который часто независимо от воли авторов подводит к выводу о наличии острой классовой борьбы⁵⁴.

В 60-х годах возник более широкий и разнообразный круг исследований по истории рабочего движения. В этот период образовались новые центры исследований (в Детройтском, Пенсильванском, Атлантском университетах), более целеустремленно и систематически начали использоваться архивные документы, обогатилась методика (широко применяются вопросы участников рабочего движения, а при анализе массовых источников подчас используются математические методы). Но главное — большая группа историков (в литературе их часто называют «новой волной») сознательно порвала с экономико-правовыми по форме и консервативными по содержанию принципами висконсинской школы. Историки «новой волны» (С. Тернстром, Г. Гутмен, Д. Монтгомери и др.)⁵⁵, отвергнув институционализм, ищут новые подходы к изучению жизни и труда рядовых рабочих на путях социально-культурной

⁵² W. McKee Evans. *Ballots and Fence Rails*. Chapel Hill. 1969; D. Donald. *Charles Sumner and the Rights of Man*. N. Y. 1970; W. Hair. *Burbonism and Agrarian Protest*. Baton Rouge. 1970.

⁵³ Цит. по: Н. В. Сивачев. Указ. соч., стр. 189.

⁵⁴ B. Sternsher. *Rexford Tugwell and the New Deal*. New Brunswick. 1964; D. E. Conrad. *The Forgottene Farmers*. Urbana. 1965; J. Huthmacher. *Senator Robert Wagner and the Rise of Urban Liberalism*. N. Y. 1968. См. подробнее: В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии.

⁵⁵ H. Gutman. *The Worker's Search for Power: Labor in the Gilded Age*. «The Gilded Age: A Reappraisal». Syracuse. 1963; e. j. s. d. *Work, Culture and Society in Industrializing America, 1819—1919*. «AHR», June 1973; S. Thernstrom. *Poverty and Progress. Social Mobility in Nineteenth Century City*. Cambridge. 1964.

истории. Они значительно расширили тематику исследований и поставили новые проблемы. На основе местных архивов и прессы начали освещаться такие вопросы, как этнический состав рабочего класса и положение рабочих-иммигрантов, уровень образования рабочих и влияние церкви, внутренняя мобильность в составе пролетариата и т. д. Основное внимание уделяется не политике руководства крупнейших профсоюзов, а деятельности низовых организаций и мелких профсоюзов. Сделаны важные, хотя и первые шаги в анализе положения не организованных в профсоюзы рабочих. Эти тенденции нашли, в частности, проявление в журнале «Labor History». Однако при всей важности изучения новых аспектов жизни рабочего класса вне поля зрения этой группы исследователей остается главное — анализ социальной сущности рабочего класса, раскрытие его всемирно-исторической роли и места в системе капиталистических производственных отношений. Проблемы классовой борьбы, организованности, классового сознания пролетариата отходят далеко на задний план. Все это свидетельствует о том, что на путях неопозитивизма и структурализма невозможен подход к научному пониманию истории рабочего движения.

В начале 60-х годов многие американские историки, особенно молодого поколения, обратились к междисциплинарному подходу и количественным методам исследования источников. Колоссальный рост объема исторической информации давно уже требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Такая возможность открылась в связи с развитием научно-технической революции и появлением современной техники, позволившей подвергнуть закодированию и машинной обработке массу новых фактов и материалов. На путях междисциплинарного подхода, реализуемого через количественный анализ, многие историки стремились также преодолеть разрушительное влияние презентизма и элитизма. Расширив круг используемых источников, они надеялись найти путь к познанию жизни широких масс, не оставивших после себя письменных источников индивидуального характера. Главными научными учреждениями по подготовке специалистов количественного анализа стали Центр изучения экономической истории в Питсбурге, Пенсильванский, Чикагский, Стэнфордский и Мичиганский университеты. Межуниверситетский консорциум политических исследований при Мичиганском университете к началу 1974 г. сосредоточил в своем архиве около 11 млн. карточек с кодированной информацией о переписях, выборах и т. д.⁵⁶

Одним из направлений применения количественного анализа стала «новая политическая история». Здесь анализируется прежде всего голосование в законодательных и судебных органах, а также народное голосование. Анализ голосований в конгрессе (исследователи группируют специальные блоки голосов) помогает выявлению позиций политических партий в государственных органах⁵⁷. Анализ избирательных кампаний (по штатам и округам) вносит также известный вклад в понимание деятельности партийно-политического механизма США⁵⁸. Необходимо подчеркнуть, что приверженцы «новой политической истории» ограничиваются анализом «политического поведения» групп избирателей на выборах в духе бихевиористских моделей, не связывая их с классово-принадлежностью избирателей.

Другим направлением применения количественных методов является «новая социальная история», представители которой анализируют

⁵⁶ R. Swirenga. Computers and American History. The Impact of the «New Generation». «Journal of American History», March 1974, p. 1050.

⁵⁷ D. McRae, Jr. Issues and Parties in Legislative Voting: Methods of Statistical Analysis. N. Y. 1970.

⁵⁸ «American Political Behavior: Historical Essays and Readings». Ed. by L. Benson, A. Bague, J. R. Hollingsworth, T. Pressly, S. Solbey. N. Y. 1973.

прежде всего этническую и демографическую структуру различных общин, мобильность населения⁵⁹. Частью «новой социальной истории» является также рассмотрение семьи как ячейки общества. Разумеется, анализ этих элементов обогащает картину общественного развития, помогает раскрытию жизни широких слоев населения. Однако эти аспекты жизни общества могут быть по-настоящему осмыслены лишь в связи с магистральными линиями классовой борьбы в США. А этого как раз и не в состоянии сделать сторонники «новой социальной истории».

Наиболее широким полем применения математических методов стала экономическая история. Новые методы позволили на основе разрозненных данных (записи гражданского состояния, налоговая статистика, сведения о земельных наделах) построить модели отдельных исторических явлений, где недостающие звенья восстанавливаются на основе логических связей и сопоставления сходных данных. Ряд историков, применяя наряду с другими методами новую технику исследования, достиг плодотворных результатов. Так, Дж. Хенретт на основе экономико-математического анализа налоговых списков с конца XVII до конца XVIII в. пришел к выводу об усилении социального неравенства колонистов⁶⁰. Нередко математические методы успешно используются при изучении ряда проблем промышленного развития США, расслоения фермерства и т. д.

Разумеется, на пути количественного анализа источников стоит немало трудностей. Но главным препятствием для буржуазной историографии в применении новых методов стало отсутствие научной методологии. Влиятельное направление, известное под именем «клиометрия», стало рассматривать количественный анализ в качестве не техники, а методологии исторических исследований⁶¹. Р. Фогель, Д. Норт и другие развивают идеи о том, что широкое применение математических методов имеет универсальный характер и позволяет якобы создать некую новую «математическую историческую науку», свободную от философии и основанную на чистой логике. Исследователи отмечают прямое влияние на формирование «клиометрии» теории «экономического роста» У. Ростоу, которая, сделав упор на количественные методы, исключила из сферы анализа такие категории, как социальная структура, взаимоотношения классов и т. д.

Показательна в этом отношении работа Р. Фогеля⁶². Считалось аксиомой, что строительство железных дорог сыграло огромную роль в экономическом развитии США, решающим образом повлияло на ход промышленной революции. Р. Фогель же выступил против общепринятой точки зрения. Применяя математические методы обработки статистических данных, он пришел к выводу, что в 40-е — 50-е годы XIX в. только незначительная часть производимого в США железа покупалась железнодорожными компаниями, а большая часть рельсового железа поставлялась из Англии. Еще в меньшей степени рост железных дорог затронул угольную промышленность США (основным топливом паровозов являлись тогда дрова). Разумеется, эти расчеты (многие из которых

⁵⁹ Ph. Greven. *Four Generations: Population, Land and Family in Colonial Andover, Massachusetts*. Ithaca, 1970; S. Thernstrom. *The other Bostonians: Poverty and Progress in American Metropolis, 1880—1970*. Cambridge (Mass.). 1973.

⁶⁰ J. A. Henretta. *Economic Development and Social Structure in Colonial Boston*. «William and Mary Quarterly», January 1965.

⁶¹ См. подробнее: И. З. Романов. Журнал экономической истории. «Вопросы истории», 1970, № 12; В. Г. Нохотвич. «Новая экономическая история» и проблемы промышленного развития США в первой половине XIX в. «Американский ежегодник». М. 1973; И. М. Промахина. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» США. «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М. 1975.

⁶² R. W. Fogel. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore, 1964.

еще нуждаются в перепроверке) рисуют более сложную, чем представлялось ранее, картину экономического развития страны. Однако Р. Фогель не пытается выяснить, исходя из полученных им данных, роль железных дорог в общественно-экономической жизни страны. Он считает, что железные дороги не были необходимым фактором экономического развития, а их отсутствие могли легко компенсировать другие виды транспорта, например, речной. Дело не только в том, что Р. Фогель создает чисто умозрительную конструкцию. Применяемый им количественный подход приводит к игнорированию важнейших социальных проблем. Чехословацкий исследователь Г. Полрейхов справедливо отмечала, что Р. Фогель игнорирует роль железных дорог в образовании единого внутреннего рынка США, их значение в разделении труда, территориальной хозяйственной специализации, урбанизации и т. д.⁶³

«Клиометристы» подвергли пересмотру и положение об экономической нерентабельности рабства в канун гражданской войны. Подсчитав доход рабовладельцев от капитала, вложенного в хлопковые плантации, они сделали вывод, что рабство было «доходно» и «жизнеспособно»⁶⁴. Отсюда гражданская война 1861—1865 гг. трактуется ими как событие, лишенное глубоких экономических корней. Между тем расчеты рентабельности рабства ни в коей мере не могут служить критерием для оценки степени его «жизнеспособности». Помимо того, что историки этой «новой экономической школы», сопоставляя рабство на Юге и фермерские хозяйства на Севере, не учитывают таких важных обстоятельств, как наличие «свободных» земель и тогдашнюю монополию южных штатов США на мировом рынке хлопка, делавшие экономически рентабельным применение рабского труда, они полностью абстрагировались от социального аспекта проблемы. Рабство являлось жесточайшим угнетением и эксплуатацией негров, его следствием были низкая техника и низкая производительность труда, истощение почвы и т. д. На Юге было 4 млн. рабов и около 2 тыс. крупных плантаторов, владевших каждый 100 и более рабами. Разве эта система могла быть выгодной для всей страны или даже для всего Юга? Как отмечал Н. Н. Болховитинов: «Мы решительно против подмены социальной истории простой бухгалтерией, даже если она осуществляется с помощью быстродействующих электронно-вычислительных машин. Рабство было выгодно для небольшой кучки плантаторов, но за последствия этой выгоды США расплачиваются дорогой ценой вплоть до настоящего времени»⁶⁵.

Подобные выводы «клиометристов», как и их утверждения о том, что гражданская война замедлила промышленный рост США, были столь одиночны, что от них вынуждены были отмежеваться даже многие приверженцы «клиометрии»⁶⁶. Вместе с тем пример «клиометрии» еще раз ярко свидетельствует о глубоком несоответствии между возможностями, открываемыми новой методикой исследования, и несостоятельностью буржуазной методологии истории.

Во второй половине 50-х годов весьма активно заявили о себе историки-радикалы, в теоретических и методологических установках которых нашли отражение позитивные и негативные стороны идеологии «новых левых»⁶⁷. Молодые радикалы выступили с критикой апологети-

⁶³ См.: Н. Polreichova. «Cleometristé» a problémy americkeho hospodárskeho vyvoje v 19 století. «Československý časopis historický», 1970, № 4—5, str. 423—425.

⁶⁴ R. Fogel and S. Engerman. Time on the Cross. Boston. 1974.

⁶⁵ Н. Н. Болховитинов. Современная американская историография: новые течения и проблемы, стр. 127. См. также: А. С. Маныкин, А. К. Соколов. Профессор Р. Фогель (США) в МГУ. «Вопросы истории», 1976, № 8.

⁶⁶ Н. Gutman. Slavery and the Numbers Game. Urbana. 1975; P. David and P. Temin. Slavery: The Progressive Institution? «Journal of Economic History», September 1974.

⁶⁷ См. Р. Е. Кантор. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. «Вопросы истории», 1971, № 9.

ческого подхода к истории развития американского капитализма, против «бесконфликтной истории». Продолжая и углубляя традиции «прогрессивистской» школы, они сосредоточивают внимание на экономической подоплеке исторических событий. Особенно привлекательно в их работах стремление осветить роль народных масс в истории. Радикалы обратились к ряду источников, дающих возможность показать роль «низов». Они предлагают также шире использовать «устную историю», интервьюируя, например, рядовых участников — ветеранов массового демократического движения 30-х годов. Американский историк-марксист Г. Аптекер отмечал, что в лучших работах историков этого направления «отвергаются элитарные концепции классической американской историографии и настойчиво проводится мысль, что так называемые молчаливые народные массы, рабочие и другие производители материальных благ, эксплуатируемые и угнетенные... являются теми людьми, которых историк должен изучать в первую очередь»⁶⁸.

Необходимо подчеркнуть, что методология «радикалов» далека от марксистской (хотя многие из них знакомы с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина) и носит эклектический характер. При обрисовке сложного диалектического характера исторического процесса они нередко модернизируют прошлое. Левацкие максималистские мерки в оценке тех или иных событий подчас оборачиваются антиисторизмом (демократические движения вырываются из исторических рамок и осуждаются за недостаточную революционность, порицаются реформы, направленные лишь на частичные преобразования, на улучшение положения масс, и т. д.). Следует также отметить, что радикалы, претендуя на оригинальность и «новизну», нередко обходят и замалчивают работы историков-марксистов, много сделавших для освещения кардинальных проблем истории США и показа роли народных масс.

Радикалы создали еще немного фундаментальных исследований, хотя и выступили по важным узловым периодам истории США. В области изучения войны за независимость одним из наиболее ярких представителей этого направления является Дж. Лемиш. Главная область его научных интересов — роль народных масс в революционных событиях XVIII века. В очерке под характерным названием «Американская революция: взгляд снизу»⁶⁹, Дж. Лемиш показал, что оценка революционных событий зависит от того, рассмотрены ли они глазами правящей элиты или с позиций трудящихся масс. В связи с 200-летием войны за независимость Дж. Лемиш призвал своих коллег приступить наконец к публикации бумаг (дневников, воспоминаний и т. д.) тех участников событий, которые не были «великими белыми мужиками», издавать документы о народных протестах в колониальной Америке, обратиться к источникам по истории таких массовых революционных организаций, как корреспондентские комитеты, «Сыны свободы» и т. д.⁷⁰ Дж. Лемиш понял, что традиционный «элитаризм» буржуазной историографии ведет к искажению и обеднению прошлого. Он отметил иллюзорность избирательных прав рядовых колонистов, практически лишенных доступа к административным должностям, показал применение различных форм давления на избирателей и т. д. В центре внимания Дж. Лемиша — активность «молчаливой толпы» — матросов, еще в колониальный период выступавших против вербовки в английский флот, военнопленных в

⁶⁸ H. Aptheker. Cold-War Liars and New Historians. «Political Affairs», August 1971, p. 92.

⁶⁹ J. Lemish. The American Revolution Seen from the Bottom Up. «Towards a New Past. Dissenting Essays in American History». Ed. by V. T. Bernstein. N. Y. 1968. См. подробнее: Н. Н. Болховитинов. Война США за независимость и современная американская историография. «Вопросы истории», 1969, № 12; Б. М. Шпотов. «Новые левые» историки о классовой борьбе в период войны США за независимость. «Вопросы истории», 1974, № 2.

⁷⁰ «Вопросы истории», 1973, № 2, стр. 194—195.

британских тюрьмах, отказавшихся перейти на службу к Англии и тем самым изменить своей родине. Он также отмечает революционную инициативу масс, проявившуюся во время открытых народных выступлений, городских собраний и т. д. Анализируя Декларацию независимости США и справедливо подчеркивая классовую ограниченность ее авторов, показывая, что ряд участников революции занимал более радикальную позицию, чем «отцы — основатели» США, Дж. Леммиш, однако, подчас выходит за рамки историзма, причисляя Т. Джефферсона к лагерю консервативных политиков и утверждая, что революция совершалась только «снизу». Г. Аптекер подверг этот вывод справедливой критике, обратив внимание на то, что вокруг требования разрыва с Англией и независимости колоний сплотилось большинство американцев, представлявших различные социальные слои⁷¹.

Достоинства и недостатки исследований молодых радикалов весьма рельефно проявляются при анализе «прогрессивной эры» и «нового курса». Периоду «прогрессивизма» посвящены работы Г. Колко. Колко — серьезный исследователь, смелый в выборе проблем, работы его получили широкий общественный резонанс. В своих книгах⁷² Колко выступает против неолиберальной концепции «прогрессивной эры» как времени реформ, дарованных якобы народу просвещенными лидерами и ограничивших всевластие капитала. Он отмечает ряд существенных черт складывающегося государственно-монополистического капитализма (по его терминологии, «политического капитализма») и увеличение его влияния на политическую жизнь страны. Однако Г. Колко недооценивает роль классовой борьбы пролетариата и антимонополистических выступлений того времени. В результате все реформы он рассматривает лишь в плане интересов крупного бизнеса и эпоху, характеризующуюся бурным подъемом демократических движений, называет «консервативной эрой».

Сходный характер носит изучение и оценка «радикалами» «нового курса», так как они исходят из тезиса о бесполезности либеральных реформ и вредности «половинчатых решений». Изучая деятельность администрации Ф. Рузвельта, они верно подчеркивают ее классовую направленность, указывают на возрастание роли монополий в деятельности государства. Не анализируя уровень классовой борьбы и степень классового сознания ее участников, «радикалы» ставят вопрос об упущенных возможностях коренных социальных преобразований (часто понимаемых весьма туманно). С этих позиций они дают негативную оценку всем реформам «нового курса»⁷³. В результате отрицается значимость таких важных мероприятий, как законы о труде, социальном страховании и т. д., принятых под влиянием упорной борьбы, которую вели американские трудящиеся.

Ряд «новых левых» историков, изучающих историю рабочего движения в США (Б. Бернстайн, Р. Рэдш, Д. Вейнстайн и др.⁷⁴), подобно историкам «новой волны», выступили против институционалистских догм висконсинской школы. Они уделили первостепенное внимание критике профбюрократии и реформистской политики лидеров АФТ. В поисках прогрессивной традиции они обратились к истории таких организаций рабочего класса, как Орден рыцарей труда, Индустриальные рабочие мира. Левые движения рассматриваются ими не как продукт влияния европейской идеи или плод иностранной иммиграции, а как естествен-

⁷¹ H. Aptheker. Attempting a New History. «Political Affairs», August, September 1968.

⁷² G. Kolko. The Triumph of Conservatism. N. Y. 1963; e jus d. Railroads and Regulation, 1877—1916. N. Y. 1965. См. подробнее: В. Д. Козенко. Политический капитализм Г. Колко. «Вопросы истории», 1972, № 12.

⁷³ P. Conkin. The New Deal. N. Y. 1967.

⁷⁴ J. Weinstein. The Decline of Socialism in America, 1912—1925. N. Y. 1967; «Towards a New Past», R. Radosh, American Labor and United States Foreign Policy. N. Y. 1969.

ное порождение внутренних социально-экономических условий США. Однако «новые левые» далеки от понимания исторической роли пролетариата, не замечают левых тенденций в современном рабочем движении США, противопоставляют его движению начала XX в. и нередко пишут о вращении пролетариата в систему капитализма.

Ныне период «бури и натиска» «нового левого» движения миновал, ослабло это критическое направление и в историографии. (Этому в немалой мере способствовала эклектичность методологических установок радикалов). Но деятельность этих историков не прошла бесследно: она способствовала расшатыванию многих апологетических принципов американской буржуазной историографии, а ряд их демократических идей стал принадлежностью более широкого круга историков.

Американские историки-марксисты составляют пока сравнительно небольшой отряд, невелико и число выпускаемых ими книг. Это во многом связано с колоссальными трудностями, которые приходится преодолевать передовым ученым, работающим в стране — цитадели мирового капитализма. Их деятельность требует величайшей убежденности и большого личного мужества. Ученые-марксисты практически лишены возможности участвовать в научных академических обществах и преподавании в университетах, затруднена публикация их работ в исторических журналах. Несмотря на все трудности, после второй мировой войны число марксистских работ по узловым проблемам истории США значительно возросло. В статьях и выступлениях руководящих деятелей Компартии США, на страницах ее теоретического органа «Political Affairs» поднимается широкий спектр проблем новейшей истории США. Естественно, что основное внимание уделяется изучению исторического опыта широких народных движений, антимонополистическим традициям и в первую очередь борьбе рабочего класса.

Среди исследований историков-марксистов видное место занимают работы У. З. Фостера. Опираясь на достижения прогрессивной американской историографии, на основе критического переосмысления буржуазной исторической литературы, У. Фостер немало сделал для выявления закономерностей рабочего и демократического движения в США. Его перу принадлежат книги: «История Коммунистической партии США», «Очерк политической истории Америки», «Негритянский народ в истории Америки»⁷⁵ и ряд других. Рассматривая историю как процесс непрерывной классовой борьбы, У. Фостер отводит большое место анализу войны за независимость и гражданской войны 1861—1865 годов. Он рисует не историю «избранного народа» — белых поселенцев, но историю всего американского народа, восстанавливая подлинное прошлое негров и индейцев, особенно искаженное буржуазной историографией. Труды У. Фостера направлены против теории «исключительности» американского капитализма и тезисов буржуазной историографии об «улучшении капитализма» в XX в., его «демократизации» и «гуманизации». Он показывает, что социальные антагонизмы в США приняли наиболее острый характер с наступлением эпохи империализма.

Анализ ряда новых явлений в экономике и политике американского империализма на рубеже 70-х годов дан в статьях и выступлениях лидера американских коммунистов Г. Холла⁷⁶. Исходя из ленинской теории империализма, он рассматривает различные аспекты социально-политического маневрирования государственно-монополистического капитализма в условиях борьбы двух социальных систем и научно-технической революции, отмечает нарастание прогрессивных тенденций в ра-

⁷⁵ W. Foster. History of the Communist Party of the United States. N. Y. 1952; У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1952; его же. Негритянский народ в истории Америки. М. 1954.

⁷⁶ Гэс Холл. Революционное рабочее движение и современный империализм. М. 1974.

бочем движении США и новые формы общедемократической борьбы против монополистического капитала. Уделяя первостепенное внимание современным международным проблемам, Г. Холл свидетельствует, что «разрядка отражает качественный сдвиг в международных классовых отношениях»⁷⁷. В работах видных деятелей Компартии США Г. Уинстона и К. М. Лайтфута дается научный анализ современного этапа негритянского освободительного движения в США и его перспектив⁷⁸.

Исследователи-марксисты опубликовали ряд книг, посвященных анализу послевоенных экономических проблем американского империализма. В работах «Американский империализм» и «Империя финансовых магнатов» В. Перло⁷⁹ дал картину роста монополий, показал роль их в милитаризации экономики США. Разоблачение агрессивной внешней политики США рассматривается историками-марксистами и публицистами как актуальнейшая задача⁸⁰. Они исследуют классовые истоки и антинародный характер антисоветизма.

В изучение истории американского рабочего движения большой вклад внес Ф. Фонер. Его труд «История рабочего движения в США»⁸¹ является фундаментальным научным исследованием истории американского пролетариата от колониального времени до первой мировой войны, он основан на широком круге источников: архивных документах, рабочих газетах, брошюрах, листовках, отчетах рабочих и правительственных организаций и т. д. Ф. Фонер дает картину борьбы рабочих за улучшение условий труда и социальный прогресс. В отличие от висконсинской школы он освещает не только действия тред-юнионов, но и уделяет пристальное внимание «выдающейся роли рабочего класса в важнейших демократических и социальных битвах, происходивших на всем протяжении истории страны»⁸². В труде Ф. Фонера показывается распространение марксизма в США, деятельность социалистических организаций. Даже буржуазные историки вынуждены признать высокий академический уровень его работ. Д. Барбаш отмечал, что Ф. Фонером предпринято «первое всестороннее исследование архивов АФТ для написания общей истории рабочего движения», и в этом отношении труд Ф. Фонера превосходит «классическое исследование» Д. Коммонса⁸³.

Прямым ответом ученого-марксиста на острые политические проблемы современности явилось исследование «Американский рабочий класс и война в Индокитае»⁸⁴, где приводятся убедительные факты выступлений американских рабочих против агрессии США во Вьетнаме. Ф. Фонер стремится помочь читателю осмыслить и понять истоки и других важнейших проблем современности. Он опубликовал труд по истории Кубы и ее отношений с США⁸⁵, где исследуются корни агрессивной политики США и показывается национально-освободительная борьба кубинского народа. Наконец, следует отметить интенсивную деятельность

⁷⁷ G. Hall. The Big Stakes of Detente. N. Y. 1974, p. 2.

⁷⁸ Г. Уинстон. Стратегия борьбы черного населения. М. 1975; К. М. Лайтфут. Восстания в гетто за освобождение негров. М. 1975.

⁷⁹ В. Перло. Американский империализм. М. 1951; его же. Империя финансовых магнатов. М. 1957.

⁸⁰ Дж. Аллен. Атомный империализм. М. 1952; его же. США и «Общий рынок». М. 1962; Г. Аптекер. Внешняя политика США и «холодная война». М. 1963.

⁸¹ Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Т. I—IV. М. 1949—1969; См. также: (Ph. S. Foner. Organized Labor and the Black Worker 1619—1973. N. Y.—Washington. 1974). Р. Боейер и Г. Моррейс. Нерассказанная история рабочего движения в США. М. 1957; Дж. Моррис. Основные проблемы рабочего движения в США. М. 1961.

⁸² Ф. Фонер. Указ. соч. Т. I, стр. 22.

⁸³ «Industrial and Labor Relations Review», January 1957, p. 327.

⁸⁴ Ph. S. Foner. American Labor and the Indochina War. N. Y. 1971.

⁸⁵ Ф. Фонер. История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845. М. 1962; его же. История Кубы и ее отношений с США. 1845—1895. М. 1964; Ph. S. Foner. The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism, 1895—1902. Vols. I—II. N. Y.—L. 1972.

Ф. Фонера как издателя документов о прогрессивных традициях американского народа. Наиболее важные из этих публикаций: статьи, речи, письма выдающегося борца против рабства Ф. Дугласа⁸⁶.

Начатая Д. Алленом марксистская разработка истории борьбы негритянского народа против рабства нашла достойное продолжение в трудах Г. Аптекера. В течение многих лет он был преподавателем истории в прогрессивной Школе социальных наук имени Джефферсона, а с 1964 г. является директором Американского института марксистских исследований. Первые исторические работы Г. Аптекера относятся еще к концу 30-х годов, после второй мировой войны в полной мере проявилось его научное дарование. В отличие от историков-либералов, лишь филантропически сочувствующих страданиям негритянского народа, он вскрывает классовую сущность его борьбы⁸⁷. До него только немногие историки приводили отдельные факты сопротивления рабов. Г. Аптекер обратился к газетам южных штатов, письмам, воспоминаниям, свидетельствам путешественников и многим другим источникам, которые помогли ему восстановить подлинную картину восстаний, потрясавших рабовладельческий Юг. Многие из известных в настоящее время (около 250) заговоров и восстаний негров-рабов впервые выявлены им. Крупным событием в прогрессивной историографии США стал выход в свет первых двух томов исследования Г. Аптекера «История американского народа»⁸⁸. Незаурядный полемист, он часто выступает как автор злободневных работ, разоблачающих реакционную сущность современных буржуазных исторических и социологических концепций⁸⁹. В настоящее время им предпринимается многотомная публикация историко-литературного наследства выдающегося негритянского лидера У. Дюбуа.

Американской марксистской историографией осуществлена большая работа по изучению коренных научных проблем истории США. Она призвана помочь народным массам правильно понять и осмыслить историю своей страны, их роль в борьбе за демократию и социальный прогресс.

Американская историография прошла за послевоенное 30-летие немалый путь. В конформистский период ее развития политическая тенденциозность выражалась в основном как апологетическое комментирование официальных тезисов. Под влиянием внутренних факторов и положительных изменений в международной обстановке в буржуазной науке произошли существенные сдвиги. Пришло большее многообразие направлений и концепций, усилился критический подход к некоторым традиционным историческим постулатам, получили развитие новейшие методы исследования. Острая идеологическая борьба, возросший политический потенциал исторической науки требуют от историков-марксистов тщательного анализа новейших тенденций в буржуазной историографии, активизации борьбы с нею по новым направлениям.

⁸⁶ «The Life and Writings of Frederick Douglass». Ed. by P. S. Foner. Vols. I—IV. N. Y. 1950—1955.

⁸⁷ H. Aptheker. Negro Slave Revolts in the United States, 1526—1860. N. Y. 1939; e j u s d. To be Free: Studies in American Negro History. N. Y. 1948; e j u s d. Toward Negro Freedom. N. Y. 1956; e j u s d. Nat Turner's Slave Rebellion. N. Y. 1966; «A Documentary History of the Negro People in the United States». Vols. 1—4. Ed. by H. A. Aptheker. N. Y. 1951—1974.

⁸⁸ Г. Аптекер. Колониальная эра. М. 1961; его же. Американская революция 1763—1783. М. 1962.

⁸⁹ Г. Аптекер. История афро-американцев. М. 1975.

ОПЫТ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В. А. Устинов, В. И. Кузищин, Ю. Н. Павловский, А. С. Гусейнова

В настоящее время исследователи все чаще стали обращаться к использованию математических методов в общественных науках, в том числе в истории. Математические методы и ЭВМ успешно применяются как новый и более совершенный инструмент для переработки информации, содержащейся в различных исторических источниках. Как для историков, так и для математиков большой интерес представляет переход к следующему этапу применения математических методов в исторических исследованиях — математическому моделированию историко-социальных процессов.

Модель в широком понимании — отражение наших представлений о реальном мире. В кибернетике математическая модель определена как «относительная истина, отражающая определенные особенности изучаемых явлений»¹. Продвижение к абсолютной истине возможно только путем изучения бесконечного ряда относительных истин-моделей, приближенно отражающих различные стороны реальной действительности. Существуют различные способы представления моделей: интуитивный, словесный, механический, электрический, математический. При изучении источников историк создает в своем сознании определенное представление об исторической реальности — умозрительную модель, которую оформляет в виде монографий, очерков, статей и т. п. В физико-технических исследованиях давно используются механические модели (модель самолета, ракеты в аэродинамической трубе, модель ГЭС в лабораторном бассейне и т. д.), достаточно приближенно описывающие реальные объекты. В естественных науках уже со времени Ньютона применяются математические модели. Законы Ньютона были одной из первых важных моделей процессов, изучаемых физикой, моделью механического движения. Современные успехи механики, физики, астрономии основаны на широком использовании надежных математических моделей.

В общественных науках математические модели впервые были применены К. Марксом в «Капитале». Вместе со словесным представлением строго научной модели, вскрывающей закономерный характер генезиса и развития капиталистического способа производства, а также предсказывающей его неизбежную гибель и дальнейшее развитие общества, в наиболее важных ее разделах К. Маркс использует математическое описание. Теория стоимости, описывающая многочисленные и разнообразные свойства товара, модель расширенного воспроизводства, вскрывающая важнейшие особенности производства, выражены К. Марксом на языке математики. Основоположники марксизма-ленинизма стремились применять математические методы в своих исследо-

¹ Н. Н. Моисеев. Математические модели экономической науки. М. 1973, стр. 5.

ваниях социально-экономических процессов. К. Маркс, например, писал: «Я неоднократно пытался — для анализа кризисов — вычислить эти *up and downs* (повышения и понижения. — *Ред.*) как неправильные кривые и думал (да и теперь еще думаю, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов»². Известно, какое значение придавал статистике и математическим методам анализа В. И. Ленин. Он видел в статистической сводке материала один из важнейших инструментов познания объективных процессов, происходящих в обществе. Так, в первые месяцы осуществления нэпа, когда очень остро стоял вопрос о темпах и характере восстановления экономики, В. И. Ленин предложил «составить своего рода *index-number*», то есть число-показатель, с тем чтобы представлять «ежемесячную сводку главных данных нашей хозяйственной жизни (цифры и кривая)». «Без этого у нас не будет обзора хозяйственной жизни. Это одна из баз работы Госплана»³, — подчеркивал он.

В современной экономической науке сформировалось мощное самостоятельное направление экономико-математических исследований, основанное на конструировании и изучении математических моделей.

Математическое представление модели, в отличие от всех других способов представления, использует формально-логический аппарат математики для описания характеристик, свойств, особенностей изучаемых объектов и процессов реального мира. С помощью современных математических методов и технических средств (ЭВМ) можно глубже и полнее понять эти свойства и особенности, всесторонне анализировать поведение модели в целом. Создание математических моделей и их исследование и есть математическое моделирование.

Важное преимущество математического моделирования — широкая возможность количественного анализа моделей. В памяти машины могут быть записаны все числовые параметры исследуемой модели, которые относятся к экономике, демографии, военным операциям, строительству, культуре, быту и т. д. Если умозрительные описательные модели весьма редко конструируются на основе количественных оценок, то при математическом моделировании с помощью ЭВМ открывается возможность довольно полного учета, строгого и логического анализа всех числовых данных, включенных в исследование.

Успехи применения математического моделирования в области естественных наук обусловлены тем, что в течение веков разрабатывался математический аппарат, развивались определенные математические дисциплины (дифференциальное и интегральное исчисление, теория дифференциальных уравнений, функциональный анализ и т. д.). Новые направления в математике, созданные для потребностей общественных наук (математическая экономика, динамическое программирование, теория информации, математическая лингвистика и др.) возникли только в послевоенное время. Сама электронная вычислительная техника, появившаяся всего около 30 лет назад, и прежде всего для потребностей естественных наук, только теперь, когда создано ее третье поколение⁴, может быть использована для целей общественных наук.

Применение математического моделирования в области общественных наук позволяет ставить и решать важные комплексные проблемы. Организация комплексных исследований предполагает органиче-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 72.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 214, 215.

⁴ Первое поколение машин — это ламповые машины с быстродействием порядка 10—20 тыс. операций в секунду. Например, машина БЭСМ-1 (1953 г.) имеет емкость памяти — 2048 слов, скорость — 7—8 тыс. операций в секунду. Второе поколение — это транзисторные машины с быстродействием порядка сотен тысяч операций в секунду. Например, БЭСМ-6 (1967 г.), объем памяти — 32 768 слов, скорость — 1 млн. операций в секунду. Третье поколение — машины на интегральных схемах и вычислительные комплексы с быстродействием порядка миллионов операций в секунду.

ское слияние различных методов исследования, участие специалистов разных областей знания (философов, экономистов, историков, социологов, юристов, лингвистов, этнографов, археологов и т. д.), подчинение исследования задаче решения единой комплексной проблемы, освоение смежных областей знания, привлечение разнообразных и специфических для каждой из этих отраслей знания источников. Математическая модель любого процесса — это прежде всего совместное творчество специалистов, которые изучают этот процесс, и математиков, которые занимаются инструментом — конструированием модели.

В настоящее время интенсивно развиваются имитационные методы моделирования, которые включают в себя систему математических моделей исследуемого историко-социального процесса, математические программы, по которым ЭВМ реализует течение процесса, и исследователей, изучающих данный процесс. Общение исследователей с ЭВМ осуществляется с помощью различных технических устройств, позволяющих вводить в ЭВМ данные, необходимые для воспроизведения процесса, получать из ЭВМ информацию о течении процесса. Современные технические устройства дают возможность оперативно общаться с машиной и в наглядной форме получать результаты решения задачи, на основе изучения которых человек вновь обращается к машине; так продолжается до тех пор, пока не будет получено удовлетворительное имитирование изучаемого процесса, наиболее адекватно отражающее реальную действительность.

С освоением и внедрением математического моделирования в общественные науки укрепляется техническая и общеметодическая база научно-исследовательской работы, и вместе с тем выдвигаются новые, повышенные требования к уровню научной методологии. На эту сторону вопроса обратил внимание А. И. Данилов, который писал в статье «К вопросу о методологии исторической науки»: «Перед современной исторической наукой стоит задача правильно использовать в исследовательской практике все достижения научного познания, в том числе и математической логики. Это диктуется самим развитием науки, необходимостью совершенствовать конкретные методики исторического исследования»⁵. Далее в статье подчеркивается, что познавательный арсенал историка не нейтрален по отношению к его мировоззрению, к его классовым интересам, к вопросу о партийности философии. Никакая «прикладная логика истории», никакая формализация исторического знания «не могут устранить классовый подход к историческим явлениям»⁶.

Нами была построена и исследована имитационная социально-экономическая модель конкретного исторического процесса. В процессе имитационного исследования были выполнены следующие виды работ: I. Изучен выбранный для имитационного моделирования исторический период; II. Составлена словесная модель исторического процесса этого периода; III. Разработана графическая блок-схема причинных связей модели; IV. Разработаны математические уравнения, соотношения, отражающие связь между всеми параметрами исследуемого процесса; V. Разработана и составлена блок-схема вычислительного процесса; VI. Вычислительный процесс запрограммирован для ЭВМ на алгоритмическом языке; VII. Изучаемый процесс проимитирован на ЭВМ; VIII. Проанализированы и оценены важнейшие результаты.

Для построения имитационной модели очень важен выбор подходящего объекта исследования. Прежде всего о нем должна содержаться достаточная информация в дошедших до нас источниках, и вместе с тем он должен быть важным историческим событием, оказавшим вли-

⁵ «Коммунист», 1969, № 5, стр. 69.

⁶ Там же, стр. 72.

яние на ход общественного развития. Это событие должно протекать в более или менее однородной исторической среде, то есть в условиях сложившейся общественной системы. Для первой попытки менее эффективны так называемые переходные исторические эпохи, когда в системе общественных отношений сложно и противоречиво переплетаются пережитки прежней эпохи и новые явления. Наконец, объект должен удовлетворять еще одному условию: это должно быть общество с достаточно высоким уровнем цивилизации, так как слишком примитивное или сложное общественное устройство для этих целей малопригодно: первое — в силу малой эвристической ценности результатов, второе — в силу особой трудности для исследования.

Поиск такого объекта был направлен на древнегреческие полисы. Объектом исследования было избрано одно из важнейших событий в истории древнегреческих полисов, а именно: греческое рабовладельческое общество периода Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.). При выборе именно этого объекта исследования учитывался ряд соображений. Вторая половина V в. до н. э. — эпоха «высочайшего внутреннего расцвета Греции»⁷, расцвета классического рабовладельческого способа производства, создания интенсивной экономики, развития простого товарного производства, морских и торговых связей, оформления греческой демократии, расцвета греческой культуры. К середине V в. в раздробленной на множество полисов Греции оформились два крупных военно-политических блока: Пелопоннесский союз и Афинский морской союз, вокруг которых объединились многие греческие полисы. Острые военно-политические и социальные противоречия между этими союзами вылились в общегреческую кровопролитную войну, которая потребовала крайнего напряжения сил, выявила и обнажила многие стороны общественно-экономической и политической жизни, в мирных условиях оставшиеся скрытыми. Пелопоннесская война оказала огромное влияние на последующее развитие древней Эллады, греческого рабовладельческого общества. Она подробнее отражена в источниках, материалов по ней несколько больше, чем по другим военным кампаниям древности.

Таким образом, попытка построить имитационную модель хода Пелопоннесской войны позволяет «проиграть» одно из ключевых событий высшего периода внутреннего развития Древней Греции, причем на относительно богатом материале источников и литературы. Это придает данной модели определенную историческую реальность, дает возможность полнее отработать механизм создания такой модели и вместе с тем имеет значение для проверки существующих точек зрения, то есть некоторое научное значение. В пользу этого объекта были аргументы и чисто технического характера. Исследование имитационных моделей с помощью ЭВМ второго поколения весьма затруднительно. Для этого нужны ЭВМ с большой памятью (ЭВМ третьего поколения). Мы располагали машиной БЭСМ-6, поэтому нужно было выбрать такой исторический процесс, чтобы его имитационную модель можно было считать на БЭСМ-6, машине второго поколения.

Пелопоннесская война была общегреческой и затронула очень многие полисы Древней Греции, из которых одни выступали на стороне Афин, другие на стороне Спарты. Из-за недостатка данных невозможно было учесть средства всех участников войны, включая мелкие полисы. Поэтому пришлось иметь дело с ведущими полисами, игравшими в военных действиях основные роли. Так, для афинской стороны речь идет о военно-экономическом потенциале Аттики, включая денежные средства и корабли союзников. С отбором основных полисов другой воюющей стороны дело обстояло сложнее: здесь одна Спарта не могла

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 98.

представлять военно-экономический потенциал Пелопоннесского союза. Поэтому при подсчетах средств пелопоннесской стороны учтен также потенциал Коринфа и Фив. Невозможно понять общую ситуацию в Греции того времени, если не принять также во внимание военно-экономический потенциал одного из крупнейших греческих полисов Сицилии — Сиракуз, хотя в первые годы войны Сиракузы не принимали активного участия в военных действиях.

В модели население каждого подиса разделено на слои, причем за основу принято социально-классовое членение афинского общества как относительно более развитого и сложного. Были выделены следующие слои среди гражданства: крупные землевладельцы — типа пентакосо-медимнов Солона; средние землевладельцы — всадники Солона; зажиточные землевладельцы — зевгиты; бедные землевладельцы-крестьяне — часть фетов, по Солону; крестьяне — безземельные, арендующие землю; наемные сельскохозяйственные рабочие, живущие главным образом продажей своей рабочей силы. Вторая большая группа граждан — занятые в ремесленном производстве или живущие в городе и утратившие связь с сельским хозяйством. В этой группе выделены следующие слои: работающие по найму, мелкие торговцы, владельцы крупных ремесленных эргастериев (богатые ремесленники), владельцы средних по размерам ремесленных рабовладельческих мастерских (средние ремесленники) и бедные ремесленники. С учетом важности негражданского населения во многих греческих полисах выделена третья группа населения, которая условно названа афинским термином «метеки» и которая в схеме также делится на три слоя: богатые, средние и бедные метеки.

Особая графа отведена государству. Хотя рабы были основным производящим классом и их численность в наиболее развитых полисах была весьма значительной, они не помещены в отдельную рубрику, а распределены по тем слоям свободного населения, к которым они принадлежат.

Для характеристики каждого слоя взяты следующие показатели: количество рабов, количество хозяйств и общая численность слоя, включая женщин и детей, площадь каждого хозяйства, общая площадь полиса, площадь обрабатываемой земли, количество полученных с земли продуктов, необходимый импорт и экспорт, стоимость необходимых товаров и потребительский минимум представителя каждого слоя. Сделана попытка учесть запас денег у каждого слоя населения, комплектование войска из разных слоев, доходы и расходы государства, каждого слоя, а также потери в войнах, рабах, опустошение неприятелем территории и, следовательно, сокращение сельскохозяйственного производства. Естественно, этот отбор потребовал большого количества цифрового материала, который, к сожалению, не всегда был достаточен. К тому же данные о тех или иных величинах у современных исследователей сильно отличаются друг от друга. Поэтому пришлось отбирать количественные данные с большой осторожностью, много раз проверяя материал, максимально используя сообщения первоисточников, заимствуя статистические подсчеты из литературы.

Для построения самих связей имитационной модели греческого общества на примере пяти ведущих полисов не требовалось детального уточнения случайных и единичных цифр, сохранившихся в источниках. Даже специальные исследования на эту тему приводят к малоутешительному выводу о недостоверности цифровых подсчетов и к значительным расхождениям среди специалистов. В дальнейшем наша цель была такой: зная ход и результаты процесса (в частности, Пелопоннесской войны), на основе имеющихся данных построить его полную математическую модель с включением всех необходимых для этого данных и коэффициентов. Для этого использовались цифровые материа-

лы, к сожалению, случайные, которые сохранились в источниках, прежде всего в сочинениях Фукидида, Ксенофонта, ораторов, некоторых надписях, для аналогии привлекались цифровые данные древнеримских писателей и подсчеты современных исследователей (избегая крайних точек зрения). Для различных расчетов использовались главным образом работы советских авторов Н. А. Машкина, Я. А. Ленцмана, В. Д. Блаватского, К. М. Колобовой, Л. М. Глускиной, В. Н. Андреева, Э. Д. Фролова, Т. Ф. Новиковой. При определении исходных данных были использованы работы К. Белоха, А. Франкотта, Г. Глотца, П. Клоше, С. Лауффера, А. Джонса, П. Оливы⁸. При работе с цифровым материалом приходилось обращаться и к гипотезам, основанным на некоторых случайных данных и анализе общей ситуации.

При отборе цифровых показателей проводилась их проверка и уточнение и избирался непротиворечивый для общей системы вариант. Проиллюстрируем это на примере общих расчетов населения Афин, сделанных в свое время А. Франкоттом, Г. Глотцем и Д. Гоммом. По Франкотту, общее число жителей в Афинах—220—290 тыс., из них граждан с семьями—96,6 тыс., метеков с семьями—46 тыс., рабов—75—150 тысяч. Глотц насчитывал в Афинах граждан с семьями—135—140 тыс., метеков—65—70 тыс., рабов—200—210 тыс., а Гомм соответственно всего 155 тыс., из них граждан с семьями—60 тыс., метеков—25 тыс., рабов—70 тысяч.

Общая площадь Аттики определяется приблизительно в 2418,75 кв. километров. Так как значительную часть ее территории составляют горные и неудобные для земледелия массивы, то площадь обрабатываемой земли достигает 25—27% территории, или около 65 тыс. гектаров⁹. В модели функционируют пять видов необходимых сельскохозяйственных продуктов: зерно, вино, масло, мясо, шерсть. По Цицерону, каждый югер земли (близ Леонтин) засевали 1 медимном зерна (Cic. in Verrg, III, 112). Следовательно, 1 га засевали 4 медимнами зерна. Учитывая малую плодородность аттической почвы, можно допустить, что средний урожай в Аттике равен сам-4¹⁰. Итак, с одного га снимают урожай в 16 медимнов зерна, 4 медимна которого используются для посева, а остальные 12—для продажи и потребления.

Для определения урожайности виноградников использовались следующие расчеты. По свидетельству Плиния, с югера виноградника получали 20 амфор, или 840,32 л вина, по данным Грецина,—525,2 л, по расчетам Колумеллы,—787,8 л вина. Таким образом, с 1 га получали 2 тыс.—3320 л вина¹¹. В Аттике повсеместно выращивали виноград и экспортировали вино. Греки были искусными виноградарями. Допустимо предположение, что в среднем с 1 га виноградника получали 3 тыс. л вина.

⁸ Для характеристики общего социально-экономического положения Спарты использовались работы: А. Н. Jones. *Sparta*. Oxford. 1967; Р. Олива. *Sparta and Her Social Problems*. Prague. 1971, особенно стр. 29—62. О положении Фив см. Р. Слосхэ. *Thèbes de Béotie. Des origines à la conquête romaine*. Namur. 1955—. О Сиракузах см: Э. Д. Фролов. Выступление и приход к власти Дионисия Старшего. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1971, № 3; Т. Ф. Новикова. Экономическое развитие Сиракуз в V в. до н.э. «Ученые записки» Башкирского пединститута. VII. 1956; А. Фиори. *Le città della Magna Graecia*. R. 1965. Однако большинство исследований основывается главным образом на афинском материале, так как социально-экономическое положение Афин изучено более полно и служит опорой и неким образцом при многих наших подсчетах и предположениях. О ценах см. исследование: L. Spraventa-Novellis. *I prezzi in Graecia e a Roma nell'antichità*. R. 1934.

⁹ В. Н. Андреев. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н.э. ВДИ, 1959, № 2, стр. 122.

¹⁰ А. Жагде. *Les cereales dans l'antiquité grecque*. P. 1925, p. 58; Дж. Томпсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М. 1959, стр. 308.

¹¹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953, стр. 160.

В Аттике оливководство было одной из процветающих отраслей. Данных по выработке оливкового масла, к сожалению, нет. Но в современной Греции выход оливкового масла с 1 га оливковой рощи равен 230—400 литрам¹². Современная агротехника позволяет выработать масла больше, чем в древности. Поэтому можно предположить, что в Аттике V в. до н. э. с 1 га маслинника получали, возможно, 200 л оливкового масла.

Согласно данным Полибия, норма потребления зерна для римского легионера была 3,5 модия в месяц (Pol., VI, 39), Катон рекомендовал давать своим рабам 4—4,5 модия в месяц (Cat., 56), остальным полевым работникам — по 3 модия. В переводе на греческие меры это составляет около 5,5 медимнов в год. По Катону, в год на раба полагалось 183,82 л вина (Cat., 57). Положим, что один раб в год потребляет 180 л вина, а свободное население в зависимости от состоятельности 180—220 л на человека в год¹³. По Катону, в месяц рабу выдается 0,54 л масла, в год — 6,5 литра. Потребление свободных было несколько выше, возможно, 7—9 л оливкового масла в год на человека, в зависимости от имущественного положения.

Начнем с анализа цифр Глотца. Для удовлетворения нужд населения в вине нужно: 400 тыс. человек \times 190 л вина/чел. = 76 000 тыс. л вина. Для производства такого количества вина требуется 76 000 тыс. л вина: 3 тыс. л/га = 25 333 гектара. Афины экспортировали свое вино, и на его экспорт шло не менее 10—15% общего производства. Таким образом, площадь земли под виноградниками составляет не менее 28 тыс. гектаров.

Для потребления масла 400 тыс. человек нужно 400 тыс. чел. \times 7 л масла/чел. = 2800 тыс. л масла. 2800 тыс. л : 200 л/га = 14 тыс. гектаров. Афины довольно много экспортировали масла (вряд ли менее 25—30% общей выработки), тогда площадь земли под оливковыми деревьями составляет 20 тыс. гектаров. Тогда площадь под злаками 65 тыс. га — 20 тыс. га — 28 тыс. га = 17 тыс. га, в пересчете на потребление населения зерна производится только на 40 тыс. человек, что составляет 10% общей численности населения. Для обработки 65 тыс. га земли достаточно 70—75 тыс. человек (вместе с рабами), что составляет 17—19% от общей численности населения. Однако, насколько известно из общей ситуации, в Аттике того времени сельское хозяйство занимало большее место в хозяйственной жизни полиса. Приведенные же цифры несколько принижают роль сельского хозяйства в экономике Афин, а следовательно, и роль крестьянства в политической жизни государства.

Проведем аналогичные расчеты для цифр Гомма: 155 тыс. чел. \times 190 л/чел. = 29 450 тыс. л вина, или 10 тыс. гектаров. 155 тыс. чел. \times 7 л/чел. = 1085 тыс. л масла, или 7 тыс. гектаров. Зерна хватит на 80 тыс. человек, что составляет свыше 50% населения. В сельском хозяйстве Афин занято более 70 тыс. человек (вместе с рабами), причем свыше 70% граждан. Но на рудниках и государственных стройках работают 39 тыс. человек, из них 10 тыс. рабов¹⁴. Таким образом, непосредственно производством ремесленных изделий занято 12 тыс. человек и 25 тыс. рабов. Вряд ли город с таким количеством ремесленников

¹² В. Д. Попов. Экономика Греции. М. 1962, стр. 45, 49.

¹³ Ps — хеп. Ath. pol. I, 10. Здесь подчеркивается, что по одежде, внешнему виду трудно отличить гражданина от раба или метека. Возможно, что и нормы потребления у тех и других не очень отличались. Во всяком случае, в Риме нормы потребления рабов и крестьян были близки (см. М. Е. Сергеевко. Жизнь Древнего Рима. М. 1964, стр. 121—122).

¹⁴ Л. М. Глускина. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса. ВДИ, 1973, № 2, стр. 30—31. Автор пишет о широком применении труда рабов и метеков в строительстве, на рудниках, в различных ремеслах.

можно считать крупным торгово-ремесленным центром. Едва ли эти цифры отражают размах торгово-ремесленной активности Афин, которые от одних только пошлин получали значительные средства.

Возьмем, наконец, цифры, предложенные Франкоттом: всего — 235 тыс. человек, из них граждан с семьями — 105 тыс., метеков — 50 тыс., рабов — 80 тысяч. Проведем для них аналогичные расчеты: 235 тыс. чел. \times 190 л вина/чел. = 44 650 тыс. л вина, или 16 тысяч гектаров. 235 тыс. чел. \times 7 л масла/чел. = 1645 тыс. л масла, или 11,5 тыс. гектаров. Зерна хватит на 70—80 тыс. человек, что составляет 30—34% населения. Около 40% граждан занимается сельским хозяйством. Непосредственно производством ремесленных изделий занято 25 тыс. граждан, 50 тыс. метеков, 35 тыс. рабов. Эти цифры лучше отражают общую ситуацию в Афинах, поэтому они и были использованы при моделировании.

Ряд данных был выяснен и уточнен путем экспериментальных подсчетов на ЭВМ. Так, были подсчитаны потоки ввозимых и вывозимых товаров, набор товаров¹⁵, производимых одним ремесленником, спрос и предложение каждого слоя населения. После того как были определены все экономические коэффициенты мирного периода времени, на их основе были выведены цифры военного периода. Таким образом была получена уточненная словесная модель этого исторического периода и привлечены для дальнейшего анализа данные, которых не доставало. Используемые данные характеризовали: население, территорию, экономику (сельское хозяйство, ремесло, внутреннюю и внешнюю торговлю, производительность труда, потребление, финансы и т. д.), состав и численность армии, вооружение, военные расходы, а также строительство, дань союзных государств и всевозможные другие числовые значения.

На основе всех этих сведений была составлена графическая блок-схема причинных связей модели изучаемого процесса (см. рис. 1), которая отражает группы взаимодействующих параметров, взаимосвязь и взаимовлияние между ними. Направление взаимосвязей изображено дугой, стрелка которой показывает направление изменения двух взаимодействующих групп параметров. Знак «+» или «—» указывает на то, увеличивается или уменьшается группа параметров, на которую направлена дуга взаимодействия, при увеличении группы параметров, из которой эта дуга исходит. Графическая блок-схема причинных связей дает легкообозримое изображение структуры моделируемой системы. Такие схемы впервые начал использовать в процессе моделирования Дж. Форрестер¹⁶. На ее основе было разработано математическое описание, где на языке математических уравнений и соотношений отражены связи между всеми параметрами исследуемого процесса.

При моделировании был выбран достаточно высокий уровень агрегирования (замены нескольких параметров системы одним параметром). Уровень агрегирования определяется возможностью объединять в один фактор группы различных факторов, сходным образом действующих на систему. Например, было принято, что хозяйства у представителей одного и того же слоя населения одинаковы, что все представители одного и того же слоя имеют равные доходы, расходы, потребление. Все ремесленные товары были агрегированы. Например, за одно текстильное изделие принимался тот набор одежды, который изнашивает один человек за год. За шаг моделирования был взят один год, то есть цикл развития сельского хозяйства.

В процессе имитации войны модель автоматически учитывает все изменения параметров, связанные с военными операциями. Враг насту-

¹⁵ Было принято, что в хозяйстве функционируют 12 видов товаров: зерно, вино, оливковое масло, мясо, шерсть, руда, предметы обихода, сельскохозяйственные орудия, текстильные изделия, предметы роскоши, оружие, рабы.

¹⁶ Дж. Форрестер. Основы кибернетики предприятия. М. 1971.

пает и захватывает часть территории полиса. В зависимости от степени внезапности нападения (для каждого года вводится этот коэффициент) модель рассчитывает, сколько денег, продуктов было захвачено врагом у каждого слоя. Захваченная добыча распределяется в определенных пропорциях внутри вражеского лагеря. В машину вводятся только коэффициенты, характеризующие пропорции распределения военной добычи. Модель автоматически рассчитывает, сколько денег, продуктов захватили воины каждого слоя населения.

В военное время организуется войско, ведущее военные действия. В связи с этим ухудшается обработка земли, так как часть земледельцев мобилизована в армию. Следовательно, снижаются урожаи зерна, винограда, оливок даже на площади, не подвергшейся нападению врага. Воины, выходцы из ремесленных слоев, исключаются из процесса производства ремесленных изделий. В ходе войны войско несет потери. Модель рассчитывает соответствующую реакцию изменения этих величин на другие величины модели. Уменьшается численность войска, значит, государство тратит меньше денег на оплату воинам, и т. д.

Математическому моделированию подвергались очевидные отношения. Они описывают в количественной форме процесс производства материальных благ, процессы их распределения, потребления и обмена при помощи рынков. Математическая модель и ЭВМ «освобождают» исследователя от интуитивного получения следствий указанных отношений.

В общих чертах процесс имитации состоит в следующем. Имея в своем распоряжении начальные значения, относящиеся к определенному году, зная данные о численности слоев населения и их потреблении, цены на различные товары, задавая спрос и предложение этих слоев на все виды товаров в следующем году в соответствии с их имущественным положением и местом в процессе производства, можно с помощью ЭВМ вычислить запасы товаров, денег, количество рабов у слоев населения в следующем году. Результаты подсчета поступают операторам — людям, имитирующим органы, которые принимают экономические и политические решения полисов в рассматриваемой системе. Эти решения касаются спроса и предложения на товары на различных рынках в следующие годы, объявления войны, организации войска, совершения некоторых военных акций (походы, осады), заключения союзов и т. д. Эти решения дают возможность рассчитать анализируемые величины (запасы товаров и денег, количество рабов) в следующие годы. Операторы анализируют полученные результаты, корректируют их и принимают новые решения, по которым на ЭВМ рассчитываются следующие годы. Этот процесс принято называть «имитационным экспериментом». ЭВМ избавляет исследователя от многочисленных подсчетов экономических параметров системы, делает его труд более производительным.

Общей целью исследования было воссоздание такой системы данных, характеризующих рассматриваемый процесс (численность населения полисов, численность его слоев, площади обрабатываемой земли, данные о производительности труда, цены и т. д.), чтобы в результате проведения имитационных экспериментов последовательность полученных величин, характеризующих запасы продуктов, денег, количество рабов у слоев населения полисов, не противоречила общему ходу исторического процесса, различным данным, имеющимся в источниках, естественным образом объясняла бы принятые политические решения.

В процессе имитационного эксперимента ЭВМ осуществляет расчет величин, характеризующих экономическое функционирование системы полисов, после того как все решения экономического, политического и военного характера выработаны операторами, экспертами, ана-

лизирующими течение имитационного эксперимента. Именно эксперты оценивают и учитывают субъективные факторы, безусловно, влияющие на ход исторического процесса. Тем не менее имитационная модель и проводимые с ее помощью эксперименты дают принципиальную возможность глубокого понимания соотношения объективного и субъективного в исторических процессах. Зная динамику экономического функционирования анализируемой системы, то влияние, которое могут оказывать на эту динамику экономические, политические и военные решения, можно с большей достоверностью отделить случайное от закономерного, глубже почуствовать те пределы, в которых возможно влияние субъективных факторов на ход объективного исторического процесса. Таким образом, имитационное моделирование позволяет сочетать формальные и неформальные приемы анализа ситуаций и качества решений.

На основе разработанных математических уравнений и соотношений, отражающих связи между всеми параметрами системы, была составлена блок-схема вычислительного процесса (см. рис. 2). С помощью такой блок-схемы была написана математическая программа (на языке «ALGOL-60»), по которой на ЭВМ реализуется вычислительный процесс.

Для одного шага моделирования по программе вычислительного процесса решаются свыше 2 тыс. уравнений. Вводилось при этом как можно меньше параметров, учитывались наиболее важные, в ряде случаев составлялись более простые соотношения, чем хотелось бы. Все это обуславливалось возможностями используемой нами вычислительной техники. При разовом обращении к машине просчитывалось пять шагов — лет. При этом в вычислительном процессе участвовало свыше 20 тыс. параметров. Конечно, без использования математических методов, без ЭВМ проделать такое количество расчетов один историк не может.

Поскольку отрывочный цифровой материал оказывался связанным в единую систему, удавалось реконструировать и уточнять некоторые цифры. Проиллюстрируем это на следующем примере, где определенную систему образуют такие величины, как дневная плата наемного рабочего (ремесленника), цены на продукты первой необходимости и величина участка мелкого землевладельца. Если брать отдельно каждую величину, то трудно определить ее количественную характеристику. Но, связанные в определенную систему, они могут дать хотя бы приблизительное решение. Известно, что наемному рабочему на государственных стройках платили 1 драхму в день (SIZ, № 572)¹⁷. Таким образом, в год рабочий зарабатывал около 360 драхм (неучет праздников и выходных дает погрешности порядка 10—15%, что является вполне приемлемым для разработанной модели: многие данные имеют большую погрешность). На эти деньги он содержал свою семью. Приблизительно столько же зарабатывал ремесленник. Зная цены на некоторые ремесленные изделия и предполагая, что все ремесленники имеют одинаковую производительность труда (индивидуальные отклонения не учитываются) и производят один и тот же набор товаров, оказалось возможным определить состав этого набора товаров. При этом учитывалось удовлетворение спроса на основные ремесленные изделия внутри полиса.

В источниках имеются следующие случайные цифры на вино: 1 л высокоценного хиосского вина стоит 2,5 драхмы, 1 л высококачественного аттического вина стоит 1,8 об., 1 л обычного аттического вина — 0,6 оболла. Попытаемся выбрать лучший вариант цен. Примем стоимость 1 л ви-

¹⁷ В этой надписи речь идет о плате строительным рабочим при постройке Эрехтейона в 409 г. до н. э.; см. также Л. М. Г л у с к и н а. Указ. соч., стр. 32.

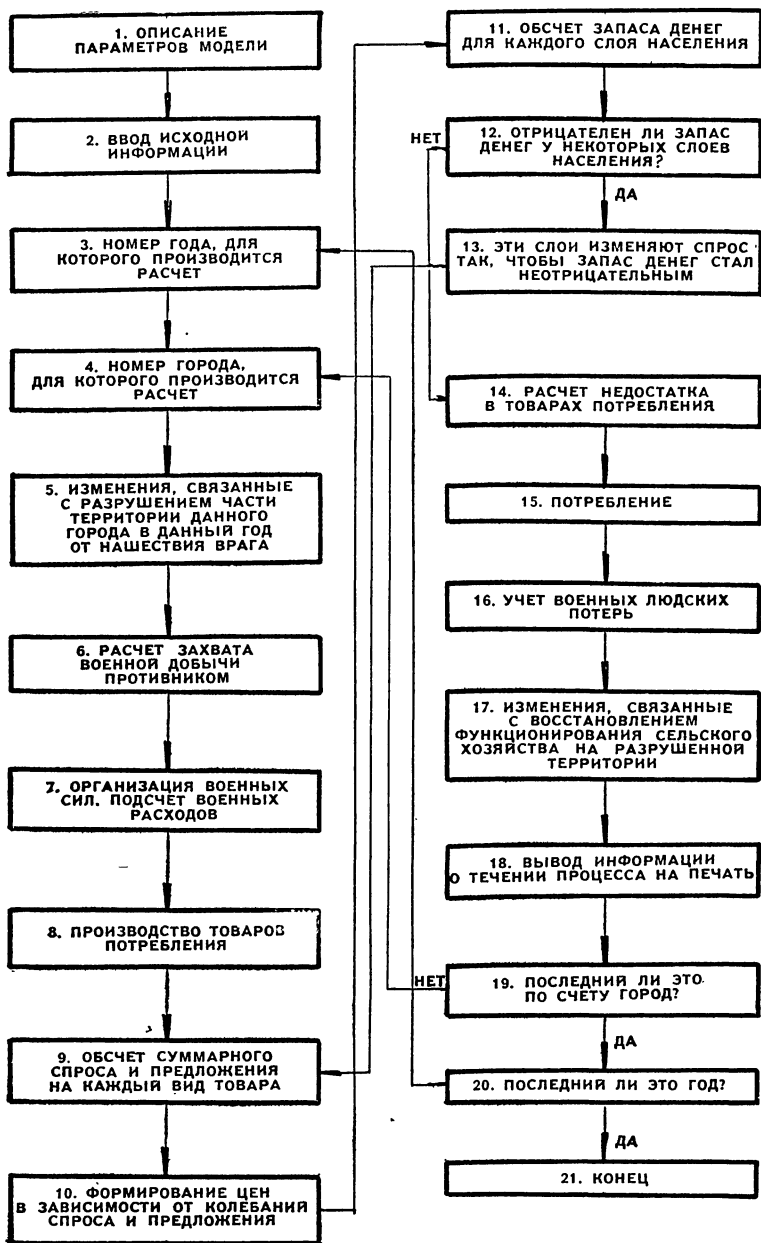

Рис. 2. Блок-схема вычислительного процесса

на за 0,6 обола. Тогда в год человеку нужно: 108 об. на вино ($180\text{л} \times 0,6 \text{ об./л} = 108 \text{ об.}$), 72 об. на зерно ($6 \text{ мед} \times 12 \text{ об./мед} = 72 \text{ об.}$), 30 об. на мясо ($10 \text{ кг} \times 3 \text{ об./кг} = 30 \text{ об.}$), 42 об. на масло ($7 \text{ л} \times 6 \text{ об./л} = 42 \text{ об.}$)¹⁸. Итого, на продукты питания нужно 252 обола. На покупку шерсти и набор предметов обихода одному человеку нужно 100 оболов¹⁹. Предположим, что семья состоит из четырех человек. Тогда вся семья в год расходует $352 \times 4 = 1408$ оболов.

Строительный рабочий зарабатывает в год 360 драхм = 2160 об., следовательно, в запасе у него остается: 2160 об. — 1408 об. = 752 об. в год. Это весьма высокая сумма. Однако продолжим расчеты. Если принять стоимость 1 л вина в 1 об., то, проведя аналогичные расчеты, получим, что семья в год расходует 1696 оболов. Тогда в запасе остается всего 464 обола. Если взять стоимость 1 л вина выше 1 об., то в этом случае сумма в 360 драхм окажется недостаточной для содержания семьи. Наиболее вероятной ценой 1 л вина нам кажется 1 об.; это более соответствует общей хозяйственной ситуации Афин того времени.

Продолжим анализ системы дальше. В частности, проведем расчет продуктов, получаемых с участка земли мелкого землевладельца в 2 га. Предположим (для удобства расчетов), что все хозяйства равномерно смешанные (то есть участки засажены зерновыми, виноградником, маслинами в одинаковых пропорциях). Исходя из обычной урожайности культур определяем величину урожая. Со своего участка в 2 га мелкий землевладелец ежегодно получает 15 медимнов зерна, 1360 л вина, 72 л масла, 35,6 кг мяса, 14 кг шерсти. Вместе со своей семьей в год он потребляет 22 медимна зерна²⁰, 720 л вина, 28 л масла, 20 кг мяса, 8 кг шерсти. У него остается: $1360 \text{ л} - 720 \text{ л} = 640 \text{ л}$ вина, $72 \text{ л} - 28 \text{ л} = 44 \text{ л}$ масла, $35,6 \text{ кг} - 20 \text{ кг} = 15,6 \text{ кг}$ мяса, $14 \text{ кг} - 8 \text{ кг} = 6 \text{ кг}$ шерсти. От продажи излишков продукции он получает $640 \text{ л} \text{ вина} \times 1 \text{ об./л} = 640 \text{ об.}$, $44 \text{ л} \text{ масла} \times 6 \text{ об./л} = 264 \text{ об.}$, $15,6 \text{ кг} \text{ мяса} \times 3 \text{ об./кг} = 46,8 \text{ об.}$, $6 \text{ кг} \text{ шерсти} \times 20 \text{ об./кг} = 120 \text{ об.}$, всего — 1070,8 оболов. Его расходы таковы: 84 об. за 7 медимнов зерна, 256 об. за 4 набора предметов обихода, 300 об. за 2 сельскохозяйственных орудия²¹. Общая сумма расходов равна 640 оболом. В результате у мелкого землевладельца остается 430,8 об. чистого дохода в год, это близко к доходу, получаемому ремесленником или наемным работником, и соответствует одинаковому общественному положению этих лиц.

Если принять стоимость 1 л вина в 0,6 об., то чистый доход мелкого землевладельца составил бы 40 об., что не соответствует общей характеристике экономического положения этого слоя. Площадь участка у мелкого землевладельца была взята в 2 га не только потому, что она встре-

¹⁸ В. Д. Блаватский. Античный город. «Античный город». М. 1963, стр. 13. Здесь приводятся некоторые цены; см. также М. С. Альтман. К технике виноделия в Древней Греции. «Из истории материального производства в античном мире». М.-Л. 1935, стр. 140—146.

¹⁹ Под набором предметов обихода понимается набор предметов обихода, который потребляется одним человеком за год. Его цена равна 60 оболом. Стоимость 1 кг шерсти — 20 оболов. Один человек использует за год 2 кг шерсти.

²⁰ В принятом расчете зерна не хватает для потребления семьи мелкого землевладельца. При развитии товарного производства в Афинах второй половины V в. до н. э., росте спроса на вино и масло вполне допустимо такое хозяйство даже мелкого землевладельца. Последнему было выгоднее производить на продажу вино и масло, чем занимать землю менее ценными зерновыми. Конечно, существовали и автаркичные хозяйства, обеспечивавшие себя хлебом, вином и маслом, но и не вывозившие свои излишки на рынок. В таком случае соотношение площадей под культурами было другим.

²¹ Был составлен перечень предметов, которые имеются в хозяйстве. Из этого перечня выписаны те предметы, которые землевладелец покупает у ремесленника на рынке. Из расчета, что срок использования металлических предметов — 10 лет, а гончарных изделий — 5 лет, было определено количество предметов, которое ежегодно покупается для хозяйства определенного размера. За 1 сельскохозяйственное орудие принят тот набор орудий труда, который приобретается ежегодно для хозяйства размером в 1 гектар.

чается в источниках²², но и потому, что сельскохозяйственных продуктов, получаемых с площади в 1 га, не хватило бы для прокорма семьи, в то время как с земельного участка в 3 га чистый доход мелкого землевладельца равнялся бы 1 370 оболам, а это в несколько раз больше, чем у ремесленника или работника по найму. Кроме того, это не соответствует тому, что, как правило, семья мелкого землевладельца потребляет большую часть производимой продукции, тогда как при доходе в 1 370 об. солидная часть продукции должна продаваться на рынке.

Итак, приведенные подсчеты таких параметров, как цены на предметы первой необходимости, дневная заработная плата ремесленника и минимальный размер земельного участка, показали их тесную взаимосвязанность и позволили внести некоторые уточнения (в частности, видимо, обычная цена вина в Аттике равнялась все-таки не 0,6 об. за литр, как это известно из одного случайного упоминания, а 1 оболу). Этот же анализ позволяет более уверенно судить об усредненном участке мелкого землевладельца Аттики — он достигал 2 гектаров. Конечно, были большие и меньшие участки, но более типичным и распространенным для этого слоя был участок в 2 гектара²³.

Поскольку в наших расчетах большую роль играли доходы от работ Лаврионских серебряных рудников, проиллюстрируем наши расчеты этих доходов. Известно, что раб, работающий на этих рудниках, ежедневно приносит 1 обол дохода своему хозяину и что на этих рудниках работало свыше 20 тыс. человек²⁴. Предположим, что на рудниках работают 10 тыс. государственных рабов, 3 тыс. рабов, принадлежащих крупным землевладельцам, 2 тыс. рабов, принадлежащих средним землевладельцам, 5 тыс. наемных рабочих. Раб ежедневно потребляет продукты стоимостью около 1 обола. Конечно, труд его приносил доход государству еще не менее 0,5 обола. Если это выразить в стоимости добытого серебра, то получится, что ежедневно один раб добывает руды на 2,5 об. серебра. Один наемный рабочий ежедневно получает 1 драхму на свое содержание и, конечно, приносит доход государству, допустим, не менее 1 об., то есть ежедневно добывает 7 об. серебра. Общее количество серебра, ежегодно добываемого на Лаврионских рудниках, следовательно, может быть таким: 15 тыс. рабов \times 2,5 об./день \times 360 дней²⁵ = 375 талантам; 5 тыс. наемных рабочих \times 7 об./день \times 360 дней = 350 \times 36 тыс. об. = 350 талантам. Иначе говоря, за год добывается 375 + 350 = 725 талантов серебра.

На основе других данных и аналогичных подсчетов были уточнены размеры участков земли у представителей различных слоев населения, цены на некоторые товары, численность войска, ежегодные военные расходы, ежегодное состояние государственной казны.

Приведенные выше примеры можно назвать примерами «статического системного анализа» числовой информации. Они поясняют, каким образом готовился «исходный» числовой материал, с которого начались имитационные эксперименты. В ходе последних многие величины (военные расходы, численность войска из каждого слоя населения, степень ухудшения обработки земли, численность рабов у каждого слоя населения и т. д.) подвергались коррекции так, чтобы в результате возникла непротиворечивая картина течения процесса на протяжении всего ана-

²² В. Н. Андреев. Указ. соч., стр. 125—126.

²³ Там же, стр. 122, 142 и др.

²⁴ «Древняя Греция». М. 1956, стр. 250. Вопрос о количестве рабов, занятых на Лаврионских рудниках в IV в. до н. э., подробно исследуется С. Лауфером (S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Wiesbaden. 1955—1956). См. рецензию на эту работу Л. М. Глушкиной (ВДИ, 1959, № 3). С. Лауфер считает, что на Лаврионских рудниках в IV в. до н. э., в период наивысшей их активности, работало около 35 тыс. рабов.

²⁵ В Риме II в. до н. э.— I в. н. э. в сельском хозяйстве рабы не имели выходных и праздничных дней.

лизируемого периода времени. Таким образом, имитационный эксперимент дает возможность выполнить «динамический системный анализ» исторической информации. Конечно, если бы историки располагали более широким объемом точных данных, чем было в описываемом опыте, то с помощью модели, экспериментальных расчетов модели на ЭВМ можно было бы расширить информацию (числовой материал) о процессе, получить значительно более точные значения параметров, известных в данном случае не точно или вообще неизвестных.

В модели земледельческие слои населения, возделывая землю, получают сельскохозяйственные продукты, часть которых используют для личного потребления. В модели каждый полис имеет свой рынок, на котором вступают в сделки все слои населения. Учтены расходы соответствующего слоя населения на уплату пошлин трех видов: за вывоз товаров, за ввоз товаров, за право продажи на рынке. Все слои населения могут изменять свое предложение товаров и спрос на них, число нанимаемых рабочих. В модели учитывается ежегодное изменение цен на данный вид товара в каждом полисе в зависимости от колебаний спроса и предложения на него. Каждый слой населения платит систему налогов. Учтены чеканка монет, судебные сборы, оплата государственных должностей, дань союзных государств, строительство крупных государственных сооружений. Государство имеет возможность экспортировать и импортировать товары. Ведется подсчет количества ввозимых и вывозимых товаров.

Анализ расчета мирного периода (436—432 гг. до н. э.) показал, что во всех пяти полисах у всех слоев населения происходит процесс увеличения запасов товаров, денег. В Афинах разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров равна 750 талантам серебра. На Лаврионских рудниках ежегодно добывается 725 талантов серебра. Ежегодная дань союзных государств, форос, в эти годы равен 600 талантам. Таким образом, количество серебра и ценностей (золотых украшений и т. д.) в Афинском государстве ежегодно увеличивается на $725 + 750 + 600 = 2075$ талантов. Ежегодно возится 800 тыс. медимнов зерна стоимостью в 266 талантов (800 тыс. \times 12 об.), 45 тыс. кг шерсти стоимостью в 25 талантов (45 тыс. \times 20 об.), вывозятся вино, оливковое масло, текстильные изделия, предметы обихода, роскоши общей стоимостью свыше 1 тыс. талантов. Подсчеты по модели доходов и расходов Афинского государства показывают, что ежегодно в казне Афинского полиса остается свыше 500 талантов в запасе.

В Фивах разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров равна 275 талантам. Полис обеспечивает себя сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями. Из него вывозится 250 тыс. медимнов зерна, 2000 тыс. л вина, 325 тыс. л масла, 155 тыс. кг мяса, 116 тыс. кг шерсти.

В военное время организуется войско четырех видов: всадники, тяжеловооруженные, легковооруженные, матросы. В модели учитываются расходы государства на постройку кораблей. Если в данный год подверглась захвату некоторая площадь обрабатываемой земли, то люди покидают эти земли и не собирают урожай в этот год. В модели учитываются степень внезапности нападения, военная добыча, степень разрушения садов и виноградников. Та часть людей, сады и виноградники которых не сильно пострадали и были восстановлены на будущий год, причисляется к своему слою, другая же часть относится при расчетах к слою с частично восстановленным хозяйством.

Счет первых пяти лет войны (431—427 гг. до н. э.) показал, что хозяйству Спарты в целом не был нанесен серьезный ущерб. Правда, внезапные набеги афинян на побережье Спарты причиняли большой урон населению, проживающему там, но площади разрушения и число людей, живущих на этой территории, незначительны. Территория Фив

и Коринфа не подвергалась разрушительному нападению врага. Поскольку в Фивах войско не оплачивается, то государство не несет больших военных расходов. Мобилизация же гоплитов наносит ущерб их хозяйству. Население испытывает недостаток в ремесленных изделиях, так как сокращены некоторые отрасли ремесленного производства в связи с усилением активности мастерских, обслуживающих военные нужды. Однако при слабом развитии ремесла это не играло заметной роли в общей ситуации.

В Коринфе войско оплачивается, поэтому из государственной казны ежегодно расходуются значительные суммы. Ремесленное производство переживает спад, так как часть ремесленников мобилизуется в войско. Сокращение ремесленного производства сказывается главным образом на уменьшении экспорта ремесленных изделий. Сами ремесленники живут на деньги, получаемые за несение воинской службы, и не испытывают материального недостатка. Государство покрывает военные расходы за счет своих доходов: торговых пошлин и налогов с богатых слоев населения. Однако жители Коринфа, особенно в первые годы Пелопоннесской войны, принимали лишь небольшое участие в объединенной армии противников Афин. Коринф главным образом финансировал пелопоннессцев. Его финансовое благополучие оказывалось стабильным. Лишь активизация афинской политики на западе Греции после 427 г. стала представлять серьезную угрозу положению Коринфа, и ему пришлось подталкивать Спарту к более решительным действиям. Не исключено, что организация похода Брасида на Халкидику — дело рук Коринфа. Во всяком случае, социально-экономическое положение Коринфа в первое пятилетие войны было довольно стабильным.

Совсем другое происходит в Атике. Половина площади обрабатываемых земель подверглась здесь опустошению. Владельцам этих земель нанесен большой ущерб. Они живут за счет запасов продуктов и денег, а также за счет средств, получаемых из государственной казны за несение воинской службы. Наблюдается увеличение импорта сельскохозяйственной продукции и сокращение экспорта ремесленных изделий. Афинское государство содержит большое войско и флот, поэтому военные расходы его огромны. За первые пять лет войны государственная казна, самая богатая в Греции, значительно опустела.

В начале войны в афинской государственной казне было 9 500, в 428 г. — 4300, а к концу пятого года войны — только 3500 талантов. Военные расходы Афинского государства ежегодно составляли не менее 2200—2300 талантов. Основная часть военных расходов (около 2 тыс. талантов) идет на содержание армии. Служащие в ней не испытывали недостатка в деньгах. Наоборот, у бедных слоев доходы в военное время были выше, чем в мирное. Разность между стоимостью импортируемых и экспортируемых товаров составляет 600—700 талантов, то есть ежегодно через рынок из государства уходит 600—700 талантов серебра, тогда как в мирное время населению через рынок поступает 750 талантов. Афиняне, видимо, не ожидали столь быстрого истощения своих обильных денежных средств, которые в начале войны казались Периклу почти неисчерпаемыми. Поэтому к началу 427 г. они вынуждены изменить политику ведения войны.

Сторонники афинской олигархии — крупные землевладельцы, поддерживаемые афинским крестьянством, предлагали заключить мир и тем самым стабилизировать военное и финансовое положение, и это действительно было реальным выходом из того тупика, в котором оказались Афины. В мирных условиях можно было за несколько лет накопить новые средства и поправить финансовые дела государства. Ремесленное население во главе с владельцем крупной кожевенной мастерской Клеоном предлагало ликвидировать финансовые трудности путем увеличения фороса с союзников, литургий (государственные повинно-

сти), введения прямого военного сбора с граждан, главным образом богатых, и активизировать военные действия против Спарты и Коринфа. В 427 г. предложение группы Клеона было принято. Форос с союзников был повышен до 1300 талантов, введена эйсфора (прямой налог на граждан) в 200 талантов, возможно, повышены литургии. Активизировалась афинская военная политика. Эти чрезвычайные меры на некоторое время поправили финансовое положение Афин, привели к ряду военных успехов.

Построение математической модели позволяет более конкретно представить реальный ход исторического процесса, в данном случае Пелопоннесской войны, положение воюющих сторон, поведение союзников и политических группировок. Хотя в основных чертах все эти события известны, но тем не менее модель позволяет сделать это знание значительно более конкретным, точным. Например, из описания Фукидида известно, что главным зачинщиком войны с пелопоннесской стороны был Коринф, представители которого всячески подталкивали Спарту на военное выступление. Мало того, коринфяне даже грозили выходом из Пелопоннесского союза и присоединением к Афинскому союзу, если спартанцы не откроют военных действий (Thuc. I, 68—71). Но лишь математическая модель может проиллюстрировать реальность и конкретность этого требования Коринфа.

Коринф — значительный торгово-ремесленный центр Греции. В руках крупных и средних ремесленников здесь сконцентрированы большие денежные ресурсы. Полис импортирует 1260 тыс. медимнов зерна стоимостью в 420 талантов, 870 тыс. кг мяса стоимостью в 72,5 таланта, 480 тыс. кг шерсти стоимостью в 267 талантов. Полис обеспечен своим зерном на 15%, мясом — на 30%, шерстью — на 25%. Разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров составляет 2700 талантов. Отсюда ясно, что торговля — жизненная необходимость для полиса, и блокада Коринфа с моря грозит его населению голодом. Действительно, такую массу продуктов соседние полисы не в состоянии предложить Коринфу. Если, например, предположить, что Спарта не начинает Пелопоннесскую войну и оставляет Коринф в одиночестве, то нетрудно спрогнозировать вступление его (добровольно или принудительно) в состав Афинского морского союза. Слияние же флота и финансов этих полисов привело бы к установлению полного господства Афин в Греции. Организация же Коринфом блока с другими членами Пелопоннесского союза (без Спарты) способствовала бы конфликту между Спартой и другими членами Пелопоннесского союза. Это также грозило гибелью Спарте. Расчеты подтверждают, что объявление Спартой войны Афинам было необходимостью.

Или другой пример. Хорошо известно, что от пелопоннесских вторжений прежде всего пострадало сельское население Аттики, включая крестьян и владельцев крупных и средних рабовладельческих хозяйств, которые составляли питательную среду для олигархических группировок, наставивших на мире со Спартой. Однако построение математической модели и расчет понесенных потерь показали, насколько пострадали эти слои и, следовательно, сколь сильны были мирные настроения в Аттике. В хозяйствах, подвергшихся нападению врага, не производились вино и масло. Известно, что виноградники могут быть восстановлены лишь через три-четыре года, а масличные рощи — через 12—15 лет после разрушения. В результате Афины из государства, экспортирующего вино и масло, превратились в государство, их импортирующее, что видно из таблицы (см. 108 стр.).

Ущерб, нанесенный одному хозяйству крупного землевладельца, составляет 30 тыс. об. в год, среднего землевладельца — 15 тыс. об., зевгита — 4 тыс. об., мелкого землевладельца — 2 тыс. оболлов. Расчеты по модели с учетом изложенных выше обстоятельств, то есть степени раз-

	Зерно (мел.)	Вино (л)	Масло (л.)	Мясо (кг)	Шерсть (кг)	Предметы обихода	Текстильн. изд.	Предм. роскоши	Рабы
Экспорт (тыс.)	0	0	0	0	0	40	40	20	0
Импорт (тыс.)	880	15 000	500	300	300	0	0	0	5,4

рушения садов и виноградников и функционирования слоев с частично восстановленным хозяйством, показывают, что эти хозяйства дают 10% довоенной продукции.

Невозможно описать здесь все особенности построенной имитационной модели, указать на те важные и существенные уточнения, которые она вносит. Поскольку эта модель — одна из первых, то ее основной задачей было не столько открытие каких-либо новых существенных сторон хода Пелопоннесской войны, сколько отработка методики построения модели: отбор и уточнение методики вычисления параметров, реконструкция, перепроверка и оценка значений случайных цифр, сохранившихся в источниках, математическая обработка параметров, приспособление их к языку машины данного типа, устранение противоречий и создание непротиворечивой реальному ходу войны математической картины. Попутно были, разумеется, получены и некоторые новые выводы, которые могут стать предметом научного размышления. Так, расчет первых пяти лет войны показал, что в Афинах должен был происходить рост цен. Об этом очень глухо и в самой общей форме упоминается в литературе, хотя данный факт сам по себе довольно важен. Модель не только подтвердила его, но и показала (конечно, гипотетически) возможные темпы этого роста. Общая стоимость всех необходимых в год одному человеку товаров возросла, согласно расчетам, на 20% (90 оболов). В военное время в первую очередь растут цены на дефицитные товары первой необходимости — на хлеб и масло. Цены на зерно, согласно расчетам, возросли вдвое — с 12 оболов за 1 мединн до 24 оболов, на масло — с 6 оболов за 1 л до 9 оболов (то есть на 50%).

Таким образом, выполненные на ЭВМ имитационные эксперименты позволили: реконструировать, уточнить и перепроверить в связи с другими параметрами числовой материал исследуемого исторического процесса; определить объем информации, который необходим для построения имитационной модели и просчета ее на ЭВМ; уточнить смысл и значение факторов и событий в ходе развития исторического процесса; прогнозировать события экономического характера и, оперируя социально-экономическими соотношениями, глубже и конкретнее понять политические решения. В целом построение таких моделей открывает новые горизонты перед историками. На самом деле, представить конкретно в цифровой системе основных параметров положение воюющих сторон год за годом — это мечта любого исследователя, и если это можно сделать (пусть с пропусками), то, значит, мы получаем в свое распоряжение новый инструмент познания.

ЛЕНИНСКАЯ ГАЗЕТА «ВПЕРЕД»

З. Н. Тихонова

Более 70 лет назад, в январе 1905 г., вышел первый номер нелегальной большевистской газеты «Вперед», организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем которой был В. И. Ленин¹. Она начала издаваться в обстановке ожесточенной борьбы большевиков, неуклонно проводивших в жизнь решения II съезда партии, с меньшевиками, срывавшими эти решения и толкавшими партию к расколу. При попустительстве и пособничестве примиренцев с конца 1903 г. меньшевикам удалось постепенно захватить партийные центры — Совет РСДРП, ЦК и центральный орган РСДРП газету «Искра». Они намеревались обосноваться и в местных партийных организациях. Раскольническая деятельность меньшевиков дезорганизовывала РСДРП, нарушала единство действий рабочего класса. Перед лицом надвигавшейся революции, когда требовалось единение всех сил пролетариата, такое положение в РСДРП было особенно нетерпимым. Повсеместный переход местных партийных организаций на позиции большевизма являлся делом первостепенной важности. От их твердости в проведении в жизнь решений II съезда партии, дисциплинированности и политической зрелости зависел исход внутривнутрипартийной борьбы. «Если твердокаменные не организуются, — писала Н. К. Крупская, — раскол в партии станет затяжным. Надо большевикам сплотиться и вести свою линию»².

Платформой организаторской и агитаторской деятельности большевиков стало августовское (1904 г.) обращение 22 большевиков «К партии», написанное В. И. Лениным. В нем был намечен практический план выхода из партийного кризиса — немедленный созыв III съезда РСДРП. Большая часть партийных комитетов в России, среди них Петербургский, Московский, Рижский, Северный, Одесский, Кавказский, Екатеринославский и Николаевский, полностью поддержала ленинский план. Первым революционным актом большевиков явилось создание своего издательства. С № 52 газета «Искра» фактически стала фракционным органом меньшинства. В. И. Ленин был вынужден уйти из редакции, большинство партии осталось без печатного органа. Новая, меньшевистская «Искра» отказывалась публиковать материалы, в которых большевики отстаивали свои взгляды. Резолюции большевистских комитетов в поддержку созыва III съезда партии или не помещались на страницах газеты, или печатались с комментариями враждебного характера. В июле 1904 г. члены ЦК — примиренцы незаконно приняли так называемую «июльскую декларацию», в которой потребовали учредить цензуру над произведениями В. И. Ленина и других большевиков. «Последним своим постановлением, — писала Н. К. Крупская, — ЦК вынудил большинство предпринять собственное издательство»³. Оно было организовано в августе 1904 г. по инициативе и под непосредственным руководством В. И. Ленина. В конце сентября «Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина» выпустило в свет свои первые брошюры. Его литература внесла важный вклад в разоблачение идейного и организационного оппортунизма меньшевиков, в защиту и развитие большевистских принципов. Издательство

¹ О роли В. И. Ленина в организации и руководстве газетой см. А. Ф. Костин. В. И. Ленин и газета «Вперед». «Вопросы истории КПСС», 1975, № 3.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 375, оп. 10, д. 18876, л. 1.

³ «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1903—1905 гг.». Т. 2. М. 1975, стр. 526.

подготовило базу для создания первого периодического органа большевиков — газеты «Вперед».

«Кажется, еще с лета 1904 г. явилась у тов. Ленина мысль о газете», — вспоминал М. С. Ольминский⁴. В. И. Ленин подчеркивал, что «комитеты, порвавшие с редакцией ЦО товарищеские отношения,.. не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии! Этот печальный лозунг, еще в августе выставленный большинством, неумолимо вел к единственному выходу — к основанию своего органа»⁵. Для достижения этой цели необходимо было принять ряд мер. В. И. Ленин и Н. К. Крупская с осени 1904 г. обратились в местные партийные организации с призывом собирать средства для издания нового органа, присылать для него корреспонденции и другие материалы, готовить рабкоров. 25 октября 1904 г. Н. К. Крупская в письме М. М. Литвинову в Ригу сообщала: «Относительно периодического органа у нас вполне определенные намерения. Литературные силы уже подобраны, деньги тоже, вероятно, будут»⁶. Но для выпуска новой газеты недостаточно было создать материальную базу, требовалось заручиться поддержкой Бюро комитетов большинства (БКБ) — организации, образованной по инициативе местных комитетов для подготовки съезда III съезда РСДРП. В письмах членам БКБ Владимир Ильич отмечал, что для проведения успешной агитации за съезд необходима своя газета. «Теперь, — писал он в одном из них, — только дети могут не видеть, что Совет и ЦК не остановятся ни перед чем для *срыва* съезда. Мы должны противопоставить *силу* = орган + организацию большинства в России, или же иначе мы должны умереть»⁷. В одном из писем Н. К. Крупской М. М. Литвинову как члену БКБ говорилось: «Теперь надо все силы положить на то, чтобы большинству организовать, только организовавшись, оно может *заставить* Совет созвать съезд, а для того чтобы организовать, надо большинству немедленно приступить *к изданию органа*»⁸. Характеризуя тогдашнее положение большевиков за границей, Владимир Ильич сообщал члену БКБ Р. С. Землячке: «Здесь все большинство мечется, мучается и жаждет органа, требует его повсюду... Ради бога давайте скорее полномочие издавать от имени бюро и печатайте листок о нем в России»⁹.

Предпринимая издание большевистской газеты, В. И. Ленин особенно подчеркивал важность того, чтобы она стала не только органом социал-демократов, но и всей рабочей массы. «Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих, — говорилось в письме Владимира Ильича местным партийным организациям. — Давайте пошлите возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу»¹⁰. Эту мысль Н. К. Крупская старалась довести до каждого комитета и до каждого сторонника большинства. Так, 15 октября 1904 г. она обращалась к В. Л. Швейцер в Ростов-на-Дону: «Постарайтесь связать нас непосредственно с рабочими, дайте им адреса, научите, как писать, просите присылать корреспонденции, писать о своих впечатлениях и сомнениях. Это чрезвычайно важно»¹¹. Об этом же она в ноябре—декабре 1904 г. писала в Одессу Р. С. Землячке; М. И. Ульяновой, С. И. Афанасьевой, А. А. Дивильковскому и П. И. Кулябко в Петербург; И. П. Гольденбергу в Саратов; А. М. Стопани в Баку; члену Северо-Западного комитета РСДРП М. М. Корневскому в Вильно¹². Интересно письмо Н. К. Крупской от 5 декабря, составленное ею по поручению В. И. Ленина Н. Н. Ман-

⁴ «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 года». М. 1924, стр. 11.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 104—105.

⁶ «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов» (далее — «Третий съезд»). М. 1955, стр. 285.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 405.

⁸ «Ленинский сборник» XV, стр. 262.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 421.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 107.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 382, оп. 3, д. 18822, л. 1.

¹² «Переписка В. И. Ленина и руководимых им зарубежных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905)». Сборник документов и материалов (далее — «Украинский сборник»). Киев. 1964, стр. 462, 466; ЦПА ИМЛ, ф. 375, оп. 7, д. 18835; оп. 10, дд. 1046, 18885, 18894, 18897; ф. 382, оп. 3, д. 18343; ф. 25, оп. 1, д. 6.

дельштаму, который должен был поехать из Риги на работу в Екатеринославский комитет РСДРП. В нем давался подробный план работы с рабочими корреспондентами: «Рабочих следует приучать писать, писать обо всем: о положении рабочих на их заводе, о безработице, о прочитанных книжках, о распространении листов, о земстве и проч. и проч... Эти писания... дадут яркий материал... А то думают обыкновенно, что корреспонденции следует писать только о стачках, демонстрациях и т. п. событиях»¹³.

Местные партийные организации приветствовали намерение В. И. Ленина, находившихся за границей большевиков основать свой периодический орган, так как хорошо понимали, что без него они «не в состоянии будут отстоять себя, останутся разрозненными и потому бессильными»¹⁴. В поддержку этого начинания принимались специальные резолюции. Так, Рижский комитет РСДРП 12 ноября в своей резолюции писал: «Мы думаем, что без «свободного слова» наша агитация невозможна. Центры зажимают нам рот, отнимают всякую возможность защищать нашу принципиальную позицию»¹⁵. В тот же день Северный комитет РСДРП постановил «выразить полное сочувствие и доверие деятельности литературной группы, организовавшей около товарища Ленина»¹⁶. Московский комитет в резолюции от 21 ноября выразил свое негодование по поводу «незаконного бойкота самого крупного и авторитетного партийного литератора» В. И. Ленина и обещал его литературной группе всяческое содействие¹⁷.

12 декабря 1904 г. в Женеве на собрании большевиков был окончательно решен вопрос об издании «Вперед» и принято ленинское «Письмо к товарищам» с изложением программы и задач нового периодического издания. Владимир Ильич подчеркивал, что деятельность газеты будет всецело посвящена «отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положительной работы русских организаций»¹⁸. «Основывая такой орган, под названием, вероятно, «Вперед», — говорилось далее в обращении, — мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии с нашим поведением в партийной борьбе»¹⁹. Владимир Ильич настоятельно просил местные организации «прочитать это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и пр. и пр., как можно шире»²⁰. Ленинское письмо тотчас же было разослано Н. К. Крупской комитетам РСДРП в Петербург, Москву, Одессу, Тверь, Тулу, Баку, Кавказскому союзному комитету РСДРП в Тифлис, Имеретинско-Мингрельскому комитету в Кутаис и др. «Мы будем вести орган, — писал В. И. Ленин, — при условии, чтобы он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка»²¹.

Для широкого оповещения о выпуске газеты было отпечатано специальное извещение и также отправлено в Россию. 25 декабря Н. К. Крупская сообщала членам Одесского комитета РСДРП К. О. Левицкому и Л. М. Книпович: «Посылаем вам анонс о выходе новой газеты «Вперед». Откладывать дальше было невозможно. «Искра» путает страшно и все чаще берет неверные ноты... Мы твердо уверены, что комитеты большинства окажут всяческую поддержку новому органу»²². 26 декабря В. И. Ленин в письме Р. С. Землячке подчеркивал необходимость «объехать еще раз комитеты юга (*и Волги*) и усиленно преподавать важность *всякой* поддержки «Впереда»²³. О необходимости устанавливать новые связи для широкого распространения газеты Н. К. Крупская написала в Нижегородский, Северный, Тульский и Московский комитеты партии²⁴.

Ознакомившись с обращением В. И. Ленина и анонсом о выходе газеты «Вперед», российские большевики одобрили ее платформу и обещали приложить все силы

¹³ «Украинский сборник», стр. 469.

¹⁴ Там же, стр. 470.

¹⁵ «Третий съезд», стр. 124.

¹⁶ Там же, стр. 130.

¹⁷ Там же, стр. 106.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 103.

¹⁹ Там же, стр. 105.

²⁰ Там же, стр. 108.

²¹ Там же, стр. 106.

²² «Украинский сборник», стр. 474.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 432.

²⁴ «Третий съезд», стр. 293—294; «Красный архив», 1934, т. 1 (62), стр. 170—171.

к оказанию всесторонней помощи своей газете. М. М. Литвинов, например, 29 декабря 1904 г. сообщал из Риги, что обращение В. И. Ленина следует отпечатать на гектографе для более широкого распространения, «нелишним сочту показать и [Горькому] (он живет теперь в моей резиденции). Судя по высказанным им мне взглядам, он отнесется с большим сочувствием к высказанной в письме мысли о тесном общении редакции с массовыми работниками и рабочими»²⁵. 26 декабря 1904 г., вернувшись с конференции комитетов Северного района, Р. С. Землячка в записке В. И. Ленину изложила конкретные предложения по поводу помощи газете: «Вопрос об органе являлся и является для меня вопросом наибольшей важности... Я взяла на себя ту часть работы по устройству органа, которую следовало выполнить при объезде комитетов: я готовила комитеты для поддержки органа»²⁶. 8 января 1905 г. Л. М. Книпович сообщала из Одессы о предпринятых шагах для распространения «Вперед»: «У нас уже получен проспект о выходе «Вперед». Послали Ильичу семь адресов... Ждем с нетерпением «Вперед». Рабочие-передовики, конечно, встретили выход газеты с восторгом. Ленина рабочие страшно любят, и мы надеемся, что с выходом органа мы окончательно высадим меньшевиков, так как они у нас больно мутят»²⁷. О посылке адресов для газеты и оказании ей материальной помощи писали из Петербурга и с юга страны²⁸. Интересно письмо, полученное с большим запозданием, 3 февраля 1905 г., из Харькова, где было в то время засилье меньшевиков: «Дорогие друзья! Мы, немногочисленные сторонники партийного большинства в Харькове, прочитавши письмо тов. Ленина об издании «Вперед» и о выделении комитетами большинства особой центральной группы (для транспорта и проч.), шлем наш горячий, товарищеский привет нашим единомышленникам по поводу этих начинаний»²⁹.

Выход в свет нового периодического издания явился огромным мобилизующим фактором и для заграничных большевиков. «Все большинство ликует и ободрено, как никогда», — писал В. И. Ленин М. М. Эссен в Петербург 24 декабря 1904 года³⁰. Из Лондона откликнулся старый искровец Н. А. Алексеев: «Дорогой Владимир Ильич! Сегодня пришло Ваше письмо и очень обрадовало меня известием о газете. Надеюсь, что смогу регулярно сотрудничать, приложу к тому все усилия». Далее он предлагал свои услуги в части обзора английской печати о русско-японской войне и обещал посылать весь материал, который удастся собрать в Лондоне³¹. Сотрудничество в таком же роде по Франции предложил новому органу Г. Д. Лейтейзен. 1 января 1905 г. член Берлинской группы содействия РСДРП И. А. Пятницкий писал В. И. Ленину: «Пришлите немедленно 500—600 экз. № 1 на тонкой бумаге»³². Тогда же члены групп содействия РСДРП, находившихся в Лейпциге и Карлсруэ, сообщили, что ждут «с нетерпением нового органа»³³.

Заручившись моральной поддержкой социал-демократических комитетов в России, стоявших на позициях большинства, а также большевиков за границей, следовало позаботиться и о материальной стороне издания газеты. В тот день, когда было принято «Письмо к товарищам», В. И. Ленин написал Г. Д. Лейтейзену в Бомон. Он подробно изложил план издания газеты: «Сегодня мы окончательно, *практически*, решили вопрос об органе. Думаем издавать с 1—10 января; формат в половину старой «Искры» (вроде «Освобождения»); объем — 100 тысяч букв, то есть около 4-х страниц старой «Искры». Выход — двухнедельный, а лучше недельный. Стоить это будет около 400 frs номер. На *один* номер деньги есть, а дальше — *обещания*... Этого маловато, а первое время продержаться особенно трудно»³⁴. Владимир Ильич интересовался, какую сумму мог бы выделить изданию Г. Д. Лейтейзен. В декабре 1904 г. большевики из Петербурга сообщили В. И. Ленину о том, что А. М. Горький

²⁵ «Третий съезд», стр. 316.

²⁶ «Пролетарская революция», 1925, № 3(38), стр. 14.

²⁷ «Украинский сборник», стр. 483.

²⁸ «Пролетарская революция», 1925, № 3(38), стр. 21—24; «Украинский сборник», стр. 486.

²⁹ «Украинский сборник», стр. 504.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 429.

³¹ «Старый большевик», 1933, сб. 1(4), стр. 98.

³² «Пролетарская революция», 1925, № 3(38), стр. 28.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 375, оп. 11, д. 391; ф. 351, оп. 1, д. 34, л. 3.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 421—422.

обещал дать деньги на новый орган. «Полное сочувствие большинству... насчет органа согласен часть взять на себя», — писали они³⁵. По поводу этого известия В. И. Ленин писал в Петербург: «Примите немедленно все меры, чтобы выслать хоть 1—2 тысячи рублей... сколько именно в месяц обещал давать Буква? (А. М. Горький. — З. Т.)»³⁶. Вопрос этот выяснился в январе 1905 года. «Буква даст немедленно 3 тысячи на орган, — сообщил 5 января А. А. Богданов из Риги, — и обещает в дальнейшем еще и еще»³⁷. В декабре 1904 г. В. И. Ленин обращался за материальной помощью и к социал-демократу А. И. Ерамасову, который еще со времен старой «Искры» оказывал материальную помощь партии. Информировав его о положении дел в РСДРП, Владимир Ильич писал: «Я начал здесь (с новыми литературными силами) издавать газету «Вперед»... Сообщите, как Вы относитесь и можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна»³⁸.

Необходимо было не только выпускать газету, но и своевременно доставлять ее в Россию, для чего требовались регулярно действующие транспортные пути, тем более, что техническое бюро ЦК РСДРП, захваченное меньшевиками, отказывалось перевозить литературу большинства. Поэтому предстояло наладить собственные способы доставки газеты через границу. 20 декабря 1904 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская писали М. М. Литвинову, работавшему на западной границе по транспортировке нелегальной литературы: «В начале января у нас начинает выходить газета, и нам страшно важно иметь теперь транспорт»³⁹. 8 января 1905 г. М. М. Литвинов сообщил редакции «Вперед», что может приступить к транспортировке первого номера газеты в Россию⁴⁰.

Первый номер «Вперед», датированный 4 января 1905 г., вышел из типографии 6 января. С изданием газеты увеличились возможности большевиков, возросла их способность противостоять всем оппортунистам. Новый орган способствовал тесному сплочению большевистских комитетов. Всего увидели свет 18 номеров газеты (по 18 мая 1905 г.) тиражом в 7—10 тыс. экземпляров каждый. Сначала она выходила один раз в 10 дней, а затем стала еженедельной. В газете было опубликовано свыше 40 статей В. И. Ленина, в которых он разрабатывал тактику большевиков в ходе вооруженного восстания, вопросы о временном революционном правительстве, революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и ряд других⁴¹. Многие статьи В. И. Ленина перепечатывались местными большевистскими организациями и издавались отдельными листками. Так, статья «Начало революции в России» из № 4 была выпущена отдельным листком в Одессе, Саратове и Николаеве; «Пролетариат и правительство» из № 11 издана в Петербурге. Кавказский союз РСДРП распространил статью «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» из № 14 газеты.

Помощниками В. И. Ленина по работе в редакции «Вперед» были В. В. Воровский, А. В. Луначарский и «выпускающий» М. С. Ольминский. Они готовили номера, писали статьи, правили корреспонденции и затем в готовом виде направляли В. И. Ленину. М. С. Ольминский вспоминал: «Номер посылался тов. Ленину уже в полосах на окончательный просмотр. Только статьи обязательно просматривались тов. Лениным в рукописи»⁴². Н. К. Крупская вела в основном переписку с Россией по вопросам корреспондирования. Помогала ей М. И. Ульянова, Л. А. Фотиева, В. М. Величкина и Л. П. Мандельштам. Сообщала о настроении в редакции «Вперед» после выхода первого номера газеты, Н. К. Крупская писала: «Старик (В. И. Ленин. — З. Т.) ожил и стал работать всюю. Воинов (А. В. Луначарский. — З. Т.) тоже молодчага, работать здоров, отдался весь делу. Многие надо еще налаживать»⁴³.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 1390, л. 1.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 423—424.

³⁷ «Пролетарская революция», 1925, № 3(38), стр. 24.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 428.

³⁹ «Ленинский сборник» XV, стр. 268.

⁴⁰ «Пролетарская революция», 1930, № 9(104), стр. 192.

⁴¹ Подробный анализ ленинских статей, помещенных на страницах «Вперед», сделан в книге: А. Ф. Костин. Боевой орган революции. М. 1975.

⁴² «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 года, стр. 11.

⁴³ «Украинский сборник», стр. 481.

«Мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета была органом всего движения, чтоб рабочая газета и социал-демократическая газета слились в один орган»⁴⁴, — подчеркивал В. И. Ленин в «Письме к товарищам». Благодаря основанию газеты это было достигнуто. «Вперед» имела связь почти со всеми крупными городами России. Рассылая первый номер газеты, Н. К. Крупская писала в Петербург: «Номер вышел боевой... Нужны корреспонденции, корреспонденции и корреспонденции. Помогайте же встать на ноги новому органу»⁴⁵. 6 января 1905 г. В. И. Ленин в письме «Товарищу в Россию» настаивал: «Пишите подробнее о впечатлении от «Вперед», доставайте корреспонденций, особенно в рабочий отдел»⁴⁶. По мысли редакции, задача «Вперед» — «давать лозунги большинству... Газета будет подталкивать и объединять публику... Самый факт основания газеты заставил публику зашевелиться, многие из примиренцев потянулись к большинству»⁴⁷.

Вслед за первым номером быстро был подготовлен второй. 10 января 1905 г. В. И. Ленин сообщил А. А. Богданову в Тверь: «Послезавтра выходит № 2. Думаем выпускать еженедельно. Литературных сил хватит. Настроение прекрасное, и работоспособность у всех... высокая. Мы уверены, что дело пойдет хорошо». В. И. Ленин стремился организовать литературное сотрудничество с большевиками, находившимися в России, так как «успех еженедельной газеты больше всего зависит от энергичной работы над ней русских литераторов и социал-демократов»⁴⁸. Владимир Ильич подробно излагал, какие именно статьи нужны для газеты; просил шире привлекать к сотрудничеству в ней рабочих и студенческую молодежь. 11—20 января Н. К. Крупская разослала первые номера газеты в Петербург, Тулу, Москву, Баку, Нижний Новгород, Одессу, Томск и Киев. 19 января 1905 г. В. И. Ленин мог с удовлетворением сообщить Е. Д. Стасовой и товарищам: «Газета своя поставлена. Практический центр свой (бюро) есть»⁴⁹. В России газета была встречена с восторгом. 12 января 1905 г. из Нижнего Новгорода писали, что «Вперед» «действительно двинет всех нас вперед. Больше чем годовому толканию на месте придет конец»⁵⁰.

На протяжении всего периода существования газеты активными ее корреспондентами были большевики Петербурга А. И. Елизарова, С. И. Гусев, С. Н. Афанасьева, В. В. Липшиц и др. Особенно аккуратным корреспондентом являлся секретарь Петербургского комитета РСДРП С. И. Гусев. Он писал о работе ЦК, о настроении питерских рабочих, о состоянии всех слоев общества, об антипартийном поведении меньшевиков. Он же прислал первые отклики на события 9 января 1905 г. в Петербурге. В письме от 29 января 1905 г. В. И. Ленин высоко оценил активное сотрудничество в газете С. И. Гусева: «Гусев прислал 6 писем за 10 дней, а Рахметов (А. А. Богданов. — З. Т.) 2 за 30 дней. Каково? Ни слуху ни духу. Ни строчки для «Вперед»... На днях выходит 4-й номер «Вперед», за ним тотчас (через несколько дней) 5-ый, а от Рахметова никакой поддержки»⁵¹. 7 февраля 1905 г. С. И. Гусев направил В. И. Ленину следующую оценку большевистской газеты: «Прежде всего о нашем новорожденном... Совсем ведь красавец вышел. Правда, я видел только два номера и от обоих (особенно от 2-го) буквально в восхищении, перечитал все по несколько раз. Совсем в свою покойную мать «Искру», только несравненно глубже, шире, сильнее... Теперь ни на секунду не может возникнуть сомнения в том, что победа будет за партией, а не за кружком заграничников-литераторов — дезорганизаторов. Партия возродится — этому лучшая гарантия «Вперед»⁵². Гусев верно подметил связь «Вперед» со старой, ленинской «Искрой», которую отмечал и Владимир Ильич. «Направление газеты «Вперед», — писал он в «Кратком очерке раскола в РСДРП» в феврале 1905 г. — есть *направление старой «Искры»*⁵³.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 109.

⁴⁵ «Пролетарская революция», 1925, № 3(38), стр. 29.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 4.

⁴⁷ «Пролетарская революция», 1925, № 2(37), стр. 83.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 5, 6.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 173.

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, д. 43, л. 2.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 10.

⁵² «Пролетарская революция», 1925, № 2(37), стр. 29.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 236.

Активно поддерживали свой орган и большевики Одессы. Уже в начале января они получили «Вперед» и ознакомили с ним собрание пропагандистов из 30 человек. Член Одесского комитета Л. Р. Шаповалова в письме в редакцию от 23 января сообщила: «Удалось пробежать только № 2 «Вперед» и видеть мельком № 1. Давно уже не читала ничего столь интересного, дух старой «Искры» дает необыкновенно бодрое настроение»⁵⁴. 29 января Л. М. Книпович послала для «Вперед» резолюции комитета и другие материалы. «Вперед» всем очень нравится,— писала она,— но товарищи просят резче ставить вопросы о разногласиях с меньшинством и высказываться по этим вопросам как можно определеннее»⁵⁵. Из Одессы неоднократно поступали сведения об отношении рабочих к газете: она «очень нравится рабочим», «рабочие спрашивают, где тот «Вперед», который является органом большинства?». «Листок из № 4 «Вперед» напечатали и распространили в 8 тыс. экземпляров, и он очень нравится рабочим, говорят: «Хорошо написано». № 4 «Вперед» рабочие уговаривают переиздать листовкой — «чтобы каждому попало», они в восторге от него»⁵⁶.

В январе 1905 г. в редакцию «Вперед» пришло письмо из Тифлиса, в котором сообщалось, что «Кавказское бюро обязуется литературно поддерживать орган «Вперед», для чего и организовало особую «группу литературной поддержки «Вперед»»⁵⁷. Н. К. Крупская по поручению В. И. Ленина поблагодарила бюро: «Очень порадовало нас известие об образовании на Кавказе «группы литературной поддержки «Вперед», если поставите сношения как следует — сделаете большое дело. Мы с своей стороны пришлем вам ряд адресов для писем и корреспонденций. Присылайте побольше сведений о Кавказе»⁵⁸. Не только на Кавказе действовали группы помощи «Вперед». 20 января В. Д. Бонч-Бруевич извещал о том же из Москвы: «При МК основана «группа содействия». Ей отдано во владение «общество». Это, конечно, все социал-демократы, большевики, пламенные поклонники «Вперед»»⁵⁹.

О воздействии «Вперед» на читающую публику свидетельствует письмо Н. К. Крупской И. И. Шварцу в Екатеринослав: «Нам пишут из России, что «Вперед» оказывает свое действие, многие начинают переходить к большинству. В Питере, например, к большинству перешел весь Невский район»⁶⁰.

28 (15) февраля в № 8 «Вперед» были опубликованы извещение БКБ о III съезде РСДРП и статья В. И. Ленина «О созыве III съезда». Совместная деятельность редакции «Вперед» и БКБ завершилась созывом съезда в апреле 1905 года. III съезд партии одобрил деятельность «Вперед». В специальной резолюции он отметил выдающуюся роль газеты в борьбе против меньшевизма, за восстановление партийности.

Газета «Вперед» сыграла огромную роль в борьбе революционно-пролетарского направления в рабочем движении с мелкобуржуазным. На своих страницах она давала объективную информацию о ходе революционных событий и их оценку с позиций марксизма, стала боевым органом первой народной революции эпохи империализма.

⁵⁴ «Украинский сборник», стр. 494.

⁵⁵ Там же, стр. 499.

⁵⁶ Там же, стр. 520, 521, 530.

⁵⁷ «Третий съезд», стр. 322.

⁵⁸ Там же, стр. 296.

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, д. 100.

⁶⁰ «Третий съезд», стр. 302—303.

ПУБЛИЦИСТИКА Ф. ЭНГЕЛЬСА В «МАНЧЕСТЕРСКИЙ ПЕРИОД»

(ДЕКАБРЬ 1842 — АВГУСТ 1844 Г.)

В. В. Сазонов

Переезд Ф. Энгельса в Англию в ноябре 1842 г. открыл новый период в формировании его мировоззрения — окончательный переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В. И. Ленин отмечал, что «социалистом Энгельс сделался только в Англии»¹. Становление Энгельса как социалиста и обстоятельства, сопутствовавшие этому процессу, нашли отражение в его статьях и корреспонденциях той поры. Они характеризуют идейные искания молодого революционера и фиксируют их результаты.

В начале октября 1842 г., закончив прохождение воинской службы в артиллерийской бригаде, Энгельс уехал из Берлина домой, в Бармен, где вопрос о его поездке в Англию для работы в фирме «Эрмен и Энгельс» был уже предрешен. Для его отца не составляли секрета радикальные воззрения сына. Хорошо зная характер своего первенца и полагая, что тот «не остановится на общепринятых воззрениях», отец считал необходимым взять развитие Фридриха под контроль. «Я надеюсь,— писал он одному из родственников 5 октября 1842 г.,— что смогу как следует загрузить его работой и, где бы он ни был, буду с величайшей осторожностью незаметно наблюдать за ним, чтобы он не совершал опасных поступков». Сознавая, что «направление, приверженцем которого является Фридрих, в будущем займет повсюду господствующее положение и сейчас уже, кажется, занимает его»², отец все-таки считал увлечения сына лишь данью моде. Видимо, этим и объяснялось его решение вырвать сына из наэлектризованной атмосферы Германии и послать в страну, известную своими традициями житейского практицизма и соблюдения консервативных законов.

Однако дело обстояло сложнее, чем представлял себе Ф. Энгельс-старший. К 1842 г. резко увеличилось число людей, открыто заявлявших о своей приверженности к социалистическому направлению. На страницах прессы давно уже появилось слово «коммунизм», а интерес к нему принял острые формы. Развитие набравшего силу капитализма вызвало заметные изменения в обществе: консолидацию и поляризацию классов буржуазии и пролетариата. Ряд пролетарских выступлений, с каждым годом принимавших все более организованный и сознательный характер, дал основание К. Марксу заявить в октябре того же года, что «сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов,— это факт, который... бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона»³. Именно этот факт послужил толчком к распространению коммунистических идей, появлению многих статей, корреспонденций, брошюр, книг с социалистическими тенденциями.

Этот поток захватил и Энгельса, которому давно не давали покоя «вопросы века». Не случайно поиск теории, которая позволила бы оплодотворить революционную, политическую практику и в союзе с ней создать орудие для преобразования общества, стремление принять непосредственное участие в выработке такой теории привели Ф. Энгельса весной 1842 г. в редакцию газеты «Rheinische Zeitung».

Сотрудничество в ней сыграло важную роль в его развитии. Начавшая выходить с января 1842 г., «Rheinische Zeitung» практически с самого начала своего сущест-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 9.

² «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС», № 19, 1970, стр. 29, 30.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 115.

вованья взяла курс на пропаганду идей общественно-экономического прогресса. С приходом к руководству редакцией радикальных младогегельянцев А. Рутенберга, Б. Бауэра и М. Гесса на первый план в газете выступили политические вопросы. Когда же позднее, в октябре, редакцию возглавил К. Маркс, «Rheinische Zeitung» стала рупором идей революционной демократии и самым оппозиционным печатным изданием в Пруссии. Но и в первых своих выпусках газета много внимания уделяла социальному вопросу, особенно положению трудящихся в Англии. Острота социальных конфликтов в этой стране приводила некоторых корреспондентов «Rheinische Zeitung» к выводу о неизбежности революции. 20 января газета публикует статью Б. Бауэра «О новейших проявлениях английского кризиса». Как своеобразный сигнал прозвучали строки из опубликованной 26 июня 1842 г. статьи Гесса «О предстоящей в Англии катастрофе»: «Безграничная нищета народа в Англии, кажется, раньше, чем ожидается, приведет к катастрофе, последствия которой отзовутся не только в Великобритании, но неотвратно ударят по всей остальной Европе»; эта нищета «обнаруживает не политическую, а социальную природу», ибо в руках немногих крупных предпринимателей — купцов, фабрикантов и финансистов «сосредоточиваются промышленность, торговля и капитал»; большинство же народа, отмечал он в другой статье («Политические партии в Германии»), находится в угнетенном состоянии. «Вся организация, или скорее дезорганизация, нашей социальной жизни, — заключал автор, — требует реформы».

С 13 сентября газета начала печатать серию статей о положении в Англии одного из учредителей «Rheinische Zeitung» — Г. Мевиссена. С 1838 г. он регулярно посещал крупнейшие текстильные центры Англии, изучая в них организацию производства и использование техники, и быстро заметил не только достижения промышленного прогресса, а и концентрацию фабричных пролетариев в промышленных центрах, угнетение бедных богатыми, классовый разрыв между ними. В 1840 г. Мевиссен писал: «Кто с ужасом наблюдал крайности английских промышленных округов, тот, конечно, не позавидует нации, внешнее величие которой приобретено вместе с такой внутренней нищетой и таким распространенным рабством»⁴. Поездка в Англию летом 1842 г. во время знаменитой августовской рабочей стачки произвела на Мевиссена особенно сильное впечатление. Отмечая, что следствием конкуренции является постоянное снижение заработной платы, следовательно, и нищета, ведущая к ожесточенной классовой борьбе, он писал: «В настоящее время... начинаются затруднения со сбытом товаров английской мануфактуры; много рабочих рук не находят более применения, конкуренция со стороны этих безработных снижает заработную плату, а сниженной заработной платы не хватает больше для удовлетворения потребностей рабочего класса. Затем последуют банкротство и обнищание; и если нищета зайдет достаточно далеко, то она, черпая силу в отчаянии, произведет имущественный переворот»⁵.

В «Rheinische Zeitung», таким образом, столкнулись две точки зрения на пути разрешения социальных конфликтов. Мевиссен, выражавший мнение буржуазных либералов, полагал, что «разумное государство» сумеет остановить процесс пауперизации и оградить интересы пролетариев, не ущемляя вместе с тем развивавшегося класса буржуазии. Гесс же утверждал, что социальные противоречия невозможно разрешить ни реформами, ни сменой буржуазных правительств. Только коренное изменение имущественных отношений и социальная революция решат проблему. Однако, ставя так вопрос, Гесс не считал неизбежной такую революцию в Германии. Опыт Англии, по его мнению, должен был послужить «предостережением» континентальной Европе. Германия же как обладательница великого философского наследия именно из него должна вывести коммунистические принципы и реализовать их без социальных потрясений.

Это столкновение двух точек зрения не оставило Энгельса равнодушным. Если уже с первых дней пребывания в Англии он уверенно разбирается в существе ее внутренних проблем, то в том ему помогли и сотрудничество в «Rheinische Zeitung»,

⁴ J. Hansen. Gustav von Mewissen. Bd. 1. В. 1906. S. 176.

⁵ О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1. М. 1959, стр. 280.

и изучение несовпадавших позиций ее корреспондентов, и знакомство с литературой, касавшейся английских проблем. Начало первой корреспонденции Энгельса из Лондона свидетельствует о том, что его поездке предшествовала подготовительная работа: «Если погрузиться на некоторое время где-либо в тиши в изучение английских условий, если ясно представить себе слабость фундамента, на котором держится всё искусственное здание социального и политического благополучия Англии, и сразу же после этого попасть в гущу английской жизни, то удивишься, с каким поразительным спокойствием и уверенностью здесь каждый смотрит вперед, в будущее»⁶. Интересу Энгельса к Англии в этом аспекте особенно способствовала его беседа с Гессом, состоявшаяся в редакции «*Rheinische Zeitung*» в начале октября 1842 года. Гесс увидел в Энгельсе потенциального соратника, одного из тех младогегельянцев, которых он хотел привлечь на свою сторону. Вспоминая о встрече с Энгельсом, Гесс писал, что тот ушел от него «самым ревностным коммунистом»⁷.

Роль Гесса в наметившемся повороте Энгельса от революционного демократизма к коммунизму несомненна, но не следует ее переоценивать. Конечно, вторая корреспонденция Энгельса из Лондона не случайно открывалась вопросом: «Возможна ли, более того, вероятна ли революция в Англии?». Гесс утверждал, что она близка. Но он не был в Англии и мог судить об этом только с чужих слов. Мевиссен же предсказывал возможность социального переворота лишь в случае, если правительство не приступит к осуществлению реформ. Таким образом, Энгельсу предстояло самому разобраться, действительно ли положение в Англии чревато революцией, и определить свое отношение к ней. Уже первые его корреспонденции показывают, как пристально наблюдал он за жизнью и борьбой различных классов и представлявших их на политической арене партий, как пытался понять их позиции и сущность отстаиваемых ими интересов. Поначалу его представления во многом определялись той информацией и теми мнениями, которые он усвоил еще в Германии. Вслед за Гессом Энгельс утверждал, что английское государство «по уши увязло в средневековье» (что в общем-то было справедливо), и вторил Мевиссену, заявляя о потере Англией континентальных рынков и вытеснении английской промышленности немецкой и французской, хотя отступление самой могущественной промышленной державы в Европе было тогда еще делом довольно далеким.

Исполненный нетерпеливого ожидания, предощущения близости социальной революции, которая неизбежно повлияет и на другие государства Европы, включая Германию, 22-летний демократ столкнулся с неколебимой уверенностью правящей верхушки англичан в мирном, ненасильственном развитии их страны. Поначалу это его озадачило. Затем он отыскал ошибку в рассуждениях «закоснелого британца»: тот стоял на «национально-английской точке зрения непосредственной практики, материальных интересов», упуская из виду «побуждающую к движению мысль»; между тем понятно, «что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса»; если рассматривать развитие Англии с этой, гегелевской точки зрения, то нельзя не признать, что это государство «по своей политической исключительности и замкнутости в конце концов отстало на несколько столетий от континента»⁸. Далее Энгельс обнаружил, что английские учреждения не соответствуют ушедшему вперед духовному развитию нации. Палата общин представляла собой чуждую народу корпорацию, избранную с помощью сплошного подкупа и попиравшую волю народа, а общественное мнение в главных вопросах не оказывало влияния на правительство. В споре Энгельса с «закоснелым англичанином», перенесенном с национально-английской точки зрения «непосредственной практики, материальных интересов» в область принципов, определяющих ход истории, нельзя отрицать эти факты. А раз так, то «может ли такое положение вещей удержаться надолго?».

Итак, исходя из гегелевского «принципа, направляющего нити исторического прогресса», Энгельс утвердительно отвечал на вопрос о вероятности революции в

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 496.

⁷ M. Hess. Briefwechsel. s'Gravenhage. 1964. S. 103.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 498—499.

Англии. Но он не был бы диалектиком, оставив без внимания другую сторону проблемы: «В Англии... не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов. Следовательно, было бы справедливым и этой стороне дела воздать должное»⁹. Англия представляла собой промышленное государство. Значит, для охраны источников своего богатства она должна ограждать себя запретительными пошлинами от промышленных продуктов других стран. Вследствие вызванного этим роста цен на собственные изделия она вынуждена и дальше непрерывно повышать пошлины, чтобы устранить заграничную конкуренцию. А с этим не могут примириться ни другие страны, ни английские потребители. Утрата рынков сбыта в результате развития промышленного производства в других странах, в частности во Франции и Германии, вынуждала Англию ограничить развитие своей промышленности. Это, однако, малоосуществимо, ибо промышленность, хотя и обогащает страну, создает также стремительно растущий класс неимущих. «Малейший застой в торговле лишает хлеба значительную часть этого класса, большой торговый кризис — весь класс. Когда создается такое положение, что еще остается этим людям, как не восставать? А по своей численности этот класс стал самым могущественным в Англии, и горе английским богачам, когда он осознает это»¹⁰.

Характерно, что уже во второй корреспонденции из Англии Энгельс продемонстрировал самостоятельный подход к оценке августовской стачки 1842 г., ее положительных и отрицательных сторон. Если, по мнению либералов типа Мевиссена, «английский народ в действительности еще не созрел для революции», а почтение к закону оказалось так велико, что «нескольких сотен солдат хватало, чтобы сдерживать и усмирять огромные толпы»¹¹, то взгляд Энгельса оказался более провицательным. Да, во время стачки «достаточно было незначительной военной и полицейской силы, чтобы удержать народ в повиновении». Но не традиционное почтение англичан к закону оказалось тому причиной. Нерешительность рабочих вызывалась тем, что движение было не подготовлено, плохо организовано и не связано единством цели, характера и способа действий. Только-только приехав в Англию и зная об августовской стачке по газетным материалам и рассказам очевидцев, Энгельс еще не мог представить себе ни истинной силы выступления, ни действительных возможностей рабочего класса страны. Какой же в таком случае была его революционная интуиция, если он сразу верно определил причины поражения стачечников и сумел предсказать пролетариату роль самого могущественного класса, когда тот осознает собственную мощь!

Рабочая революция показалась Энгельсу неизбежной, ибо политическое развитие страны пришло в конфликт с духовным, и «только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев». Интересно проследить, насколько последовательно Энгельс освобождался от пут идеалистического понимания истории. Определив позиции классов и партий в Англии в их отношении к революции, он увидел, что основной движущей силой в назревшем преобразовании общества будет именно пролетариат. Пока что им руководят в основном отчаяние, страх перед нищетой и голодной смертью. Вот почему, «как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»¹². Оставаясь пока младогегельянцем, увлеченным «принципом свободы», Энгельс стал задумываться над тем, почему же определяющими оказались материальные интересы. Развитие Англии явно обуславливалось столкновением классовых позиций аристократии, буржуазии и пролетариев. Может быть, это тоже пережитки? Или борьба пролетариата за улучшение своего положения должна вызвать и духовное освобождение, реализацию «принципа свободы»?

Энгельс пристально наблюдал за движением трудящихся, и симпатии его были на стороне борющихся. Он уже видел могущество этого класса и понимал, что дейст-

⁹ Там же, стр. 499.

¹⁰ Там же, стр. 501—502.

¹¹ J. H a p s e n. Op. cit., S. 265—266.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 593.

вительную способность к преобразованию общества немущие обретут лишь тогда, когда сами поймут свои возможности. Излюбленная мысль Энгельса о слиянии философии и политики, идеи и практики приобрела новый оттенок. Стихийность и неорганизованность рабочего движения, основным побудительным мотивом которого являлись отчаяние и страх голодной смерти, должны будут смениться осознанием классовой силы, классовых целей и задач.

Понимание этого обстоятельства резко выделило Энгельса из рядов тех, кто, предсказывая социальную революцию в Англии, представлял ее как некую катастрофу, разрушительный взрыв, совершаемый доведенными до отчаяния людьми. В отличие от них Энгельс увидел в рабочем классе силу, способную к обновлению старого общества, а в социальной революции — такое событие, которое приведет к ликвидации прогнившего строя, к замене существующего государства другим. Так Энгельс подходил к пониманию необходимости слияния практики рабочего движения с революционной теорией. А через год Маркс, увидевший в тогда еще неразвитом немецком пролетариате ведущую революционную силу общества, четко сформулировал эту мысль: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»¹³. Энгельс же, столкнувшийся в Англии с более развитым, чем в Германии, рабочим движением, в первых же своих корреспонденциях обратил внимание на данную проблему, а позднее, обосновавшись в Манчестере и завязав отношения с чартистами и социалистами-оуэнистами, принял активное участие в ее разрешении. Об этом свидетельствует его публицистика. Новый ее этап открывают «Письма из Лондона».

Когда к концу 1842 г. стало ясно, что вследствие репрессивных мер со стороны прусского правительства судьба «*Rheinische Zeitung*» предрешена и вскоре она прекратит свое существование, Ф. Энгельс перестал посылать корреспонденции в Германию. Чтобы успешно вести коммунистическую пропаганду и выступать с нею в печати, он считал необходимым получить ознакомиться с положением Англии, вжиться в ее проблемы и понять, в какой связи находятся они с проблемами, характерными для Европейского континента; наконец, установить контакты с ведущими деятелями рабочего движения и органами прессы. Предоставившуюся ему возможность он использовал весьма интенсивно. Полгода, отделяющие последнюю его публикацию в «*Rheinische Zeitung*» от «Писем из Лондона», были заполнены изучением экономического и политического положения страны, чартистского и оуэнистского движения; непосредственным наблюдением жизни рабочего класса, чтением экономической и социалистической литературы. Манчестер, где он жил, представлял собой для этого удобное место, являясь крупнейшим центром капиталистической фабричной системы, городом резких социальных контрастов. За 20 месяцев пребывания в нем Энгельс узнал его, пожалуй, лучше, чем даже большинство местных жителей. Недаром все свое время отдавал он изучению положения рабочего класса.

Когда в конце 1842 г. Энгельс только приехал в Манчестер, он «застал еще повсюду толпы безработных на перекрестках, и многие фабрики еще стояли»¹⁴. Это был отзвук августовской стачки. А в мае 1843 г. он стал очевидцем яростной классовой схватки на кирпичном заводе, когда в сражении с регулярными войсками рабочие проявили редкостное мужество и самообладание, доказав, что они «обладают революционной отвагой и не боятся пуль»¹⁵. Близкое знакомство с классом, который, несмотря на ужасающие условия существования, сумел сохранить мужество, достоинство и готовность к бескомпромиссной борьбе за лучшую жизнь, окончательно поставило молодого революционера на его сторону.

В «Письмах из Лондона», опубликованных в журнале «*Schweizerischer Republikaner*» в мае — июне 1843 г., он, отметив быстрые успехи демократической партии в Англии и внедрение «презираемого и осмеиваемого» социализма в общественное мнение, подчеркнул, что пролетариат является источником силы как чартизма, так и социализма. И Энгельс сформулировал следующий вывод: «Чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее,

¹³ Там же, стр. 428.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 323, 324.

¹⁵ Там же, стр. 450.

тем большую будущность он имеет». Относя этот вывод пока только к Англии (ведь в Германии, напротив, согласно его тогдашнему мнению, «движение исходит от класса людей, не только образованных, но даже ученых»), Энгельс тем не менее сразу же отметил: «В общем такое положение характерно для всякой революционной эпохи»¹⁶. Таков очередной шаг на пути преодоления им идеализма.

Правда, пока Энгельс еще далек от понимания того, что данное явление связано с экономическим развитием вообще; что и в Германии, страдавшей не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития, буржуазия в лице ее радикальных представителей выглядит революционной, так как еще не конституировала себя в качестве господствующего класса. В Англии же промышленная буржуазия, добившаяся в 1832 г. с помощью рабочего класса доступа в парламент, окончательно утратила всякую революционность, что вскоре отразилось и в научной литературе. С возмущением Энгельс писал: «На континенте не могут даже представить себе, каково качество трудов лучших английских теологов и отчасти даже лучших английских естествоиспытателей, как низкопробны реакционные произведения, названия которых в изобилии публикуются в еженедельных «Списках новых книг»... Повсюду — непоследовательность и лицемерие, между тем как убедительные экономические трактаты социалистов и отчасти также чартистов с презрением отбрасываются и только среди низших сословий находят себе читателей»¹⁷.

Увиденное привело Энгельса к переоценке роли «образованных» классов в революции, к пониманию истинных причин революционности того или иного класса в различные эпохи, к материалистическому постижению истории. Предрекая нищим в «Письмах» не только царствие небесное, но «рано или поздно также царство мира сего», он учитывал громадную жажду знаний, обнаруженную им в среде рабочих, их разум, не скованный религиозным ханжеством и опирающийся на опыт, их стремление построить новый мир, основанный на принципах равенства и справедливости.

В это же время Энгельс познакомился в Лондоне с руководителями «Союза справедливых» — тайной организации немецких рабочих-коммунистов — наборщиком Карлом Шаппером, сапожником Генрихом Бауэром и часовщиком Иосифом Моллем. Участники бланкистского восстания 1839 г. в Париже, они импонировали активной революционной натуре Энгельса. Но он ответил отказом на их предложение вступить в Союз. Убедившись, какую силу имеет открытое массовое выступление рабочих, и веря, что именно пролетариату, если придать ему целеустремленность и организованность, предстоит играть роль решающей революционной силы, Энгельс не одобрял заговорщических методов Союза. Кроме того, в то время он находился еще под влиянием утопически-гуманистического «философского» коммунизма Гесса. Что различные социалистические и коммунистические учения возникают как следствие соответствующего социально-экономического развития, ему еще предстояло понять. «Мы, немецкие теоретики, — писал он позднее, — еще слишком мало знали действительный мир, чтобы действительные отношения могли непосредственно пробудить в нас стремление к преобразованию этой «дурной действительности»¹⁸.

Следующей большой публицистической работой Энгельса была статья «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», опубликованная оуэнистом еженедельником «The New Moral World» в ноябре 1843 года. Главным побудительным мотивом к работе над ней было стремление помочь английским социалистам и чартистам преодолеть их «островную ограниченность». Знакомство с Дж. Личем, Р. Оуэном, Дж. Уотсом и другими лидерами чартистов и оуэнистов, посещение их митингов и диспутов открыло Энгельсу, что они не только мало знают о социальном движении, развертывающемся на континенте, но и многие их слабости и заблуждения объясняются этим незнанием и связанным с ним непониманием общности целей и задач того и другого движения. Статья открывалась выводом, сделанным Энгельсом на основе изучения социалистического движения в различных странах Европы: независимо друг от друга передовые люди Франции, Англии и Германии «пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей осно-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 513.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 239.

вой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью... Факт этот неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации»¹⁹.

В первой части статьи, посвященной французскому коммунизму, Энгельс подробно разобрал учение А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе. Очевидные симпатии Энгельса к фурьеризму определялись тем, что у Фурье он нашел «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление», ту социальную философию, важнейшей частью которой была теория о свободном труде. Поскольку Фурье доказал необходимость ассоциации как формы организации труда, Энгельс специально подчеркнул, что фурьеризм заслуживает внимания английских социалистов. Но симпатии к Фурье не скрыли от Энгельса одного из основных недостатков фурьеризма, который «не отменяет частной собственности»²⁰. Критика экономических принципов сен-симонизма и фурьеризма, содержащаяся в статье «Успехи движения...», свидетельствовала о том, что Энгельс продвинулся вперед в изучении политэкономии, к которому приступил, вероятно, под влиянием Дж. Уотса. Не случайно он высказывал желание увидеть переведенной на английский язык вышедшую в 1840 г. книгу П. Ж. Прудона «Что такое собственность?». Утверждение Прудона, что собственность — это кража, перекликалось с основной мыслью Уотса, проводившейся им в брошюре «Факты и вымыслы экономистов».

Энгельс хотел показать своим новым английским друзьям, что социалистическая мысль на континенте развивается в том же направлении и островная замкнутость отнюдь не способствует прогрессу в области теоретических исканий. Ведь нередко английские социалисты, не зная о достижениях европейской общественной мысли, не шли дальше, а открывали уже добытые ранее истины. В то же время анализ сен-симонизма, фурьеризма, кабетизма позволял оунистам и чартистам лучше разобраться в собственных ошибках и в принципах, уже прошедших теоретическую и практическую проверку на континенте.

Для статьи «Успехи движения...» характерно также, что Энгельс подошел здесь к определению причин, способствовавших возникновению и широкому распространению коммунистических идей, к вопросу о непосредственной связи между положением рабочего класса и развитием социальных учений. Он близок к этому, когда говорит, что после революции 1830 г. во Франции ее плодами воспользовалась одна буржуазия, оттеснившая рабочих, и те поняли, что никакими политическими изменениями нельзя улучшить их социальное положение — причину их политического недовольства; он близок к этому и тогда, когда утверждает, что коммунизм быстро распространился в Париже, Лионе, Тулузе и других крупных городах и промышленных центрах Франции. Но эти факты еще не связывались им как причина и следствие. По его мнению, «движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение», а коммунистическая система призвана на помощь демократии, поскольку той не удалось осуществить подлинное равенство.

Выводя французский коммунизм из неудовлетворенности буржуазной демократией, ее формальным равенством и противопоставляя ей демократию истинную, Энгельс приближался к пониманию классового характера демократии, к пониманию того, что коммунизм родился как мировоззрение антагонистического буржуазии класса — пролетариата, призванного заменить демократию буржуазную демократией пролетарской, социалистической. Для него уже не являлось секретом «закрепленное в конституции и в законах Франции угнетение бедного богатым, угнетение, поддерживаемое насильем»²¹; но понадобится еще время, чтобы он сказал, что в этом-то и заключается сущность буржуазной демократии и что коммунизм противопоставляет ей действительное, подлинное равенство — демократию трудящихся.

В статье Энгельса примечательно также, что и во Франции, и в Германии он видел и анализировал два вида коммунизма — образованных классов и пролетарский.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 525.

²⁰ Там же, стр. 528, 529.

²¹ Там же, стр. 530, 531.

Аналогию этому в какой-то степени он наблюдал и в Англии с ее чартизмом и оуэнизмом. Но если в Англии Энгельс заметил, что и чартизм, и социализм питаются из одного источника, то для Франции и Германии эта закономерность ему не была еще ясна. Ему казалось, что социальное движение на его родине исходит прежде всего от образованных классов и что «партия, стремящаяся к уничтожению частной собственности, состоит преимущественно из людей, которые сами являются собственниками». Он объяснял это пристрастием немцев к абстрактным принципам, их пренебрежением к действительности и практическим интересам, столь милым английскому сердцу. На деле же это объяснялось тем, что революционность немецкой буржуазии в то время еще не умерла, поскольку перед ней стояла задача преодоления полуфеодалных отношений в стране. В отличие от Англии, где именно борьбой интересов определялись позиции классов и партий, в Германии, подчеркивал Энгельс, когда «принцип приходит в столкновение с интересами, принцип почти всегда укрощает притязания интересов». Тем самым Энгельс обнаруживал, что экономическая основа идеологических явлений ему еще не была вполне ясна, а торжество материальных интересов он считал чисто английской чертой. Вместе с тем заключительные строки статьи приводят к выводу, что Энгельс уже склонялся к материализму, к убеждению, что философские принципы должны связываться с практикой, с фактами современного им общественного строя. Здесь, отмечал он, «английские социалисты нас намного опередили, и нам после них весьма мало осталось сделать в этой области»²².

Значение статьи «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» состоит, таким образом, в том, что в ней Энгельс впервые открыто выступил как сторонник коммунистического учения, в котором увидел выражение интересов рабочих. Если в предыдущих корреспонденциях из Англии он связывал предстоящую революцию с особенностями исторического развития страны, то теперь отмечал «настоятельную и неотвратимую необходимость» такой революции для трех крупнейших стран Западной Европы, формулируя задачу революционного коммунистического преобразования как интернациональную: «Коммунизм не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации»; он заложен «в общих условиях современной цивилизации». А когда Энгельс говорил о различии путей, которыми пришли к коммунизму передовые люди Англии, Франции и Германии, он приближался к пониманию того, что коммунистическое учение вырастает из экономического, политического и духовного развития ведущих европейских стран, причем уже тогда высоко оценивал как один из теоретических источников научного коммунистического мировоззрения — классическую немецкую философию.

Это первое выступление Энгельса в оуэнистском органе имело очевидный успех. И в ноябре 1843 г. данная статья в несколько сокращенном виде была перепечатана чартистской газетой. В конце 1843 г. Энгельс заехал в Лидс, где располагалась редакция центрального чартистского органа, и познакомился там с его редактором Дж. Гарни. Видимо, их встреча решила вопрос о регулярном сотрудничестве Энгельса в «Northern Star». Оно началось, как теперь установлено, не с сентября 1845 г., а с мая 1844 г., когда в редакционной статье «Движение в стране и за границей» было опубликовано письмо Энгельса с предложением посылать «корреспонденции, освещающие успехи партии движения на континенте, выдержки из немецких газет и из собственной переписки с хорошо осведомленными лицами в Париже и в Германии»²³.

Так в «Northern Star» появился ряд корреспонденций, разных по объему и характеру материала, но объединенных общей тематикой, — рабочее, демократическое и социалистическое движение в Пруссии, Швейцарии и России и критика реакционной политики их правительств. Тенденции статей во многом определялись воззрениями Энгельса, выраженными в его материалах, написанных для «Deutsch-Französische Jahrbücher» еще в конце 1843 — марте 1844 года. Статьи эти подвели итог предыдущему периоду формирования мировоззрения Энгельса и зафиксировали его окончательный и полный переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

²² Там же, стр. 540, 541.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 182.

Наиболее значительной статьей Энгельса, написанной им для «Deutsch-Französische Jahrbücher», являются «Наброски к критике политической экономии», оцененные впоследствии Марксом как первый гениальный эскиз политической экономии пролетариата. В этой работе Энгельс впервые применил гегелевский диалектический метод к анализу экономических категорий и рассмотрел основные явления современного ему экономического порядка как необходимые последствия господства частной собственности²⁴. Критикуя буржуазную экономическую науку, он указал, что при нынешнем положении вещей ее «следовало бы называть *частнохозяйственной* экономией, ибо для нее общественные отношения существуют лишь ради частной собственности»²⁵. Частная собственность определяла характер существовавших общественных отношений, а экономическая наука была тесно связана с интересами класса капиталистов.

Проследивая развитие политической экономии, Энгельс пользовался уже материалистической методологией. Это развитие, по его мнению, определялось не «самостоятельными» политэкономическими законами, как утверждали буржуазные историки экономической мысли, а развитием торговли, частной собственности. Результатом промышленной революции в Англии было появление системы политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Однако, ставя в заслугу либеральной политической экономии разработку законов частной собственности, Энгельс подчеркнул ограниченность новой системы в сравнении с меркантилистской, ибо первой «не приходило в голову поставить вопрос о *правомерности частной собственности*», да к тому же и законы последней были «не развиты до последних выводов и не выражены ясно». Диалектика, ставшая для Энгельса методом исследования социально-экономических проблем, помогла ему обнаружить у классиков буржуазной политэкономии Смита и Рикардо нерешительность, половинчатость выводов. Экономисты же новейшего времени, отмечал Энгельс, окончательно запутались в противоречиях.

«Наброски» показали, что Энгельс приблизился к пониманию подлинных причин вырождения буржуазной политэкономической науки, превращения ее в вульгарную апологию капиталистического строя. Внимательное изучение английских социально-экономических отношений, движения рабочего класса, чартистской и социалистической литературы привело его к выводу о способности противников частной собственности правильно решать экономические вопросы. Однако оуэнисты, проповедовавшие коллективную собственность на средства производства, не умели еще теоретически доказать неизбежность и необходимость уничтожения частной собственности. Энгельс, резко выступивший против ограниченности буржуазной политэкономии и неисторичности рассмотрения ею частной собственности, дал тогда такое обоснование, фактически уже с историко-материалистических позиций: «Вытекающий из частной собственности раскол между капиталом и трудом есть не что иное, как этому раздвоенному состоянию соответствующее и из него вытекающее раздвоение труда в себе самом»: этот раскол завершается расколом «человечества на капиталистов и рабочих», «который обостряется с каждым днем и ...должен постоянно усиливаться».

Анализируя закон конкуренции, Энгельс подчеркнул, что закон этот ведет к революции, ибо порождаемая им и частной собственностью социальная противоположность может быть ликвидирована только при сознательной, плановой организации производства. «Но до тех пор, пока вы продолжаете производство нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом, до тех пор останутся и торговые кризисы; и каждый последующий кризис должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего, должен разорять большее число мелких капиталистов и увеличивать в возрастающей прогрессии численность класса, живущего только трудом; должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы... и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов»²⁶.

Энгельс ясно видит и предрекает судьбу мелких производителей. Критика капиталистической собственности и вызываемых ею социальных противоречий ведется им

²⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 10.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 548.

²⁶ Там же, стр. 545, 547, 557, 558, 561.

с позиций пролетариата. Энгельс оказался пронизательнее Прудона и его английских последователей, включая Уотса, противопоставив их утопическим надеждам искусственно сдержать процесс централизации и монополизации производства и капитала неумолимый закон конкуренции. Действие внутренние присущих развитию частной собственности законов, писал он, невозможно остановить никакими реформами. Этого можно добиться лишь «путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов»²⁷. Средством устранения противоречий, порождаемых частной собственностью, он считал социальную революцию. Очерк, написанный Энгельсом, явился, следовательно, первой в истории попыткой экономически обосновать неизбежность такой революции. Эти его выводы положили начало разработке пролетарской политэкономии, и Энгельс позднее с полным основанием мог гордиться «этой своей первой работой в области общественных наук»²⁸.

Статьи цикла «Положение Англии», первая из которых²⁹ была опубликована в «Deutsch-Französische Jahrbücher», а две следующие — в выходившей в Париже газете «Vorwärts» осенью 1844 г., интересны тем, что в них явственно прослеживается процесс формирования у Энгельса материалистического взгляда на исторический процесс и начало сознательной критики им идеалистической его трактовки.

Первая статья была рецензией на вышедшую в 1843 г. книгу Т. Карлейля «Прошлое и настоящее». Ее автор глубже других английских буржуа понял причины социального неустойчивости²⁹. Однако, поднявшись до критики пороков капиталистического строя и буржуазного либерализма, Карлейль в бунтующем, революционном пролетариате видел только мятежную стихию, движимую голодом и отчаянием. Она внушала ему страх, смешанный с сочувствием к страданиям и лишениям низов, но не более того. Этот страх побудил Карлейля выступить с требованием устрашения нищеты. Не будучи ни революционером, ни реформатором, Карлейль мечтал о здоровых, довольных и послушных рабочих, заинтересованных в предпринятии, руководимом и управляемом не бандой промышленных пиратов — пожирателей прибыли, а «капитанами промышленности», которые в ее процветании видят свой социальный долг и гуманно относятся к рабочим. Энгельс оценивал роль рабочего класса иначе. В нем он видел творческую силу, способную преобразовать общество: «Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения... От них-то и придет спасение Англии... у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее». Глухие же к прогрессу образованные классы Англии если и приходят в движение, то «лишь под натиском рабочего класса»³⁰.

Соглашаясь с обличительной характеристикой английских порядков, данной Карлейлем, одобряя его критику земельной аристократии и буржуазии, продажного парламента и «бездуховности» века, Энгельс решительно отверг тот идеал будущего, который Карлейль противопоставлял современному миру. Идеалистическому, даже мистическому толкованию исторического процесса противостояла здесь материалистическая концепция, понимание истории не как «божественного откровения», а как результата человеческой деятельности. Жалуясь на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилость социальных установлений, Карлейль не понимал, что в основе этих явлений лежит не безбожие, а как раз религия, так как она принуждает человека к отчуждению своей сущности; в противовес культу денег и наживы, вытеснившего религиозность средних веков, надо создать, как считал этот английский социолог, новую религию, пантеистический культ героев («истинной аристократии») и культ труда. Нет, возражал Энгельс, возможности религии исчерпаны, возврат к ней и к идеализму как источнику истинной веры невозможен. Ведя борьбу не на жизнь, а на смерть против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века, мы имеем гораздо больше шансов на успех, чем он (Карлейль. — В. С.), потому что знаем, чего хотим. «Мы хотим покончить с таким атензмом, каким его изо-

²⁷ Там же, стр. 567.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 148.

²⁹ Подробнее о взглядах Карлейля и его памфлете «Прошлое и настоящее» см.: М. В. Серебряков Фридрих Энгельс в молодости. Л. 1958, стр. 256—266.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 574, 575.

бражает Карлейль, мы хотим возратить человеку содержание, которого он лишился благодаря религии, — не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания».

Подобно Марксу, Энгельс в отличие от Л. Фейербаха придавал огромное значение человеческой деятельности. «Мы требуем, — заявлял он, — чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека»³¹. Энгельс соглашался с Карлейлем в том, что господство денег, буржуазного утилитаризма уродует и дезорганизует труд, истинную сущность человека. Но если Карлейль вслед за Л. Бланом и другими социальными реформистами полагал, что многое может изменить «организация труда», то Энгельс считал невозможным ее осуществление «без известного тождества интересов»: «Почему бы не быть до конца последовательным, не провозгласить тождество интересов единственно достойным человечества состоянием и тем положить конец всем трудностям, всей неопределенности и неясности?»³².

В следующей статье — «Положение Англии. Восемнадцатый век» Энгельс проанализировал проблему «интереса». Ее рассмотрение позволяет уяснить, что понимал он под «тождеством интересов»: «Политическая реформация впервые провозгласила, что человечество должно впрямь объединяться не принуждением, т. е. *политическими* средствами, а интересами, т. е. средствами *социальными*... Возведение интереса в связующее начало человечества необходимо влечет за собой... всеобщую раздробленность, сосредоточение индивидов на самих себе, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов... Далее, пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности. Вот в чем суть дела: господство частной собственности необходимо делает интерес (Энгельс имел в виду материальный интерес) частным, эгоистическим, разъединяющим людей. Объединить их, добиться общности («тождества») интересов нельзя без ликвидации частной собственности.

И Энгельс резюмировал: «Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества. Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя»³³. Опираясь на диалектический закон отрицания отрицания, Энгельс предвидел, что господство частной собственности несет в самом себе свою гибель. Новый порядок будет построен свободным, осознавшим себя, творческим человеком. Надежды на рождение человека такого типа Энгельс связывал с рабочим классом, свободным от религиозных и кастовых предрассудков, от господства частнособственнических интересов, с классом, постепенно осознававшим свою силу и творческие возможности.

Статья «Положение Англии. Восемнадцатый век» интересна также тем, что в ней Энгельс, рассматривая историческое развитие страны с материалистических позиций, впервые вскрыл связь между промышленной революцией и социальными переменами, указав на зависимость сложившейся в Англии политической структуры от экономического развития. Уяснив, что «революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития», Энгельс подошел к пониманию всеобщности этой исторической закономерности. Если до сих пор, писал он, только Англия имела «социальную историю» (то есть историю, определяющуюся господством материальных интересов), то теперь «французы и немцы также постепенно приходят к социальной истории»³⁴. В Английской буржуазной революции середины XVII в. Энгельс увидел прообраз Французской буржуазной революции конца XVIII в., сделав еще один шаг к историко-материалистической концепции. Сформированные промышленной революцией, на историческую аре-

³¹ Там же, стр. 591—592.

³² Там же, стр. 595.

³³ Там же, стр. 604—605.

³⁴ Там же, стр. 603.

ну вышли два новых противостоящих друг другу класса — пролетариат и буржуазия. Английская действительность убедила Энгельса в том, что именно борьбой этих классов и определяются главным образом социально-политические перемены в современном ему обществе.

Ближайшим будущим Англии, указывал Энгельс в последней статье цикла, посвященной английской конституции, будет «такая демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность». Все предшествующее развитие Англии показывает, что при господстве собственности, когда бедняк угнетен и бесправен, борьба демократии против аристократии становится борьбой бедных против богатых. А эта борьба не может завершиться установлением простой демократии, неспособной исцелить социальные недуги. Хотя Энгельс еще не употребил термина «буржуазная демократия» и не подчеркивал ее классового характера, заключительные строки свидетельствовали, что он уже разглядел классовую природу этого политического института. В обществе, где господствует частная собственность, где людей разъединяют частные, эгоистические интересы и идет беспощадная борьба одних против других, не может быть общего равенства. «Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики. Этот принцип есть принцип социализма»³⁵.

Энгельс, таким образом, объявил себя противником частной собственности и буржуазного государства как политической формы ее господства, то есть буржуазной демократии. Он выступил уже как коммунист, чьи симпатии были на стороне рабочего класса, и именно с его борьбой связывал он полное освобождение человека. Вплотную приблизившись к пониманию роли экономического фактора в историческом развитии и рассматривая его уже с материалистических позиций, Энгельс к концу первого пребывания в Англии преодолел ограниченность тех более ранних выводов, которые он делал из анализа социально-экономической действительности этой страны. В нищете и бедности английского рабочего класса он разглядел «всемирно-историческое значение» этого факта³⁶.

А корреспонденции Энгельса в чартистскую «The Northern Star» (в частности, опубликованные в июне 1844 г. «Новости из Пруссии. — Волнения в Силезии» и «Дальнейшие подробности о волнениях в Силезии») свидетельствовали о неслучайности сделанного им вывода. Описывая рабочие волнения в промышленных районах Силезии, Энгельс отмечал, что «рабочее население данной местности, целиком зависящее от производства льняных тканей и испытывающее тяжелую нужду, так как оно не в состоянии выдержать конкуренцию изделий английской машинной промышленности, с некоторого времени оказалось в положении, подобном положению английских ручных ткачей». Тяжелые условия жизни вынудили рабочих восстать. «Таким образом, становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира»³⁷. Сообщая во второй корреспонденции о подробностях этих волнений, Энгельс сопоставил положение силезских и английских ткачей и отметил, что конкуренция английских изделий, имеющих преимущество благодаря более совершенным ткацким машинам и низкой заработной плате на английских фабриках, способствует понижению заработной платы у силезских ткачей. «Короче говоря, именно фабричная система со всеми ее последствиями угнетает силезских ткачей так же, как она угнетала и теперь угнетает фабричных рабочих и ручных ткачей Англии»³⁸.

³⁵ Там же, стр. 642.

³⁶ Там же, стр. 603.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 201.

³⁸ Там же, стр. 204.

Такого рода наблюдения вели Энгельса к пониманию общих закономерностей промышленного и социального развития, к пониманию всемирно-исторической роли рабочего класса. В «Критических заметках к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», опубликованных в газете «Vorwärts», Маркс, сравнивая английское, французское и немецкое рабочее движение, подчеркивал противостояние пролетариата «обществу частной собственности»³⁹. Энгельс в корреспонденциях в «The Northern Star», подмечая, что и силезское восстание, и стачки горняков в Рив-де-Жье близ Лиона протекали в основном в тех же формах, что и английские стачки⁴⁰, также прокладывал путь к постижению всеобщего характера борьбы между трудом и капиталом. Вот почему вторая встреча Маркса и Энгельса, состоявшаяся в Париже в августе 1844 г., выявила уже полное их единство во взглядах на коренные вопросы теории и практики революционной борьбы. С того времени начались их беспрецедентная дружба и совместная работа. Их первым результатом явилось написание книги «Святое семейство», в которой Энгельс изложил некоторые из своих важнейших наблюдений и выводов, развитых затем в книге «Положение рабочего класса в Англии».

Таким образом, публицистика Энгельса периода первого его пребывания в Англии свидетельствует о начале выработки им принципиально нового мировоззрения — научного коммунизма. Статьи «Наброски к критике политической экономии» и цикла «Положение Англии» содержат откровенные теоретические положения этого мировоззрения. Энгельс осознал всемирно-историческую роль пролетариата и необходимость прочного союза передовой философской теории с рабочим движением. Для выработки научной теории пролетарской революции и классовой борьбы произведенный Энгельсом анализ социально-экономического положения Англии и рабочего движения в ней оказался важным и ценным. А сделанное им обобщение передового опыта освободительной борьбы пролетариата того времени, нашедшее затем свое отражение в книге «Положение рабочего класса в Англии», явилось существенным вкладом в теорию научного коммунизма. Публицистика Энгельса конца 1842 — начала 1844 г. характеризует степень самостоятельного продвижения молодого социалиста к выработке кардинальных принципов нового мировоззрения, ставшего вскоре духовным оружием пролетариата.

³⁹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 443.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 195.

СИНИЕ СКАЛЫ

Ж. В. Андреева

Честь систематического изучения путей развития древнего Приморья принадлежит русским ученым. Особенно широкие археологические исследования края стали проводиться после Великой Отечественной войны. Были открыты памятники палеолитического и неолитического времени, доказано существование бронзового века в Приморье, обнаружены памятники железного века. В результате раскопок, проведенных Дальневосточной археологической экспедицией, Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР и Дальневосточным университетом (Владивосток), несколько поселений железного века исследованы полностью, на других вскрыты довольно широкие площади. В результате изучения созданной таким образом источниковедческой базы учеными намечены, в частности, этапы развития железного века в Приморье, датированы отдельные археологические памятники и целые культуры, дана характеристика уровня развития производительных сил той эпохи¹.

Железный век в Приморье — время больших изменений в хозяйственной и общественной жизни древних обитателей края. Железо было известно здесь уже в первой половине I тыс. до нашей эры. В конце I тыс. н. э. намечается сложение раннефеодальной государственности, но еще на рубеже нашей эры начался период развитого железа, который включает в себя памятники как первобытнообщинного строя, так и более поздние, средневековые. Культура развитого железа первобытнообщинной эпохи получила название ольгинской — по наиболее изученному поселению Синие Скалы, расположенному недалеко от районного центра Ольга, в Восточном Приморье. Синие Скалы на основании радиоуглеродного анализа, по нумизматическому материалу и методом аналогии датируются V — VIII веками². Дальнейшее развитие ольгинской культуры шло в раннем средневековье. Оно изучается по комплексу нижнего слоя многослойного средневекового памятника Круглая Сопка в Центральном Приморье, датируемого VIII—XI веками³.

Синие Скалы (иначе Чертов утес) находятся в долине р. Аввакумовки, на ее левом берегу, в 3 км выше устья. Аввакумовка — одна из крупных рек Восточного Приморья. К устью долина заметно расширяется и представляет собой болотистую низину с густой травой и лиственным лесом, окруженную круто обрывающимися сопками. Синие Скалы — это гряда, выступающая от основного массива сопки на сторону Аввакумовки. Склоны скал очень обрывисты и бедны растительностью. Их общий цвет — голубовато-зеленый (отсюда и название). Поселок располагался на вершине гряды, в большой впадине, идущей амфитеатром. За 10 полевых сезонов раскопками вскрыто более 2 000 кв. м культурного слоя (что составляет лишь незначительную часть памятника), собраны тысячи находок и десятки тысяч фрагментов глиняных сосудов.

В настоящее время известно более 20 памятников ольгинской культуры в Приморье. Как правило, они невелики по площади. Столь крупный поселок, как Синие

¹ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959; его же. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 112. М.-Л. 1963; А. П. Окладников, А. П. Деревяко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток. 1973; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тыс. до н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86. М.-Л. 1960; Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. М. 1970; Д. Л. Бродянский. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1969, и др.

² Ж. В. Андреева. Указ. соч., стр. 134—137.

³ Л. Е. Семенченко, Э. В. Шавкунов. Раскопки на Круглой Сопке. «Археологические открытия 1971 года». М. 1972.

Скалы, выявлен пока в единственном числе. Часть поселений этой культуры располагается в долинах рек, на нижних речных террасах, часть — на вершинах сопок, занимающих господствующее положение над местностью. Ни в одном случае вокруг поселений не отмечено оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Раскопки, проведенные на окраине Синих Скал, тоже не дали следов оборонительных сооружений. Таковые появятся лишь в последующий исторический период. А всего в Синих Скалах раскопано около 30 различных сооружений — жилищ и мастерских. Располагаясь на крутых склонах амфитеатра, они образовывали серию искусственных террас. Подобное расположение жилищ присуще приморским памятникам на протяжении нескольких тысячелетий — от раннего железного века до средневековья⁴.

Жилища и мастерские Синих Скал представляли собой полуземлянки, чьи котлованы врезаны в склоны амфитеатра. К нижней части склона эти сооружения, четырехугольные в плане, были полностью наземными, к верхней — углублены в грунт на 1—1,5 метра. Все жилища относятся к каркасному типу построек, длительное время характерному для многих районов Восточной Азии⁵. У одних жилищ основу стен составлял каркас из столбов, шедших вдоль стен котлована; у других имелись только опорные столбы, на которых лежала кровля, стены же были сложены из горизонтально положенных жердей. Часть жилищ погибла в результате пожаров. Сохранившиеся обугленные остатки позволяют восстановить конструктивные особенности сооружений. Стены из горизонтально положенных жердей или плах связывались пучками осики и изнутри были выстланы берестой. Пол покрывался чистой светлой глиной. В качестве строительного материала использовали дуб, реже — осину⁶.

На окраинах поселения находились однокамерные сооружения площадью от 10 до 16 кв. метров. В каждом из них возле стены располагался очаг в виде углубления, покрытого толстым слоем глиняной обмазки. В одном из жилищ в очажной яме найден целый глиняный сосуд, в другом, недалеко от очага, — раздавленные сосуды, топор, глиняные пряслица, обугленные зерна чумизы на кусках бересты. Ближе к центру поселения площадь жилищ увеличивается до 30—60 кв. метров. Внутри жилищ появляются уступы, выполнявшие роль сидений, нар. Не все помещения одновременны: отмечены следы перестроек и наслоение котлованов одних жилищ на другие. Поселок существовал длительное время. Он пережил периоды расцвета и упадка.

Большой интерес представляют остатки сооружений, которые служили для производственных целей. Их можно назвать мастерскими. На западной окраине поселения обнаружены остатки литейной мастерской с обломками каменных литейных форм. В одной из форм отливались пуговицы уплощенно-конического вида. Такие пуговицы были найдены в жилище. Обращает на себя внимание большое количество светильников в мастерской. Горящий жир, налитый в светильники, освещал некогда древних мастеров и то, что они делали у жарких горнов. Обнаружены и остатки кузнечной мастерской с кусочками железной руды, шлаками, обломками железных предметов. Кроме того, следы литейного и железоплавильного производства найдены почти по всей площади поселения, а в одном из жилищ встретился обломок глиняного сосуда с застывшей на нем каплей металла. Спектральный анализ показал, что это свинец с небольшой примесью серебра⁷. Металлические капли и крохотные слитки попались еще в нескольких местах. Повсюду разбросаны кусочки железной руды и обломки криц. Основная обработка руды велась у подножия Синих Скал, на берегу ручья, где обнаружены скопления древесного угля, шлаков, дробленой руды (в одном из скоплений ее было около 20 килограммов). Залежи железной руды с высоким содержанием железа известны недалеко от поселения⁸.

⁴ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 157—158, 164.

⁵ «Народы Восточной Азии». М.-Л. 1965, стр. 247.

⁶ Определение пород дерева произведено в Институте археологии и в лаборатории лесоведения Биолого-почвенного института ДВНЦ.

⁷ Определение произведено Т. В. Сверкуновой в лаборатории спектрографии Дальневосточного геологического института ДВНЦ.

⁸ С. И. Боголюбский. Очерк Амурского края, южной части Приморской области и о. Сахалина в геологическом и горнопромышленном отношении. СПб. 1870.

Затем были вскрыты две мастерские по изготовлению и обжигу глиняной посуды. Внутреннюю площадь помещения занимали развалы печей — скопления жженой глиняной обмазки. В одном из скоплений оказалось восемь раздавленных сосудов, в том числе светильники на высоком поддоне. Такие же светильники были в литейной мастерской. У разрушенной печи обнаружено около 1 кг обугленных зерен ячменя. Вторая печь оказалась пустой. Перед тем как начали раскапывать эту гончарную мастерскую, обратили внимание на желобчатое углубление, хорошо заметное на поверхности склона. При разборке культурного слоя в этом месте стали попадаться нижние части деревянных колышков — следы чьих-то раскопок. Характер растительности и грунта свидетельствовал о том, что копали довольно давно. В дальнейшем выяснилось, что в 1915 г. один из коллег известного путешественника В. К. Арсеньева А. Пель, ожидавший его выхода через Сихотэ-Алинь в долину Авакумовки, произвел здесь раскопки⁹. Наконец, остатки еще одной гончарной мастерской найдены в центре поселения. Как и первая, она погибла в результате пожара.

Если на поселениях раннего железного века (янковская и кроуновская культуры) производственные процессы протекали и на специальных площадках, и в жилищах, то в Синих Скалах появляются сооружения, служившие только для производственных целей. Мастерские располагались и на окраинах поселения, и в его центральной части. Это свидетельствует о том, что в середине I тыс. н. э. еще не произошла территориальная концентрация ремесленников, связанных с определенным видом производства. Совсем иная картина прослеживается в памятниках более позднего времени, в частности на Шайгинском городище XII века. Кроме жилищ и мастерских, в Синих Скалах имелось общественное здание. Оно выделяется не только размерами (площадь — свыше 150 кв. м), но и планировкой. Внутренняя часть котлована состояла из двух площадок: верхней (более 50 кв. м) и нижней (более 100 кв. м). В северной и южной частях нижней площадки врезаны еще две площадки в 10 и 30 кв. м, слегка опущенные в грунт. По краям углублений видны ямки от опорных столбов. В центральной части нижней площадки найдены раздавленные глиняные сосуды и украшения: железный браслет, ожерелье из зеленых яшмовых и сланцевых бус, бус из голубого стекла. Очага здесь нет. Зато на боковых плечиках котлована обнаружены горизонтальные площадки с углистым слоем, под которым идет сильно прокаленный слой грунта.

Археологами вскрывались не только жилища, но и межжилищные пространства. Ни разу возле жилищ не были обнаружены следы хранилищ для запасов пищи и почти не было хозяйственных дворики. Раз не встречаются семейные хранилища, следовательно, должны быть общественные. Полагают, что большое сооружение в центре поселка как раз и являлось общественным складом. Появляется новый вид сооружений, неизвестный в предшествующее время, — дороги. На южном склоне амфитеатра от нижнего ряда жилищ вниз по склону зигзагом шла дорога, двухметровое полотно которой врезано в грунт склона и не имеет специальной вымостки. В центре поселения раскопан деревянный водосборный колодец у естественного водостока. Некогда весь грунт был снят до выходов скалы, превращенных в ровную площадку. На северо-западной границе площадки лежала на ребре полутораметровая плаха. Укрепленная обломками скалы и крупной галькой, она защищала колодец, расположенный в полуметре от нее. Стенки колодца сделаны из горбылей, поставленных на ребро выпуклой стороной наружу. Для крепления между собой горбыли имели трапециевидные выемки. Таким образом, колодец представлял собой сруб в несколько венцов. Снаружи его стенки обернуты кусками бересты и укреплены обломками скалы и крупной галькой. После того как из колодца был вычищен грунт, он тут же начал заполняться водой. Влажный грунт и береста помогли интересному сооружению сохраниться. Эта находка позволяет судить об уровне строительной техники середины I тыс. нашей эры.

Синие Скалы являются многослойным поселением. Нижний слой относится к поздней бронзе (конец II тыс. до н. э.). Находок от той эпохи немного. Они увязываются с комплексом из пещеры у подножия Синих Скал. Пещера имела хорошо насыщенный культурный слой одного времени, в свою очередь увязываемый с материалом посе-

⁹ «Раскопки Н. Г. Харламова в Дальневосточном крае» (архив Ленинградского отделения Института археологии, ф. 2, д. 135: устное сообщение сына А. Пеля).

лений Восточного Приморья, объединяемых в группу памятников маргаритовской культуры. Результаты раскопок в Синих Скалах помогли решить вопрос о существовании бронзового века в Приморье. Ранее на памятниках маргаритовской культуры неоднократно находили каменные наконечники копий и кинжалы, копирующие литые бронзовые образцы (есть такие находки и в Синих Скалах), но они свидетельствуют лишь о знакомстве тогдашнего населения края с бронзой. В вышеописанной бронзолитейной мастерской попались литейные формы, часть которых носит следы вторичного употребления. Впервые ими пользовались в конце II тыс. до н. э., судя по тем предметам, которые отливались в формах (наконечники копий и стрел). Следовательно, в то время были известны и металл, и способы его получения. Найдены также изделия из бронзы в поселении Синий Гай, недалеко от оз. Ханка¹⁰. Один наконечник копья из Синих Скал близок к наконечникам сейминско-турбинского типа, которые встречаются на обширной территории — от Европейской части СССР до Забайкалья¹¹. Шлифованные и полированные кинжалы подражают карасукским образцам Сибири и Забайкалья. Бронзовые предметы из Синего Гая тоже близки к позднекарасукским образцам¹². В чем же дело? Оказывается, мощная рудная база Сибири явилась той основой, на которой развивались бронзовые культуры сопредельных областей¹³. В течение многих веков наблюдались устойчивые связи между древними обитателями Приморья и Восточного Забайкалья, осуществлявшиеся через бассейн Амура и, возможно, через степные районы Центральной Азии¹⁴.

Основная масса находок в Синих Скалах относится к периоду развитого железа (V—VIII вв. н. э.). Одни связаны с хозяйственной деятельностью обитателей поселка: орудия для обработки земли и сбора урожая (наконечники на землеройные орудия, кельты, лопата, серпы), предметы от конской упряжи и повозок (подпружные пружки, части псалий, обломок втулки от ступицы колеса, обломок чеки). Два последних вида изделий получили более широкое распространение только в эпоху средневековья¹⁵. Кроме того, среди находок имеются ножи, скребели, тесла, втульчатые пещни, остроги. Некоторые формы орудий восходят к раннему железному веку, особенно орудия ручной обработки земли. Вооружение представлено наконечниками стрел и панцирными пластинками. Железные наконечники в начале периода развитого железа немногочисленны и по форме повторяют каменные, шлифованные, плоскотреугольные с выемкой в основании. Но вскоре наконечники из железа становятся одной из самых многочисленных категорий находок и приобретают разнообразные формы, часть которых доживает до средневековья. Наконец, ряд изделий связан с бытовой стороной жизни: чугунные котлы, украшения и т. п.

При сравнении с ранним железным веком период развитого железа дает резкое увеличение количества изделий из железа. Так, на поселении раннего железного века на полуострове Песчаном при равной с Синими Скалами вскрытой площади обнаружено лишь 10 железных предметов, а в Синих Скалах — около 200. Орудия труда более разнообразны. Расширяется сфера их применения. Широкое распространение получает боевое и охотничье оружие из железа, вытесняющее изделия из бронзы и камня. Бронзовых изделий тоже становится больше, чем в раннем железном веке. Среди них — бубенчики, пуговицы, нашивные ременные бляшки и фигурные пластинки, браслеты, навершие на шапку, фигурки коней с всадниками. Ременные бляшки имели широкий ареал распространения и хорошо известны в Средней Азии, Сибири, Центральной Азии. Они связаны там с тюркскими памятниками V—VIII веков¹⁶. Про-

¹⁰ Д. Л. Бродянский. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. «Археологические открытия 1971 года».

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М. 1949, табл. I—II, стр. 19—24, 28.

¹² См. Д. Л. Бродянский. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье.

¹³ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 171.

¹⁴ См. А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья.

¹⁵ В. Д. Ленъков. О технологии получения и обработки металла у чжурчженей в XII в. «Материалы по истории Дальнего Востока». Владивосток. 1973, стр. 93.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. «Советская археология», т. XI, 1949, стр. 348; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М. 1951, табл. LIX, рис. 13; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-

никновение этих вещей в Приморье может быть объяснено связями с Тюркским и Восточно-Тюркским каганатами. Фигурные же бронзовые пластины, круглые и четырехугольные, характерны для Приморья и бассейна Амура (некоторые из них известны не только в средневековье, но сохраняются и в более позднее время у малых народностей Дальнего Востока); эта вещь местного происхождения. С развитием металлургии и возрастанием роли железа в хозяйственной деятельности изделия из бронзы вообще выпадают из важнейших сфер производства, о чем свидетельствует отсутствие бронзовых орудий труда и оружия в памятниках вполне развитого железа.

Хотя в Приморье существовал бронзовый век, он не вылился в такие насыщенные металлом культуры, как карасукская в Сибири. Однако наличие даже малого количества металла оказало влияние на ход и темпы исторического развития. Именно недостаток металла и большая потребность в изделиях из него были одной из причин раннего появления железных изделий в Приморье. А период развитого железа явился временем таких быстрых и принципиальных изменений во всех направлениях деятельности человека, что в целом темпы развития напоминают как бы взрыв. Анализ следов металлургического производства позволяет проследить еще один процесс деятельности древнего человека. На поселении III—II тыс. до н. э. в бухте Валентин найдено большое количество орудий, которыми добывали и обрабатывали руду¹⁷. Видимо, это было делом всей общины. Позднее встречаются жилища-мастерские со следами бронзолитейного производства, например, в поселении Малая Подушечка. В Синих же Скалах найдены уже чисто производственные помещения. Их появление свидетельствует о процессе социально-трудовой дифференциации, когда выделяются люди, которые специально занимались ремесленным производством.

Одна из особенностей железного века в Приморье — длительное сосуществование изделий из металла и камня. В раннем железном веке каменные изделия преобладают, а техника их обработки достигает невиданного ранее расцвета. В развитом железном веке количество каменных топоров, тесел, ножей резко сокращается, почти исчезает оружие из камня, зато возрастает роль каменных изделий, которые служили для заточки металлических орудий, обработки руды и растирания зерна. Обитатели Синих Скал в середине I тыс. н. э. все еще пользовались каменными орудиями. В ряде случаев их употребление носило вторичный характер. Так, шлифованные ножи использовались как ударные инструменты, у которых рабочим краем стала одна из торцовых сторон. Немало трущих орудий: плиты для растирания, шлифовальные плиты, терочки, куранты, точила. Значительный процент орудий представлен морскими гальками, приспособленными для различных целей: отбойники, ложила, молоты. Более четверти всех изделий из камня — это грузила из небольших овальных галек для рыболовных сетей. Только один вид каменных изделий достиг тогда расцвета — украшения, особенно бусы. Все они местного производства. Очень широко использовались породы зеленого цвета. Характерны узкие цилиндрические бусы, небольшие привесочки четырехугольной формы, секирообразные бусы, шаровидные из желтого или красного халцедона. Появляются бусы из голубого и черного стекла.

С эпохи неолита изделия из глины остаются самой многочисленной категорией находок. Остатки сосудов на поселении составляют десятки тысяч фрагментов. Обилие посуды свидетельствует о большой роли вареной пищи. Основная часть посуды леплена от руки, толстостенная, с крупными примесями в тесте. Техника изготовления посуды уходит традициями в ранний железный век. Стенки лепились из широких, плоских лент глиняного теста. Поверхность покрывалась тонким слоем глины без примесей, и по этому слою наносился узор. Хорошо лощенные сосуды редки. Цвет поверхности неровен и варьирует от желтого до бурого или от красноватого до почти черного, что зависело от характера обжига керамики. Формы сосудов многообразны, хотя почти всегда узкодонны и вытянуты в вертикальном направлении, порою с таким узким дном, что

Тайге и исследования в Центральной Туве. «Труды» Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, 1957—1958. М.—Л. 1960, рис. 34 (а), стр. 70; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. 1948, стр. 35, рис. 40; стр. 57, рис. 97; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л. 1965, стр. 51, рис. 7, и др.

¹⁷ С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи ранних металлов. «Советская археология», 1969, № 2, стр. 5—9.

без подпорок они плохо удерживали равновесие. Кухонная посуда представлена мисками, горшками, крупными сосудами для хранения припасов. Вазы очень нарядны, их стенки сплошь украшены комбинациями узоров. Своеобразны светильники — неглубокие широкие чаши на высоком поддоне. Обильны тисненные орнаменты: узоры, нанесенные кончиками пальцев (ногтевой, ямочный), штампами (шашечный, ромбический); другие восходят к начальному этапу раннего железного века: пояски горизонтальных бороздок, геометрические прямолинейные узоры, наклепные валики, горизонтальный желобчатый узор.

Прогрессирует техника изготовления глиняной посуды, появляется гончарный круг. Но гончарная керамика в Сивих Скалах составляет не более 7% от общего количества. На доньях и стенках встречаются тамги (знак принадлежности), процарапанные на стенках или нанесенные на донья по сырой глине. Найдена также керамика, которая может быть связана с металлургическим производством: обломки прокаленных сосудов со следами шлака или каплями металла. Весьма характерны глиняные пряслица. Формы некоторых устойчивы на протяжении длительного времени. Из глины выделывались бусы и привески. Она служила также как строительный материал при сооружении печей для обжига посуды; толстым слоем глины обмазывались очаги, светлой глиной покрывались полы в жилищах. Специальное обследование, проведенное в окрестностях Сивих Скал, показало, что ряд местных растений мог использоваться в качестве сырья для прядения, ткачества и плетения: несколько видов крапивы — для изготовления тканей, различные осоки — для получения грубых тканей и веревок, липа, луб которой годится на рожи ¹⁸.

Хозяйство железного века определяется как комплексное. На протяжении почти двух тысяч лет оно складывалось из нескольких компонентов: земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля и собирательство. Земледелие стало известно здесь, судя по находкам обгоревших зерен культурных злаков, в эпоху бронзы ¹⁹. В железном веке происходит дальнейшее его развитие, особенно от рубежа н. э. до VIII в., когда резко увеличивается количество находок злаковых зерен. Почти в каждом жилище встречаются обугленные комки каши или зерна чумизы ²⁰. Железных орудий для ручной обработки земли мало. Это необъяснимо, если не предположить, что в то время получают распространение новые способы обработки земли, позволившие увеличить площадь обрабатываемых полей.

Второе направление в хозяйственной деятельности — скотоводство. Оно было известно уже во II тыс. до н. э., судя по находкам костей домашней свиньи и собаки в пещере у Сивих Скал. В раннем железном веке скотоводство играло большую роль: анализы найденных тут костей показывают высокий процент наличия свиней и собак ²¹. Резко меняется картина в эпоху развитого железа: до 99% костей принадлежит домашним животным (охота сходит на нет), в том числе 54% — лошади, 38% — крупному рогатому скоту, 5% — свинье, 1,5% — мелкому рогатому скоту ²². Кроме того, если в раннем железном веке скотоводство служило лишь источником пищи, то в эпоху развитого железа ведущее место в стаде занимают те животные, которые могли использоваться в качестве тягловой силы при обработке земли. Складывается база пашенного земледелия. Получает объяснение и тот факт возросшей роли земледелия, о котором сказано выше (новые способы обработки земли). Упрочивается связь между земледелием и скотоводством. В раннем железном веке Приморья, когда основу домашнего стада составляли свиньи и собаки, скотоводство было в ведении женщин и подростков, то есть лиц, тесно связанных с домашним хозяйством. В период развитого железа отрыв скотоводства от домашнего хозяйства и непосредственная связь его с

¹⁸ Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.

¹⁹ А. П. Окладников. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке. «Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений». Владивосток. 1960, стр. 7.

²⁰ Определения зерен произведены Ф. Х. Бахтеевым, Н. А. Кирьяновой, А. В. Кирьяновым.

²¹ Н. М. Ермолова. Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 112, табл. 2; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч, «Советская археология», 1958, № 4, стр. 19—20.

²² Определения костей произведены В. И. Цалкиным, В. П. Данильченко.

земледелием меняют хозяйственную деятельность населения. Разведение лошадей и крупного рогатого скота — достояние мужчин²³. К середине I тыс. н. э. складываются предпосылки появления частной собственности и имущественного неравенства.

Третье направление хозяйственной деятельности — охота, рыбная ловля, собирательство. Приморский край имел богатейшие фауну и флору. Поэтому охота, рыболовство и собирательство могли даже с появлением скотоводства и земледелия длительное время оставаться важными занятиями. Направленность охоты — та же, что и ранее: на крупных копытных животных, особенно изюбря. Масса рыбы водилась в реках, озерах, лагунах, прибрежных районах моря. С эпохи неолита и до развитого железа рыболовство процветало. В инвентаре поселения Синие Скалы отмечен высокий процент грузил, найдены большие железные остроги. Активно использовались периоды хода лососевых на нерест. При обследовании растительности на территории поселения и его окрестностей обнаружено около 40 видов растений, которые шли в пищу: груша уссурийская, яблоня маньчжурская, несколько видов боярышника, шиповника и малины, черемуха, рябина, актинидия, виноград амурский, орех маньчжурский, кедр корейский, лещины (лесные орехи). Много оказалось диких злаковых (различные виды проса), три вида папоротников, три вида дикого лука, три вида лилий, два вида зонтичных, два вида бобовых, водяные орехи. Все эти растения могли служить объектами собирательства²⁴.

Основная же линия развития хозяйственной деятельности — укрепление позиций производящих отраслей в раннем железном веке и полная победа их в период развитого железа, переход от комплексного хозяйства в раннем железном веке к сельскохозяйственно-скотоводческому в период развитого железа, дальнейшее совершенствование орудий труда с проникновением во все виды деятельности железных изделий, выделение металлургического и гончарного дела в самостоятельные виды производственной деятельности. Это создало к середине I тыс. н. э. предпосылки изменений социально-экономического характера. Время существования поселения Синие Скалы — канун появления первых государственных образований в Приморье. С одной стороны, пока еще налицо явления, характерные для памятников первобытнообщинного строя: отсутствие оборонительных сооружений, следов индивидуального ведения хозяйства. Заметим в этой связи, что на Шайгинском городище XII в. частой находкой служат уже замки и ключи²⁵. Но ни в одном поселении железного века, даже в таком позднем, как Синие Скалы, не найден ни один ключ или замок. Значит, родовая собственность еще налицо²⁶. С другой стороны, как это показано выше, прослеживаются процессы, которые вели к разрушению первобытнообщинного строя.

В результате изучения поселения Синие Скалы стало очевидно, что своими корнями материальная культура населения Приморья середины I тыс. н. э. уходит в глубь веков. Идентичный тип построек и внутренняя их планировка известны уже во II тыс. до н. э., например, в поселении, раскопанном акад. А. П. Окладниковым в Дальнегорском районе²⁷. Связи обнаруживаются и с памятниками раннего железного века²⁸. Преимущество в орудиях и формах ведения хозяйства, особенно в земледелии, тоже видна на протяжении всего железного века, причем формы сосудов, техника их изготовления, нанесение и композиция орнаментов генетически связываются с керамикой раннего железного века (янковская культура). Но встречаются также элементы, не находящие аналогий в более ранних памятниках Приморья. Таковы крупные сосуды с широким блюдовидным венчиком, ромбический, шашечный и пальцевый орнаменты, волнистые налепные валики. Зато с ними хорошо знакомы в соседней с Приморьем области, в бассейне Амура, на памятниках пальцевской культуры, которая датируется

²³ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. «Проблема происхождения домашних животных». Вып. 1. Л. 1933, стр. 92, 93, 95, 100.

²⁴ Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.

²⁵ Э. В. Шавкунов, В. Д. Ленков. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году. Архив Института археологии, Р—1/3652, и др.

²⁶ Ср. Э. А. Рикман. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. «Советская этнография», 1970, № 6, стр. 29.

²⁷ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья, стр. 49—50.

²⁸ А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, стр. 164.

И тыс. до н. э.²⁹ Эта культура обладает большим своеобразием и в то же время имеет ряд сходных черт с памятниками более поздней, ольгинской культуры Приморья. Таким образом, в сложении ольгинской культуры сыграли, с одной стороны, большую роль культуры Приморья II—I тыс. до н. э., с другой — польцевская культура Приамурья. Здесь отражен процесс консолидации племен накануне возникновения первого тунгусо-маньчжурского государства, намечается этап формирования тунгусских народностей на территории Дальнего Востока.

Общественно-историческую роль культуры, связанной с Синими Скалами, можно будет лучше уяснить, если взглянуть на ее место среди других современных ей культур и государственных образований Дальнего Востока. Вторая половина I тыс. до н. э. и первые века н. э. — время широкого распространения железа и изделий из него в Восточной Азии, вызвавшего бурное развитие производительных сил. Развиваются классообразовательные процессы в Центральной Азии, на Корейском полуострове, в бассейне Среднего Амура и его притоков, на территории Приморья, а также в Маньчжурии и на Японских островах. Анализ археологического материала с памятников ольгинской культуры, особенно поселения Синие Скалы, позволил исследователям выявить ряд таких явлений, которые вели тогда к разложению первобытнообщинного строя. Дальнейшее развитие и логическое завершение эти процессы, зарождение которых прослеживается по археологическим данным на памятниках Приморья в I тыс. до н. э., а особенно на рубеже и в первой половине I тыс. н. э., получили в IX—XII веках. Появляются мощные оборонительные сооружения, эти яркие признаки социальной дифференциации, имущественного неравенства, наличия развитых отношений собственности; идет бурное развитие ремесленного производства³⁰.

В сложении ольгинской культуры большую роль сыграли более древние культуры Приморья II—I тыс. до н. э., а также польцевская культура бассейна Амура, носители которой проникли на рубеже нашей эры в Приморье и Маньчжурию и, кроме того, оказали влияние на сложение культуры яёи на Японских островах³¹. Когда на Корейском полуострове складываются первые государственные образования и затем в IV в. н. э. в юго-западной части полуострова возникло государство Пэкче, а в северной части — Когурё³², то в формировании когуресцев большую роль сыграл тунгусо-маньчжурский компонент, который хорошо прослеживается в материальной и духовной культуре, а возможно, и палеоазиатский компонент³³. В VII в. почти все население полуострова объединяет государство Силла, покорившее Пэкче и Когурё. Ослаблению и падению Когурё в немалой степени способствовали войны с Танской империей, осуществлявшей захватническую политику на северо-востоке³⁴. После разгрома Когурё оттуда проникают на территорию Маньчжурии большие этнические группы³⁵. В формировании древнего населения Японских островов в середине I тыс. до н. э. играла роль большая волна пришлого населения с материка. Это и есть время сложения культуры яёи. Культура яёи характеризуется как сплав культуры дэмон, культуры поливного риса (пришедшей из Юго-Восточной Азии), культуры полированного камня из Южной Кореи, металлических культур Центральной Азии, Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Не только археологические, но и антропологические данные подтверждают, что в формировании населения периода яёи принимали участие пред-

²⁹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 269—277.

³⁰ Э. В. Шавкунов. Бохайские памятники Приморья (по исследованиям 1960 г.). «Археология и этнография Дальнего Востока». Новосибирск. 1964, стр. 102—105; его же. К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. «Материалы по истории Дальнего Востока», стр. 84—85; его же. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища. «Советская этнография», 1972, № 3, стр. 131; его же. Исследования на Шайгинском городище. «Археологические открытия 1971 года»; В. Д. Ленков. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке. (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск. 1974.

³¹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 277.

³² М. Н. Пак. О возникновении и утверждении феодализма в Корее. «Историко-география стран Востока». М. 1969, стр. 305.

³³ Р. Ш. Джарылгасинова. Древние когуресцы. М. 1972, стр. 175—178.

³⁴ «История Кореи». Т. I. М. 1974, стр. 85—86.

³⁵ «Народы Восточной Азии», стр. 673.

ставители монголоидных форм, «дальневосточных» элементов³⁶. Но в целом инвентарь культуры яёи отличен от приморского (ольгинской культуры). Сходство прослеживается лишь в некоторых элементах. В яёи встречается много каменных наконечников необычной для Японии формы с вогнутым основанием. Подобные наконечники были на ранних памятниках ольгинской культуры, однако гораздо лучше они известны на поселениях польцевской культуры в бассейне Амура. Керамика яёи своим происхождением обязана континентальным культурам. Среди прочих форм в то время появляются крупные сосуды с широким венчиком. Эти элементы яёи находят аналогии в керамике ольгинской культуры. В свою очередь, они попали в Приморье из бассейна Амура³⁷. Археологический материал позволяет проследить формирование все более близких культур на территории Приморья, бассейна Среднего Амура и его притоков в середине I тыс. н. э., что явилось отражением сложения широких этнических общностей накануне возникновения там государства³⁸.

³⁶ М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. «Труды» Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XXXVI, 1958, стр. 284; его же. Этническая антропология Японии. М. 1971, стр. 202—204; «Народы Восточной Азии», стр. 855—856; E. Kidder. Japan before Buddhism. L. 1959, pp. 90—104; N. Egami. The Beginnings of Japanese Art. Tokyo. 1973, pp. 30—34, 120—123; K. Tubaki. The Face of Japanese in Comparison with That of the Ainos, Manchus, Mongols, Northern Chinese, Hoimins (Chinese Mohammedans), Dahurs and Golds (Yüpitatz). «Труды» VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. 1968, стр. 15.

³⁷ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 237; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. «Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции». Вып. 1. Новосибирск. 1970, стр. 283, рис. 13—14; E. Kidder. Op. cit., pp. 97—104.

³⁸ Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л. 1968; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья, стр. 350.

В Отделении истории АН СССР

К ИЗУЧЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН В РОССИИ *

По решению ЦК КПСС и в соответствии с постановлением Президиума АН СССР, в 1973—1975 гг. был проведен ряд мероприятий в связи с 200-летием Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. В этом проявилась большая забота Коммунистической партии об изучении истории нашей Родины, огромного трудового и боевого опыта народов нашей страны, революционных традиций многих поколений борцов с эксплуатацией, о воспитании у советских людей «чувства уважения к достойным страницам прошлого своей страны»¹. Одной из таких страниц являются народные движения феодально-крепостнической России, прежде всего наиболее мощные из них — крестьянские войны.

В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» говорится, что в России «почва для восприятия и применения марксизма», то есть «научной теории освободительного движения», «была подготовлена ее социально-экономическим развитием, остротой классовых противоречий, революционными традициями, которые восходят к крестьянским восстаниям, к деятельности А. Н. Радищева и декабристов, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других демократов-шестидесятников, революционных народников 70-х годов XIX века»². В этих словах обращает на себя внимание то, что крестьянские движения рассматриваются как одно из звеньев в истории классовой борьбы и освободительного революционного движения. Эта борьба, проходя различные этапы, подчас качественно отличающиеся друг от друга (например, движение декабристов является качественным скачком вперед по сравнению с крестьянскими войнами), представляет собой взаимосвязанный процесс развития, в котором каждое предыдущее явление оказывает определенное влияние на последующее, а это последующее в той или иной степени опирается на предыдущее.

Именно такой методологический подход, вытекающий из марксистско-ленинского учения о классовой борьбе как движущей силе истории, свойствен юбилейным мероприятиям, посвященным 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 годов. Будучи сосредоточенными главным образом на освещении движения под предводительством Е. И. Пугачева, они предусматривали рассмотрение ряда общих теоретических проблем, касающихся всех крестьянских войн в России XVII—XVIII веков.

События Крестьянской войны 1773—1775 гг., а также наиболее важные теоретические проблемы истории всех крестьянских войн широко освещались в партийной печати и в специальных научных изданиях. В первую очередь нужно назвать две статьи акад. Л. В. Черепнина в журнале «Коммунист», статью А. А. Преображенского в «Правде»³ и др.

* Доклад автора по данному вопросу обсуждался на Бюро Отделения истории АН СССР 24 декабря 1974 года.

¹ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. М. 1971, стр. 109.

² «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Тезисы ЦК КПСС. М. 1969, стр. 8—9.

³ Л. В. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева. «Коммунист», 1973, № 13; его же. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России. «Коммунист», 1975, № 1; А. А. Преображенский. Славная страница народной борьбы. «Правда», 28. IX. 1973.

Центральные и местные издательства выпустили несколько сборников документов⁴ и статей⁵ по истории Крестьянской войны 1773—1775 годов. Вышли в свет приуроченные к юбилею монографии и научно-популярные книги⁶, статьи⁷. Наконец, немалое число статей, публикаций, заметок появилось в различных республиканских, областных, районных газетах, научных изданиях.

200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. были посвящены научные заседания в Москве (Отделение истории и Ученый Совет Института истории СССР АН СССР, ноябрь 1973 г.) и Ленинграде (Ученые Советы Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и ЛГУ имени А. А. Жданова). Состоялись две всесоюзные конференции — в Оренбурге (октябрь 1973 г., посвященная в основном первому этапу Крестьянской войны) и в Уфе (июнь 1974 г. — об участии в ней народов России)⁸, а также региональные конференции в Уральске (октябрь 1973 г.), Элисте (январь 1974 г.), Казани⁹ и Волгограде (обе — в ноябре 1974 г.). В организации и проведении конференций большую роль сыграли обкомы КПСС, Советы министров автономных республик и облисполкомы, научные учреждения Отделения истории АН СССР, пединституты, краеведческие музеи, Центральный и местные советы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В их работе приняли участие крупные ученые страны, преподаватели вузов и школ, партийные и советские работники, сотрудники архивов и музеев.

Доклады, прочитанные на конференциях, подытожили то, что сделано в советской историографии за последние десятилетия в изучении крестьянских войн. Их отличает высокий идейно-теоретический и научный уровень; методологической основой докладов явилось марксистско-ленинское учение о классовой борьбе. Красной нитью через все конференции проходила мысль о совместной борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс русского и нерусских народов против социального и национального угнетения, о возникновении и укреплении дружбы между ними в ходе этой борьбы.

Материал, содержащийся в указанных выше исследованиях и в докладах, сделанных на конференциях, можно условно сгруппировать по пяти разделам: 1) общие теоретические проблемы истории крестьянских войн, прежде всего последней из них (причины и предпосылки, движущие силы, историческое значение, вопросы термино-

⁴ «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России». Документы из собрания Государственного исторического музея. М. 1973; «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии». Сборник документов и материалов. Ижевск. 1974; «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Сборник документов. Уфа. 1975; «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773—1774 гг.». М. 1975.

⁵ «Под знаменами Пугачева». Челябинск. 1973; «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М. 1974.

⁶ С. Х. Алишев. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань. 1973; С. М. Томсинский. Под предводительством Пугачева. Повстанческое движение в Прикамье во время Крестьянской войны 1773—1775 годов. Пермь. 1973; В. В. Мавродин. Под знаменем крестьянской войны. М. 1974; Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Пугачев и пугачевцы. Л. 1974; В. А. Золотов, А. П. Пронштейн. За землю, за волю... Из истории народных движений на Дону. Ростов-на-Дону. 1974; В. И. Буганов. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М. 1976.

⁷ В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. «Вопросы истории», 1973, № 9; М. А. Рахматуллин. Крестьянская война в России 1773—1775 годов. «История СССР», 1973, № 6; Б. Г. Литвак, Р. В. Овчинников. Крестьянская война 1773—1775 гг. «Вестник» АН СССР, 1973, № 9; В. И. Буганов. Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Там же, 1974, № 10, и др.

⁸ Научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Оренбург, 15—16 октября 1973 г. Тезисы докладов. Оренбург. 1973; «Участие народов в Крестьянской войне 1773—1775 гг.». Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции (Уфа, 3—5 июня 1974 г.). Уфа. 1974.

⁹ «Материалы конференции, посвященной 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева». «Вестник» Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (серия историческая). Элиста. 1974, № 11; «Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Казань. 26—27 ноября 1974 г.». Тезисы докладов. Казань. 1974.

логии, хронологии, идеологии и др.); 2) конкретно-исторические темы, посвященные Крестьянской войне 1773—1775 гг. (участие отдельных народов и социальных категорий и слоев населения на различных этапах движения); 3) проблемы источниковедения (анализ новых архивных данных, в частности, новых источников на башкирском и татарском языках); 4) проблемы историографии (изучение восстания под предводительством Е. И. Пугачева в советской историографии, критика зарубежной буржуазной историографии); 5) Крестьянская война 1773—1775 гг. в фольклоре, литературе, искусстве.

Опираясь на теоретические положения основоположников научного коммунизма, советские исследователи детально изучают ход классовой борьбы в России на всем протяжении феодальной формации, выявляют ее закономерности. Результатом этого исследования явились важные научные выводы о формах, этапах, историческом значении этой борьбы.

В период феодализма крестьяне выражали свой протест против эксплуатации в различных формах — от пассивных до активных. Часто те или иные формы выступлений дополняли друг друга, но на каждом историческом этапе заметно преобладание одной из них. Низшими формами являлись различные виды экономической борьбы крестьян, индивидуальное сопротивление феодальной эксплуатации — плохая работа на феодала (и, наоборот, интенсивная и продуктивная работа на себя), уход в города, занятия ремеслом и др. Более высокой формой классового сопротивления была открытая борьба крестьян против феодалов, начиная от споров и тяжб с феодалами, до восстаний, местных, локальных или обширных и по территории, и по накалу борьбы, и по ее целям, каковыми были крестьянские войны. Если на ранней стадии развития феодализма преобладали низшие формы классовой борьбы, то на поздней стадии она проявлялась в высших формах в виде локальных восстаний и крестьянских войн¹⁰.

Важное место заняло обсуждение вопроса о терминологии — дефиниции «крестьянская война», отличии крестьянских войн, с одной стороны, от крестьянских восстаний, с другой — от революции. В дворянско-буржуазной историографии указанные народные движения назывались «бунтами», «мятежами»; в подобных наименованиях сказывались не только недооценка данных выступлений, но и враждебное отношение к ним. После Великой Октябрьской социалистической революции изучение классовой борьбы наряду с исследованием социально-экономических процессов оказалось в центре внимания советской исторической науки. Правда, вплоть до начала 30-х годов в определенной степени сохранялось влияние старых буржуазных концепций, однако марксистско-ленинская наука в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией завоевала к этому времени господствующие позиции, и это сказалось на разработке проблемы.

Крестьянские войны в Западной и Восточной Европе — наивысший этап в развитии классовой борьбы периода феодализма. Термин «крестьянская война», употребляемый Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии», предполагает отличие этой высшей формы крестьянской борьбы от обычных, локальных восстаний. Ф. Энгельс отмечает, например, что «с 1518 по 1523 г. в Шварцвальде и Верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер». Но только «решающее восстание в ландграфстве Штюлинген... можно считать непосредственным началом Крестьянской войны»¹¹.

В последние годы к крупнейшим крестьянским движениям все чаще применяется термин «гражданская война». Именно так их называл В. И. Ленин: «Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества... Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян. В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»¹².

¹⁰ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 274—284.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 397.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 77.

В настоящее время определение «крестьянская война» принято большинством исследователей. Крестьянские войны — это гражданские войны, высшая форма классовой борьбы угнетенного класса крестьянства и других категорий трудящихся против класса феодалов и их союзников (верхушка незакрепощенного крестьянства, а также торгово-ремесленных людей, служилых людей по прибору), против крепостнического государства, всей крепостной системы. Во время крестьянских войн правительственному лагерю противостоит повстанческий, восстанием охвачена значительная часть территории страны, которая переходит под контроль повстанцев, имеющих большую армию, у восставших есть в известной мере единый центр и единое военно-политическое руководство, вносящие некоторые элементы организованности и сознательности в стихийное в целом народное движение. В ходе крестьянских войн происходит борьба за власть в общегосударственном масштабе, за «землю и волю», то есть объективно — за новый в исторической перспективе общественный строй, поскольку ставится вопрос о передаче земли крестьянам, освобождении их от крепостничества, уничтожении дворянства. Все эти важные особенности, с одной стороны, отличают крестьянские войны от крестьянских восстаний, которым не свойственны указанные характерные черты. С другой стороны, от революций крестьянские войны отличаются в целом стихийность, отсутствие ясных целей и руководства со стороны либо буржуазии, либо пролетариата¹³.

В последние десятилетия советскими историками проделана значительная работа по уточнению хронологических рамок крестьянских войн. Так, если раньше первая крестьянская война датировалась 1606—1607 гг. (то есть сводилась только к восстанию И. И. Болотникова), то теперь многие исследователи правомерно предлагают другую датировку: с 1603 г., то есть с восстания Хлопка, или с событий 1601—1603 гг. (так называемые голодные бунты, финалом которых и явилось восстание Хлопка) до 1614—1615 гг., когда на севере и в центре Европейской России происходят антифеодалные движения, связанные с предыдущими выступлениями.

В ряде случаев новейшие исследования внесли существенные поправки и уточнения в вопрос о территориях, охваченных крестьянскими войнами. Важную работу проделала группа московских ученых, издавших сборник новых документов. Опираясь на комплекс новых архивных данных, они показали значительно большую территориальную распространенность действий повстанцев во время Крестьянской войны 1773—1775 гг., чем это считалось до сих пор. В частности, уже на первом этапе движения, помимо Яицкого очага, существовали еще два — Вятский и Ставропольский. В кульминационный период своего развития движение широко распространилось на черноземный центр России, проникло на север, к Москве.

В ходе конференций ставилась проблема первоначального очага крестьянских войн. Как правило, они начинались на окраинах России (где скапливались массы недовольных, готовых подняться на борьбу), юго-западных (первая Крестьянская война), южных (Дон — вторая и третья крестьянские войны), юго-восточных (Яик, Оренбургье — четвертая Крестьянская война). Причем район зарождения движений смещался с запада на восток. В ходе первой Крестьянской войны повстанцы действовали в центре государства, осаждали Москву, овладели рядом городов в ближнем и дальнем Подмосковье. Участники последующих крестьянских войн стремились прорваться к Москве, но им это не удавалось. Все это говорит о том, что восставшим в течение двух столетий становилось все труднее вести борьбу с феодалами, которые опирались на государственный аппарат и армию. Усиление в этих условиях народной борьбы, нарастание в ней элементов организованности и сознательности, вовлечение в нее огромных масс эксплуатируемых (особенно в последней Крестьянской войне) убедительно свидетельствуют о возрастающей мощи отпора социальных низов феодально-крепостному строю.

Большинство исследователей согласно, что основной движущей силой на протяжении всех четырех крестьянских войн являлись крепостные, государственные и иные крестьяне. Вместе с ними выступали и другие эксплуатируемые категории населения: холопы (особенно заметно их участие в первой Крестьянской войне), посадские люди, служилые люди по прибору (городовые стрельцы и казаки, пушкари, во-

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 41.

ротники и др.), гулящие люди, наконец (что особенно характерно для четвертой Крестьянской войны), рабочие люди — российский предпролетариат (например, с уральских заводов). Активное участие в крестьянских войнах принимало нерусское население Украины, Поволжья, Приуралья, Зауралья и др. (украинцы, башкиры и татары, калмыки и казахи, мордва и чувашы, мари и удмурты).

Проблема участия нерусских народов в крестьянских войнах, в частности последней из них, довольно подробно разработана в исторической литературе, ей уделялось большое внимание в исследованиях последнего времени, на научных конференциях. В ходе крестьянских войн эксплуатируемые слои русского и нерусского населения вели совместную активную борьбу против социального и национального гнета. Причем, как не раз отмечалось в последние годы, во время этих народных движений социальный фактор преобладал в сравнении с национальным. Участники движения не ставили вопрос о выходе из состава России. Они совместно выступали против общего врага — феодалов; в их рядах отсутствовала религиозная нетерпимость. Крестьянские войны способствовали росту классового самосознания эксплуатируемых, размежеванию классовых сил, укрепляли традиции дружбы народов.

Важнейшее значение имеет работа по выявлению и изучению элементов организованности. В исторической литературе последнего времени, в выступлениях ученых на конференциях отмечается, что народные движения XVII—XVIII вв. в плане развития элементов организованности сделали значительный шаг вперед в сравнении с классовой борьбой предшествующего времени, а последняя крестьянская война — по сравнению с предыдущими. Немалое внимание уделяется проблеме идеологии участников крестьянских войн¹⁴.

Несмотря на массовый героизм и бесстрашие повстанцев, Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева потерпела поражение из-за общей отсталости, разобщенности эксплуатируемых, их плохой вооруженности, недостаточной сознательности (отсутствие четкой политической программы, монархические иллюзии). В то время не было класса, который мог бы возглавить борьбу угнетенных (предпролетариат в лице рабочих людей только зарождался). Лагерю повстанцев противостоял мощный, хорошо организованный и вооруженный лагерь крепостников с его армией, полицией, сильным государственным аппаратом.

В ряде статей и докладов правомерно отмечалось, что классовая борьба, прежде всего крестьянские войны, способствовала ослаблению крепостнических отношений как в кратковременном плане (например, после первой Крестьянской войны и др.), так и в смысле долговременного воздействия на процесс смены одной формации другой¹⁵. Революционная ситуация на рубеже 50—60-х годов XIX в., сыгравшая решающую роль в отмене крепостного права, является продолжением и завершением классовой борьбы предшествующих эпох, в том числе крестьянских войн, и в то же время качественно новым этапом в истории этой борьбы. И накануне окончательного утверждения капитализма и на его закате в России представители господствующих классов — помещиков и буржуазии — с ужасом вспоминали времена «пугачевщины», опасаясь ее повторения в новых условиях и формах.

В конце XIX столетия, когда начинается пролетарский период революционного движения в России, помещики и их представители в правящих кругах по-прежнему боялись новых Разиных и Пугачевых. В. И. Ленин упоминает о секретном письме министра внутренних дел П. Н. Дурново обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву (от 18 марта 1895 г.), в котором речь идет о программе исторических чтений в воскресных школах, изложенной в письме одного преподавателя: «В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева. Должно быть, эти последние имена и напукали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы»¹⁶. В годы первой русской революции 1905—1907 гг., наряду с пролетариатом, возглавлявшим-

¹⁴ См. подробнее В. И. Буганов. Об идеологии участников крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1974, № 1.

¹⁵ Л. В. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма, стр. 86—87; его же. Об изучении крестьянских войн в России. «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения», стр. 18—20.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 79.

ся большевистской партией и игравшим роль гегемона революции, под его руководством боролось и русское крестьянство. Как справедливо отмечается в новейших исследованиях, составной частью революции 1905—1907 гг. являлась крестьянская война¹⁷.

К. Маркс в письме Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г. указывал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»¹⁸. Говоря о своеобразии обстановки в России накануне Октябрьской революции, В. И. Ленин отмечал, что она осуществила «именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии»¹⁹. Эти высказывания основоположников научного коммунизма дают методологическую основу для понимания роли крестьянского движения, крестьянских войн в истории классовой борьбы и революционного движения на различных его этапах вплоть до социалистической революции.

В. И. Буганов

¹⁷ В. Бовыкин. Генеральная репетиция Октября. «Коммунист», 1974, № 18, стр. 80.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 37.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 380.

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ

26—27 апреля 1976 г. Отделение истории АН СССР провело в Москве координационное совещание советских историков, посвященное согласованию их усилий по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС. В работе совещания приняли участие руководители академических учреждений Москвы и Ленинграда, институтов республиканских академий наук, филиалов и местных центров АН СССР, научно-исследовательских институтов по общественным наукам, автономных республик и областей РСФСР, кафедр истории вузов страны.

Совещание открыл академик-секретарь Отделения акад. Е. М. Жуков. Он отметил, что основная тема совещания прямо вытекает из духа документов XXV съезда КПСС, поставившего во главу угла деятельности советского народа эффективность и качество материального и духовного производства. Координация исследовательских работ — одна из решающих предпосылок выполнения этих задач, предполагающих осуществление не только таких мероприятий, как регистрация и согласование планов различных научных учреждений, но и преодоление ведомственных барьеров, существенное повышение уровня исследовательских работ при наиболее рациональном использовании научных сил и средств, при взаимной поддержке ученых и контроле, наконец — обеспечение перехода к перспективному единому планированию. Общий координационный план — это не просто свод имеющихся планов различных учреждений, а творческий документ, который должен стать основой для развертывания во всех коллективах научно-исследовательской работы. Для составления такого плана имеются все необходимые предпосылки, в первую очередь — наличие высококвалифицированных кадров историков в центре и на местах. Е. М. Жуков остановился далее на тех кардинальных проблемах, которые должны в текущей пятилетке стать предметом совместной координированной работы советских историков в общесоюзном масштабе. В их числе проблема исторических предпосылок складывания единства советского народа как новой исторической общности людей, проблема ее корней, уходящих в далекое прошлое.

С докладом «Координация — путь повышения качества и эффективности исторических исследований в свете решений XXV съезда КПСС» выступил заместитель академика-секретаря Отделения чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко¹.

¹ Доклад опубликован в «Вестнике» Академии наук СССР, 1976, № 10.

Выступая в прениях, председатель Научного совета Отделения по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минц подчеркнул необходимость устранить дублирование между координирующими органами академий наук, союзных и республиканских министерств высшего и среднего специального образования и просвещения. Задача эта тем более актуальна, что, согласно результатам анкетирования специалистов по истории Великого Октября и гражданской войны, значительное их большинство составляют преподаватели вузов, а не сотрудники академических учреждений, так что сугубо внутриакадемическая, ведомственная система координации здесь неэффективна. Академия наук должна активно искать пути для утверждения себя как основного центра координации. Нуждается в комплексном, междисциплинарном изучении такая глобальная проблема, как научно-техническая революция, в исследовании которой должны совместно участвовать историки, экономисты, философы, представители других общественных наук. В деле координации особую роль играет информация, усиление историографическо-библиографического освещения работ историков различных институтов и регионов СССР на страницах специальной периодики.

Председатель секции истории Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР А. М. Сахаров отметил, что давняя традиция участия вузов в разработке научных проблем развивается и углубляется. В качестве подлинных научных центров зарекомендовали себя исторические факультеты Московского, Ленинградского, Казанского, Томского, Ростовского, Тартуского, Калининского, Кишиневского, Пермского и ряда других университетов. Активные научные разработки по истории осуществляются и в педагогических вузах. Например, в Смоленском пединституте успешно анализируются в научном плане источники, выявляющиеся в связи с преобразованием сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Налицо, однако, и ряд недостатков вузовской науки: быстрый рост количества университетов и исторических кафедр в них (сейчас их более 60) не всегда сопровождается столь же эффективным ростом квалификации научно-педагогических кадров. Здесь необходима помощь со стороны академий наук. Что касается координации планов, то решающую роль могла бы сыграть регистрация всех научных тем (по образцу регистрации выходящей книжной продукции Всесоюзной книжной палатой).

Председатель Научного совета Отделения «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» чл.-корр. АН СССР М. П. Ким предупредил против узкоорганизационного подхода к координации. Нереально, по его мнению, пытаться зафиксировать в каком-то одном документе все названия работ, которые должны быть выпущены в ближайшие 5 лет. Реально определить лишь важнейшие, особенно актуальные направления исследования, причем не только на 5, а и на 10 лет. Рассказав об опыте координации работ по изучению социалистического и коммунистического строительства в СССР, в частности в области культурного строительства, М. П. Ким отметил повышение качества таких работ в союзных республиках и призвал местных специалистов активнее включаться в разработку фундаментальных проблем общесоюзного значения, не замыкаясь в кругу локальных тем.

Заместитель начальника Института военной истории Министерства обороны СССР М. М. Кирьян осветил деятельность Научного совета по координации исследований в области военной истории, который установил связи более чем с 450 научными и учебными учреждениями страны и регулярно рассматривает и корректирует тематику работ, относящихся к его профилю, вплоть до кандидатских диссертаций. М. М. Кирьян высказался за научную разработку проблем координации и создание специальных пособий в этой области.

Директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий отметил, что основным вопросом координации являются планирование и реализация совместных комплексных трудов по фундаментальным проблемам (таким, как развитие социалистическое общество, становление новой исторической общности людей — советского народа, советская культура, внешняя политика стран социализма). Он поддержал мысль докладчика о том, что при создании авторских коллективов крупных комплексных работ следует избегать ведомственного подхода и шире привлекать академических ученых и вузовских работников в центре и на местах. Одновременно нужно повышать ответственность «внешних» авторов, добиваясь того, чтобы эти их ра-

бота расценивалась так же, как выполнение плана сотрудниками академических институтов. Достижение соответствующей договоренности между академиями наук и вузами — самое важное практическое мероприятие в сфере координации.

Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков говорил о комплексном изучении истории культуры, этногенеза и истории мировой социалистической системы. При исследовании последней темы накоплен опыт совместной работы института с учеными УССР. Налицо необходимость составления по магистральным, междисциплинарным темам планов-проспектов, которые объединяли бы ученых различных институтов не только Отделения истории, но и других отделений, например, Отделения литературы и языка АН СССР.

Специфике координации исторических исследований на уровне союзной республики посвятил свое выступление директор Института истории АН УССР чл.-корр. АН УССР А. Г. Шевелев. Исторические учреждения республиканских академий могут и должны разрабатывать темы не только о своем регионе, но и более широкие, относящиеся к истории СССР в целом и всеобщей истории. Противоядием против мелкоземья станет увязка частных проблем друг с другом в рамках магистральной проблемы (так, Институт истории АН УССР в качестве таковой избрал вопрос «Две социальные системы, два образа жизни»), а также тесное сотрудничество с центральными учреждениями АН СССР — Отделением истории, головными институтами и научными советами.

Азербайджанские историки, сказал академик-секретарь Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде, принимают деятельное участие в системе общесоюзного разделения труда ученых, разрабатывая проблемы и истории СССР, и всеобщей истории, в частности востоковедную тематику. Естественными носителями функции координации являются проблемные научные советы, которые действуют и на республиканском уровне (в системе Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР их имеется 10) и на общесоюзном. Но для большей эффективности в составе последних должны быть шире представлены ведущие ученые союзных республик.

Директор Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР М. К. Мухарямов положительно оценил помощь, оказываемую коллективу института центральными научными учреждениями, и высказал пожелание относительно расширения информации не только о творческих планах историков, но и об их реализации. Один из путей к тому — совершенствование системы научных отчетов.

Председатель Археографической комиссии Отделения С. О. Шмидт показал, что работа по выявлению и изучению письменных исторических памятников охватывает в СССР специалистов различных профилей, от историков до математиков, а также широкие круги общественности (краеведов, ветеранов войны, юных следопытов и др.). Комиссия опирается на 5 местных отделений и тесно взаимодействует с организациями Главархива, Министерства культуры СССР, вузовскими и другими неакадемическими исследовательскими организациями, включая расположенные вдали от столицы и областных центров. Последние в состоянии организовывать не только региональные, но и всесоюзные мероприятия, а также осуществлять полноценную публикаторскую деятельность, когда им оказывается содействие.

А. Н. Чистозонов (Институт всеобщей истории АН СССР) коснулся соотношения проблемных и отраслевых научных советов (в той связи, что последние порой дублируют работу институтов), указал, что в отдельных случаях между ними наблюдается «расстыковка», и высказался за усиление полномочий и материальных возможностей научных советов именно как органов координации.

Л. Е. Керман (Пермский университет), остановившись на комплексном изучении истории культуры, подчеркнул необходимость лучше отражать эту проблематику в координационном плане Отделения. Для разработки методологии данной проблематики целесообразно было бы создать при нем проблемную координационную группу, объединяющую сектор истории культуры Института истории СССР, соответствующие подразделения в других институтах (например, в Институте экономики мировой

социалистической системы) и межвузовский центр, сформировавшийся при Пермском университете.

После заключительного слова докладчика конференция продолжала работу в 6 секциях: истории СССР (председатель — А. Л. Нарочницкий), всеобщей истории (председатель — Е. М. Жуков), востоковедения (председатель — акад. Б. Г. Гафуров), археологии (председатель — акад. Б. А. Рыбаков), этнографии (председатель — чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей), славяноведения и балканистики (председатель — Д. Ф. Марков). В ходе прений, помимо руководителей секций, в них выступил ряд ученых: директор Государственного Эрмитажа акад. В. Б. Пиотровский, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов, директор Института истории АН Белорусской ССР П. Т. Петриков, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР Н. И. Стуруга, директор Института истории АН Киргизской ССР чл.-корр. АН Киргизской ССР К. К. Орозалиев, директор Института истории АН Узбекской ССР М. А. Ахунова, директор Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР Б. И. Искандаров, директор Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР Х. С. Сайранов, директор Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы, экономики и истории В. Г. Гусев, Ф. Г. Сафронов (Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР), заместитель председателя Научного совета Отделения истории по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» З. В. Удалцова, заместитель председателя Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Ю. В. Ганковский, ученый секретарь Научного совета «Истории исторической науки» Отделения истории В. А. Дунаевский, ученый секретарь Института военной истории М. А. Алексеев и другие. Выступавшие высказали ряд замечаний по общим проблемам координации и по конкретным позициям проекта координационного плана на десятую пятилетку.

Этот проект был затем одобрен на заключительном пленарном заседании конференции. Конференция приняла рекомендации по координационной деятельности в области исторических исследований и задачам основных координирующих органов — Отделения истории, головных институтов, проблемных научных советов, научно-исследовательских институтов республиканских академий, филиалов и научных центров АН СССР, исторических журналов.

А. М. Филитов

Рецензии

«В. И. Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917—1922 гг.). М. Политиздат. 1975. 679 стр. Тираж 60 000. Цена 1 руб. 16 коп.

В. И. Ленин не только стоял у истоков возникновения чекистских органов, но и разработал их политическую линию, принципы организации и задачи деятельности. Непременными условиями эффективной работы органов государственной безопасности В. И. Ленин, партия большевиков считали соблюдение принципа социалистической законности и теснейшую связь с трудящимися, опору на их содействие. Созданная по инициа-

тиве В. И. Ленина 7(20) декабря 1917 г. ВЧК имела небольшой аппарат, состоявший в марте 1918 г. из 120 человек, идейно стойких, решительных и беззаветно преданных делу революции. Во главе ВЧК по предложению В. И. Ленина партия поставила выдающегося революционера Ф. Э. Дзержинского. В первоначальный состав ВЧК вошли Г. К. Орджоникидзе, Я. Х. Петерс, И. К. Ксенофонтов, Д. Г. Евсеев, К. А. Пе-

терсон, В. К. Аверин, Н. А. Жиделев, В. А. Трифионов и В. Н. Васильевский. В дальнейшем состав ВЧК изменялся, но неизменно ближайшими помощниками Дзержинского оставались Я. Х. Петерс, И. К. Ксенофонов, В. Р. Менжинский, Г. И. Бокий. Литература и опубликованные источники по истории ВЧК немногочисленны¹. Отсутствуют специальные работы, освещающие ленинское руководство деятельностью ВЧК. Рецензируемый сборник², подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, содержит ценный материал о ленинских принципах и конкретных формах руководства работой органов ВЧК, ярко раскрывает суровую необходимость революционного насилия для защиты завоеваний социалистической революции в России. В нем рассказывается об огромных трудностях в жизни молодой Советской республики тех лет, о борьбе с внешними и внутренними врагами. Умело и точно направляя свои различные удары по врагам, как бы они ни маскировались, ВЧК всегда была испытанным щитом и мечом революции.

Сборник содержит 532 документа, большая часть из которых опубликована в Полном собрании Сочинений В. И. Ленина, «Ленинских сборниках», «Декретах Советской власти». Они свидетельствуют о прозорливости В. И. Ленина в определении основных тенденций классовой борьбы после завоевания власти пролетариатом, изменении форм, методов и тактики врага в новых условиях, рассказывают о деятельности В. И. Ленина по руководству строительством Советского государства и его защитой. 183 документа, взятые из фондов Центрального партийного архива ИМЛ,

¹ «Красная книга ВЧК». Т. 1. М. 1920; М. Я. Л а ц и с. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М. 1921; «Антоновщина». Тамбов. 1923; С. и М. Б р о й д е. Ярославский мятеж. М. 1930; Ф. Ф о м и н. Записки старого чекиста. М. 1958; П. Г. С о ф и н о в. Очерки истории ВЧК. М. 1960; Д. Л. Г о л и н к о в. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.). М. 1971; е го ж е. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М. 1975; «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921». Сборник документов. М. 1958.

² Редколлегия: С. К. Цвигун (председатель), А. А. Соловьев (зам. председателя), Г. Н. Голиков, М. А. Козичев, В. Ф. Никитченко, А. В. Прокопенко. Составители: Ю. А. Ахалкин, В. К. Виноградов, Н. А. Губанов, И. А. Дорошенко, А. С. Масальская, Ю. Т. Милько, Г. А. Николаев, В. А. Федоров.

опубликованы впервые. Они содержат новые яркие данные о деятельности вождя. По своему характеру — это статьи и заметки, публичные выступления В. И. Ленина, его многочисленные записки и запросы в различные учреждения, ответы на письма, резолюции и пометки на документах ВЧК, Наркомата юстиции РСФСР и других ведомств, отдельных лиц. Значительную группу материалов составляют протоколы заседаний Пленумов, Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), Совета Труда и Оборона, СНК РСФСР, а также постановления Всероссийских съездов Советов и ВЦИК, принятые по инициативе В. И. Ленина или при его непосредственном участии.

Документы в сборнике расположены в хронологическом порядке, что позволяет представить ленинское руководство ВЧК в развитии, увидеть, как с изменением расстановки классовых сил, политической ориентации перед ВЧК ставились новые задачи, видоизменялись и совершенствовались ее организационные формы.

В. И. Ленин, ЦК партии определили правовое положение ВЧК, взаимоотношения ее с другими органами власти, характер и направление работы. Новые документы сборника показывают неослабное внимание и заботу вождя партии о подборе, расстановке и политическом воспитании чекистских кадров, их закреплению в ВЧК (док. 64, 345, 440). Руководящие работники ВЧК персонально утверждались на Пленуме ЦК или Политбюро. Направление на работу в ЧК расценивалось как проявление высшего доверия партии. Выступая перед чекистами, В. И. Ленин говорил, что от них «требуется решительность, быстрота, а главное — верность» (док. 83). Заботясь об авторитете ВЧК, ЦК партии, В. И. Ленин пресекали всяческие проявления злостной критики деятельности ВЧК (док. 99, 132).

Первостепенное место в деятельности ВЧК занимала борьба с политическими преступлениями, которые преследовали цель свергнуть Советскую власть. ВЧК были раскрыты и ликвидированы многие заговоры против советского строя, вооруженные мятежи, эсеровско-кулацкий бандитизм, обезврежены сотни террористов. Организаторами этой борьбы против Советской власти были ярые белогвардейцы, руководители кадетов, левых и правых эсеров, меньшевиков и анархистов, а вдохновителями и пособниками — империалисты. Документы сборника, в том числе впервые вводимые в научный оборот, рассказывают, как внима-

тельно ЦК, В. И. Ленин изучали деятельность враждебных партий, их отношение к советскому строю. Когда в начале 1919 г. от партии эсеров откололась группа меньшинства, высказавшаяся за соглашение с большевиками, ей было не только разрешено провести конференцию, но и была оказана в этом необходимая помощь (док. 115). В телеграмме В. И. Ленину, присланной комитетом уфимской организации правых эсеров от 31 октября 1919 г., сообщалось об аресте ЧК многих ее членов за принадлежность к этой партии. Ознакомившись с ее содержанием, он написал резолюцию: «Проверить у ВЧК спешно, что сделано». В начале ноября 1919 г. президиум уфимского губчека рассмотрел материалы на арестованных, и все они были освобождены, дав подписку «о невыступлении против Советской власти» (док. 255). Аналогичное решение было принято в отношении группы левых эсеров в июне 1920 г. (док. 338). Эти и другие факты свидетельствуют, что партия, В. И. Ленин считала наказуемыми не убеждения, а лишь действия против советского строя, против интересов трудящихся. Направляя деятельность ВЧК, В. И. Ленин, ЦК не только помогали ликвидировать существовавшие очаги контрреволюции, но и пресекать появление новых (док. 204, 214 и др.).

С первых дней существования ВЧК пришлось вести беспощадную борьбу с саботажем, попытками буржуазии дезорганизовать работу учреждений, задуть революцию голодом. Организаторская роль партии в сочетании с репрессиями против злостных врагов революции помогла ликвидировать саботаж как массовое явление. Большую помощь ВЧК в предупреждении заговоров, саботажа и других преступлений оказывало население страны. Везде и всюду, где дело касалось соблюдения государственных интересов, обеспечения созидательной работы трудящихся, привлекалась ВЧК, действовавшая, как явствует из документов сборника, по указаниям и директивам партии и Советского правительства, лично В. И. Ленина.

После окончания гражданской войны перестройка всей жизни на основе нэпа коснулась и ВЧК. По предложению В. И. Ленина ЦК принял решение о реформе ВЧК и сосредоточении ее на задачах политических. На заседании Политбюро 22 января 1922 г. было решено упразднить ВЧК и создать ГПУ (Государственное Политическое Управление). В докладе на IX съезде

Советов В. И. Ленин высоко оценил деятельность ВЧК. Аналогичная оценка деятельности ВЧК была дана в постановлении IX съезда Советов.

С переходом от войны к миру активизировались действия врагов революции. Новые ленинские документы 1921 г. напоминают, что после кронштадтского мятежа зрел новый контрреволюционный заговор в Петрограде (док. 422), усиливалась подрывная работа меньшевиков, которые блокировались с правыми эсерами (док. 423). Антанта засылала в Советскую Россию шпионов и диверсантов (док. 405, 439), шла борьба с бандами Махно на Украине (док. 370). Даже под прикрытием помощи голодающим Поволжья и Южного Урала враги проводили контрреволюционную работу (док. 462). Однако ЦК был создан прочный заслон против всяческих попыток врагов ослабить Советское государство.

Многие новые документы сборника свидетельствуют об огромном внимании В. И. Ленина к строжайшему соблюдению революционной законности. В записках Ф. Э. Дзержинскому, а их в сборнике свыше 20, и другим работникам ВЧК В. И. Ленин не только ставит конкретные задачи, но и требует осторожности в использовании власти. 2 ноября 1918 г. В. И. Ленин написал «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов». Эти тезисы были одобрены ЦК и легли в основу постановления «О революционной законности», принятого 8 декабря 1918 г. VI Всероссийским Чрезвычайным съездом Советов (док. 80). На имя В. И. Ленина поступали жалобы и просьбы руководителей учреждений и граждан о смягчении наказания, об освобождении арестованных родственников и сотрудников. Как показывают публикуемые документы, по всем этим заявлениям и письмам проводилась проверка и давались ответы по существу за подписью В. И. Ленина. Несмотря на занятость государственными делами, он немедленно откликался на все обращения к нему и принимал энергичные меры к ликвидации случаев нарушений советских законов (док. 255, 257, 271 и др.).

С особым вниманием В. И. Ленин требовал относиться к рабочим и крестьянам, которые по неопытности или недостаточной сознательности оказались втянутыми в антисоветские выступления (док. 169). В 1921 г. В. Л. Панюшкин и некоторые члены РКП(б), не поняв сущности нэпа, вышли из партии и пытались образовать свою «рабоче-крестьянскую партию».

янскую социалистическую партию». За взлом одной типографии в Москве с целью хищения печатного станка некоторые руководители этой группы во главе с Панюшкиным были арестованы. После беседы с В. И. Лениным Панюшкин и другие ее участники признали свои ошибки и были амнистированы (док. 441). В. И. Ленин серьезно подходил к выяснению дел, связанных с репрессиями против представителей интеллигенции, степени виновности людей и в ряде случаев добивался смягчения наказания или освобождения из-под ареста. Так, на списке бывших членов кадетской партии, арестованных Петроградской ЧК, состоявшем преимущественно из профессоров, В. И. Ленин делает пометки: «Нельзя ли де хоть домашний арест?», «Нельзя ли иные меры пресечения средств уклонения? Они не бегают ведь».

В письме ВЧК от 30 июня 1921 г. по поводу задержания двух крупных специалистов В. И. Ленин просит прислать сведения о каждом из них, когда арестован, по чьему приказу, повод ареста, кто ведет следствие, улики, заключение о возможности освобождения (док. 434). В записке Ф. Э. Дзержинскому от 17 марта 1921 г. он просит немедленно выяснить, в чем обвиняется проф. Г. О. Графтио и не представляется ли возможным его освобождение как крупного специалиста (док. 389). 18 марта Графтио был освобожден. В 1920 г. по предложению В. И. Ленина была отменена смертная казнь, но с условием, что если империалисты нарушат передышку (январь — март 1920 г.) и начнут военные действия, то смертную казнь придется вновь ввести, что и было сделано весной 1920 г. после нападения на нашу страну буржуазно-помещичьей Польши. Ряд документов свидетельствует о гуманизме В. И. Ленина, его пристальном внимании к людям и заботе о том, чтобы любая несправедливость, допущенная в отношении кого-либо, была исправлена. Это укрепляло авторитет вождя и доверие к нему и партии даже тех людей, которые были связаны со средой,

враждебной рабочему классу и трудовому крестьянству.

Многочисленные запросы В. И. Ленина в ВЧК не составляли какого-либо вмешательства в текущую деятельность ВЧК, а тем более ущемление ее прав и авторитета. Суть их заключалась в том, что он требовал глубокой и точной проверки правильности предъявленного обвинения, чтобы вынести всякий раз обоснованное решение. В одном из писем члену коллегии ВЧК, который жаловался, что хлопоты и давление заступников за арестованных мешают делу, В. И. Ленин писал: «Ходатайства и «хлопоты» можете отклонить; «давление» есть незаконное действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением ошибочно» (док. 450). В этих словах выражена забота об успешном ходе работы аппарата ВЧК и напоминание о том, что она всегда находится под наблюдением и контролем высшего органа Советской власти. Строгость В. И. Ленина к дефектам и недочетам в работе ВЧК и отдельным ее нерадивым работникам сочеталась с исключительной заботой о здоровье и быте чекистов (док. 438, 527 и др.).

Сборник имеет богатый научно-справочный аппарат: большинство документов снабжено комментариями, поясняющими их содержание, раскрывающими причинно-следственные связи между ними. Имеется указатель более 500 имен, упоминаемых в документах с краткими биографическими сведениями о них в хронологических рамках освещаемого периода, то есть до конца 1922 года.

Страницы сборника наглядно и убедительно показывают ленинское многогранное руководство ВЧК-ГПУ в действии. На живом, конкретном материале ленинских документов сборника видно, как в условиях острой классовой борьбы, жесточайшего сопротивления эксплуататоров, через тяжелые военные испытания, голод, разруху вел ленинский гений Республику Советов к победе.

В. П. Иванов, Н. В. Пулькин

Г. А. ТРУКАН. *Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти.* Изд-во «Наука». М. 1975. 303 стр. Тираж 4100. Цена 1 руб. 53 коп.

Монография доктора исторических наук заведующего сектором Института истории СССР АН СССР Г. А. Трукана посвящена

одной из ярких страниц героической летописи рабочего класса нашей страны, который первым осуществил великую миссию

освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых, сверж власть буржуазии и установил свою власть в форме Республики Советов. На большом фактическом материале в книге показано, что к выполнению своей всемирно-исторической миссии российский пролетариат был подготовлен всем предшествующим ходом развития истории. Рабочий класс — самый последовательный боец против капитализма, однако заложенная в его социальной природе революционность не проявляется автоматически. Сила пролетариата заключается в руководстве марксистской партии. Без такого руководства невозможно добиться победы над капитализмом. Созданная В. И. Лениным подлинно марксистская, последовательно революционная партия открыла новый этап в российском и международном рабочем движении. Впервые в истории передовой отряд международного пролетариата получил организацию, способную успешно руководить его борьбой. Выдающимся вкладом в революционную теорию марксизма явилось выработанное В. И. Лениным стройное учение о гегемонии пролетариата. «Гегемония рабочего класса, — писал В. И. Ленин, — есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения»¹. В наше время, когда международный рабочий класс возглавляет широкое и мощное антиимпериалистическое движение, исторический опыт борьбы российского пролетариата за победу и упрочение социалистической революции, ленинские идеи гегемонии пролетариата в революционной борьбе трудящихся масс приобретают особую актуальность. Изучение исторического опыта борьбы рабочего класса России за революционное преобразование общества на началах социализма, коммунизма вооружает международный пролетариат теорией и практикой революционной борьбы.

История рабочего класса и рабочего движения в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции посвящена обширная научная литература. Достоинством книги Г. А. Трукана является прежде всего то, что в ней обобщена эта литература, на большом фактическом материале показана ведущая роль рабочего класса в осуществлении вооруженного восстания, которое «было подготовлено и проведено с таким искусством и пониманием настроений рабоче-крестьянских и солдатских масс, что оно по праву вошло

в историю как образец революционной стратегии и тактики»². Сила пролетариата, его подготовленность к роли гегемона, подчеркивает автор, зависели прежде всего от наличия подлинно марксистской, последовательно революционной партии рабочего класса, а также в значительной мере от боеспособности всех его массовых организаций — Советов, фабзавкомов, профсоюзов, отрядов Красной гвардии. Громадный рост организованности рабочего класса, переход его массовых организаций на позиции большевиков укрепляли его политическое влияние в широких массах трудящихся, создали необходимые условия для завоевания им политической власти. Система массовых организаций, выкованная партией большевиков, сыграла важную роль в ликвидации власти капитала, став надежной опорой пролетарской государственной власти.

В книге освещен и другой важный аспект проблемы — вопрос о союзниках пролетариата. Автор показывает, что соединить революционно-демократическое движение крестьянства с социалистическим движением пролетариата можно лишь при условии гегемонии пролетариата в демократической, а затем и в социалистической революции. При этом, как правильно подчеркнуто в монографии, отношение пролетариата к различным слоям крестьянства в разных исторических условиях не оставалось неизменным: в Февральской буржуазно-демократической революции рабочий класс выступал в союзе со всем крестьянством; в Октябрьской социалистической революции — с беднейшим крестьянством.

Единство трудящихся всех наций Г. А. Трукан рассматривает как одну из основных предпосылок победы социалистической революции, а победу ее — как единственную возможность обеспечить полное национальное освобождение.

Автор освещает сложный и многообразный процесс создания на территории огромной страны небывалой в истории, народной, Советской власти, утверждение нового типа государства. Рабочий класс использовал государственную власть как мощное оружие в борьбе с эксплуататорскими классами, привлекал многомиллионные массы трудящихся города и деревни на свою сторону, тем самым обеспечивал главное политическое условие для триумфального шествия Советской власти. Во всех районах страны

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 131.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1973, стр. 79.

рабочие в союзе с беднейшим крестьянством, поднимаясь на решительную борьбу, проявляли невиданный доселе революционный энтузиазм. В этом, отмечает автор, заключался секрет того чуда, которым явилось триумфальное шествие пролетарской власти в России, где преобладало мелкобуржуазное население, многомиллионное крестьянство.

Перед взявшими власть в свои руки рабочими и крестьянами встали задачи научиться управлять страной, отстоять свои завоевания в борьбе с внутренними и внешними врагами революции, начать строительство нового общества. Успешное их решение, пишет Г. А. Трукан, обеспечивалось авангардом вставшего у власти рабочего класса — партией большевиков. Выражая интересы рабочего класса и всех трудящихся, партия осуществляла руководство всеми социалистическими преобразованиями в стране, обеспечила государственное устройство Республики Советов.

Г. А. Трукан прослеживает процесс становления нового государственного аппарата, отвечающего задачам строительства социализма. Партия большевиков выдвинула своих представителей на самые трудные участки управления государством и народным хозяйством. Фабрики и заводы направляли передовых рабочих в местные и центральные органы власти. Рабочий класс немедленно развернул работу по закреплению одержанной политической победы. «Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу,— говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б),— этот слой в России невероятно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствуем на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю невероятную тяжесть управления страной,— никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил»³. В монографии приводятся сводные данные о партийном составе центрального государственного аппарата.

Рабочий класс играл руководящую роль в Советах, профсоюзах, где проходил школу воспитания, школу хозяйствования, школу управления государством. Десятки и сотни тысяч депутатов Советов, делегатов

съездов Советов, участвуя в решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики, приобщались к управлению государством. Через Советы, которые охватывали трудящихся различных национальностей, рабочий класс осуществлял свою ведущую роль по отношению к этим массам, вел их по пути строительства социализма. Автором изучено 4689 анкет делегатов всероссийских съездов Советов — верховного органа государственной власти. Приведенные в книге сводные данные о партийности и партийном стаже, квалификации, национальности, участии в революционном движении рабочих-делегатов (стр. 190—194) значительно расширяют наше представление о политической зрелости и революционной активности рабочего класса, смело взявшего в свои руки управление государством.

Содержание монографии свидетельствует о том, что советская форма власти рабочего класса представляет собой явление непреходящее: руководящая роль рабочего класса во главе с Коммунистической партией, союз рабочего класса с другими слоями трудящихся, вовлечение трудящихся масс в управление государством, последовательное применение принципа демократического централизма, превращение пролетарского интернационализма в важный фактор государственной политики и т. д.

Г. А. Трукан собрал большой материал о защите рабочими социалистического Отечества. Составляя костяк новой, социалистической регулярной армии, они выдвинули из своих рядов талантливых полководцев и командиров. Сведения о всеобщем, развернувшимся одновременно с формированием Красной Армии, обнаруженные автором в ЦГАСА, уточняют общую численность обучавшихся и их социальный состав, показывают роль промышленных центров в подготовке боевых резервов Красной Армии. Детально рассматривает автор участие рабочих в организации Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), которую В. И. Ленин характеризовал как разящее орудие пролетариата «против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»⁴.

Обстоятельно раскрыта в книге ведущая роль рабочего класса в социалистических преобразованиях экономики, убедительно

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 145.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 327.

показано многообразие форм и методов рабочего контроля, его значение как школы практической подготовки пролетариата к управлению социалистической экономикой. Документальный материал, систематизированный Г. А. Труканом, помогает воссоздать эпопею борьбы революционного пролетариата против деревенской буржуазии. На продовольственный фронт партия бросила ударные силы революции; это были, как правило, потомственные пролетарии, наиболее сознательные и политически активные.

Рабочий класс России выступил активным творцом общественного порядка, которого ранее не знала мировая история. Под руководством ленинской партии он создал Советское государство, направил страну по пути строительства социализма. Опыт революционной борьбы и гигантской преобразующей деятельности российского рабочего класса стал достоянием международного рабочего движения.

Книга не лишена некоторых недостатков.

Так, в ней не полно раскрыта деятельность профсоюзов по руководству национализированными предприятиями; не уделено должного внимания особенностям борьбы за власть Советов в тех районах, где промышленный пролетариат был немногочислен и слабо организован; не показана роль промышленных рабочих в проведении первых социалистических преобразований в области сельского хозяйства. Не вполне удовлетворительна структура книги. Первые ее главы перегружены общеизвестным материалом; больше внимания следовало бы уделить менее изученным вопросам, например, формированию новой дисциплины труда, организации управления производством.

В целом же монография — это исследование, способствующее решению одной из важнейших задач советских историков — всестороннему освещению революционной творческой деятельности российского пролетариата.

Л. С. Гапоненко

Н. В. НАУМОВ. *Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии*. М. Изд-во «Мысль». 1975. 192 стр. Тираж 4000. Цена 78 коп.

Книга старшего научного сотрудника кафедры истории СССР советского периода Исторического факультета МГУ кандидата исторических наук Н. В. Наумова продолжает серию монографических исследований, посвященных критике буржуазной историографии Октябрьской революции¹.

Автор уделяет большое внимание генезису, эволюции, формированию современной французской буржуазной историогра-

фии Великого Октября. Он выявляет основные ее направления и концепции, вскрывает ее связь с предшествовавшими концепциями, отмечая преемственность, от которой иногда пытаются отказаться нынешние «академизированные советологи». Пример подобного отказа от «родства» приведен в книге (стр. 108—109).

К картине эволюции буржуазной историографии Великого Октября, представленной в советской литературе², Н. В. Наумов добавил еще один этап французского «рос-

¹ В. И. Салов. *Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции*. М. 1960; Б. И. Марушкин. *История и политика. Американская буржуазная историография советского общества*. М. 1969; Ю. И. Игрицкий. *Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции*. М. 1974; М. П. Жарков. *Против буржуазной фальсификации истории Октября*. Минск. 1975; Л. Ф. Малафеев. *Свет Октября и тени антикоммунизма*. Свердловск. 1975, и др. См. также указатель литературы «Против буржуазной фальсификации истории КПСС и советского общества». Л. 1974.

² 1917—1921 гг. — этап зарождения первых «мифов»; 1920—1930 гг. — становление историографических традиций; годы «холодной войны» и широкой политизации советологии; современный период, начавшийся с конца 1950-х годов. См.: И. И. Минц. *Основные этапы изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции за рубежом*. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М. 1961, стр. 3—32; Г. З. Иоффе. *Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии*. М. 1970, стр. 13—54; Ю. И. Игрицкий. *Указ. соч.*, стр. 20—75.

сведения» (конец XIX—начало XX в.), в лоне которого и зародились первые буржуазные концепции Октябрьской революции. Это позволяет автору показать со всей полнотой кризис буржуазной исторической мысли эпохи империализма, обреченность ее попыток дать свою интерпретацию социалистической революции в России и поворота всемирной истории к социализму.

При изучении эволюции французской буржуазной литературы об Октябрьской революции и ее современного состояния Н. В. Наумов выделяет три основные проблемы: предпосылки Октябрьской революции, причины ее победы, ее движущие силы и характер. Заслуживает внимания принцип отбора работ буржуазных авторов, подвергаемых критике. Исследовав широкий круг буржуазных публикаций, Н. В. Наумов с достаточным основанием выделил следующих французских исследователей истории России: Р. Порталь, И. Барель, М. Ферро, Э. Каррер д'Анкос, Ф.-К. Кокен, П. Сорлен, Ш.-О. Карбонель, — чьи книги составляют ядро современной французской буржуазной литературы об Октябрьской революции, и показал, что их работы «можно отнести к объективистскому направлению в современной буржуазной историографии» (стр. 103), или к буржуазно-либеральному течению (стр. 104). Свидетельством преобладания «объективистских», или «буржуазно-либеральных», взглядов в современной французской историографии Октября является, в частности, тот факт, что представители этого направления «занимают видное положение во многих научно-исследовательских центрах по изучению Советского Союза и социалистических стран и в крупнейших университетах Франции» (стр. 106).

В связи с этим в книге правомерно подчеркивается связь буржуазной историографии Октябрьской революции с «социально-экономическими и политическими интересами правящих кругов буржуазной Франции» (стр. 178). Аналогичные выводы сделаны советскими авторами при исследовании историографии других капиталистических стран. Следовательно, в буржуазной историографии Великого Октября отражается в форме историографических концепций стратегия буржуазии той или иной страны и по отношению к силам социализма внутри данной страны и по отношению к социалистическим странам. Так, во второй половине 1930-х годов французская

буржуазия, связанная борьбой против Народного фронта, ввела в оборот различного рода реформистские, псевдосоциалистические версии об Октябрьской революции. Эта тенденция проявилась и после второй мировой войны.

Имеет свои причины и та направленность французской буржуазной историографии, о которой говорится в книге. В стране, где, как показал в 1967 г. опрос общественного мнения, большинство граждан «считают баланс Октябрьской революции положительным»³, идеологам буржуазии приходится маневрировать, искать новые варианты антикоммунистических интерпретаций социалистической революции в России. В условиях, когда девальвируются мифы «холодной войны» и топорный антисоветизм, французская буржуазная «объективистская» историография становится «первопроходцем» в разработке более гибких и закамуфлированных версий истории Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с тем автор выделил факт наличия во французской буржуазной историографии реакционного, консервативного крыла.

В чем конкретно проявились черты современного французского «советоведения» в освещении проблем истории Великой Октябрьской социалистической революции? Н. В. Наумов показывает единичные случаи непредвзятого подхода известных буржуазных историков (Р. Порталь, И. Барель) к исследованию социально-экономической структуры России накануне 1917 г. (стр. 117). Он отмечает, что часть буржуазных авторов (Р. Арон, И. Тротиньон, Ш.-О. Карбонель) отстаивает тезис «об абсолютной экономической отсталости дореволюционной России» (стр. 114—115)⁴. Другая группа ведущих французских специалистов (М. Ферро, Э. Каррер д'Анкос и др.) строит свои концепции на положениях о некоей исключительности социально-экономической и политической структуры России накануне 1917 г. (стр. 122). Говоря о причинах победы Октябрьской революции, современные буржуазные историки, как и их предшественники, толкуют (может быть, лишь с большей степенью академиз-

³ «La révolution d'Octobre et le mouvement ouvrier européen». P. 1967, p. VII.

⁴ Этот подход характерен и для буржуазных историков других стран (см. В. И. Салов. Современная буржуазная историография трех русских революций. «Вестник» АН СССР, 1975, № 11).

ма) о вакууме власти, ошибках Временного правительства и мелкобуржуазных партий и т. п. В вопросах о движущих силах и характере Октябрьской революции, как показывает книга, французские буржуазные авторы, и прежде всего «объективисты», признавая наличие мощных революционных движений, охвативших Россию в 1917 г., изображают революционную самостоятельность масс как анархию, разделяют революционное движение на его составные части, противопоставляют их друг другу. Степень зрелости, сознательности и организованности трудящихся России, рабочего класса ими принижается, а движение масс отделяется от партии большевиков.

Опираясь на широкий круг советских исследований, Н. В. Наумов подвергает эти положения буржуазных исследователей Октября убедительной критике, суть которой сводится к следующему. Автор вскрывает классовую подоплеку позиции французской буржуазной историографии. Историки Франции (и других западных стран) в рамках теории «единого индустриального общества», «стадий экономического роста» и т. п. вынужденно признают неизбежность социальной революции в России и возможность социальных переворотов (не определяя их социально-экономический тип) в регионе слаборазвитых стран. при их вступлении в период промышленного развития (стр. 118). Естественно, что при таком подходе закономерность перехода человечества к социализму как содержание современной эпохи истории отрицается. Пуская в ход давно известные домыслы об «исключительности» структуры России, «вакууме власти», «ошибках», «анархии» и т. п., буржуазные историки, говоря словами Н. В. Наумова, «демонстрируют неизменность своих основных методологических принципов и приверженность традиционным положениям буржуазной историографии» (стр. 125).

Таким образом, рассматриваемая работа убедительно доказывает, что «объективизм» ряда видных французских специалистов по истории СССР отразил тактическую линию определенной части буржуазной историографии Октябрьской революции. Можно ожидать, что положения, выдвигаемые этими авторами, послужат оправданным пунктом для дальнейших изысканий буржуазных историков в их стремлении опровергнуть выводы марксистской исторической науки. Решающим здесь, как показано в книге, является то, что фран-

цузских историков с другими представителями буржуазной исторической мысли объединяют концепционные, теоретические, классовые позиции, отношение к социалистической революции в прошлом и настоящем.

К достоинствам книги относится также более полное в сравнении с аналогичными работами других советских историков освещение борьбы советской исторической науки против буржуазных фальсификаторов истории Октября в 1920-е годы (стр. 5, 21, 43, 73 и др.).

Имеются в работе и некоторые недочеты. Например, вне поля зрения автора, к сожалению, остались сюжеты, которые обогатили бы критический анализ буржуазной историографии Октябрьской революции. Франция была крупным центром российской эмигрантской историографии, французская же буржуазная литература об Октябре оказалась относительно «невосприимчивой» ко многим положениям историков-эмигрантов. Анализ связи эмигрантской и французской буржуазной историографии мог бы показать причины такого положения. С другой стороны, современная буржуазная историография во Франции тесно связана с реформистскими и ревизионистскими концепциями. Автор мог бы раскрыть характер, формирование этой связи, меньшевикско-троцкистские истоки многих положений современной буржуазной историографии. Не освещен в работе подробно и опыт борьбы французских историков-марксистов за исторически правдивое освещение Великой Октябрьской социалистической революции, хотя отдельные страницы книги позволяют заключить, что у Н. В. Наумова имелся для этого материал.

Необходимость рассмотрения буржуазной литературы об Октябре на фоне истории данной страны очевидна, как и трудности в решении этой задачи для неспециалиста по истории Франции. Однако можно было бы избежать таких неудачных формулировок, как «власть Народного фронта» (стр. 66) (правильнее говорить о правительстве Народного фронта), и неточностей — коммунисты вышли из правительства Франции не в 1946 г. (стр. 89), а в марте 1947 года. Укажем на не очень удачный прием полемики с буржуазными авторами. Н. В. Наумов пишет (стр. 34, 57, 79) о противоречивости высказываний буржуазных историков. Но к этому нельзя относиться формально. За противоречивостью

скрывается или своеобразие позиции, которое следует понять, или принадлежность авторов к разным поколениям, направлениям буржуазной историографии. Противоре-

чивость, как показывает опыт, требует повышенного внимания к аргументации того или иного буржуазного историка.

Н. В. Романовский

Э. М. ШАГИН. *Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917—лето 1918 гг.)*. М. МГПИ имени В. И. Ленина. 1974. 369 стр. Тираж 700. Цена 2 руб. 44 коп.

При наличии общих закономерностей ход социалистической революции в каждом районе нашей страны имел свои особенности. К числу тех районов, где пролетарская революция протекала в весьма своеобразных условиях, относится Дальний Восток. История Великого Октября на Дальнем Востоке получила освещение в работах Г. Е. Рейхберга, А. П. Шурыгина, А. И. Крушанова, Г. С. Куцего и других, однако ход социалистической революции в деревне Дальнего Востока не был предметом специального изучения.

Тема изданного в виде монографии спецкурса доцента МГПИ имени В. И. Ленина кандидата исторических наук Э. М. Шагина актуальна как в научно-теоретическом, так и в политическом отношении. Это — многоплановое исследование, основанное на обширном документальном материале. Автор изучил материалы 17 центральных и местных архивов, свыше 70 документальных и статистических сборников и более 40 газет и журналов различных политических направлений, издававшихся на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917—1918 годах.

В целом структура книги удачна и обоснованна. Во введении автор излагает методологические основы исследования, дает историографию темы, характеристику источников, определяет предмет и задачи работы. Однако анализ работ бывших активных участников описываемых событий (М. И. Губельмана, В. П. Голионко и др.) представляется недостаточным, поскольку наряду с интересным, разнообразным материалом и живыми наблюдениями в них содержатся и некоторые неточности о положении в дальневосточной деревне (о социальном расслоении крестьянства, соотношении различных его групп, национальном составе населения и т. п.)¹, которые «пере-

кочевали» на страницы отдельных научных исследований. Думается также, что автор мог бы дать более развернутый обзор буржуазной историографии исследуемой проблемы.

Э. М. Шагин обстоятельно анализирует аграрный строй в дальневосточной деревне в начале XX в. (землевладение, землепользование, систему ведения хозяйства), а также пытается определить уровень и темпы развития капитализма в деревне в районах поздней капиталистической колонизации. Он приходит к обоснованному выводу, что дальневосточная деревня по своему социальному составу была более мелкобуржуазной, чем деревня европейской России. По существу, впервые в столь широком плане автор вскрывает такую характерную особенность аграрного строя дальневосточной деревни, как наличие исключительно сложного переплетения взаимоотношений между различными категориями сельского населения: казаками и крестьянами, старжилами-стодесятиниками и новоселами, коренным населением и переселенцами. Все это дает ему возможность выяснить объективные основы, обеспечивающие участие крестьянства в борьбе за власть Советов. Он правомерно отмечает, что присущая капитализму тенденция размывания середняка «в условиях аграрной колонизации края парализовалась процессом массового воссоздания мелкого торгового земледельца и происходившим на этой основе ростом мелких и средних хозяйств» (стр. 87).

Однако нельзя признать обоснованным утверждение автора, что «в сибирской и дальневосточной деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции численно преобладавшей фигурой являлся середняк» (стр. 18). Степень социальной дифференциации в сибирской и дальневосточной деревне, по нашему мнению, была не тождественна. Об этом можно судить на основании тех выводов, к ко-

¹ В. П. Голионко. В огне борьбы. М. 1958, стр. 3, 7 и др.

торам пришли исследователи аграрных отношений в Сибири (Л. М. Горюшкин, В. Г. Тюкавкин и др.). По их подсчетам, в большинстве районов дореволюционной сибирской деревни, несмотря на большую ее мелкобуржуазность в сравнении с европейской частью страны, преобладала беднота³. Э. М. Шагин, к сожалению, не рассчитал интегральные данные, характеризующие социальное расслоение дальневосточной деревни в целом, а ограничился рассмотрением зональных данных по отдельным областям. Как нам представляется, вопросы методики социальной группировки крестьянства и принципы обработки на ее основе массовых статистических данных (всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и др.) нуждаются в дальнейшей разработке.

При анализе социально-экономического положения в забайкальской деревне в книге выявлена классовая дифференциация как среди крестьянства, так и среди казачества (стр. 84, 85, 346), однако сословные различия в последнее не раскрыты. Положение и взаимоотношения различных социальных и сословных групп в казачестве были сложными. Коренными казаками в Забайкалье считались только казаки 2-го отдела (центр — г. Акша), казаки 1-го, 3-го и 4-го отделов находились в менее привилегированных условиях, имели гораздо меньше земель. Атаманы и старшие офицеры этих отделов были, как правило, выходцами из казачьей верхушки 2-го отдела, что порождало антагонизм между «второотдельцами» и остальными казаками. Заслуживает более обстоятельного освещения вопрос о роли и влиянии Кабинета на социально-экономическое положение в забайкальской деревне.

В книге раскрываются сложные процессы развития забайкальской и дальневосточной деревни от февраля к октябрю 1917 года. Многие вопросы впервые получили здесь систематизированное, глубокое

³ По данным Л. М. Горюшкина, на Алтае беднота составляла 47—48%, середняки — 33—34%, кулаки — 19—20% (Л. М. Горюшкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск. 1972, стр. 99). В. Г. Тюкавкин относит к беднякам 40—50% крестьянских хозяйств Сибири при средних колебаниях по губерниям и отдельным категориям крестьян от 30 до 60% (В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск. 1966, стр. 175).

обоснование. Следует отметить конкретно-историческое освещение хода Февральской революции в дальневосточной деревне, возникновения Советов крестьянских депутатов и других деревенских организаций, аграрного движения, а также расстановки социально-политических сил накануне Октября. Серьезный текстологический анализ документов, а также данные массовой статистики позволили Э. М. Шагину впервые осветить основные этапы, специфические особенности и направленность аграрного движения на Дальнем Востоке в 1917 году. Обоснованным является его вывод, что вследствие меньшей остроты земельного вопроса на Дальнем Востоке общедемократическая борьба крестьянства за землю не достигла здесь столь широкого размаха, как в европейской части России. Автор вносит ряд уточнений по сравнению со своими предшественниками в анализ общих итогов выборов в Учредительное собрание, характеризующих спектр политических настроений различных слоев дальневосточного крестьянства накануне Октября.

К сожалению, антикабинетское аграрное движение после Февральской революции освещено в книге явно недостаточно. Соотношение между двумя социальными войнами в забайкальской деревне, лучшие земли которой принадлежали Кабинету, справедливо называемому крестьянами «паразитом Забайкалья», было иное, чем в собственно дальневосточных районах: здесь сильнее была выражена антифеодалная направленность классовой борьбы крестьянства.

Э. М. Шагин анализирует участие забайкальского и дальневосточного крестьянства в социалистической революции. Он убедительно показывает, что высокая принципиальность сочеталась у дальневосточных большевиков с гибкой тактикой, применением целесообразных компромиссов во имя конечных задач борьбы за установление Советской власти. В частности, большевики Дальнего Востока применили такой прием, как соглашение Советов с земствами, не использовавшийся в масштабах всей страны. Это соглашение позволило дальневосточным большевикам отколоть на время от антисоветского лагеря левых эсеров, изолировать меньшевиков и правых эсеров, обеспечить возможность трудовому крестьянству на собственном опыте убедиться в контрреволюционности последних (стр. 240—241).

Менее убедительно, чем освещение при-

чин и характера соглашения Советов с земствами, раскрывается в книге вопрос о так называемом Народном совете — эсеро-меньшевистском органе, возникшем в Чите в январе 1918 года. При оценке этого сложного явления важно учесть, помимо всего прочего, конкретную линию поведения забайкальских большевиков в самом Народном совете. Известно, что, находясь в меньшинстве в этом органе, они вели политическую борьбу против меньшевистско-эсеровского большинства и сумели в значительной мере парализовать его контрреволюционную деятельность. В частности, они сорвали попытку Народного совета разоружить Красную гвардию⁴. Эти обстоятельства остались вне поля зрения автора. По этому вопросу в книге есть известное противоречие: с одной стороны, Э. М. Шагин утверждает, что «соглашение областных съездов Забайкалья о создании Народного совета и коалиция Советов Дальнего Востока с земствами имели, по существу, один и те же объективные причины» (стр. 240), а с другой — безоговорочно считает вхождение забайкальских большевиков в Народный совет «ошибкой в деятельности местных большевиков», «заблуждением», которое «жизнь скоро опровергла» (стр. 240—241). Категоричность этого утверждения вряд ли оправдана. Более правильна точка зрения авторов коллективной работы по истории Читинской парторганизации, которые, признавая в целом вхождение большевиков в Народный совет ошибочным, в то же время подчеркивают гибкую тактику в нем большевиков и позитивную их работу по разоблачению и в известной мере пресечению контрреволюционной деятельности меньшевиков и эсеров⁵.

Автором освещен такой малоисследованный (применительно к Дальнему Востоку) вопрос, как строительство Советов в деревне в конце 1917—первой половине 1918 года. Э. М. Шагин впервые дает детальный анализ социального состава Советов и приходит к выводу, что в рассматриваемый период они были общекрестьянскими организациями. Этот вывод дискуссионен. Нам представляется, что не следует смешивать классовый состав и объективные со-

циально-классовые функции деревенских Советов. Эти аспекты в работе раскрыты недостаточно. Уже на первом этапе аграрной революции, как это видно и из материалов книги, Советы предприняли шаги в области социалистических преобразований (создание колхозов, меры по ограничению кулачества и т. п.). В целом вопрос этот требует дальнейшего конкретно-исторического изучения.

Серьезное внимание в монографии уделено первым аграрным преобразованиям Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Эта проблема фактически (за исключением отдельных работ историков Бурятии) не подвергалась специальному исследованию. Автор приводит новый документальный материал, характеризующий сложный, затяжной процесс борьбы за осуществление на Дальнем Востоке декрета «О земле» и «Основного закона о социализации земли». Рассмотрение большого фактического материала позволило Э. М. Шагину сделать обобщенный вывод: поскольку носителями феодальных пережитков в деревне Дальнего Востока являлись не помещики, а привилегированные группы крестьянского населения (верхушка казачества, кулаки-старожилы и пр.), постольку здесь уже на первом этапе аграрной революции общедемократическая борьба тесно переплеталась с борьбой социалистической, приобретая преимущественно внутрикрестьянский характер. Работа значительно расширяет диапазон наших представлений о первых шагах социалистического переустройства сельского хозяйства в дальневосточной деревне, о продовольственной политике Советской власти, о ее помощи трудовому крестьянству. Заслуживает также внимания обстоятельный анализ социальных итогов первых аграрных преобразований. Хотя автор во введении выступает против крайностей в оценке аграрной революции (с одной стороны, сведения ее к земельным преобразованиям, с другой — чересчур расширительного ее толкования, включающего все преобразования на селе), при конкретном освещении этого вопроса применительно к Дальнему Востоку свою собственную позицию он формулирует недостаточно четко. Остаются невыясненными начало первого этапа аграрной революции, социальные процессы, составляющие ее, и др. (стр. 23—24, 286—318, 326—328).

Слишком бегло освещается в работе положение дел в бурятском улусе, где про-

⁴ «Очерки истории Читинской областной организации КПСС». Иркутск — Чита. 1975, стр. 134. Э. М. Шагин ошибочно утверждает, что «Народный совет разоружил Красную гвардию» (стр. 241).

⁵ Там же, стр. 133—135.

текали в то время сложные процессы, вокруг оценки которых идет острая полемика между историками (например, оценка тактики Центросибири и ее бурятской группы по отношению к буржуазно-националистическим организациям и их аграрной политике и др.).

Книга Э. М. Шагина — заметное явление в литературе последних лет о социалистической революции в деревне. Недостатки этой книги свидетельствуют о слабой изученности многих сложных вопросов темы, особенно на материалах окраинных районов страны. К их числу относятся вопросы специфики аграрной революции в различных регионах страны (хронологические рамки этапов, соотношение буржуазно-демократических и социалистических задач,

социально-экономические сдвиги); социальное и сословное положение казачества, взаимоотношения различных групп его, сложные революционные процессы, протекавшие в казачьей станице в период установления и упрочения Советской власти; классовая сущность низовых крестьянских Советов на различных этапах революции, характер их деятельности; тактика революционно целесообразных компромиссов, применявшаяся большевиками в борьбе за привлечение крестьянства на сторону социалистической революции и др. Дальнейшее изучение всех указанных проблем требует коллективных усилий историков.

*Н. Я. Гуцин,
Б. М. Шерешевский*

«История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века». Учебник для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. М. «Высшая школа». 1975. 496 стр. Тираж 90 000. Цена 1 руб. 88 коп.

Новый учебник по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. под редакцией акад. Б. А. Рыбакова составлен коллективом московских историков, имеющих большой опыт преподавания и участвовавших в создании предшествовавших учебников. Он привлекает внимание своим оригинальным построением, богатством содержания, необычным внешним оформлением (формат, бумага, шрифты, иллюстрации). Читатель найдет в нем много новых фактических сведений, интересных обобщений и выводов.

В отличие от других учебников книга освобождена от ненужных длиннот и второстепенных деталей и содержит строго отобранный, необходимый и доступный для студентов первого года обучения минимум учебного материала. Авторы правомерно ограничили изложение концом XVIII в., поскольку это больше соответствует и учебным планам и возможностям студентов. Несомненной методической удачей авторов учебника следует считать помещение вводных и заключительных, итоговых параграфов по каждому крупному разделу, дающих глубокую и содержательную характеристику целых периодов истории, «сквозное» рассмотрение проблем в ретроспективном и перспективном разрезах.

Книга богато иллюстрирована, снабжена картами и схемами. Иллюстративный, зрительный цикл ее несет большую смысловую нагрузку, дополняет текстовую информацию, помогает студенту в усвоении учебного материала.

Авторы опираются на важнейшие методологические положения марксистско-ленинской теории, новейшие исследования советских историков и публикации источников. В книге последовательно раскрываются основные этапы истории народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в., показана закономерная смена общественно-экономических формаций, прослеживаются важнейшие процессы хозяйственного, социально-политического и культурного развития страны, формирования ее территории и многонационального населения. Авторы стремятся раскрыть глубинные процессы и явления, объясняющие особенности исторического развития нашей Родины и в то же время его связь с мировой историей.

Краткая, но достаточно емкая характеристика первобытнообщинного строя дает необходимые отправные сведения для правильного понимания последующего перехода к классовому обществу. В учебнике подчеркнуто, что только благодаря марксистско-ленинской теории формаций удалось

разобраться в сложной путанице жизни многочисленных племен и народов, развивавшихся разными темпами, и внести ясность в вопрос о зарождении государственности. Упрощенному представлению о путях перехода от бесклассового общества к классовому противопоставлен вывод о многообразии форм классовобразования (в одних случаях рабовладельческие отношения, в других — феодальные), что отнюдь не противоречит учению о смене формаций.

Центральное место в учебнике занимает всесторонний анализ многовекового процесса генезиса, становления и развития феодализма. Здесь читатели увидят новую постановку ряда вопросов или дополнительную аргументацию в отношении тех проблем, которые являются дискуссионными.

В книге хорошо обосновано положение, что крепостничество как система социальных отношений определяло все стороны жизни феодальной России. Авторы верно отмечают, что государственная система крепостного права лишь на начальном этапе и только на короткое время обеспечивала относительный подъем производительных сил и решение внешнеполитических задач. В дальнейшем же генеральная тенденция заключалась в тормозящем воздействии крепостнических методов на экономику и политику. «Система крепостного права консервировала отсталые формы общественных отношений, глушила, уродовала, искажала зарождавшиеся прогрессивные тогда буржуазные отношения, она обрекала народные массы на тяжелый труд, лишала их личной свободы» (стр. 274).

Книга позволяет составить правильное представление об удельном весе и значении новых явлений в феодальной формации на ее позднем этапе, связанных со становлением капиталистических отношений. Аргументированно освещена авторами роль феодального государства не только как активно действующей политической надстройки, обеспечивающей защиту классовых интересов феодалов, но и как крупнейшего земельного собственника, непосредственно эксплуататора черносошного крестьянства и городского тяглого населения. В этом заключалась одна из особенностей исторического развития средневековой России, и именно здесь авторы справедливо видят истоки отчетливо проявившейся в более позднее время системы «государственного феодализма» (стр. 330).

Авторы стремятся наиболее полно и широко выявить созидательную и преобразую-

щую роль народных масс, отстаивавших независимость страны, двигавших вперед ее экономическое развитие, создававших непреходящие ценности во всех сферах материальной и духовной жизни, не раз поднимавшихся на самоотверженную борьбу против угнетателей в тяжелейших условиях крепостнического гнета. Классовая борьба предстает в учебнике как главная движущая сила исторического процесса. С учетом новейших данных освещаются выступления трудящихся масс города и деревни, особенно наиболее крупные и яркие проявления социального протеста низов — крестьянские войны XVII—XVIII веков. Дискутируемый в последнее время вопрос о расколе XVII в. правильно рассматривается авторами в общем плане антифеодальной борьбы, а не только как факт собственно церковной истории. Можно согласиться также с трактовкой восстания 1707—1708 гг. как крестьянской войны, хотя и имевшей некоторые специфические особенности.

Одной из важных «сквозных» тем в учебнике является вопрос о положении и роли православной церкви. Авторы убедительно и четко выявляют место церковной организации в экономической, политической и идеологической сферах. Правильно акцентировано внимание на том, что относительно положительное значение крещения Руси было в дальнейшем, особенно с XVI—XVII вв., во много раз перекрыто резко отрицательным воздействием на общественное развитие религиозной идеологии и церкви как крупнейшего коллективного феодала-эксплуататора. В учебнике прослеживаются взаимоотношения между церковью и светской властью (дело патриарха Никона, церковная реформа Петра I), показано постепенное превращение церкви в один из важнейших институтов в системе складывающегося российского абсолютизма.

Обстоятельно характеризуется сложный комплекс вопросов, касающихся истории отдельных народов нашей страны. Учебник верно ориентирует читателя на диалектическое понимание процесса вхождения нерусских народов в состав многонационального Российского государства. Этот процесс включал в себя как политику угнетения, проводимую царизмом по отношению к иноязычным народам, так и объективно положительные последствия, связанные с вхождением в состав более развитой экономической и политической структуры. Решающим прогрессивным фактором было сближение и объединение народов, зарождение их

дружбы, интернационального братства трудящихся разных национальностей в борьбе против угнетателей.

Характеризуя духовную культуру русского и других народов нашей страны, авторы раскрывают творческий характер, глубокую идейность, патриотизм и гуманизм отечественной культуры, показывают вклад народов России в мировую культуру.

Широко используя сравнительно-исторический метод, рассматривая весь путь развития нашей Родины в плане проявления общих закономерностей истории человечества, но с учетом и специфических особенностей страны, авторы смогли успешно решить ряд важных методологических и методических вопросов. Они строго объективны в своих оценках, не приукрашивают историю России, не подтягивают ее искусственно до мировых стандартов, не замалчивают темных сторон ее прошлого. Главное для них состоит в том, чтобы убедительно объяснить причины, обусловившие специфику развития России, рассказать в этой связи о непрерывной и изнурительной борьбе с кочевниками, о пагубном влиянии длительного монголо-татарского ига, о консервативной и реакционной роли крепостничества. При этом подчеркивается, что, хотя Россия и отставала от передовых стран Европы, она двигалась по общему для всех стран и народов пути развития.

Однако наряду с несомненными достоинствами в учебнике есть и упущения. Некоторые параграфы изложены слишком торопливо. Стремление к краткости порой приводит авторов к схематизму. Между тем учебник должен не просто сообщать студенту сумму готовых истин, но и вести к серьезным размышлениям, к «разумной беседе с книгой» (К. Д. Ушинский). В этой связи следует пожалеть, что авторы отказались от историографических разделов. В ряде глав необходимые историографические отсылки и справки либо отсутствуют вовсе, либо слишком сжаты (исключение составляет лишь развернутая критика «норманской теории» на стр. 54, 60—61).

Некоторые важные положения не получили в книге достаточно полного освещения. Так, гораздо большего внимания заслуживал вопрос о причинах и особенностях процесса складывания многонационального государства. В учебнике недостаточно раскрыты основные черты и историческое значение крестьянских войн XVII века.

Досадно, что при редактировании неко-

торые оценки и выводы в разделах, написанных разными авторами, остались несогласованными. Например, на страницах 76 и 91 говорится о том, что боярство в XII в. было прогрессивной силой, выражавшей «общенародные интересы», а князья (Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский и др.) выступали инициаторами междоусобиц и феодального разлада. На страницах же 102—105 делается вывод, согласно которому князья отстаивали тенденцию к восстановлению государственно-политического единства в борьбе с олигархическими устремлениями боярства. Не согласованы отдельные хронологические даты в тексте и приложенной к учебнику хронологической таблице. Нет единообразия в транскрипции географических наименований и собственных имен.

Встречаются спорные или неточные формулировки, оговорки. Вызывает возражения характеристика восстания Савмака как выступления только рабов (стр. 34). Едва ли правильно называть сложные по своему социальному составу стрелецкие восстания конца XVII в. «бунтами» (стр. 336). Трудно согласиться с тем, что в России во второй половине XVIII в. полностью отсутствовал рынок вольнонаемного труда (стр. 374, 380), тогда как сами авторы указывают на развитие капиталистического уклада в это время (стр. 379).

Не всегда понятна композиция книги. Местами в подаче материала нарушена хронологическая и логическая связь; иногда заголовки не отвечают текстам. Например, под рубрикой «Русь в конце X — первой половине XI в.» содержится материал по истории Руси до конца княжения Владимира Мономаха (стр. 70—76); культура Руси IX—XII вв. попала в рубрику «Борьба Руси с набегами кочевников в X—XII вв.» (стр. 77—83); на странице 125 сначала говорится о распаде Золотой Орды, а после этого об установлении монголо-татарского ига над Русью; материал о русской культуре и по истории народов России XV—XVI вв. изложен после описания Крестьянской войны и интервенции начала XVII века и т. д.

В книге имеются технические погрешности и опечатки. Укажем на некоторые неверно напечатанные хронологические даты: смерть Атилы ошибочно датируется 543 г. вместо 453 г. (стр. 46); начало царствования в Грузии Баграта III — 960 г. вместо 975 г. (стр. 84); взятие Киева Романом Мсти-

славичем—1202 г. вместо 1203 г. (стр. 101); начало правления хана Кучума—1503 г. вместо 1563 г. (стр. 230); восстание Хлопка—1604 г. вместо 1603 г. (стр. 234); Земский собор, принявший решение о воссоединении Украины с Россией,—1651 г. вместо 1653 г. (стр. 335). Указанные и другие опечатки придется учитывать в ходе преподавания и при повторных переизданиях книги.

Все эти критические замечания носят рабочий характер и отнюдь не влияют на общую положительную оценку учебника. Студенты и преподаватели исторических факультетов университетов и педагогических институтов страны получили нужную, полезную учебную книгу.

Г. Д. Бурдей, Л. А. Дербов

Н. Б. ГОЛИКОВА. *Астраханское восстание 1705—1706 гг.* М. Изд-во МГУ. 1975. 327 стр. Тираж 2000. Цена 1 руб. 58 коп.

Все большее внимание историков-урбанистов привлекают в последнее время проблемы классовой борьбы в русском феодальном городе, а вместе с тем и вопросы его экономики, социальной структуры, требований и идеологии горожан. Без их исследования невозможно разрешить кардинальные проблемы феодальной формации, органической частью которой являлся средневековый город. Изданы монографии по истории городских восстаний первой половины XVII в., московских восстаний второй половины XVII века¹.

Труд доктора исторических наук профессора МГУ Н. Б. Голиковой посвящен истории последнего в России городского восстания (не считая специфического «чумного бунта» в Москве 1771 г.), происшедшего в Астрахани в 1705—1706 годах. Это крупнейшее из городских восстаний почти не привлекало внимания историков. Оно рассматривалось лишь в нескольких статьях В. И. Лебедева². В общих трудах оказался живучим традиционный взгляд на это восстание как на кратковременную вспышку недовольства стрельцов, вызванную указом о бранобритии и ношении «немецкого» платья, имевшую реакционный характер.

Для того, чтобы дать всесторонний анализ Астраханского восстания, Н. Б. Голиковой пришлось предпринять глубокие ро-

зыски архивных источников и основательно пополнить их арсенал. Особенно интересными оказались находки документов, вышедших из среды восставших, раскрывающие их полугодовую деятельность на территории Астраханского края (из 300 документов до сих пор было известно лишь 20) (стр. 5). Автору пришлось заново пересмотреть эпистолярные источники, часть которых была издана ранее, при этом были найдены ценные приложения к письмам «министров» Петра I, в которых имелись копии подлинных документов. Помимо привлечения правительственной переписки, Н. Б. Голикова широко использовала судебно-следственные дела, и, идя по ею же проторенным дорогам³, даже тут сделала открытие: так, спустя много лет после сбора материала для монографии о политическом процессе времени правления Петра I ею была обнаружена рукописная книга в 700 листов с допросами руководителей восстания (Я. Носова, Е. Зиновьева и др.) (стр. 9). Изучение делопроизводства центральных и местных учреждений, а также привлечение документов из других фондов (например, духовных ведомств) позволили Н. Б. Голиковой дать всестороннюю и детальную картину одного из крупнейших городских восстаний в России в период позднего феодализма.

В книге дан очерк географии, топографии, экономики и демографии фактически всего района Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Из очерка явствует не только экономическая, но и большая военно-политическая роль Астрахани как центра этого удаленного края. Говоря о составе

¹ В. И. Буганов. Московское восстание 1662 г. М. 1964; егo же. Московские восстания конца XVII века. М. 1969; Е. В. Чистякова. Городские восстания в первой половине XVII в. (30—40-е годы). Воронеж 1975.

² В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10 и др.

³ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М. 1957, гл. 5.

ве его населения, автор справедливо указывает следующие особенности: отсутствие пашенных крестьян, но вместе с тем наличие большого количества пришлых людей, связанных своей производственной деятельностью с городом. Среди этих так называемых сходцев было много беглых крестьян и посадских людей, кормившихся случайной работой, плававших на судах, занимавшихся мелкой торговлей и промыслом (стр. 46—47).

Отличительной особенностью городов края было большое количество в них служилых людей: до восстания это были стрельцы конных и пеших полков. Принимая для определения численности их дворов коэффициент 2,8 (стр. 49), автор насчитывает в крае 12—13 тыс. служилых людей с семьями. Поскольку «практический круг занятий стрельцов был неограниченным» (стр. 52), а злоупотребления местных властей — совершенно безнаказанными, то это создавало чреватую конфликтами обстановку, при которой в распоряжении повстанцев всегда находились хорошо организованные, вооруженные и недовольные массы. Не удивительно, что они оказались «одной из самых активных сил восстания» (стр. 61). В монографии приводится убедительный материал, свидетельствующий о том, сколь не прав был в свое время П. П. Смирнов, доказывавший, что с расселением стрелецких гарнизонов на окраины происходила «милитаризация» городов, и это якобы ставило стрельцов в положение не союзников посадских людей в классовой борьбе, а антиподов и соперников⁴.

Установив причины восстания, заключающиеся в социально-экономическом положении различных категорий городского населения, финансовой политике правительства и системе безудержного гнета и произвола местной администрации, автор подробно, шаг за шагом, раскрывает, как восстание назревало. Н. Б. Голикова впечатляюще рисует зарождение заговора, ярко представляет членов выборной старшины. Попытки старшины расширить район восстания и привлечь на свою сторону новые контингенты повстанцев напоминают методы, применявшиеся в свое время разинцами: это и составление и рассылка писем и обращений, и отправка ударных отрядов в 30—50 человек, и выработка обобщенного «Советного письма» — творчество самих астрахан-

цев. Рассмотрение данных документов и рукоприкладств под ними позволило автору не только проанализировать их содержание и классовый смысл рекомендаций, даваемых тем, кого астраханцы склоняли присоединиться к восстанию, но и сделать обоснованный вывод о многонациональности и социальной множественности восставших (гл. IV).

Документы астраханской старшинской канцелярии дали возможность автору сравнительно полно осветить исключительно важный сюжет — организацию управления и деятельность восставших с августа по декабрь 1705 г. (гл. V). В силу плохой сохранности или намеренного уничтожения материалов, освещающих подобного рода вопросы, эта тема, как правило, менее всего удается исследователям народных движений. Архив старшинской канцелярии в Астрахани позволил Н. Б. Голиковой заполнить существующую лауну. Она показала организацию власти и разносторонность деятельности старшины в наиболее острый период восстания; эта деятельность касалась внутренних вопросов хозяйственного порядка, забот о расширении района восстания, организации военных сил, снабжения, социальной политики, наконец, внешних сношений и идеологии и преследовала «в сущности, одну цель — положить предел безудержной эксплуатации и бесправию городского населения, внеэкономическому принуждению и привилегиям дворянства» (стр. 169—170). Вместе с тем автор не идеализирует систему кругового управления: она отмечает ограниченность и стихийность действий восставших, сохранение ими некоторых старых форм управления, прежних юридических норм (например, Уложения 1649 г.), отдельных налогов и учреждений. В этом Н. Б. Голикова справедливо видит «признак незрелости движения» и мучительные поиски путей к освобождению (стр. 170).

Автор подробно исследовала методы борьбы Петра I с повстанцами: окрепшее самодержавие мобилизовало против них местные силы, дворянское ополчение, привлекло на свою сторону калмыцких феодалов, донскую казачью старшину. Оно действовало и силой, и экономической блокадой, и дипломатическими мерами, все средства вплоть до клятвпреступничества казались хороши петровским военачальникам для достижения одной цели — подавления астраханского «бунта». Существенную роль в поражении восстания сыграли разногласия

⁴ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М.—Л. 1947, стр. 323.

и случаи предательства внутри восставших, что и привело в конце концов к тому, что фельдмаршалу Н. П. Шереметеву оказалось достаточным трех дней осады, чтобы повстанцы встречали его войска в городе, лежа расprostертыми на земле (стр. 295—302).

В монографии подробно освещены жестокие карательные меры, примененные правительством Петра I против восставших: систематическое и массовое преследование участников восстания и в первую очередь террор (зверские казни, ссылка на каторгу, публичные наказания, преследования беглецов, разорение семей восставших и т. д.) (стр. 306—308). Дворянское государство торжествовало победу, Петр I сравнивал ее с «лутчей викторией» текущей войны и отметил падение Астрахани салютом.

Жаль, что Н. Б. Голикова рассматривает Астраханское восстание в отрыве от других классовых битв того времени и, в частности, никак не связывает его с последовавшей вскоре третьей Крестьянской войной — восстанием под предводительством К. А. Булавина в 1707—1709 годах, охватившим не только районы Дона, но и Поволжья. Исследователь этой войны Е. П. Подъяпольская называет Астраханское восстание одним из ее предвестников. Думается, что нельзя только негативно определить отношение сложного по своему составу донского казачества к восстанию в Нижнем Поволжье. Булавин в своей программной речи 12 октября 1707 г. в Старом Боровском городке упомянул о том, что он был в Астрахани и уверенно рисовал перспективу присоединения к начавшемуся на Дону движению терчан и астраханцев⁵.

Слабая изученность такого многогранного явления, каким был раскол, не позволи-

ла автору в достаточной степени показать связь последнего с Астраханским восстанием. Как известно, во главе восставшей Астрахани стоял последовательный и твердый старовер Я. Носов, который даже перед смертью отказался принять официальную веру. Восставшие использовали такие лозунги старообрядцев, как борьба за старую веру и недоверчивое отношение к «подлинности» царя (вскоре он оказался наиболее подходящим кандидатом на центральную в эсхатологических построениях раскольников роль антихриста⁶). И хотя можно согласиться с автором, что раскол все-таки не стал знаменем астраханцев (стр. 311), тем не менее влияние раскольничьей идеологии на определенные круги горожан в начале восстания несомненно.

Как указывалось выше, Астраханское восстание было фактически последним крупным городским движением в России. Эта форма проявления классовой борьбы свойственна эпохе феодализма так же, как и крестьянские войны. В XVIII в. прекращаются и те и другие, несмотря на то, что до отмены крепостного права и вступления капитализма в свои права в России прошло еще достаточно длительное время. Думается, что для постановки такого вопроса и выяснения причин этого явления одного абзаца в такой монографии, как рецензируемая, явно недостаточно (стр. 315). Глубинные внутренние процессы, протекавшие в то время в стране в целом и в городе в частности, политика «просвещенного абсолютизма» в отношении нарождающейся буржуазии в отдельные периоды истории России XVIII в., военная реформа и расквартирование войск по стране, рассечение сословия горожан на отдельные группы, наконец, рост внутренней дифференциации в городе — все это требует дальнейшего изучения.

Е. В. Чистякова

⁵ См. Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. 1707—1709. М. 1962, стр. 30; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.-Л. 1966, стр. 176, 178—179.

⁶ Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск. 1974, стр. 6.

О. П. МОРОЗОВА. *Польский революционер-демократ Бронислав Шварце*. М. Изд-во «Наука». 1975. 288 стр. Тираж 5 200. Цена 97 коп.

Известный польский историк С. Кеневич, оценивая значение советско-польского сотрудничества в области издания документов

и материалов о восстании 1863—1864 гг. в Королевстве Польском, справедливо отмечал, что эта публикация способствовала

формированию большого коллектива исследователей истории Польши XIX в., ныне выросших в самостоятельных, плодотворно работающих научных сотрудников¹. К их числу принадлежит и автор рецензируемой книги научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР кандидат исторических наук О. П. Морозова. Ее монография подводит итог изучения автором польского национально-освободительного движения 60-х годов XIX в. и прежде всего жизни и деятельности революционера-демократа Б. Шварце (1834—1904 гг.)².

Б. Шварце — сын участника восстания 1830 г. в Королевстве Польском (затем эмигрировавшего), воспитанный в атмосфере идеологической борьбы в среде польской эмиграции и революционного движения во Франции, французский гражданин, инженер по образованию, приехал в Польшу и стал одним из героев революционного подполья начала 60-х годов прошлого века. Он был сначала организатором подпольной борьбы в Белостоке, затем одним из активных левых деятелей Центрального национального комитета, подготавливавшего восстание 1863 года. Арестованный в 1862 г., Б. Шварце мужественно перенес длительное заключение в Шлиссельбургской крепости, ссылку в Казахстан и Сибирь, принимал участие в русском революционном движении. Будучи одним из авторитетных членов «Красного креста Народной воли» в Томске, он подвергся новой пятилетней ссылке в глухое сибирское село. 30 лет, проведенные в казематах и ссылке, не сломили его духа — он остался верен своим идеалам. Вернувшись в Польшу, Б. Шварце до последних дней жизни в своих исторических и публи-

цистических работах отстаивал революционные традиции 1863 года.

Достоинством книги является широкий круг источников, использованных автором. О. П. Морозова тщательно изучила материалы польских и советских архивов, посвященные жизни и деятельности своего героя. В монографии учтены материалы архивов Казахстана и Сибири. Многие документы впервые введены в научный оборот. Обращает на себя внимание тонкость источниковедческого анализа. О. П. Морозова справедливо сочла возможным широко использовать поэтическое наследие Б. Шварце, еще не изученное специалистами, для характеристики его общественно-политических взглядов и воссоздания его жизненного пути, мыслей, чувств и настроений. Это позволило автору создать живой облик Б. Шварце, проникнуть в его духовный мир. На примере судьбы польского революционера в книге исследуются важнейшие проблемы польского национально-освободительного движения 60-х годов XIX в., показано место в нем Б. Шварце. Новое сообщает О. П. Морозова о роли Б. Шварце в белостокском подполье, о его деятельности в Центральном национальном комитете, участии в «Красном кресте Народной воли» и об истории этой организации в Томске. Большой интерес представляет анализ взглядов Б. Шварце на восстание 1863—1864 гг. и его суждений об истории Польши. Можно приветствовать расширение рамок историографии восстания 1863 г., потому что анализ трудов только профессиональных историков неминуемо сузил бы наши представления об исторических взглядах различных общественных групп и эпох. Было бы полезно более подробно изложить взгляды Б. Шварце на историю Польши, вскрыть их истоки, лежащие, очевидно, в исторических концепциях И. Лелевеля и А. Мицкевича, а также рассказать о мыслях Б. Шварце по отдельным проблемам истории Польши. В монографии упоминается статья Б. Шварце о восстании Т. Костюшки; выводы, содержащиеся в ней об этом важнейшем событии польской истории, заслуживали детального анализа.

Жизнь и деятельность Б. Шварце показаны на широком фоне истории Польши и России второй половины XIX века. Автор привлекает материалы истории Западной Европы, прежде всего Франции и Австро-Венгрии, необходимые для характеристики юности Б. Шварце и последних лет его

¹ St. Kieniewicz. Siedemnaście lat współdziałania na odcinku XIX wieku. «Przegląd Historyczny», 1974, № 4, str. 730.

² О. П. Морозова. Материалы к биографии Бронислава Шварце. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М. 1960; ее же. Польская демократия в восстании 1863 г. «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года». М. 1962; ее же. Бронислав Шварце и «Красный крест Народной воли». «Революционная Россия и революционная Польша». М. 1967; ее же. Бронислав Шварце как историк восстания 1863 г. «Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в.». М. 1971; «Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». Составители В. Давыдова и О. Морозова. М. 1961.

жизни, которые он провел в Галиции. Благодаря этому удалось глубже проанализировать позицию Б. Шварце в польском революционном движении, сравнить его взгляды с мнениями других его участников, исследовать их истоки и эволюцию. О. П. Морозова выявляет то общее, что было присуще Б. Шварце как представителю левого крыла «красных» в польском национально-освободительном движении начала 60-х годов XIX века. Вместе с тем она отмечает его индивидуальные черты. Поэтому монография дает богатый материал для размышлений о социальном портрете польского революционера второй половины XIX в., о традициях шляхетской революционности, которые могли быть восприняты или отвергнуты развивавшимся с 80-х годов XIX в. польским рабочим движением. Поучительно глубокое уважение и симпатия Б. Шварце к передовой России, его практическое участие в укреплении русско-польского революционного союза. Вместе с тем в книге указывается и на непонимание

этим революционером-демократом идей социализма.

Монография помогает шире и глубже представить историю польской политической ссылки второй половины XIX в. в России. Дружба и совместная борьба народов России и Польши за свободу не ограничиваются только именами декабристов и А. Мицкевича, М. А. Бакунина и И. Лелевеля, А. И. Герцена и С. Ворцеля и других выдающихся революционеров, деятелей науки и культуры. Чтобы показать связи польского народа с народами России, следует обратить самое пристальное внимание на польскую политическую ссылку XIX в., всесторонне проанализировать связи местного населения со ссыльными, его отношение к польским революционерам, их вклад в изучение отдельных районов России, в развитие медицинского обслуживания, культуры и искусства. Исследование О. П. Морозовой делает важный шаг в указанном направлении.

Б. С. Попков

«Новейшая история. 1939—1973 гг.». М. Изд-во «Высшая школа». 1975. 624 стр. Тираж 70 000. Цена 1 руб. 68 коп.

Редакционная коллегия и авторский коллектив рецензируемой книги¹, освещающей историю второй мировой войны и ее итоги, а также послевоенное развитие 25 стран Европы и Америки, проделали большую работу. Бесспорной заслугой редколлегии является то, что из огромного количества фактического материала авторы сумели отобрать наиболее характерный и интересный. В результате при всей сжатости изло-

жения, столь необходимой для учебника, он не страдает недостатком, присущим многим работам подобного рода,—сухостью и схематизмом. Книга читается легко. Положительным моментом является также и то, что специальные главы (2, 3, 29, 30) посвящены процессу углубления общего кризиса капитализма на его втором и третьем этапах, образованию и развитию мировой системы социализма, проблемам рабочего и коммунистического движения после второй мировой войны, характеристике послевоенных международных отношений.

В первой части первой главы учебника при рассмотрении вопроса о происхождении второй мировой войны не следовало игнорировать такую идеологическую причину, как антикоммунизм, антисоветизм, который в межвоенный период охватил «все без исключения империалистические страны»². Имеются здесь неточности и в освещении отдельных вопросов. Нельзя согласиться с утверждением, что в сентябре 1939 г. «поль-

¹ Редакционная коллегия: И. С. Галкин (главный редактор), Н. Ф. Мочульский, М. И. Орлова, В. П. Смирнов, О. С. Сороко-Цюпа, Н. Ф. Языков. Авторский коллектив: С. И. Ворошилов, И. С. Галкин, Г. А. Деборин, В. И. Ермолаев, В. П. Иерусалимский, А. С. Кан, И. А. Кирилин, В. С. Кисляков, Б. И. Коваль, Г. Н. Коломиец, А. Д. Колпаков, Ю. Н. Королев, Е. Г. Лапшев, Э. Э. Литаврина, К. Я. Михайлидис, Н. Ф. Мочульский, Л. Н. Нежинский, М. И. Орлова, Ю. Н. Панков, Э. Н. Рапп-Лантарон, Л. М. Рыбина, Н. В. Сивачев, В. П. Смирнов, Н. Д. Смирнова, О. С. Сороко-Цюпа, А. И. Строгонов, Н. Б. Тер-Акопян, Г. С. Филатов, В. Т. Фомин, В. М. Холодковский, А. А. Языкова.

² «История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 1. М. 1973, стр. 51.

ское правительство было застигнуто врасплох» (стр. 6). Вернее было бы подчеркнуть неоправданную надежду тогдашних польских правителей на помощь западных союзников, а также их попытки договориться с нацистами. Непонятной является формулировка параграфа «Завершение коренного перелома в войне. Курская битва» (стр. 18). Она может создать впечатление, что сначала произошло завершение коренного перелома в войне, а затем последовала Курская битва. Имеются и фактические неточности, например, высадка союзных войск в Италии началась 3, а не 8 сентября 1943 г. (стр. 19).

Характеризуя второй и третий этапы общего кризиса капитализма, авторы на основе марксистско-ленинской методологии с исчерпывающей убедительностью показывают решающее значение выхода социализма за рамки одного государства и превращения его в мировую систему, постоянно оказывающую огромное влияние на развитие мирового революционного процесса.

При освещении истории европейских стран, ставших на путь строительства социализма³, а также Кубинской республики — первого социалистического государства в западном полушарии, авторы вскрывают общие закономерности экономического, политического и культурного развития этих стран в результате победы в них социалистических революций и вместе с тем удачно раскрывают национальные особенности каждой страны в отдельности.

Периодизация истории мировой системы социализма (глава 3) не является бесспорной. В советской историографии еще не выработан единый подход к определению хронологических рамок этапов развития мировой системы социализма, которая начала складываться с конца 40-х — начала 50-х годов по мере того, как утверждался социалистический (народно-демократический) строй в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы и начало развиваться международное социалистическое сотрудничество, завершившееся к началу 50-х годов образованием социалистического содружества.

Более двух третей учебника отведены истории капиталистических стран Европы, Северной и Латинской Америки на втором и третьем этапах общего кризиса капитализма.

³ В учебнике не излагается история славянских социалистических государств, являющаяся, как известно, предметом изучения университетского курса «История южных и западных славян».

В этом разделе наиболее интересными являются главы по истории США, Франции, Испании и некоторые другие. Большой аналитический и фактический материал содержит глава 10 (Англия). В то же время авторы учебника мало места уделили таким важнейшим проблемам, как особенности экономического развития стран капитала в рассматриваемый период. Это тем более жаль, так как имеющееся в распоряжении студентов учебное пособие⁴ далеко от совершенства и не дает достаточно полного представления по данному вопросу. Хотелось бы, чтобы шире был раскрыт механизм развития государственно-монополистических тенденций в индустриально развитых странах капитала. Особо пристального внимания заслуживает и роль в современном капитализме наднациональных монополий. Эти левиафаны капиталистического мира, львиная доля прибыли которых принадлежит финансово-монополистической олигархии США, не только вторгаются в экономику и политику развитых капиталистических стран, но и в значительной степени взяли на себя функции метрополий, ушедших со сцены с распадом колониальных империй и являются ныне одним из оплотов неокOLONИализма.

В главе 2 слабо освещены причины кризисных потрясений начала 70-х годов, наглядно доказавших несостоятельность апологетических «теорий» незыблемости капитализма, перманентности его индустриального развития и т. п.

Большим достоинством книги, выгодно отличающим ее от вышедших ранее учебников и пособий по новейшей истории, являются историографические обзоры, завершающие главы 9 (США), 10 (Англия), 11 (Франция), 12 (Италия), 13 (ФРГ). Жаль, что такие обзоры отсутствуют в других главах.

Представляется вполне закономерным, что редколлегия сочла необходимым поместить в учебнике специальную главу (24), раскрывающую социально-экономическое и политическое развитие стран Латинской Америки после второй мировой войны. Однако глава эта чрезвычайно перегружена статистическими данными в ущерб анализу положения на континенте, обобщающим характеристикам глубинных процессов социального и политического развития латиноамериканских стран.

⁴ «Экономическая история капиталистических стран». М. 1973.

Интересна глава 29 «Международное рабочее и коммунистическое движение после второй мировой войны. Борьба народных масс за мир, демократию и социализм», которая охватывает довольно широкий круг проблем. Это и анализ положения и структуры рабочего класса и лиц наемного труда в эпоху научно-технической революции, и характеристика коммунистического движения на современном этапе, проблемы взаимоотношений между коммунистическими и социал-реформистскими партиями, профсоюзами и политическими организациями рабочего класса. Сделана также попытка показать взаимоотношения традиционных организаций рабочего класса с различными движениями общедемократического направления (сторонников мира, международного женского, студенческого движения и др.). Однако перегруженность главы разноплановым материалом снижает ее достоинства. По-видимому, лучше было бы имеющийся в этой главе материал разбить на две главы или по крайней мере на два раздела.

Недостатком главы 29 является также отсутствие в ее историографической части критического анализа апологетической литературы о современном рабочем движении. Критика буржуазных концепций интеграции рабочего класса в капиталистическую систему, «социального партнерства», различных теорий «стратификации», «моделирования социализма» и тому подобных «изобретений» буржуазной и реформистской литературы, несомненно, обогатила бы и главу и учебник в целом.

При подготовке повторного издания необходимо обратить внимание и на следующие обстоятельства. В главе 11 (Франция) следовало бы подчеркнуть (стр. 307) значение инициативы де Голля в нормализации отношений с СССР, его понимания необходимости перехода к политике разрядки по отношению к социалистическим странам. В

главе 12 (стр. 348—349) надо бы дать более глубокую характеристику социальных корней итальянского неофашизма, шире показать борьбу против него коммунистов и других демократических сил. В главе 13 скороговоркой дано описание причин возникновения «экономического чуда» в 50-е годы в ФРГ. А между тем в литературе есть достаточно глубокий анализ экономических, политических и социальных рычагов этого явления, так раздуваемого западно-германской историографией. Здесь же (стр. 360) речь идет только о потоке иностранных капиталовложений. Не совсем оправданно объединение в одну главу (20) изложения истории четырех стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии и Швеции). При всем сходстве экономической и политической ситуации между ними существуют и различия. В главе 22 (Португалия) наряду с анализом положения в стране в период фашистской диктатуры важно было бы полнее осветить революционный процесс, приведший 25 апреля 1974 г. к свержению фашистского режима. В главе 27 (Чили) следовало уделить больше внимания деятельности правительства «Народного единства» за счет сокращения материала §§ 1 и 2.

Учебник не лишен и некоторых стилистических, редакционных погрешностей. В нем есть отдельные хронологические неточности. Не всегда продумана терминология (например, что значит «технологический характер» безработицы, стр. 72).

В целом же выход учебника в свет — несомненный шаг вперед в оснащении учебного процесса в вузах новейшими итогами исторических исследований. Новый учебник выгодно отличается от имеющейся литературы подобного профиля не только расширением хронологических рамок, но и высоким научно-теоретическим уровнем.

*А. К. Мартыненко,
А. Ф. Трубайчук*

В. В. ЖУРКИН. *США и международно-политические кризисы*. М. Изд-во «Наука». 1975. 326 стр. Тираж 6 400. Цена 1 руб. 14 коп.

Советские исследователи опубликовали значительное количество работ, посвященных анализу послевоенной внешней политики и дипломатии США. В них рассмотрены военно-стратегические и внешнеполитиче-

ские концепции и доктрины, провозглашенные правящими кругами США в период проведения ими политики «с позиции силы». Однако некоторые существенные теоретические вопросы, относящиеся к этой

проблематике, пока еще разработаны недостаточно. Это можно сказать, в частности, о комплексном анализе подхода США к решению международных военно-политических кризисных ситуаций. Автор рецензируемой монографии заместитель директора Института США и Канады АН СССР доктор исторических наук В. В. Журкин поставил перед собой цель исследовать этот вопрос, рассмотреть эволюцию основных внешнеполитических доктрин и механизм «кризисного управления», показать общий процесс моделирования кризисных ситуаций, проанализировать факторы, обусловившие сдвиги во внешней политике США, происшедшие за последние годы.

Работа его многопланова. По замыслу и исполнению она оригинальна, написана на широком круге источников. Внимание автора сосредоточено на неразработанных вопросах, к решению которых он подходит творчески. Выдвинутые им положения аргументируются убедительно и всесторонне, на высоком теоретическом уровне. Изложение политическое остро и целенаправленно. Разбирая международные кризисные ситуации, В. В. Журкин прослеживает их особенности. Не один раз мир по вине США оказывался на грани термоядерной войны. Автор рассматривает основное содержание международных конфликтов и кризисов, взятых в общем плане, те обстоятельства, которые определяют их глубину, остроту и продолжительность (стр. 13—14, 16—17), показывает ответственность США за создание международной напряженности.

В годы президентства Г. Трумэна официальные лица США считали, что при наличии атомной монополии они располагают «уникальной позицией силы»¹. Государственный секретарь Дж. Бирнс призывал противопоставить Советскому Союзу «железный кулак и жесткий язык»². Уверовав в собственное могущество, США открыто заявили о своем стремлении занять доминирующее положение в мире. Эти идеи нашли отражение в соответствующих внешнеполитических доктринах США: «сдерживания коммунизма», «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла» (стр. 24). Однако в 1949 г. атомной монополии США пришел конец: СССР овладел ядерным оружием, а затем и средствами

его доставки. Вскоре после этого Советский Союз создал и испытал водородную бомбу. Это вызвало растерянность в Вашингтоне. Президентство Д. Эйзенхауэра ознаменовалось провозглашением в январе 1954 г. стратегии «массированного возмездия». Но жизнь показала несостоятельность и этой военно-политической доктрины. Запуск в октябре 1957 г. первого советского спутника и неудачи стратегии «массированного возмездия» в применении к международно-политическим кризисам в 50-х годах на Дальнем и Ближнем Востоке вызвали острую ее критику со стороны ряда американских генералов и членов конгресса. Следствием этого явилось провозглашение президентом Дж. Кеннеди стратегии «гибкого реагирования», которая привела к расширению вооруженных сил обычного назначения и породила целую серию опасных международно-политических кризисных ситуаций, поставив США в трудные условия. Для многих американских руководителей становилась все более очевидной несостоятельность политики «с позиции силы».

Детально прослеживая эволюцию военно-политических доктрин и глубоко вскрывая ее причины, В. В. Журкин устанавливает непосредственную связь этого процесса с изменениями, происходившими в методах и принципах «кризисной политики». Он подчеркивает взаимообусловленность этих процессов, в основе которых лежало, с одной стороны, стремление Вашингтона применить силу в кризисных ситуациях для достижения своих внешнеполитических целей, а с другой — опасения по поводу необратимых изменений в глобальном соотношении сил, которое явно было не в пользу США. Большой интерес в этой связи представляют разделы, посвященные использованию науки при выработке «кризисной политики».

Автор показывает, какую роль сыграли американские исследователи международных отношений в формировании внешнеполитического курса США. Они создали значительную литературу по моделированию сложных международных процессов, кризисных ситуаций и изысканию путей их урегулирования в интересах США. К этому были привлечены многие научные центры. В большинстве случаев по заданию военного ведомства они на основе теории игр и с помощью широкого применения ЭВМ занимались построением всевозможных моделей кризисных ситуаций для того, чтобы определить оптимальные формы осуществления внешней политики США. В. В. Журкин

¹ S. Brown. The Faces of Power. Constancy and Change in the United States Foreign Policy from Truman to Johnson. N. Y. 1968, p. 34.

² H. G. Truman. Memoirs: Year of Decisions. Vol. I. N. Y. 1955, p. 552.

изучил обширную литературу, исследовал множество моделей, подверг их научному анализу. Он конкретно описывает, как разрабатывались модели международных кризисов в разных районах мира: в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Европе. Только за четыре года (1962—1966 гг.), указывает автор, было создано около 300 моделей (стр. 77). В их разработке активное участие принимали корпорация «РЭНД», научные центры многих университетов, видные ученые-международники. К их рекомендации прислушивались в военном и внешнеполитическом ведомстве. Труды этих ученых пользовались популярностью и оказывали определенное воздействие на формирование общественного мнения в США. Между тем применение этих теорий на практике обнаружило их несостоятельность. Главным методологическим пороком этих исследований и разрабатываемых ими моделей был уход от конкретного социального анализа; международная система рассматривалась в них как совокупность формальных элементов, отличающихся друг от друга только количественными параметрами. Автор отмечает, что сами по себе эти приемы анализа могут представлять дополнительный аппарат исследования. Однако главное заключается в том, каким образом и ради чего эти методы используются, а это определяется классовой и политической позицией ученого.

Развитие международных событий, реальная жизнь обнаруживали несостоятельность многих концепций и моделей кризисных ситуаций. Кризисы начала 70-х годов — в Индокитае, на Ближнем Востоке и в Южной Азии делали все более очевидным, что американские политики не учитывали серьезных изменений в соотношении мировых сил, сильно сократившиеся возможности осуществления Соединенными Штатами их экспансионистского внешнеполитического курса. Прежде всего Советский Союз превратился в сильнейшую в военном и экономическом отношении державу. Вырос авторитет социалистических стран. Существенные сдвиги произошли в самих США, в настроении масс. Все громче стали слышны голоса о сокращении военных расходов, о приоритете внутренних проблем перед международными. Ширилось антивоенное движение. В Капитолии начали раздаваться призывы: «Давайте сначала решим наши собственные проблемы». Известный политический деятель и дипломат А. Гарриман сделал характерное признание, что США

«были невероятно агрессивны». Банкир Л. Ландборг заметил: стремление США «влезть в каждый конфликт повсюду не может не вызывать возмущения» (стр. 214). Среди американских исследователей и политиков наступил болезненный процесс «переоценки ценностей», пересмотра традиционных представлений о «национальных интересах», «национальной безопасности» и «национальной мощи» США. В ходе дискуссий по вопросам внешней политики определился целый спектр различных мнений, оценок, воззрений, развернулась острая борьба вокруг внешнеполитического курса США в международных кризисных ситуациях. Выдвигались требования разобраться в происшедших в мире изменениях, выяснить, почему события развиваются не в пользу Вашингтона. Некоторые политики настаивали на более решительных поисках путей оздоровления международной обстановки, нормализации отношений между США и СССР, склоняясь к признанию принципов мирного сосуществования как наиболее конструктивного пути развития отношений между государствами с различным социальным строем. Ф. Нил заявил: «Наша внешняя политика должна основываться на идее сосуществования»³.

Вступив в Белый дом, Р. Никсон заявил о готовности отойти от политики «с позиции силы» в отношении СССР и других стран социализма и принять участие в выработке мер в целях предотвращения ядерной войны. Приезд главы американского правительства в Москву в 1972 г. завершился подписанием документа о признании принципов мирного сосуществования в отношениях между США и СССР. В. В. Журкин подробно анализирует внешние и внутриполитические факторы, побудившие Вашингтон перейти от «холодной войны» к переговорам, проведению встреч на высшем уровне, заключению ряда важных соглашений, способствовавших укреплению международной безопасности, урегулированию конфликтов и кризисов, ускорению подготовки совещания по безопасности и сотрудничеству и обеспечению мирного будущего Европы.

Выводы, сделанные автором, имеют не только научное, но и практическое значение. Они касаются столкновения интересов различных группировок внутри правящего класса и в академических кругах США по вопросам внешней политики, мирного сосу-

³ «American Militarism 1970». N. Y. 1969, p. 42.

ществования, подхода к решению международных конфликтов и международно-политических кризисов. Эта внутренняя борьба, как справедливо подчеркивается в работе, породила зигзаги, колебания и отступления Вашингтона от прежнего внешнеполитического курса. Особенно острая борьба шла и продолжает идти между апологетами «холодной войны» и сторонниками разрядки. В центре ее находятся вопросы нормализации и улучшения советско-американских отношений.

В монографии имеются некоторые недочеты. К их числу следует отнести неравнозначность глав. Наибольший научный интерес представляют те разделы, в которых разбираются различные модели кризисных ситуаций и вскрывается методологическая несостоятельность американских специалистов-международников. Желательно дальнейшее

изучение отдельных вопросов, рассматриваемых в монографии, в частности, эволюции буржуазных теорий международных отношений и концепций внешней политики США, поиска путей и методов оптимального приспособления внешней политики США к изменяющейся обстановке в мире, противоречивость внешнеполитических доктрин Вашингтона, связанная с несовпадением интересов различных групп внутри правящей верхушки США и банкротством политики «с позиции силы».

В целом же книга В. В. Журкина не только расширяет наши представления о послевоенной внешней политике и дипломатии США, но и открывает новое направление в советской американистике, серьезно обогащая теорию международных отношений.

Г. Н. Севостьянов

НОВЫЕ КНИГИ

Ленициана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем 1956—1967 гг. Т. III: Литература о жизни и деятельности В. И. Ленина. Ч. 2: Октябрь 1917 — январь 1924 г. М. «Книга». 1976. 567 стр. (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина). 10 000 экз. 2 руб. 20 коп.

История СССР

Агафонов С. Л. *Нижегородский Кремль*. Архитектура, история, реставрация. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1976. 136 стр. с илл. 30 000 экз. 73 коп.

Адамия В. И. *Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870—1900 гг.)* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1976. 274 стр. 1000 экз. 1 руб. 63 коп.

Алещенко Н. М. *Московский Совет в 1917—1941 гг.* М. «Наука». 1976. 591 стр. с илл. 2850 экз. 2 руб. 92 коп.

Апололова Н. Г. *Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в.* М. «Наука». 1976. 371 стр. 1150 экз. 1 руб. 82 коп.

Археологический ежегодник за 1975 год. М. «Наука». 1976. 375 стр. 2400 экз. 2 руб. 46 коп.

Археологический сборник. Вып. 17. Л. «Аврора». 1976. 136 стр. с илл. 1500 экз. 1 руб. 5 коп.

Астащенко П. Т. *Дерзкие старты*. Об авиаконструкторе, дважды Герое Социалистического Труда С. А. Лавочкине. М. Политиздат. 1976. 109 стр. с илл. (Серия

«Герои Советской Родины»). 200 000 экз. 16 коп.

Бекузаров Х. Х. *Свободы луч, игравший на штыках*. Революционное движение в войсковых частях на Тереке в 1905—1907 гг. Орджоникидзе. «Ир». 1976. 151 стр. 1000 экз. 30 коп.

Буганов В. И. *Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.* М. «Наука». 1976. 223 стр. (Серия «История нашей Родины»). 35 000 экз. 81 коп.

Вловин А. И., Дробижев В. З. *Рост рабочего класса СССР, 1917—1940 гг.* М. «Мысль». 1976. 264 стр. 7000 экз. 1 руб. 36 коп.

Виноградов И. И. *Политотделы МТС и совхозов в годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.)*. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 128 стр. 1285 экз. 62 коп.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1975 год. Сост. И. А. Кирилин, В. А. Калякина, Н. Ф. Потапова. М. «Международные отношения». 1976. 208 стр. 15 000 экз. 75 коп.

Вопросы научного атеизма. Вып. 20: Актуальные проблемы истории атеизма и религии. М. «Мысль». 1976. 327 стр. 19 200 экз. 1 руб. 36 коп.

Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. Ред. и предисл. С. В. Житомирской. М. «Книга». 1976. 621 стр. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей). 3000 экз. 2 руб. 50 коп.

Вылцан М. А. *Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945—1958*. М. «Мысль». 1976. 263 стр. 4000 экз. 1 руб. 40 коп.

Высоцкий С. А. *Средневековые надписи Софии Киевской*. По материалам граффити XI—XVII вв. Киев. «Наукова думка». 1976. 455 стр. с илл. 3600 экз. 3 руб. 39 коп.

Герасименко А. А. *Во главе трудового коллектива*. Днепропетровск. «Проминь». 1976. 127 стр. (Серия «Из опыта партийной работы. Организационная работа»). 5000 экз. 14 коп.— Очерк о партийной организации завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе.

Григорович Д., Денисенко П., Немятыи В. *Коммунистическое подполье на Украине в годы Великой Отечественной войны*. Киев. Политиздат Украины. 1976. 223 стр. 24 000 экз. 50 коп.

Грушевой К. С. *Тогда, в сорок первом...* Пер. с укр., доп. и испр. М. «Известия». 1976. 333 стр. с илл. 100 000 экз. 85 коп.— О работе Днепропетровского обкома партии в предвоенные годы и в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны.

Ефимов А. Н. *Над полем боя*. М. Воениздат. 1976. 317 стр. с илл. (Серия «Военные мемуары»). 100 000 экз. 83 коп.

Жиганов М. Ф. *Память веков*. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1976. 135 стр. с илл. 4000 экз. 74 коп.

Историография крестьянства Советской Сибири. Новосибирск. «Наука», Сибирское отделение. 1976. 477 стр. 1650 экз. 1 руб. 96 коп.

История городов и сел Украинской ССР. В 26-ти т. Донецкая область. Киев. Главная редакция Украинской советской энциклопедии. 1976. 811 стр. с илл. 15 000 экз. 4 руб. 60 коп.

История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент. «Фан». 1976. 316 стр. 2000 экз. 2 руб. 49 коп.

Касьяненко В. И. *Развитой социализм: историография и методология проблемы*. М. «Мысль». 1976. 170 стр. 7000 экз. 1 руб. 40 коп.

Кашлев Ю. *После 14 000 войн*. О внешней политике СССР, проблемах мирного сосуществования и борьбы идеологий на современном этапе. М. «Молодая гвардия». 1976. 191 стр. 50 000 экз. 36 коп.

Колосков П. В. *Ленинские места на Карельском перешейке*. Изд. 2-е, испр. и доп. Л. Лениздат. 1976. 119 стр. с илл. 50 000 экз. 44 коп.

Кузьмин С. И. *Бесценное ленинское наследие*. Поиски и находки. М. Политиздат. 1976. 191 стр. 50 000 экз. 63 коп.

Купреева А. П. *Возрождение народного хозяйства Белоруссии*. Минск. «Наука и техника». 1976. 223 стр. 2650 экз. 81 коп.

Латыпов Р. Г. *Не ради славы*. Воспоминания. Уфа. Башкиргоиздат. 1976. 176 стр. 5000 экз. 34 коп.

Лейберов И. П. *Цебельдинская находка*. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М. Полит-

издат. 1976. 224 стр. с илл. 100 000 экз. 59 коп.

Лукашин В. И. *Против общего врага*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Предисл. А. Новикова, А. Голубова. М. Воениздат. 1976. 192 стр. с илл. 75 000 экз. 60 коп.— Исторический очерк о советских и французских летчиках, сражавшихся на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны.

Людвинская Т. Ф. *Нас ленинская партия вела...* Воспоминания. М. Политиздат. 1976. 199 стр. с илл. 100 000 экз. 47 коп.

Мачабели К. *Позднеантичная торговля Грузии*. По материалам торговли первых веков нашей эры. Тбилиси. «Мецниереба». 1976. 167 стр. с илл. 1600 экз. 1 руб. 80 коп.

Назаров В. *От Курской дуги до Курляндии*. М. «Советская Россия». 1976. 205 стр. 50 000 экз. 38 коп.— О боевом пути 2-го гвардейского Ташинского танкового корпуса и 30-й гвардейской стрелковой дивизии.

Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 3. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 136 стр. 1420 экз. 1 руб. 12 коп.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Изд. 2-е. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г.—ноябрь 1945 г.). М. Политиздат. 1976. 472 стр. 200 000 экз. 85 коп. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г.—декабрь 1945 г.). 328 стр. 200 000 экз. 68 коп.

Пидопличко И. Г. *Межиречские жилища из костей мамонта*. Киев. «Наукова думка». 1976. 239 стр. с илл. 1000 экз. 1 руб. 98 коп.

Ресков Б., Седов Г. *Усман Юсупов*. М. «Молодая гвардия». 1976. 256 стр. с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографии. Вып. 7(560)). 65 000 экз. 70 коп.

Ростунов И. И. *Русский фронт первой мировой войны*. М. «Наука». 1976. 387 стр. 10 600 экз. 1 руб. 95 коп.

Рошаль М. Г. *Семен Рошаль*. Научн. ред. и предисл. акад. И. И. Минца. Кишинев. «Карта молдовенякэ». 1976. 235 стр. с илл. 8000 экз. 41 коп.

Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. В 2-х т. Т. 1: 1742—1762 гг. Сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе. «Ир». 1976. 512 стр. 1000 экз. 1 руб. 34 коп.

Сергеева Г. Г. *Белорусская ССР в советско-болгарском сотрудничестве (1960—1975 гг.)*. Минск. «Наука и техника». 1976. 207 стр. 1350 экз. 1 руб. 1 коп.

Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М. «Наука». 1976. 224 стр. 10 600 экз. 1 руб. 15 коп.

Судьбы, связанные с Омском. Сборник очерков. Сост. И. Ф. Петров. Новосибирск. Западно-Сибирское книжное изд-во, Омское отделение. 1976. 254 стр. с илл. 10 000 экз. 50 коп.

Сытник М. К. *Коллективизация сельского хозяйства и формирование класса*

колхозного крестьянства в Молдавии. Кишинев. «Штиинца». 1976. 355 стр. 1140 экз. 2 руб. 85 коп.

Черняк В. А. *Научный прогресс и религия*. Алма-Ата. «Наука». КазССР. 1976. 215 стр. 1500 экз. 1 руб. 46 коп.

Яковлев В. П., Устюжанин Г. П. *Генерал Кравченко*. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1976. 126 стр. с илл. (Серия «Южноуральцы — Герои Советского Союза»). 15 000 экз. 21 коп.

Всеобщая история

Андреев Ю. В. *Раннегреческий полис*. Гомеровский период. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 142 стр. 5400 экз. 74 коп.

Антисоветизм на службе империализма. О некоторых разновидностях современного антисоветизма. М. «Мысль». 1976. 263 стр. 20 000 экз. 1 руб. 5 коп.— Работа подготовлена коллективом советских, чехословацких и болгарских ученых.

Бабеф Г. *Сочинения*. В 4-х т. Т. 2. М. «Наука». 1976. 527 стр. с илл. 34 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Волгин В. П. *Очерки истории социалистических идей (первая половина XIX в.)*. М. «Наука». 1976. 419 стр. 7150 экз. 2 руб. 12 коп.

Григулевич И. Р. *Инквизиция*. Изд. 2-е, испр. М. Политиздат. 1976. 463 стр. с илл. (Серия «Библиотека атеистической литературы»). 100 000 экз. 1 руб. 16 коп.

Громека В. И. *Научно-техническая революция и современный капитализм*. М. Политиздат. 1976. 278 стр. 18 000 экз. 1 руб.

Гуляев В. И. *По следам конкистадоров*. М. «Наука». 1976. 160 стр. с илл. (Научно-популярная серия). 50 000 экз. 30 коп.

Кривогуз И. М. *Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г.* М. «Мысль». 1976. 364 стр. 4000 экз. 1 руб. 68 коп.

Критика буржуазных теорий национализма и расизма. М. «Мысль». 1976. 287 стр. (Серия «Современный капитализм и идеологическая борьба»). 12 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Ланда Р. Г. *Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830—1918)*. М. «Наука». 1976. 307 стр. 1750 экз. 2 руб.

Новая история. Второй период. Под ред. Е. Е. Юровской, И. М. Кривогуза. М. «Выс-

шая школа». 1976. 542 стр. 50 000 экз. 1 руб. 81 коп.

Оганесян Н. О. *Национально-освободительное движение в Ираке. 1917—1958 гг.* Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1976. 394 стр. 1000 экз. 1 руб. 59 коп.

Осинский И. Н. *Газета «Нойес Дойчланд» в борьбе за социалистические преобразования в ГДР*. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1976. 96 стр. 1000 экз. 55 коп.

Савельев В. А. *США: сенат и политика*. М. «Мысль». 1976. 196 стр. 18 000 экз. 70 коп.

Современная Австралия. Справочник. М. «Наука». 1976. 448 стр. 15 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Степанова О. 4 июля 1776 г. М. «Молодая гвардия». 1976. 190 стр. с илл. 100 000 экз. 43 коп.— Исторический очерк к 200-летию возникновения США.

Утченко С. Л. *Юлий Цезарь*. М. «Мысль». 1976. 365 стр. 100 000 экз. 1 руб. 34 коп.

Этнические процессы в странах Южной Азии. Коллектив авторов. М. «Наука». 1976. 296 стр. 1650 экз. 2 руб. 14 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Бауэрман Р., Речер Г.-И. *Ленинизм и классовая борьба*. Критика современных концепций антиленинизма. Пер. с нем. М. «Прогресс». 1976. 223 стр. (Серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма»). 40 000 экз. 44 коп.

Корню О. *Карл Маркс и Фридрих Энгельс*. Жизнь и деятельность. 2-е, доп. изд. Пер. с франц. Т. 1: 1818—1844. М. «Прогресс». 1976. 591 стр. 40 000 экз. 3 руб. 59 коп.

Ленс С. *Бедность: неискоренимый парадокс Америки*. Пер. с англ. Вступит. статья Р. Ф. Иванова. М. «Прогресс». 1976. 432 стр. 21 000 экз. 1 руб. 22 коп.

Павляк С. *Политика США по отношению к Китаю. 1941—1955*. Пер. с польского. М. «Прогресс». 1976. 384 стр. 25 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Штерн Х., Вольф Д. *Великое наследие*. Исторический репортаж о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Пер. с нем. М. Политиздат. 1976. 206 стр. 40 000 экз. 47 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Новая и новейшая история» № 4, 1976.

Л. Н. Нежинский. XXV съезд КПСС и дальнейшее сплочение стран социалистического содружества; А. Л. Нарочницкий. Великие державы и Сербия в 1914 г.; Н. И. Смоленский. К вопросу о природе исторических понятий; Н. В. Ефи-

мов. Революция 1910 г. в Португалии; Р. А. Ульяновский. О некоторых вопросах марксистско-ленинской теории революционного процесса; В. В. Кобелев. Хо Ши Мин — великий сын Вьетнама; Н. А. Паклин. Крах диктатуры Антонеску; Ф. Сергеев. Операция «Восход солнца»;

А. Н. Чистозвонов. Крестные отцы Нидерландской Ост-Индской компании; **В** Влияние революции 1905—1907 гг. в России на Турцию, Иран и Китай (публикация подготовили А. С. Чернецов, В. Н. Гудева); А. И. Патрушев. «Социальная история» в буржуазной историографии ФРГ.

«Советская археология» № 3, 1976. XXV съезд КПСС и задачи советской археологической науки; А. Е. Матюхин. Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий; Л. А. Новикова Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы; Б. Б. Агеев. К хронологии могильника Чеганда II; Е. Е. Кузьмина. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе; Н. А. Онайко. О воздействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль (к постановке вопроса); И. Б. Брашинский. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары; Н. А. Фролова. Медные монеты Котиса I как исторический источник; А. А. Масленников. Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов; К. В. Каспарова. О верхней хронологической границе зарубицкой культуры Припятского Полесья; Е. А. Халикова Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья; В. Л. Янин. Еще раз об «Уставе князя Ярослава о мостех»; Т. И. Макарова. Патронализные энколпионы с перегородчатой эмалью; М. Н. Кляпчук Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане. **П. Н. Третьяков.** Городище Осyno; А. Л. Пикитин. Неолитическое поселение Берендеево; Н. М. Ермолаева. Остатки млекопитающих с древнего городища Осyno; В. С. Горбунов, Р. Б. Исмагилов. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии; И. Р. Пичикян. Алтарь Пасида в Херсонесе; А. П. Рунчик. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из кисловодской котловины; К. И. Красильников. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры; С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко. Волоконовский древнеболгарский могильник.

«Советское славяноведение» № 4, 1976. Л. С. Ягодовский. Некоторые аспекты опыта социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы **В** В. П. Чорний. Апрельское восстание в Болгарии 1876 года; В. П. Чугаев. Деятельность «Красной помощи в Польше» в 1924—1938 годах; Т. Ф. Маковецкая. Политическая борьба в болгарском парламенте вокруг законопроекта БЗНС об аграрной реформе; Е. П. Науомов. Свидетельства сербских летописей в составе русского хронографа. (К истории русско-сербских культурных связей XV в.); Николай Тодоров. Славянские культуры и Балканы.

«Вестник древней истории» № 3, 1976. Памяти Сергея Львовича Утченко; И. А. Стучевский. Аменхотеп — первый жрец Амона-Ра, царя богов, — слуга фараона;

А. Г. Лундин. Катабанская сакральная надпись RES 311; В. И. Исаяева. Проблема патронизации у Исократы. (Вопросы внутренней организации полиса); Т. Н. Высокская. Культы и обряды поздних скифов; А. И. Немировский. Этруски в греческой литературе и историографии; Е. Г. Рабинович. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры; Дж. М. Шарашенидзе. Клинописная табличка эпохи III династии Ура. (Документ о скупке импортных благоволий на жертвы при III династии Ура); Э. И. Соломоник. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса; Г. А. Цветаева. Кубок Мосхона; Дж. А. Халилов. Серебряное блюдо с позолотой из древней Шемахи; С. М. Кашкай. О металле аппасу (m) приурмийских областей; М. Е. Сергеенко. Замерки к Катону; Л. А. Фрейберг. «Моралии Плутарха»; Плутарх. Моралии. Римские вопросы, (Перевод и комментарии Н. В. Брагинской).

«Исторические записки» Института истории СССР Академии наук СССР. Т. 96, 1975. К 150-летию восстания декабристов. **М. В. Нечкина.** 150-летний юбилей восстания декабристов; **О. В. Орлик.** Европейская общественность и восстание декабристов; **Н. В. Минаева.** К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции; **Ю. И. Герасимова.** Восстание 14 декабря 1825 года и современники. (По записным книжкам А. И. Сулакадзева); **В. Г. Вержбицкий.** Патриотизм декабристов; **А. Б. Шешин.** Декабристское общество в гвардейском морском экипаже; **А. В. Семенов.** Южные декабристы и П. Д. Киселев; **И. С. Достяна.** Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля; **Н. А. Рабкина.** Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации; **С. В. Мироненко.** Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина; **С. Л. Мухина.** Безвестные декабристы (П. Д. Червин, С. Д. Нечаев); **Н. Я. Эйделман.** К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола; **В. М. Тарасова.** Новое о декабристе Николае Тургеневе; **С. С. Ланда.** Г. В. Плеханов в работе над историей движения декабристов; **А. Н. Цамутали.** Идеи декабристов и русская историография XIX в.; **С. Н. Романова.** Д. И. Завалишин и Мануэль Кальдерон де ла Барка. (К вопросу о революционных связях декабристов. По материалам III отделения); **Е. Н. Мачульский.** Новые данные о биографии декабриста М. П. Бестужева-Рюмина; **М. И. Воронин.** Из неопубликованных «Мемуаров Антона Штукенберга». (Встречи с декабристами в Сибири); **А. В. Семенов.** Николай I и П. И. Пестель (письмо В. И. Пестеля о разговоре с Николаем I); **И. Ф. Иовва.** А. С. Пушкин и дело Владимира Раевского; **Г. А. Невелев.** Взаимосвязь издания «Истории декабристов» в 1906—1907 гг.

«Преподование истории в школе» № 5, 1976. В. Т. Петров. XXV съезд КПСС и школа; В. П. Шерстобитов. Культур-

но-идеологические условия дальнейшего сплочения советского общества; В. В. Каргалов. 700-летие Московского княжества.

«Украинский исторический журнал» № 8, 1976. И. П. Кожукало. Дальнейшее развитие социалистической демократии на современном этапе; В. В. Косолапов, В. Н. Мазур, Л. А. Нагорная. XXV съезд КПСС о задачах борьбы против буржуазной идеологии, антикоммунизма и ревизионизма; В. Н. Немыть. Исследование истории Украинской ССР периода Великой Отечественной войны; Н. А. Буцко. Вопросы истории Великой Отечественной войны на страницах издания «История городов и сел Украинской ССР»; Н. А. Кориненко. «История городов и сел Украинской ССР» — весомый вклад в изучение деятельности местных партийных организаций в годы гражданской войны; А. М. Аббасов. Развитие исторического краеведения на Полтавщине в ходе подготовки издания «История городов и сел Украинской ССР»; С. П. Михеев. Из истории деятельности Компартии Украины по использованию старых военных специалистов в Красной Армии в период гражданской войны; А. Н. Мацко, О. М. Швыдак. Интернационалистская деятельность Коммунистической партии Польши (1918—1938 гг.); С. В. Чернявский. Крах внешнеполитической доктрины империализма «освождения» (1952—1960 гг.); А. В. Потехин. Наследие американской революции XVIII в. и современная молодежь США; В. В. Клименков. Вклад молодежи Украинской ССР в строительство КамАЗа; П. Д. Овчаренко. Об участии Украинской ССР в научном сотрудничестве братских союзных республик (1959—1975 гг.); А. В. Мороз. Ликвидация неграмотности и развитие общего образования трудящихся в 1921—1925 гг.; В. А. Трикоз. Из истории среднего специального образования на Украине в дооктябрьский период; Н. А. Шип. Роль высших учебных заведений Москвы и Петербурга в развитии русско-украинских связей (вторая половина XVIII в.); В. П. Солодков. Из истории шефства комсомола над Советским Военно-Морским Флотом (1922—1932 гг.).

«Архивы Украины» № 3, 1976. А. Г. Митюков. Задачи архивных учреждений в свете решений XXV съезда КПСС; А. В. Кентий. Республиканское совещание по вопросам подведения итогов работы архивных учреждений Украинской ССР за девятую пятилетку и обсуждение задач на 1976—1980 гг. в свете решений XXV съезда КПСС; В. Н. Жук. Из истории совместной борьбы украинского и болгарского народов против османского ига в 1877—1878 гг. (По документам государственных архивов СССР и УССР); И. П. Лебедева. Николаевщина в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) (подборка документов); Н. И. Крячок. К вопросу о распространении ленинских работ на Украине. (По документам Центрального государственного исторического архива УССР

в г. Киеве); Н. А. Буцко, Ю. И. Елесьин. Документальные издания архивных учреждений Украинской ССР о Великой Отечественной войне; Л. В. Шевченко. Архивные источники о педагогической деятельности выдающегося русского ученого Н. И. Пирогова; В. Ю. Франчук. Малоизвестные факты из биографии А. А. Потемни.

«Общественные науки в Узбекистане» № 6, 1976. А. И. Ишанов. Развитие XXV съездом КПСС теории социалистического государства; М. Х. Хакимов. Советская государственность Узбекистана в период построения развитого социализма; Э. Абдиев. Изменение социально-профессиональной структуры работников промышленности в условиях научно-технической революции. (На материалах УзССР); О. Рахимов, О. Хакимова. Роль Советов в развитии хлопководства в Ферганской долине; У. Буранова. Развитие промышленности Самаркандской области в годы восьмой пятилетки; Г. Мачин. Из истории шефской помощи рабочего класса промышленных центров СССР дехканству Советского Узбекистана; К. Худайбергенов. Об основных периодах развития прогрессивной общественно-философской мысли в Каракалпакистане XIX—начале XX века; Ш. Исмаилов. Русско-туземные школы в Туркестане конца XIX века.

«Труды Института языка, литературы и истории Академии наук СССР. Коми филиал» № 16, 1975. Вопросы истории Коми АССР (XVII—начало XX вв.). Л. Н. Жеребцов. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока; Э. Д. Красильникова. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI—XVII вв.; В. В. Политов. Сереговский солеваренный завод во второй половине XVIII в.; Т. И. Беленкина. Отхожие промыслы крестьян Коми края в первой половине XIX в.; Г. Н. Романова. Развитие домашних производств ссыольских коми в конце XIX—начале XX в.; В. В. Шаньгина. Из истории земских учреждений Усть-Сысольского и Яренского уездов; В. И. Чупров. Крестьянское движение в Коми крае в годы первой русской революции; Л. И. Сурина. Положение крестьянства в годы первой мировой войны (1914—1917); Ю. В. Гагарин. Преследование старообрядчества в Коми крае русской православной церковью и самодержавным государством в XIX—начале XX в.; П. А. Куратов. Каменное зодчество Коми края XVIII—начале XX вв.; Н. И. Дукарт. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX—начала XX вв.

«Вопросы истории Компартии Казахстана». Вып. 12. 1976. Институт истории партии при ЦК КП Казахстана. Д. А. Куняев. 30 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне; С. Б. Бейсембаев. КПСС — организатор и вдохновитель Великой Победы; П. Пахмурный. Генеральная репетиция Великого Октября; И. Малаяр. Распространение марксистско-ленинских изданий в Казахстане в

1905—1907 гг.; С. Н. Имашев. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС и социальный прогресс на селе; П. Тибекин. Пятая краевая конференция коммунистов Казахстана; К. Кушегенов. В. И. Ленин и угольный Экибастуз; С. Ковальский. Деятельность партийных организаций Казахстана по формированию аграрного отряда рабочего класса в годы первой пятилетки; Г. М. Шестаков. Из опыта массово-политической работы партийных организаций среди рабочего класса республики (1952—1958 гг.); А. Г. Сармурзин. Деятельность партийных организаций Казахстана по подготовке кадров рабочего класса в системе профтехобразования (1959—1970 гг.); Х. Маданов. Некоторые вопросы шефской работы среди сельских труженников республики в послевоенные годы; М. Мамажанов. Об издании общественно-политической литературы в Казахстане; М. Акчалова. К вопросу об историко-партийной библиографии Казахстана; Р. Меликова. Коммунисты Балхаша во главе социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны; Р. Куватова. Женщины Казахстана — резерв пополнения рядов Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны; М. Асфандиярова. Бюджетная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны.

«Вестник» Московского университета № 4, 1976. Серия IX. История. О. И. Хохунова. Из истории борьбы партии со сменовеховством; Т. В. Никитина. Социально-политический кризис и государственный переворот 1909 г. в Греции; В. В. Большов. Материалы сенаторских ревизий 1880—1881 гг. как источник по истории местного управления России; О. М. Рапов. О некоторых причинах крещения Руси; М. Ю. Лачаева. Английские справочники как источник по истории иностранного капитала в горной промышленности Урала и Сибири в начале XX в.; Е. И. Мокряк. Обзор дневников и мемуаров русских помещиков второй половины XIX — начала XX в.; К 80-летию Г. А. Новицкого.

«Вестник» Ленинградского университета № 8, 1976. Серия «История, язык, литература». Вып. 2, В. А. Ежов. Новый важный этап в развитии советской историче-

ской науки; В. А. Смышляев. Высокий долг историков партии; М. Ю. Шмелева. Партийные организации ленинградских текстильных предприятий в борьбе за выполнение пятого пятилетнего плана (1951—1955); А. С. Маджаров. К вопросу о классификации мемуаров по истории КПСС; Б. К. Адамбеков. Из опыта социалистического соревнования трудящихся Казахстана с другими союзными республиками (1959—1965); А. А. Вдовина. Английская и американская буржуазная историография о достижениях СССР в области народного образования; Н. К. Конаков. Расстановка классовых и политических сил в Болгарии после 9 сентября 1944 года; О. И. Голузева. К истории движения иракских «Свободных офицеров».

«Античная древность и средние века». Сборник II Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 1975. А. И. Романчук. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса; Л. П. Ивашута. Неполная керамика позднесредневекового Херсона; В. Е. Рудаков. Исследования Баглинского городища в 1971—1972 гг.; Н. И. Бармина. К изучению Мангупской базилики. (История исследования); М. Я. Сюзюмов. Модернизация и сепаратизация; И. В. Пьянков. Ктесий как историк; Н. Н. Белова. Эпиграфические данные о положении рабов в Римской Галлии I—III вв.; Т. Т. Вольштейн. Эволюция сельского хозяйства Италии во II в. н. э.; Р. Е. Ляст. Некоторые проблемы номенклатуры рабов и отпущенников в зарубежной литературе; М. А. Поляковская. Эсхатологические представления Алексея Макремволита; В. А. Сметанин. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны; А. С. Козлов. Содержание конфликта Аспара и Льва I; В. П. Степаненко. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в.; Р. Г. Пихоя. Византийский монах — русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат; Н. А. Бортник. Политика коммуны Витербо первой половины XIII в.; В. В. Кучма. Выполнение полицейских функций во Франции периода феодализма (до XVIII в.); Ю. Е. Ивонин. Был ли Томас Кромвель протестантом?

Хроникальные заметки

◆ 29 июля с. г. в Ереване состоялось торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения известного деятеля революционного движения, комиссара Бакинской коммуны Г. Н. Корганова (Корганяна). Его организаторы — Институт истории партии при ЦК КП Армении и Государственный музей революции Армянской ССР.

Вступительное слово произнес заместитель директора института В. Н. Неркярян. С докладом о жизни и революционной борьбе Г. Н. Корганова выступил Ш. Б. Оганджян. Воспоминаниями поделился Х. О. Варданян. О роли Корганова в создании в Закавказье соединений Красной Армии говорил начальник Архив-

ного управления при Совете Министров Армянской ССР А. О. Арутюнян.

◆ В книге В. И. Громеки «Научно-техническая революция и современный капитализм» (М. Политиздат. 1976) рассматриваются социально-экономические проблемы научно-технической революции в развитых капиталистических странах, анализируются изменения, происходящие в экономике и общественной жизни этих стран, показывается роль НТР в развитии государственно-монополистических тенденций, обострения старых и возникновении новых социальных противоречий, исследуется влияние капиталистических производственных отношений на характер и развитие науки.

◆ На основе изучения уникальной коллекции писем, документов, дневников, подпольных изданий, хранящихся в семье соратника А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского Н. И. Воронова и его дочери большевички Л. Н. Вороновой, в книге И. П. Лейберова «Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом» (М. Политиздат. 1976) рассказывается об участии представителей двух поколений этой семьи в революционном движении России, приводятся малоизвестные факты о деятельности соратников В. И. Ленина.

◆ Книга Х. Штерна, Д. Вольфа «Великое наследие. Исторический репортаж о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса», вышедшая в Политиздате (М. 1976), повествует о судьбе литературного наследия основоположников марксизма, о том, как удалось разыскать и собрать бесценные рукописи великих вождей рабочего класса.

◆ В Политиздате (М. 1976) вышла коллективная монография «Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба». Авторы ее обобщают современное состояние проблемы социалистического образа жизни. В центре их внимания — основные черты, преимущества социалистического образа жизни и критика буржуазного образа жизни. В книге характеризуется идеологическая борьба вокруг понятия «образ жизни», подвергаются критическому анализу буржуазные концепции «качества жизни», «общества потребления» и «массовой культуры».

◆ Книга «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение» (М. Политиздат. 1976) представляет собой публикацию выступлений и докладов члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, а также акад. П. Н. Федосеева, акад. А. Г. Егорова и других советских ученых на конференции, посвященной 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала, которая состоялась в Москве 4—7 июля 1975 года. В докладах и выступлениях раскрывается значение этого конгресса в борьбе против фашизма и войны, за демократию и социализм, за осуществление политики единства рабочего движения, создания широкого народного фронта, показывается преимущен-

ная связь решений VII конгресса Коминтерна со многими проблемами, которые в настоящее время стоят перед международным коммунистическим и рабочим движением.

◆ О деятельности продовольственных отрядов — одной из героических страниц истории первых лет Советской власти — говорится в книге Ю. К. Стрижкова «Продотряды» (М. Политиздат. 1976). Автор рисует самоотверженную борьбу рабочих за хлеб, за упрочение власти Советов и торжество социалистической революции в деревне.

◆ Видная деятельница итальянского коммунистического движения К. Равера — автор «Воспоминаний», опубликованных Политиздатом (М. 1976). Она принимала участие в работе IV и VI конгрессов Коминтерна, в 1930 г. была арестована и осуждена фашистским судом, отбыла 5 лет в тюрьме и 8 — в ссылке. Ее мемуары охватывают 1913—1930 годы.

◆ Советские люди свято хранят в своей памяти имена пламенных революционеров-интернационалистов. Одна из них — коммунистка Жанна Лябурб. О судьбе этой легендарной героини Одесского подполья во время гражданской войны и иностранной интервенции рассказывает книга А. Дунаевского «Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая» (М. Политиздат. 1976).

◆ В книге «Критика буржуазных теорий национализма и расизма» (М. «Мысль». 1976) дан анализ этих теорий, их проявлений как в развитых капиталистических, так и в развивающихся странах.

◆ «Антисоветизм на службе империализма. О некоторых разновидностях современного антисоветизма» (М. «Мысль». 1976) — книга, написанная советскими, болгарскими и чехословацкими учеными, в которой критикуются основные разновидности современного антисоветизма, вскрывается его роль в идеологической борьбе. Особое внимание уделяется авторами сущности буржуазной, правооппортунистической, троцкистской и сионистской форм антисоветизма.

◆ «США: сенат и политика». Под таким названием вышла книга В. А. Савельева (М. «Мысль». 1976). Она посвящена деятельности сената США в 60-е — начале 70-х годов. В ней исследуются роль и место сената в современной политической жизни США, его социальные функции, воздействие на формирование внутренней и внешней политики Вашингтона, разоблачается миф о «народном представительстве» в США и показано, какими путями буржуазия оказывает идеологическое и политическое воздействие на избирателей. Особое внимание обращено автором на некоторые новые явления внутриполитической жизни страны, вызванные, с одной стороны, развитием государственно-монополистического капитализма, а с другой — общим кризисом капитализма и растущим влиянием мировой социалистической системы.

◆ В издательстве «Мысль» (М. 1976) увидела свет монография С. Л. Утченко «Юлий Цезарь», в которой рассказывается

о жизни и делах этого древнеримского военного и политического деятеля в тесной связи с исторической обстановкой, существовавшей в Средиземноморье в I в. до нашей эры. Автор опровергается присущие буржуазной историографии попытки идеализации личности Цезаря.

◆ «Общественность и проблемы войны и мира» — так называется работа, выпущенная издательством «Международные отношения» (М. 1976). Это попытка систематизированного исследования роли общественности в современных международных отношениях, основных направлений деятельности миролюбивых сил и факторов, определяющих растущее воздействие масс на формирование внешнеполитического курса разных стран. Авторами очерчена деятельность профсоюзов, ряда международных организаций женщин, молодежи, деятелей культуры и др.

◆ Издательство «Наука» напечатало коллективную монографию «Современные этнические процессы в СССР» (М. 1976). Авторами ее рассматриваются отражение этнических изменений в сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений у народов Советского Союза, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов. Значительное место занимают в книге вопросы теории этнических процессов.

◆ В издательстве «Наука» вышла книга О. Н. Бадера и А. Х. Халикова «Памятники балановской культуры» (М. 1976). Авторами обобщены итоги многолетних поисков и находок памятников культуры балановских племен, оказавших заметное влияние на последующее формирование этнических групп и народностей Среднего и Верхнего Поволжья.

◆ О старейшем текстильном предприятии СССР, о славном отряде рабочего класса, из рядов которого вышли многие революционеры, партийные, государственные и военные деятели, рассказывает книга М. В. Виноградова, А. Ф. Землянского и С. М. Карасева «Красный перевал». Очерки истории фабрики» (Ярославль. Верхневолжское издательство. 1976). Авторы на основе документов, хранящихся в партийном, государственном архивах Ярославской области и Ярославском музее-заповеднике, прослеживают путь предприятия от его

создания в Норском посаде в 1860 г. до наших дней. В книге показан трудовой героизм коллектива в борьбе за выполнение пятилетних планов, названы имена ударников, стахановцев, героев социалистического соревнования послевоенных пятилеток.

◆ На месте строительства Нижнеднепровской оросительной системы завершены раскопки самого большого в этой местности кургана. В нем обнаружены остатки цивилизации, относящейся к III—II тыс. до нашей эры. Найденные погребения принадлежат представителям усатовской скотоводческо-земледельческой культуры. Среди находок особый интерес представляют деревянная повозка, аналогичная тем, которые до сих пор находили только в Поволжье, и каменная булава с выступами сферической формы.

◆ Неподалеку от Алма-Аты в одном из курганов обнаружена гробница, перекрытая бревнами из тьянь-шаньской ели. Как установлено, захоронению 2300—2400 лет. В погребальной камере найдено около 500 мелких плоских бляшек из листового золота, некогда украшавших одежду. Бляшки имеют форму летящей ласточки и охотничьего лука со стрелой. Они изготовлены при помощи штампа. Там же лежала глиняная печать с изображением мифического крылатого зверя.

◆ В фонде редких книг Днепропетровской областной библиотеки выявлено произведение, изданное в первой четверти XVIII в.: третье издание известной работы русского дипломата П. П. Шафирова «Рассуждения», которое было выпущено в 1722 г. (первые два издания вышли в 1717 и 1719 гг.) — первый русский трактат по международному праву.

◆ Один из древнерусских храмов обнаружили археологи при раскопках в Киеве на Подоле. Здесь находилась главная церковь этой торгово-ремесленной части города — богородицы Пирогощей, рядом с которой собиралось вече. Вскрытая тут же южная стена с входом относится к XII веку. Она сложена из кирпича-плинфы. Как сообщает летопись, это сооружение было заложено в 1132 г. великим князем Мстиславом. К церкви вел из верхней части города крутой Боричев спуск (ныне Андреевский).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

СИМПОЗИУМ ИСТОРИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

18—29 августа 1976 г. в Батуми работала школа-симпозиум ученых социалистических стран по проблеме «Исторический опыт Великого Октября и его международное значение». В ней приняли участие историки СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии и Чехословакии. Ее проведение было одним из первых научных мероприятий в связи с предстоящим 60-летием Советской власти. Основная цель этой международной встречи ученых, сформулированная акад. И. И. Минцем в речи при открытии школы-симпозиума, — глубоко проанализировать главные стороны исторического опыта Великого Октября и показать общие закономерности социалистических революций, впервые проявившиеся в нем.

Организаторами школы-симпозиума явились Проблемная комиссия многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «История Великого Октября и последующих социалистических революций», АН СССР, АН Грузинской ССР, Институт истории СССР АН СССР. Большое внимание ее работе уделили ЦК Компартии Грузии и Аджарский обком КП Грузии.

На симпозиуме было заслушано более 30 лекций и докладов видных специалистов в области истории Великой Октябрьской социалистической революции, представителей центральных научных учреждений нашей страны и академий наук союзных республик, а также ученых братских социалистических стран. Выступления носили по преимуществу теоретический или историографический характер. В центре внимания находились вопросы всемирно-исторического значения Великого Октября и его влияния на международные отношения. Эта проблема получила раскрытие в докладах председателя Проблемной комиссии акад. И. И. Минца и директора Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкого.

И. И. Минц проанализировал международное значение опыта Октябрьской революции в свете решений XXV съезда КПСС¹. А. Л. Нарочницкий посвятил свой доклад формированию ленинских внешнеполитических принципов Советского государства. Докладчик охарактеризовал значение трудов В. И. Ленина как идейно-теоретической основы советской внешней политики и научной методологии анализа международных отношений современной эпохи. Уже в ленинском выводе о возможности победы социалистической революции в одной стране и неизбежности одновременного существования государств двух социальных систем заключено было понимание отношений между социалистическими и капиталистическими странами как отношений мирного сосуществования. Вождь социалистической революции считал важнейшим условием быстрого закрепления ее победы выход из империалистической войны и заключение всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. Основные ленинские принципы внешней политики — социалистический интернационализм, мирное сосуществование, защита социалистического Отечества — получили выражение в первых же декретах Советской власти и нашли практическое воплощение в деятельности Советского правительства. А. Л. Нарочницкий проследил развитие и обогащение содержания этих принципов в годы государственной деятельности Ленина. Все дальнейшее развитие теории и практики внешней политики КПСС и Советского государства, подчеркнул докладчик, явилось творческим приложением ленинских идей к действительности и их разработкой в новых условиях. Ярким примером этого служит Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за сво-

¹ Основные положения доклада акад. И. И. Минца нашли отражение в его статье «Международное значение XXV съезда КПСС» («Вопросы истории», 1976, № 10).

боду и независимость народов, принятая XXV съездом КПСС.

Некоторые из тем, поставленных в докладах, были развиты в выступлениях участников симпозиума. Н. И. Лебедев посвятил свою лекцию влиянию Великого Октября на формирование новой системы международных отношений, а Ю. И. Короблев — вопросу о защите социалистического Отечества как общей закономерности пролетарских революций. Влиянию Октябрьской революции на политическую борьбу во Франции 1917—1920 гг. посвятил свою лекцию Ю. Н. Афанасьев.

В выступлениях А. М. Совокина, В. А. Куманева и А. В. Игнатьева рассматривалась руководящая роль ленинской партии в революции и было подчеркнуто, что руководство марксистско-ленинской партии является одной из основных закономерностей социалистической революции.

Серьезное внимание было уделено предпосылкам и движущим силам социалистической революции в России. В. И. Бовыкин дал обстоятельную характеристику социально-экономических и политических предпосылок Великого Октября. Предпосылкам его на окраинах России посвятил специальный доклад акад. АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде. Он показал, что, поскольку в России сложилась единая капиталистическая система, включавшая как центр, так и национальные окраины, правомерно говорить о зрелости социально-экономических предпосылок для пролетарской революции в стране в целом. Е. Г. Гимпельсон и Т. В. Осипова в своих лекциях остановились на некоторых важных и актуальных аспектах гегемонии пролетариата и союза пролетариата с беднейшим крестьянством в Октябрьской революции.

Началу социалистических преобразований в нашей стране был посвящен ряд выступлений. Центральное место среди них занял доклад члена-корр. АН СССР Ю. А. Полякова об Октябрьской революции и создании основ социалистической экономики, в котором была дана характеристика главных этапов экономической политики большевистской партии и Советского государства от победы Октябрьской революции до перехода к нэпу. Первым из них был период формирования социалистического уклада и сосредоточения в руках государства диктатуры пролетариата, командных высот в народном хозяйстве. Весной 1918 г. В. И. Ленин, обобщив накопленный опыт,

сформулировал программу дальнейшего строительства основ социалистической экономики. Ее осуществлению помешали гражданская война и интервенция. Докладчик проследил, как постепенно сложилась система «военного коммунизма», позволившая мобилизовать на оборону все ресурсы страны и представлявшая собой в то же время метод лобовой атаки на капитализм. Ю. А. Поляков показал, как не сразу и не без борьбы был осуществлен весной 1921 г. поворот к новой экономической политике. Это был возврат уже на иной ступени развития к методу более медленного, но и более основательного, закрепленного, надежного продвижения к социализму. Результатом осуществления нэпа стало построение фундамента социалистического общества.

М. П. Ирошников и Н. Н. Демочкин выступили с лекциями по вопросам государственного строительства и социалистической демократии.

На симпозиуме заняли свое место и такие вопросы, как победа Октябрьской революции в национальных районах и решение национального вопроса в СССР. Акад. АН Латвийской ССР А. А. Дризул проанализировал процесс победы Советской власти в Прибалтике, раскрыв проявление здесь общих закономерностей революции в специфических условиях региона. Та же проблема в применении к Закавказью была раскрыта в лекции Н. И. Стурзуа. Основные черты ленинской национальной политики КПСС, ставшей основой дружбы народов СССР, охарактеризовал член-корр. АН Армянской ССР Г. А. Галоян. О расцвете Советской Грузии и Аджарии как результате торжества ленинской национальной политики рассказали в своих выступлениях Л. Н. Матарадзе и А. К. Инашвили.

В ряде выступлений содержался историографический анализ советской и буржуазной литературы, а также литературы стран народной демократии. Среди историографических выступлений советских ученых — лекции Е. Н. Городецкого, В. П. Наумова и В. И. Салова. Е. Н. Городецкий показал поступательное развитие советской историографии Великого Октября, отметив ее основные этапы, характерные черты и тенденции. В. П. Наумов охарактеризовал успехи советских ученых в исследовании основных направлений истории гражданской войны. В. И. Саловым было показано влияние процесса разрядки международной напряженности на буржуа-

зную историографию Великого Октября. Разоблачению ревизионистских концепций исторического опыта Октябрьской революции посвятил выступление В. К. Попов. А. Я. Манусевич подверг критике попытки новейшей буржуазной литературы принизить роль Великого Октября в образовании новых государств в Европе в 1917—1918 годах.

Активное участие в освещении проблем историографии Октябрьской революции приняли на симпозиуме зарубежные ученые. Делегация ГДР представила доклад о новых тенденциях историографии ФРГ по проблемам Великого Октября и его международного значения. Докладчик Ф. Герд подчеркнул, что ученые его страны видят свою задачу как в изучении опыта Великого Октября, так и в систематическом разоблачении попыток западногерманских историков исказить значение этого величайшего события в истории человечества. Остальные зарубежные делегации представили доклады о достижениях исторической науки своих стран в исследовании Октябрьской революции и ее всемирно-исторической роли. В качестве докладчиков выступили В. Христов-Ненов (Болгария), У. Кароли (Венгрия), Б. Роломжав и С. Ичин-

норов (Монголия), Я. Собчак (Польша), К. Макану (Румыния), И. Гарна (Чехословакия). Глава польской делегации С. Лопатнюк остановился на растущем международном значении опыта Великого Октября и важности его глубокого и всестороннего изучения коллективными усилиями ученых социалистических государств. От имени иностранных участников школы-симпозиума он выразил удовлетворение ее проведением, высказался за необходимость организации подобных встреч в будущем и выразил пожелание об опубликовании материалов школы-симпозиума.

Итоги были подведены в заключительном слове И. И. Минца. Он отметил, что работа школы-симпозиума явилась еще одним ярким примером пролетарского интернационализма в действии, одной из форм научной интеграции и сотрудничества в идеологической области, важность которого подчеркнул XXV съезд КПСС. Новая форма многостороннего сотрудничества, найденная Проблемной комиссией, на практике доказала свою эффективность. Следует использовать и совершенствовать ее и в дальнейшем, сосредоточив внимание на наиболее актуальных проблемах.

А. В. Игнатьев

Обзоры

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Историческая география в европейских социалистических странах имеет давние традиции. Так, в Польше и Чехословакии ее зарождение относят к XVI веку¹. Как самостоятельная отрасль знания она складывается в XIX — начале XX в.; в этот период возникает ряд центров по разработке историко-географических проблем и даже специальные учреждения. Ко времени второй мировой войны уже имелся немалый, хотя и неодинаковый для разных стран опыт по постановке и решению частных проблем, созданию обобщающих трудов, подготовке исторических карт и историко-географических словарей². Пожалуй, наиболее значительным фактом в организации исследований было образование Комиссии исторического атласа при ПАН (в 1921 г.). Отрицательное влияние на развитие исторической географии оказало распространение в предвоенные годы, прежде всего в Германии, геополитики — реакционной концепции, представители которой, прикрываясь историко-географической терминологией, обосновывали агрессивную политику империализма. Сторонники геополитики широко используют понятия «жизненного пространства», «естественных границ», географического положения для оправдания милитаризма и захватнических войн.

В послевоенный период в европейских социалистических странах накоплен опыт, в котором отразились пути становления исторической географии на новой, марксистской основе. Наряду с расширением круга исследований и привлечением новых источников появилась тенденция к переосмыслению теории и методики исторической географии в целом.

В частности, подверглись критике идеи географического детерминизма и геополитики. Авторы из ряда стран³ проанализировали историю возникновения и развития

Принятые в статье сокращения: ИИИ — «Известия на Института за история»; ИП — «Исторически преглед»; ИЧ — «Исторички часопис»; ПАН — Польская академия наук; С. — София; AGGUS — «Acta geologica et geographica Universitatis Comenianae. Geographica»; ANASH — «Acta Historica Academiae scientiarum Hungaricae»; В. — Berlin; Вус. — București; Буд. — Budapest; СГ — «Czasopismo Geograficzne»; ССШ — «Československý časopis historický»; ССП — «Časopis společnosti přátel starožitnosti»; ЕН — «Etudes Historiques»; GB — «Geographische Berichte»; GČ — «Geografický časopis Slovenskej akademie vied»; HG⁶ — «Historická geografie»; JbRg — «Jahrbuch für Regionalgeschichte»; JbWg — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte»; KH — «Kwartalnik Historyczny»; KHKM — «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej»; Kr. — Kraków; LaZ — «Lidé a země»; PGM. — «Petermanns Geographische Mitteilungen»; PG(P) — «Przegląd Geograficzny» (Польша); PG(R) — «Probleme de geografie» (Румыния); Pr. — Прага; RH — «Roczniki Humanistyczne»; SČSSZ — «Sbornik Československé společnosti zeměpisné»; SZ — «Studia Zródloznawcze»; W. — Warszawa; Wr. — Wrocław; WV — «Wissenschaftliche Veröffentlichungen des Deutschen Instituts für Landeskunde».

¹ С Гербст. Работа над историческим атласом Польши. «Вопросы географии». Вып. 50. М. 1960; Ф. Рубик. Историческая география в Чехословакии после 1946 г. Там же.

² История исторической географии разработана слабо. Кроме вышеупомянутых работ, см.: W. S e t k o w i c z. Rozwój nauk pomocniczych historii w Polsce. Kr. 1948; J. V a n i š. Historická geografie v Polsku a její současný stav. HG, 1970, № 5; 1972; № 9; D. T r á v n i č e k. Přehled vývoje české historické geografie od založení České společnosti zeměvědné až do počátku druhé světové války. HG, 1970, № 4.

³ J. L i t w i n. Szkice krytyczne o determinizmie geograficznym i geopolityce. W. 1956; G. H e y d e n. Kritik der deutschen Geopolitik. В. 1958 (русский перевод: «Критика немецкой геополитики». М. 1960); I. R ä d u l e s c u, C. H e r b s t. Unele aspecte ale dezvoltării geografice în România. В. 1958 (русский перевод: «Некоторые аспекты развития географии в Румынии». М. 1960).

подобного рода идей, их основные теоретические положения и убедительно показали их ограниченность и антиисторичность. Критика направлена в адрес как теории географического детерминизма и геополитики в целом, так и проявлений их в литературе отдельных стран. К наиболее значительным исследованиям принадлежит монография Г. Гейдена, одним из важных достоинств которой является обширная библиография литературы и источников. Следует заметить, что специальные исследования проблемы имеют прежде всего общее значение (для политики, философии, географии). В то же время они важны и для исторической географии, в которой в той или иной мере отразились в свое время геополитические теории. Критику географического детерминизма и геополитики можно найти не только в специальных исследованиях, но и в других трудах по географии, исторической географии и т. д.

Предлагаемый обзор современного состояния исторической географии в социалистических странах Европы⁴, естественно, не может претендовать на полноту. В большинстве социалистических стран справочно-библиографическая служба этой отрасли поставлена довольно четко. В Чехословакии издана специальная, хотя и выборочная библиография за 1961—1970 годы⁵. Раздел «историческая география» имеется в ряде исторических и географических библиографий⁶. В некоторых библиографиях выделяются отдельные аспекты исторической географии, особенно история заселения⁷.

Историческая география разрабатывается преимущественно в рамках академий наук. В некоторых институтах истории существуют специальные структурные единицы с более или менее широкими задачами (в Белграде, Варшаве, Праге). Иногда изучение исторической географии в организационном отношении соединяется с изучением других проблем (в Болгарии: секция научной информации, исторической библиографии и исторической географии в Институте истории, секция этногенеза балканских народов и исторической географии Балкан в Институте балканистики). В Институте экономической истории АН ГДР создано отделение географо-экономической истории. В комиссиях по исторической географии при братиславском (с 1966 г.) и пражском (с 1967 г.) институтах истории⁸, при Комитете исторических наук ПАН (с 1972 г.) ставятся координационные и научные задачи⁹. В Югославии организованы межкаademicкие комитеты по составлению историко-географического словаря и атласа югославянских земель (в 1961 г.), карты Римской империи и по истории колонизации в югославянских землях. Последний имеет республиканские филиалы.

Исследования ведутся и в университетах. При Люблинском католическом университете с 1957 г. существует Институт исторической географии церкви в Польше¹⁰. Это единственный специальный институт по рассматриваемой отрасли во всей группе стран. Во Вроцлавском университете до недавнего времени существовала кафедра исторической географии и истории географии, а ныне работает магистерский семинар по исторической географии¹¹. Некоторые исследования проводятся в комплексных и проблемных центрах (например, в институтах балканистики) и географических обществах. Так, при Географическом обществе ГДР в 1967 г. была создана группа исторической

îării geografiei românești.— «Natura», XI, 1959, nr. 4; J. B a b i c z. Nauka o ludach Fryderyka Ratzla. W. 1962 («Archiwum Etnograficzny», № 24); E. L e h m a n n. Historische Prinzipien in der geographischen Raumforschung. In: «Neef-Festschrift. Ergänzungsheft zu PGM», 1968, № 271.

⁴ См. В. К. Яцунский. Новые работы по исторической географии Польши. «Вопросы истории», 1960, № 2; его же. Новые работы по исторической картографии Чехословакии «Вопросы истории», 1960, № 11.

⁵ НГ. Сб. 7. 1971 (весь выпуск, только чешские работы).

⁶ «Bibliografia historii polskiej»; «Bibliografia historii Polski»; «Bibliografie československé historie»; «Jahresberichte für deutsche Geschichte»; «La science historique bulgare 1965—1969. Bibliographie». ЕН, № V. Supplément. 1970; прижурнальная библиография в ИП; «Bibliografia geografii polskiej».

⁷ «Bibliographie zur Geschichte der Mark Brandenburg und der Stadt Berlin 1941—1956». В. 1961; Р. Е k e, Р. B e l u s z k y. Magyar településföldrajzi bibliográfia—Bibliography of the Hungarian Settlement Geography 1945—1969. Bud. 1971.

⁸ Информацию см.: НГ, т. 1, 1968, с. 130—138.

⁹ J. J a n c z a k. Inauguracyjne posiedzenie Komisji Geografii Historycznej Komitetu Nauk Historycznych PAN (Warszawa. 13.XII. 1972 r.). КНKM, 1973, з. 3.

¹⁰ О его задачах см.: Z. S u ł o w s k i. Instytut Geografii Historycznej Kościoła w Polsce. RH. 1958, з. 2.

¹¹ О семинаре см.: J. J a n c z a k. Op. cit.

географии с участием представителей других научных учреждений¹². Историко-географическую тематику можно найти в программах съездов историков и географов¹³.

В Венгрии и Румынии нет специальных центров по исторической географии, и эта дисциплина изучается там в качестве комплекса проблем или отдельных вопросов сотрудниками академических учреждений, университетов и т. д.

Результаты историко-географических изысканий, помимо монографий, излагаются в исторических и географических журналах, трудах учебных заведений и других учреждений, в краеведческой периодике. В Чехословакии с 1968 г. выходит специальный сборник «Historická geografie», выпускаемый дважды в год комиссией по исторической географии при пражском Институте истории. Кроме того, публикуются труды упомянутой Пражской комиссии (пока вышел только первый том, 1971 г.), Института исторической географии церкви в Польше и серия «Труды по истории заселения»¹⁴ в рамках «Исследований и материалов по истории материальной культуры», издаваемых варшавским Институтом истории материальной культуры.

О предмете, целях и задачах исторической географии существует довольно обширная литература, особенно в Чехословакии, Польше и ГДР, где в 50-х—60-х годах состоялись дискуссии на эту тему¹⁵. Большинство авторов понимает под объектом исследования исторической географии географическую среду в прошлом, изучаемую в ее взаимосвязях с историей общества. Дальнейшая детализация предмета связывается с конкретизацией понятий об элементах географической среды, о ландшафтах. Отсюда — выдвижение задачи реконструкции всех типов ландшафтов и форм человеческой деятельности в географической среде с особым вниманием к развитию производительных сил и производственных отношений. Некоторые авторы характеризуют историческую географию как дисциплину, занимающуюся в основном теми же вопросами, что и современная география, но применительно к прошлому¹⁶. Ряд исследователей акцентирует внимание на порегионном исследовании как задаче исторической географии и саму дисциплину определяет как порегионную географию прошлого¹⁷.

Делались попытки рассмотреть общетеоретические задачи дисциплины (изучение общей теории связей, локализация и пространственное размещение явлений, изучение генезиса и генетическая классификация экономических элементов и регионов, изучение тенденций и закономерностей пространственного развития)¹⁸. Так, Й. Кашпар (Чехословакия) считает, что представления о задачах истории и географии подвержены изменениям, а четкая граница между смежными науками отсутствует. Исходя из этого он полагает, что от исторической географии нельзя требовать изучения всех элементов географической среды, ибо это означало бы уклон в сторону геистории¹⁹. С. Арнольд (Польша) вводил иное ограничение, когда писал, что историческая география «не может заходить слишком далеко по пути хозяйственно-географических исследований», «не может производить подробный анализ структуры и закономер-

¹² G. Narweleit. Bericht über die Tagung «Gegenwärtige Probleme der historischen Geographie bzw. der geographischen Wirtschaftsgeschichte in der DDR» am 10. und 11. März 1967 in Berlin. JbWg, 1967, Pl. 4.

¹³ Регулярно такая секция работает только на съездах чехословацких географов.

¹⁴ «Studia z dziejów osadnictwa» (с 1963 г.).

¹⁵ И. Синдик. О задачах исторической географии. ИЧ. 1949—1950 кн 2; S. Arnold. Geografia historyczna Polski. W. 1951; обширный материал польской дискуссии 1952 г. в PG(P). 25, 1953, z. I (особенно G. Labuda, Uwagi o przedmiocie i metodzie geografii historycznej); M. Dobrowolska. Przedmiot i metoda geografii historycznej); B. Horák, M. Stádlarová. Referát o historickém zeměpisu. SCSSZ, 59, 1954, č 2; B. Horák, Historická geografie. LaZ, 4, 1955, č 9; F. Roubík. K úkolům historické geografie. ČSPS, 64, 1956, č. 3; J. Martinka. Historická geografie. AGGUC, 1963 № 3; P. Kolečarov. Développement, état et objectifs de la géographie historique en Bulgarie. EH, 1965, № 2; J. Kašpar. O předmětu a úkolech historické geografie. In: «Z českých dějin. Sborník prací in memoriam prof. dr. Václava Husy». P. 1966; J. Vaníš. Historická geografie jako vědní obor. HG, 1969, č. 2 (эта статья — один из последних обзоров определения исторической географии).

¹⁶ B. Horák. Op. cit., M. Dobrowolska. Op. cit., s. 64, и другие.

¹⁷ Такое определение дают, например, Б. Горак и И. Синдик. Так, у последнего находим: «Описать и объяснить некоторую географическую область в определенной исторической эпохе» (указ. соч., стр. 175—176).

¹⁸ M. Dobrowolska. Op. cit., s. 65—67.

¹⁹ J. Kašpar. Op. cit., s. 327.

ностей отдельных типов хозяйственно-географического процесса»²⁰. Исследователи ГДР обращали внимание на проблему уточнения понятий и разграничения «историко-экономической географии» и «географо-экономической истории»²¹. Под последней большинство из них и понимает собственно историческую географию.

В литературе дискутируется вопрос об отнесении к исторической географии истории заселения, которую одни специалисты называют частью исторической географии и даже «ее главным предметом и составной частью»²², другие — одним из разделов исторической науки в целом либо географии. В последнем варианте история заселения выступает как часть более общей проблемы «заселение», включающей анализ и современного ее состояния²³.

С. Лещицкий (Польша), разделяя историческую географию на три хронологических раздела, называет в ее составе палеогеографию (наряду с «археологической, или до-исторической, географией» и собственно исторической географией)²⁴. Однако увязка исторической географии с палеогеографией в ряде случаев вызвала отрицательные отзывы²⁵, и, согласно явно преобладающим понятиям, историческая география связывается только с эпохами деятельности человека.

К числу отдельных теоретических положений относится и не вызвавшее возражений мнение И. Синдика (Югославия) о включении топонимики в состав исторической географии²⁶. Под рубрикой «историческая география» часто можно найти и топонимические исследования²⁷. Отдельные авторы специально говорят об исторической топографии как части исторической географии, имеющей значение основания для обобщенного историко-географического исследования²⁸. Историческая картография довольно единодушно включается в историческую географию. Зато в отношении истории географии мнения расходятся: есть авторы, включающие ее в историческую географию (Б. Горак, ЧССР) и, наоборот, не включающие (Й. Мартинка, ЧССР, Э. Леман, ГДР).

Ряд ученых разных стран рассматривают развитие исторической географии в непосредственной связи с современными народнохозяйственными задачами, с прогнозированием в этом плане. Так, в Румынии некоторые исследования по исторической географии возникли в результате работы по земельной систематизации населенных пунктов и административно-территориальных единиц, начатой в конце 40-х годов²⁹. Исследователи ГДР неоднократно отмечали всевозрастающее подключение исторической географии к практике социалистических преобразований. В этой связи, в частности, Г. Якоб считал необходимым разработать модель территориального производственного комплекса, в котором все физико-географические и экономические процессы развиваются исторически³⁰.

Связи исторической географии с другими науками чаще всего анализируются в двух аспектах: контакты по общим точкам исследования и использование данных и исследовательских методов и методики.

Методике историко-географического исследования уделяется значительное внимание во всех рассматриваемых странах, хотя не все стороны ее нашли достаточно подробное теоретическое обоснование. Отсутствуют специальные обобщающие работы по методике исторической географии. Большинство ученых считают, что эта дисциплина не имеет собственного метода и пользуется историческими и географическими методами

²⁰ S. Arnold. Op. cit., s. 12.

²¹ G. Narweleit. Op. cit.

²² K. Buczek. O teorii badań historyczno-osadniczych. KH, 65, 1958, z. I, s. 85.

²³ См. М. Kielczewska-Zaleska. Geografia osadnictwa. Zarys problematyki. W. 1972.

²⁴ «Wielka encyklopedia powszechna». Т. 4. W. 1964, str. 182.

²⁵ J. Martinka. Op. cit., s. 196.

²⁶ И. Синдик. Указ. соч.

²⁷ Например, некоторые статьи в белградском журнале «Историјски часопис» или во 2-м томе болгарского издания «Etudes Historiques» (1965), специально посвященном исторической географии.

²⁸ B. Horák, M. Stadlerová. Op. cit., s. 2.

²⁹ Обзор работ см.: V. Mihăilescu. Contribution de la géographie à l'élaboration des projets de systématisation territoriale (régions et villages) en Roumanie entre 1948—1963. «Revue roumaine de géologie, géophysique et géographie. Série de géographie». Т. 8, 1964.

³⁰ G. Narweleit. Op. cit.

исследования³¹, либо просто констатируют употребление методик, присущих разным отраслям наук. Иногда подчеркивается комплексный характер использования разных методик. В целом складывается впечатление, что существует общее представление об историко-географическом комплексе методов, или о комплексной методике исторической географии.

Применение определенной методики зависит прежде всего от задач и целей исследования, состояния источниковой базы и т. д. Так, в ГДР историко-географические исследования строятся в основном на методах экономической географии³², в польской исторической географии церкви большое значение придается социологии и т. п. Обращается внимание на использование не только исторических и географических методов, но и методов других отраслей знаний, особенно археологии, естествознания³³, топонимики, этнографии, на соответствующую методику картографического выражения исторических факторов³⁴; некоторые авторы высказывают мнение о важности полевых исследований³⁵, об использовании различных специальных методов³⁶. Применяется и статистический анализ. Выражением идеи необходимости комплексного анализа историко-географических явлений можно считать и предложения о создании экспедиций или групп с участием историков, географов, археологов, этнографов и других³⁷.

В зависимости от состояния источников некоторые исследователи акцентируют внимание на регрессивном (главным образом для более древних периодов) или прогрессивном методе³⁸. Ряд соображений о так называемом комплексно-секторном методе предложил Й. Мартинка³⁹. Одним из признанных моментов методики можно считать представление о порегионном (региональном) изучении как предварительной стадии работы над более широкой проблематикой.

Наряду со стремлением использовать данные и приемы исследования, разработанные различными научными дисциплинами, сама историческая география в отношении других отраслей знания нередко осознается как «метод пространственного анализа и синтеза природных и социальных процессов»⁴⁰. В частности, понимание исторической географии как метода и как отдельной дисциплины было выражено на совещании историков и географов ГДР в 1967 году⁴¹.

Тематика исследований по исторической географии распадается на несколько направлений — в соответствии с основными проблемами: формирование и развитие гра-

³¹ G. Labuda. Op. cit., s. 39; F. Roubík. Op. cit., s. 132; J. Kašpar. Op. cit., s. 329.

³² Оценки роли этих методов см.: «Das historische Prinzip in der ökonomischen Geographie». GB, 1959, H. 13/14; «Einführung in das Studium der Geschichte». Herausgegeben von W. Eckermann und H. Mohr. B. 1966.

³³ Перечень естественно-научных методов, применяемых в исторической географии, приводится, например, в одной из немногих специально методических работ обобщающего характера: О. Pokorný. Ukoly a pracovni metodika historickogeografického výzkumu našich zemí. SČSSZ, 59, 1954, č. 2, příloha.

³⁴ О значении картографического метода см.: R. Ogrissek. Die Karte als Hilfsmittel des Historikers. Gotha—Leipzig, 1968.

³⁵ См. выступления участников XI съезда чехословацких географов относительно изучения исчезнувших населенных пунктов (HG, 1970, č. 4, s. 201; HG, 1970, č. 5, s. 203—204, 206). Специальные работы: E. Černý. K metodologii terénního průzkumu zaniklých středověkých pluzin. SČSSZ, 75, 1970, č. 1; e. j. u. s. d. Význam povrchového průzkumu při hledání a zjišťování zaniklých středověkých osad. «Vlastivědný věstník moravsky». 22, 1970, č. 1.

³⁶ Примером активного использования пылевого анализа является работа: J. Stasiak. Badania nad starożytnym krajobrazem Jojezierza Suwalskiego w rejonie Szwajcarii. Białystok, 1965. Здесь этот метод сочетается со стратиграфическим анализом отложений и наблюдением над современной средой.

³⁷ P. Koledarov. Op. cit., p. 544; A. Nyrek. O potrzebie zespolowych badań geograficzno-historycznych na Śląsku. «Acta Universitatis Wratislaviensis. № 97. Historia». XV, 1969. Частное отношение к проблеме имеет работа экспедиции по изучению района Железных Ворот на Дунае (см. рец. на атлас «Железные Ворота» в «Revue des études du Sud-Est européen», 1974, № 1, pp. 162—163).

³⁸ S. Zajączkowski. W sprawie przedmiotów i problematyki badań nad dziejami osadnictwa. KHKM, 1956, № 2, s. 222.

³⁹ J. Martinka. A Historico-Geographical View of the East-Slovak Ironworks. AGGUC, 1964, № 4, p. 200.

⁴⁰ K. Buczek. Ziemie polskie przed tysiącem lat. Wr.—Kr. 1960, s. 15.

⁴¹ G. Narweleit. Op. cit.

ниц, отдельных государственных образований, исторических областей, административно-территориальных единиц; расселение и хозяйственное освоение территорий; географическое размещение населенных пунктов и их историко-географическое развитие; реконструкция ландшафтов; пути сообщения; локализация исторических событий и др. Большое внимание уделяется комплексным региональным исследованиям и разработке проблем исторической картографии.

Обобщающие труды по исторической географии применительно к стране в целом и на протяжении всей ее истории в рассматриваемой группе стран довольно редки. К таким работам можно отнести учебник С. Арнольда «Историческая география Польши», содержащий теоретические основы дисциплины и историческую характеристику развития ландшафтов страны⁴². Обычно же обобщающие труды посвящаются отдельным периодам (как, например, работы по исторической географии римской Дакии и Венгрии эпохи Арпадовичей)⁴³ и определенным большим регионам (например, римской Олтении или Моравии и Силезии XIX—XX веков)⁴⁴. Имеются и обобщающие работы, написанные не специально по исторической географии, но содержащие обширный историко-географический материал⁴⁵.

Некоторые работы являются обобщениями по проблемам и посвящены таким темам, как динамика географической среды⁴⁶, формирование путей сообщения на территории стран или частей их⁴⁷ и т. д., но основная масса работ касается более или менее узких конкретных вопросов и отдельных территорий. В большом количестве трудов исследуются проблемы взаимоотношений между природой и обществом. Особое внимание обращено на тему «Роль географической среды (географических факторов)»⁴⁸, имеющую методико-теоретическое значение. Роль географических факторов изучается и применительно к проблематике формирования территорий стран⁴⁹, ландшафтов⁵⁰, экономики⁵¹, населенных пунктов⁵² и т. д. Имеются работы о воздействии человека на природу (изменение водных балансов, рельефа и т. п.)⁵³. Объектом исследования является история лесов⁵⁴, есть работы по исторической гидрографии⁵⁵.

⁴² S. Arnold. Op. cit.

⁴³ D. Tudor. Orașe, țiguri și sate în Dacia romană. Buc. 1968; Gy. Györfly. Az Arpád-kori Magyarországtörténetiföldrajza. I. köt. Bud. 1966.

⁴⁴ D. Tudor. Oltenia romană. Buc. 1968; «Historický místopis Moravy a Slezska v letech 1848—1960». 4 sv. Ostrava. 1966—1972.

⁴⁵ К. Тумієнієцкі. Ziemie polskie w starożytności. Ludy i kultury najdawniejsze. Poznań. 1951; X. M. Д а н о в. Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, Северна Добруджа, Източна и Егейска Тракия от края на IX до края на III век пр. н. е. С. 1968.

⁴⁶ M. Dobrowolska. Przemiany środowiska geograficznego Polski do XV wieku. W. 1961 (учебник).

⁴⁷ J. Nowakowa. Rozmieszczenie komór celnych i przebieg dróg handlowych na Śląsku do końca XIV wieku. Wr. 1951; J. Adami. Historia e rrugëve të Shqipërisë. «Buletin për Shkencat Shogërore», 1953, №№ 1, 3, 4; A. Speck. Die historisch-geographische Entwicklung des sächsischen Strassennetzes. WV, 1953, № 2; A. Sebus, C. Mosanu. Din istoria transporturilor de călători în România. Buc. 1967.

⁴⁸ G. Bondi. Zur Rolle natürlicher Faktoren in der gesellschaftlichen Entwicklung. JbWg, 1964, Tl. 4; Kuczynski. W. Neef, W. Strenz. Bemerkungen zum Wesen und Inhalt des geographischen Milieus. JbWg, 1967, Tl. 1.

⁴⁹ Характерны ранние польские работы: M. Kiełczewska. O podstawy geograficzne Polski. Poznań. 1946; Z. Kaczmarszcvk. Czynniki geograficzne w rozwoju dziejowym Polski. «Roczniki Historyczne». 1947, № 16.

⁵⁰ B. Krygowski. Krajobraz Wielkopolski i jego dzieje. Poznań. 1958.

⁵¹ J. Purš. Přírodní podmínky a energetická základna průmyslové revoluce. HG, 1970, č. 5.

⁵² Например, небольшие статьи румынских авторов по исторической географии городов в PG(R).

⁵³ J. Žudel. Vplyv ekonomickej činnosti Fuggerovcov na životné prostredie v oblasti Cervenokamenského panstva v rokoch 1535—1583. CC XXIV, 1974, č. 2, s. 163; A. Hornig. Wplyw działalności gospodarczej człowieka na środowisko geograficzne Górnośląskiego okręgu przemysłowego. CG, 39, 1968, z. 1.

⁵⁴ J. Nožička. Přehled vývoje našich lesů. Pr. 1957.

⁵⁵ Из последних работ см.: D. Ihrig, Z. és Zs. Károlyi, A. Vázsonyi. A magyar vízszabályozástörténete. Bud. 1973; K. Trafás. Zmiany biegu koryta Wisły na wschód od Krakowa w świetle map archiwalnych i fotointerpretacji. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego». 400. prace geograficzne, z. 40. Kr. 1975.

Монографии, а главным образом статьи создаются по истории развития территорий и границ государств⁵⁶ и территориальных единиц различного порядка⁵⁷. Издаются работы по исторической географии отдельных местностей⁵⁸.

Весьма активно изучается тема освоения и заселения земель. Так, разрабатываются общетеоретические положения этой проблематики, которые занимают видное место в трудах польских авторов (см. работы, указанные в сносках 22, 23, 38). Изучаются внутренние и внешние колонизационные движения разных типов от древнейших времен до второй мировой войны и первых послевоенных лет⁵⁹. Эти процессы анализируются применительно к территориям стран, областей и местностей и применительно к истории отдельных народов, племен и этнических групп. В одних случаях предметом изучения являются перемещения населения, в других упор делается на социально-экономические типы колонизации⁶⁰. Объектом исследования являются и проблемы преемственности и непрерывности заселения земель. Есть работы, трактующие вопросы комплексно, но, например, в узких географических пределах⁶¹. Частично с историко-географической проблематикой связаны немногочисленные работы по истории эмиграции (главным образом в XIX в.).

В ряде стран видное место занимает исследование по установлению местонахождения исчезнувших населенных пунктов и по созданию возможно полной исторической карты и каталога их сети. В Чехословакии с 1969 г. по этой проблеме проводятся ежегодные общегосударственные конференции. В этой стране, помимо множества небольших работ, созданы и сводные труды по некоторым территориям⁶². Сведения о населенных пунктах, не только исчезнувших, обобщены в специальных работах, вышедших в Венгрии (см. сноску 43) и Югославии⁶³, а также в историко-географических словарях, изданных в ряде стран. Работы по локализации отдельных населенных пунктов имеются во всех странах в довольно значительном количестве.

Историко-географическая проблематика занимает известное место в истории городов и, реже, других типов поселений⁶⁴, иногда являясь основной для этой отрас-

⁵⁶ J. Natanson-Leski. Zarys granic i podziałów Polski najstarszej. Wr. 1953; e j u s d. Rozwój terytorialny Polski od czasów najdawniejszych do okresu przebudowy państwa w latach 1569—1572. W. 1964. L. Ho s á k. Teritorialni vývoj českého státu a jeho zemí. HG, 1970, č. 6; преимущественно социально-политический труд с аспектами исторической географии: G. Labuda. Polska granica zachodnia. Tysiąc lat dziejów politycznych. Poznań. 1971. 2 wyd. 1974. Примеры работ о небольших участках границы — статьи И Шульца и В. Вольфа в «Sbornik prací k 70tinám univ. prof. Ph. Dr. Ladislava Ho s á ka». Olomouc. 1968.

⁵⁷ П. Делерадев. Принос към историческата география на Тракия. Кн. 1—2. С. 1953; П. Коледаров. Образуване на темата «Македония» в Тракия. ИИИ, 1970. т. 21; K. Herz. Das Lommatzcher Land. Eine historisch-geographische Untersuchung. WV, 1960, № 17—18; B. Kumor. Granice metropolii i diecezji polskich. «Archiwa. Biblioteki i Muzea Kościelne», 1966—1971, №№ 6—23; R. Popa. Țara Maramureșului în veacul al XIV. Buc. 1970. E. Kovačević. Granice bosanske pašaluka prema Austriji i Mletačkoj republici po odredbama Karlovačkog mira. Sarajevo. 1973.

⁵⁸ В качестве примера назовем статьи И. Мартинки о Житном острове (GC, 1956, č. 2—3) и И. Кони о болотистой местности под Браилой (PG(R), 1957, № 4).

⁵⁹ См. некоторые польские работы о демографической политике фашистских оккупантов и о послевоенной миграции на возвращенные Польшу западные земли.

⁶⁰ Созданные в ряде стран довольно многочисленные работы о передвижениях валахов в зоне Карпат носят преимущественно исторический экономико-географический характер. Истории пастушеской колонизации посвящена, например, монография: J. Macúrek. Valaši v západních Karpatech v 15—18. století. K dějinám osídlení a hospodářsko-spoločenského vývoje jižního Těšínska, jihozápadního Polska, severo-západního Slovenska a východní Moravy. Pr. 1958.

⁶¹ B. Varsik. Osídlenie Košickej kotliny. Sv. 1—2. Br. 1964—1973.

⁶² F. Roubík. Soupis a mapa zaniklých osad v Čechách. Pr. 1959; V. Nekuda. Zaniklé osady na Moravě v období feudalismu. Brno. 1961.

⁶³ M. Vego. Naselja Bosanske srednjekovne države. Sarajevo. 1957; E. Pašalić Antička naselja i komunikacije u Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1960.

⁶⁴ Ф. Папазоглу. Македонски градове у римско доба. Скопје. 1957; П. Коледаров. Към въпроса за развитието на селищната мрежа и на нейните елементи в средиземната и източната част на Балканите от VII до XVIII в. ИИИ, 1967, т. 18; данные в материалах коллоквиума по иллирийским исследованиям см. в «Studia Albanica» IX, 1972, № 2; H. Stahl. Contributii la studiul satelor devălmășe românești. 3 vol. Buc. 1958—1965; J. Májor. A magyar városok és városkálodás kizakalulásának kezdete. Bud. 1966; C. Giurescu. Türguri sau orașe și cetăți moldovene din secolele al X pîna la mijlocul

ли⁶⁵. Наряду с историей городов изучается нередко и их топография. В таком аспекте написаны немногочисленные теоретические труды⁶⁶ и ряд работ об отдельных городах⁶⁷.

Работы, связанные с исследованием топографии, имеются и по аграрной истории. В Югославии, например, активно исследуются отдельные средневековые феодальные владения (определение территорий, границ, численности и состава населения, населенных пунктов, социально-экономической структуры)⁶⁸. Подобные работы встречаются и в других странах.

Разнообразны объекты историко-географических экономических исследований: размещение промышленности в целом⁶⁹ и отдельных ее отраслей⁷⁰, динамика развития⁷¹, сельскохозяйственные производства⁷², водное хозяйство⁷³, а также экономическое районирование, некоторые экономические центры и т. д.

Существенный вклад в изучение исторической географии вносят специальные исследования о формах землепользования (труды югославского ученого С. Илешича и Б. Бенгиена (ГДР)⁷⁴. Пространственные аспекты социальной истории рассматриваются в ряде работ о сословных и сословных группах⁷⁵, о принадлежности земельной собственности отдельным владельцам⁷⁶.

По сравнению с историей заселения, социально-экономической исторической географией и некоторыми другими разделами ряд аспектов мало разработан. К ним относятся историческая география культуры, здравоохранения, военная историческая география. По этим разделам вообще немного работ и весьма мало обобщений. Так, по

secolului al XVI. Buc. 1967; W. Trzebiński. Działalność urbanistyczna magnatów i szlachty w Polsce XVIII wieku. W. 1972.

⁶⁵ Интересный пример — работы М. Суича (Югославия) о восприятии древнеримских внутригородских границ раннесредневековыми городами Далмации, имеющие значение для изучения преемственности городской жизни и формирования на этой базе территориальных единиц (M. Suić. Ostaci limitacije naših primorskih gradova u ranom srednjem vijeku. «Starohrvatska prosvjeta», 1956, br. 5; e jus d. Limitatio u kolonijama na našem Primorju. «Godišnjak Instituta za historijske nauke u Zadru», 1956).

⁶⁶ A. Zbieralski. Metody badań nad rozplanowaniem wczesnośredniowiecznego Gdańska. «Rocznik Gdański». 1960—1961, № 19—20; K. Blaschke. Qualität, Quantität und Raumfunktion als wesensmerkmale der Stadt vom Mittelalter bis zur Gegenwart. JbRg. 1968, № 3.

⁶⁷ «Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą (Województwo Zielonogorskie)». Tł. 1—2. Zielona Góra. 1967—1970; T. P. Бу́дз. Savaria topografija. Szombathely. 1967; статьи Я. Голака («Bratislava», 1967, № 3; 1969, № 4) и В. Янковича (НС, 1973, č. 3) по исторической топографии Братиславы.

⁶⁸ См. статьи Р. Ивановича (ИЧ, 1957, № 7; 1960, № 11), Б. Недельковича (ИЧ, 1959, кн. 9—10), Г. Шкриванича (ИЧ, 1966—1967, кн. 16—17), монографию J. Mlinarič. Topografija posesti Kostanjeviške opatije 1234—1786. Maribor. 1972.

⁶⁹ Историко-географические экскурсии в «Oekonomische Geographie der Deutschen Demokratischen Republik». Gotha—Leipzig. 1970; «Geografia przemysłu Polski». W. 1972; K. Jeżowski. Rozwój i rozmieszczenie przemysłu na Dolnym Śląsku w okresie kapitalizmu. Wr. 1961; K. Bednár. Rozmístění průmyslu v českých zemích na počátku 20. století (1902). Pr. 1970.

⁷⁰ Z. Podwińska. Rozmieszczenie wodnych młynów zbożowych w Małopolsce w XV wieku. KHKM, 1970, z. 3.

⁷¹ J. Purš. Strukturen und Dynamik der industriellen Entwicklung in Böhmen im letzten Viertel des 18. Jahrhunderts. JbWg, 1965, Tl. 1, 2.

⁷² J. Jančák. Rozmieszczenie produkcji roślinnej i zwierzęcej na Śląsku na przełomie XVIII i XIX w. Wr. 1964.

⁷³ В Чехословакии сложилась литература о прудовом рыбодоводстве, включающая и монографию (R. Hurl. Dějiny rybníkářství na Moravě a ve Slezsku. Ostrava. 1960).

⁷⁴ S. Ilješič. Die Flurformen Sloweniens im Lichte der europäischen Flurforschung. Regensburg. 1959 («Münchener geographische Hefte», № 16); B. Benthien. Die historischen Flurformen des südwestlichen Mecklenburg. Eine Studie zum Problem Dorf, Feld und Wirtschaft. Schwerin. 1960.

⁷⁵ В этом отношении показательна монография Я. Ваниша об одной из категорий чешского крестьянства — свободниках (J. Vaníč. Svobodníci ve středních Cechách letech 1550—1620. Pr. 1971. «Historickogeografické práce», sv. 1). По проблеме служебных поселений см.: K. Modzelewski. Grody i dwory w gospodarce polskiej monarchii wczesnofeudalnej. KHKM, 1973, z. 1, 2.

⁷⁶ I. Doñat. Satele lui Mihai Viteazul. «Studii și materiale de istorie medie», 1960, № 4; D. S. Shutariqi. Aranitët, Zoterimët. «Studime Historike». 1967, № 1; K. Dobrowolski. Rozwój wielkiej własności ziemskiej klasztoru cysterek w Zamowcu od XIII do XVI wieku. Gdańsk. 1970.

военной исторической географии есть работы, посвященные отдельным событиям, главным образом в связи с задачей локализации или уточнения мест сражений. Немногие же обобщения носят территориально или тематически ограниченный характер⁷⁷.

В каждой европейской социалистической стране разрабатывается преимущественно собственная, национальная проблематика. Некоторое внимание уделяется и исторической географии зарубежных территорий, отчасти в связи с изучением собственной проблематики⁷⁸, а отчасти отдельно от нее⁷⁹. Общие для разных стран темы обнаруживаются больше в исторической географии древнего мира и раннего средневековья, хотя и здесь надо иметь в виду, что исследования в значительной мере привязаны к современным национальным территориям. К таким общим проблемам относится история иллирийских племен⁸⁰, кельтов⁸¹ и некоторых других народов античности⁸², а также древних славян и кочевых народов⁸³. Историко-географический момент этих исследований представлен в первую очередь проблемой территориального расселения. Следует отметить интересный опыт К. Курца (Чехословакия) по экономическому районированию доримской Далмации⁸⁴.

Важное место в исторической географии занимает работа по созданию карт и атласов, обычно рассматриваемая как итоговое выражение разработки историко-географических тем, но иногда и как один из исходных моментов в исследовании⁸⁵.

В настоящее время наиболее устоявшимися традициями работы по созданию атласов обладают польские историки-картографы. Первые шаги по подготовке польского исторического атласа научного типа относятся к началу нашего века. Атлас носит аналитический характер и выпускается с 1928 г. отдельными томами, посвященными разным территориям⁸⁶. В ГДР в 1973—1975 гг. опубликован двухтомный всемирный исторический атлас⁸⁷, а еще раньше было начато составление порайонных атласов⁸⁸. Обзорные одностомные атласы вышли в болгарском издательстве⁸⁹ и в Чехословакии⁹⁰. На конец 1975 г. намечалось завершить подготовку атласа в Югославии⁹¹.

Историки некоторых социалистических стран участвуют в международной программе создания карты Римской империи. Для этой карты в Венгрии, Румынии, Чехословакии уже подготовлено и издано несколько листов.

⁷⁷ Для примера укажем несколько таких обобщений: A. Radnoti, L. Baróczy. The Distribution of Troops in Pannonia Inferior during the 2d Century. «Acta Archaeologica», 1951, № 3—4; две статьи В. Герасимовой (Болгария) о размещении римских вспомогательных войск в Мизии («Археология», 1969, кн. 4, 1970, кн. 4).

⁷⁸ E. Fügedi. Kirchliche Topographie und Siedlungsverhältnisse im Mittelalter in der Slowakei. «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungariae», 1959, № 3—4.

⁷⁹ T. Lewicki. Ze studiów nad geografią historyczną Afryki. Królestwo Organa map europejskich XIV—XVI w. «Przegląd Orientalistyczny», 1970, № 3(75); некоторые работы в польских трудах серии «Dokumentacja Geograficzna», и др.

⁸⁰ Главным образом в Албании и Югославии, где проводятся и конференции по этой теме. В частности, первый симпозиум по изучению иллирийцев, организованный центром балканистики при Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, был посвящен теме, имеющей ярко выраженный историко-географический уклон: «Simpozijum o teritorijalnom i hronološkom razgraničavanju Ilira u praistorijsko doba, održan 15. i 16. maja 1964». Sarajevo. 1964.

⁸¹ J. Filip. Keltové v střední Evropě. Pr. 1956; J. Todorović. Kelti u jugoistočnoj Evropi. Beograd. 1968.

⁸² W. Rajkowski. Starożytni Epir i jego mieszkańcy. Poznań. 1970.

⁸³ P. Diaconu. Les pechénegues au Bas-Danube. Buc. 1970.

⁸⁴ K. Kurz. Die Wirtschaftsgebiete im vorrömischen Dalmatien. Pr. 1970. («Rozprawy Československé akademie věd». Řada společenských věd. Roč. 80. seš. 5).

⁸⁵ Так, И. Тодорович рассматривает работу по картированию археологических находок как одно из оснований решения задачи изучения кельтов (J. Todorović. Op. cit., s. 1—2).

⁸⁶ «Atlas historyczny Polski».

⁸⁷ «Atlas zur Geschichte». Gotha—Leipzig, Bd. 1. 1974; Bd. 2. 1975.

⁸⁸ «Atlas des Saale- und mittleren Elbegebietes». Bd. 1—3. Leipzig. 1959—1961.

⁸⁹ «Атлас по българската история». С. 1963.

⁹⁰ «Atlas československých dějin». Pr. 1965.

⁹¹ «Српска академија наука и уметности. Годишњак». 77, 1970, с. 559.

Уделяется внимание методологическим и методическим проблемам подготовки карт и атласов⁹².

В целом историческая география успешно развивается во всех европейских социалистических странах, хотя не везде одинаковыми темпами. Наиболее глубоко и всесторонне изыскания в этой области проводятся в Польше и Чехословакии. В последние годы деятельно выступают югославские ученые, активизировалась работа исследователей ГДР, Венгрии и Болгарии. Объем, направленность и уровень исследований позволяют сделать вывод, что историческая география в европейских социалистических странах на современном этапе переживает процесс укрепления и расширения своих позиций, превращения в четкую систему знаний, необходимую для конкретной странственной локализации исторического процесса.

Э. Г. Истомина, Г. И. Королев

⁹² Обширный материал о чехословацком атласе помещен в HG, 1968, ч. 1. Проблемно-методические работы: R. Ogrissek. Ein System der thematischen Karten. PGM, 1964, № 108; T. Ładogórski. Uwagi o nowej koncepcji Atlasu Historycznego Polski. KH, 1967, z. 1; E. Melmuková-Sašeci. Příspěvek k metodice zpracování regionálních celků a typových v obci 16—20 století. HG, 1971, ч. 6; M. Martinek. Přípravy k vydání atlasu Prahy. SČSSZ, 1969, ч. 4 В чехословацком сборнике HG, начиная с 4-го выпуска, ведется рубрика «Критика карт в исторических публикациях».

Рецензии

Э. БИКЕРМАН. *Хронология древнего мира (Ближний Восток и античность)*. М. Изд-во «Наука». 1975. 337 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 44 коп.

При подготовке русского издания этой книги профессор Колумбийского университета (США) Э. Бикерман учел критические замечания, сделанные после выхода предыдущих изданий. Существенные дополнения внесла (с согласия автора) группа советских востоковедов, историков древнего мира (И. Д. Амусин, О. Д. Берлев, М. А. Дандамаев, И. М. Дьяконов, И. Т. Канева, В. А. Лившиц и В. А. Якобсон).

Структурно книга состоит из трех частей: изложения принципов древней хронологии и перевода древних дат в современное летосчисление (стр. 10—103); таблиц (стр. 104—299), пополненных для русского издания советскими историками и имеющих самостоятельное справочное значение; приложения (стр. 300—332), которое содержит статьи советских ученых.

В книге подробно разбираются понятия дня, месяца и лунно-солнечного года в разных системах счисления времени, известных по письменным источникам в странах Средиземноморья и Ближнего Востока, приводится список всех известных названий месяцев, соотнесенных с афинским календа-

рем. Затем автор характеризует греческие календари различных городов, афинский календарь классической эпохи (ставший общим для Греции), получивший известность благодаря большому количеству письменных памятников, македонский календарь в птолемеевском Египте, собственно египетскую систему счисления времени и, наконец, римский и юлианский календари (последний дожил практически почти до нашего времени). Здесь же рассмотрены солнечный год, зодиак и неделя. Переходя к хронографии — методу установления временных интервалов между событиями, а также между событиями древности и настоящим временем, Э. Бикерман разбирает такие вопросы, как наименование года, установление эпонимата и соотношений между собой различных эпонимов¹, эры и перевод дат одной эры в другую. В книге содержатся практические советы историкам по переводу различных дат в современное летосчисление.

¹ Эпоним — чиновник, по имени которого назывался год.

Заслуживают внимания справочные таблицы, как астрономические, помогающие установить даты того или иного события, если оно описывается в каком-либо источнике в связи с астрономическими явлениями, так и исторические (синхронистическая таблица, содержащая сопоставление четырех систем летосчисления — нашего, по Варрону — от основания Рима, — по олимпиадам и египетские подвижные годы). Далее приведены: римский юлианский календарь, списки правителей, имена которых отразились в хронологии, от Древнего Египта до V в. н. э. включительно; списки афинских архонтов, римских консулов и римских императоров; сравнительная хронология ранней истории Рима по Варрону, Диодору и Полибию; хронология основных событий древней истории Ближнего Востока, Греции и Рима. Эти таблицы значительно облегчают работу историков не только древнего мира, но и более позднего времени вплоть до середины II тыс. н. э.

Статьи советских ученых, оформленные как дополнение к определенным страницам первой части, являются, по сути дела, самостоятельными исследованиями, расширяющими научный диапазон книги. В целом ее издание — отрадное явление. Ее выход в свет привлечет внимание всех, кого интересуют вопросы практической и теоретической хронологии.

Положительно оценивая книгу, выскажем ряд замечаний. Так, можно только пожалеть, что не дано, хотя бы в общих чертах, сопоставление европейских хронологических систем с системами древнего Китая, Японии или хотя бы Кушанского царства, хронология которого, несмотря на многие попытки, пока никак не увязывается с нашим летосчислением². Последнее важно, поскольку памятники этого народа непрерывно открываются археологами в республиках Средней Азии и на территории Северного Афганистана³.

И Э. Бикерман (стр. 64) и советский историк И. М. Дьяконов (стр. 314—317) отстаиваются на «Шумерском царском списке», но не считают его историческим документом, особенно в его древних частях, на том основании, что в нем, по их мнению, записаны несуществовавшие цари, которые

правили неправдоподобное количество лет. Однако этот источник настолько важен и интересен, что необходимо более внимательно подойти к этому документу и посмотреть, так ли он мифологичен, как о нем стереотипно думают, говорят и пишут в течение почти 40 лет, прошедших со времени его опубликования. Например, среди археологов известен прием отнесения непонятного предмета к категории культовых вещей, что как бы снимает с исследователя ответственность за его интерпретацию; нельзя ли и в отношении «Шумерского царского списка» уловить некую аналогию? Не претендуя на решение вопроса, хочется все же предложить путь, который специалисты могли бы принять или отвергнуть.

Попробуем поставить вопрос о реальности названных в «Списке» царей. Он начинается перечислением восьми царей из пяти древнейших городов Шумера. Затем наступил перерыв: «Потоп смыл все; после того, как потоп смыл все, как только царственность спустилась с небес, царственность была в Кише». Потом перечисляются последующие цари Шумера. В современной науке господствует точка зрения, что все допотопные цари и значительная часть последующих (I династия Киша, часть I династии Урука) никогда не существовали и являются плодом фантазии составителей «Списка», которые таким образом стремились обосновать божественное происхождение царской власти, осуществлявшейся над всей страной царями III династии Ура (стр. 314). Но ведь еще 60 лет назад Саргон Аккадский (2316—2261 гг. до н. э.) считался мифическим персонажем, и его историческую реальность приходилось доказывать⁴. Пятый царь I династии Урука Гильгамеш, герой эпоса, признается теперь исторической личностью, он был жрецом и военным вождем Урука первой половины III тыс. до н. э.⁵ Второй царь I династии Урука Энмеркар благодаря открытию и изданию С. Н. Крамером эпической поэмы «Энмеркар и правитель Аратты»⁶ становится реальным историческим персонажем — царем Урука. Он обнес это поселение стенами и окончательно превратил в город. Благодаря найденным в толщах культурных слоев

² «Центральная Азия в кушанскую эпоху». Т. I М. 1974; т. II. М. 1975.

³ См., например, Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент. 1966. Работы советско-афганской археологической экспедиции в 1969—1974 гг.

⁴ L. King. A History of Sumer and Akkad. L. 1916.

⁵ «Эпос о Гильгамеше». Перевод с аккадского и комментарий И. М. Дьяконова. М. 1961, стр. 108.

⁶ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М. 1965, стр. 31—40.

Ура документам и вещам первые два царя I династии Ура Месаннипадда и его сын Ааннипадда также перешли в разряд исторических личностей⁷. Приведенные примеры показывают, что в Шумере действительно имелись названные в «Списке» города, а в этих городах правили многие из названных в этом источнике царей (лугалей).

Тот факт, что царский титул появился в Шумере позднее, чем правили названные в «Списке» ранние цари (стр. 314), еще ни о чем не говорит. «Список» был составлен тогда, когда уже существовал и лугаль и его титул, который был перенесен на всех, кто его в действительности не мог еще носить. Допотопные цари «Списка» упоминаются в аккадском и шумерском эпосах о потопе. В эпосе о Гильгамеше сказано, что отцом спасшегося Утнапишти (в более раннем, шумерском, варианте ему соответствует Зиусудра) был Убартуту. По «Шумерскому царскому списку» в Шуруппаке перед потоком правил царь Убартуту; а в неполном варианте этого «Списка», известном под шифром «K-11624», назван и сын этого царя — Зиусудра. Получается, что в четырех источниках говорится об одном и том же: накануне потопа в Шуруппаке царствовал Убартуту, у которого был сын Зиусудра (он же Утнапишти), спасшийся (разумеется, по воле богов) от катастрофического наводнения. Мечтать о нахождении каких-либо исторических документов с именем этих царей не приходится, поэтому вряд ли можно столь категорически отвергать возможность их реального существования.

Если же поставить вопрос о сроках их царствования, то тут надо принять во внимание, что, как уже было замечено, фантастические годы правления царей I династии Киша обычно кратны 60. Однако просто разделить годы правления на 60 нельзя по ряду причин (стр. 315). Тем не менее, поскольку «Список» открывается перечнем допотопных царей, следует вести рассуждение, начиная с них. Оказывается, эти цари перечисляются еще в двух источниках: в списке «W-B 62» и списке Бероса, но в них указывается разная продолжительность их правления. Кроме того, в списке «W-B 62» есть пропуск двух дат: царя Эн-мен-гал-Анна из Бад-габира и царя Убартуту из Шуруппака. Следовательно, имеется 22 различных срока, которые объединяет одно обстоятельство:

все они независимо от источника кратны 360 — количеству дней в вавилонском годе⁸. Сроки царствования, разделенные на 360, сокращаются по основному «Списку» с 28 800—43 200 до 80—120 лет, по списку «W-B 62» с 21 600—72 000 до 60—200 лет и по Беросу с 10 800—64 800 до 30—180 лет. Но и тогда сроки правления, выраженные уже действительно в годах, а не в днях, будут выглядеть еще очень большими; однако они все же более правдоподобны и, главное, поддаются объяснению. Из истории ранних государств Ближнего Востока (например, Хеттского) известно, что, вступая на престол отца, сын принимал отцовское имя; этим показывалось, что правит как бы один и тот же человек — вместе ли и носитель субстанции власти, которая меняет оболочку по родственной восходящей линии. При таком условии нет ничего удивительного в том, что царственность, которая «спустилась с небес» и избрала себе определенного человека с определенным именем, настолько прочно связала себя с этим именем, что вместе с ним перешла от отца к сыну. И лишь при смене династии к власти приходил новый человек с новым именем.

Если подойти с такими же мерками к срокам правления последопотопных царей «Списка», то окажется, что эти сроки кратны не только 60 (количество недель в году), но также 12 (количество месяцев) и 30 (количество весьма распространенных в древней хронологии двухнедельных отрезков времени). Что указанные в списке даты требуют сокращения — очевидно, но как выбрать такой общий делитель, который бы сделал их реальными? Для этого надо на определенном отрезке времени между двумя независимыми событиями (например, «потопом» и правлением Саргона Аккадского) эмпирически рассчитать оптимальный вариант. К сожалению, рамки рецензии не позволяют развить эту мысль более детально, но на примере допотопных царей мы постарались показать реальность и историчность этой древнейшей летописи человечества. Хотелось бы надеяться, что «Шумерский царский список» будет когда-нибудь фигурировать в качестве исторического источника.

И. Н. Хлопин

⁸ Все сведения о «Шумерском царском списке» см.: Th. Jacobsen. The Sumerian King List. The Oriental Institute of the University of Chicago. «Assyriological Studies», № 11. Chicago. 1939.

⁷ Л. Вулл. Ур халдеев. М. 1961, стр. 16.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Военноисторически сборник». София.
1976, № 1.

Столетие Апрельского восстания.— Великая Апрельская эпопея; Ст. Дойнов. Социально-экономическая и политическая обусловленность Апрельского восстания; Цв. Павловска. Васил Левский и Апрельское восстание 1876 г.; Г. Язаров, П. Петров. Боевые действия во время Апрельского восстания 1876 г.; В. Трайков. Апрельское восстание 1876 г., восточный кризис и балканские народы; Г. Гинчев. Болгарка в Апрельской эпопеи; Выдающиеся военные и революционные деятели.— Т. Гигов. Георгий Бенковский; М. Лалков. Поручик Петр Пармаков; Ив. Шипчанов. Георгий Измириев-Македончето; События и герои.— К. Вызвизова-Карафеодорова. Письменные источники 1875—1876 гг. о военной подготовке и проведении Апрельского восстания и чете Ботева.

«Történelmi Szemle». Budapest.
1976, № 1—2.

И. Диосеги. О политической карьере Андраши в 1871—1875 гг.; З. Сас. Вопрос о румынских школах в городе Брашов и политика по отношению к невенгерским народам в конце XIX в.; Ф. Глатц. Культ истории и историография. Размышления о работе Дьюлы Секфю «Изгнанный Ракоци»; Сообщения.— Я. Я. Варга. Именные сервиентов, несших военную службу во владениях Баттьяни (XVII—XVIII вв.); Л. Шоймоши. Исследование и использование важнейших средневековых источников по истории отдельных местностей; М. Э. Скотт. Кому на пользу? Венгрия и протекционистская политика дуалистической монархии; Работы, написанные в ходе подготовки нового сводного труда по венгерской истории.— С. Казимир. Материалы об изменении цен и арендной платы в XVI—XVII вв.; Публикации.— Список участников «Кружка Галилея» (подг. к печати Я. Ф. Варга); Трибуна историка.— Э. Ковач. Историк и общественность; Д. Ласло. Историк первобытного общества и общественность; Б. Беллер. Историк и ученическая общественность; Дискуссии.— Л. Маккаи. Феодализм и его первоначальные особенности в Европе; Л. Маркуш. Литература и контрреволюция; Обзорение.— Древнейшая история венгерского народа (обсуждение рукописи А. Баргы) (Г.).

«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976,
№ 4.

А. Краузе, Х. Мёрдель, У. Шмидт. XXV съезд КПСС и национально-освободительное движение; Р. Вюнше. Политика неприсоединения в современных международных отношениях; Д. Вайдманн. О внешнеполитическом наследии освободительного движения; К.-Г. Хорн. Программа предоставления работы Международной рабочей организации (ILO), международные монополии и безработица в развивающихся странах; А. Линкс. Положение сельского хозяйства Индонезии; Х. Кауффельт. Лаосская Народно-Демократическая Республика на пути к новому общественному устройству; Э. Серауки. Некоторые актуальные аспекты проведения в жизнь советской мирной программы на Ближнем Востоке; И. Глазек. О роли израильской социал-демократии в Социалистическом интернационале; Х. Лот. Колониализм и антиколониализм в Южной Африке в религиозных формах; К. Манн. О тенденциях развития межамериканских отношений в настоящее время; Г. Блекерт. Значение основания SELA (Sistema Economico Latinoamericano, июль 1975 г., Панама) как один из факторов ускорения экономической интеграции Латинской Америки.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 4.

И. Беккер. 50-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции в идейно-политической работе СЕПГ; Х. Шваб. Научный коммунизм против анархизма. Теоретическая борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против бакунизма; Х. Цвар. Структурный анализ конституирующегося немецкого рабочего класса; И. Глазек. СФИО и идеология «демократического социализма» в 1945—1962 гг.; Документы и материалы.— В. Витвер. Письмо Августа Бебеля (декабрь 1891 г.); Воспоминания.— Х. Грюнштайн. Борьба продолжается, пока крепость не пала; Д. Бланке. Движение рабочих-эсперантистов в Веймарской республике и их вклад в развитие германо-советской дружбы; Х. Ульрих. КПГ и революционное наследие Гегеля (1930—1931 гг.); Дж. Израель, В. Кислинг. Немецкие антифашисты в Уругвае (1933—1942 гг.); Биографический очерк о Марте Арендзее (Э. Фельстер).

«*Militärgeschichte*». Berlin. 1976, № 3.

В. Виммер, Эрнст Тельман о защите Советского Союза; Э. Делер, Э. Фишер. Вклад Эрнста Тельмана в развитие борьбы Спротивления немецкого рабочего движения против растущей фашистской угрозы (1929—1933 гг.); Р. Енч. Воинские формирования немецких интербригадистов в Испании—зародыш организации демократической народной армии; А. Каризус, Т. Добнас. Развитие и кризис военной стратегии НАТО в 50-е годы; Разное.—Р. Глесс, П. Кольмезе, Б. Копец. Об истории Международной санитарной службы (МСС) в Испании в 1936—1939 гг.; Документы.—В. Керн, Э. Моритц. Выводы, к которым пришло фашистское германское главное командование сухопутных войск после вооруженной интервенции в Испании в 1936—1939 гг.

«*Militärgeschichte*». 1976, № 4.

Л. П. Козлов. Совершенствование противотанковой обороны Советских Вооруженных Сил во время Великой Отечественной войны Советского Союза; Х. Гиртц, В. Кюттлер. Об определении содержания и исторического значения термина милитаризм; Разное.—О. Грелер. Влияние поражения фашистского вермахта летом 1944 г. на моральный дух войск; Г. Кюн, В. Вебер. Интернациональный характер, структура и деятельность нелегальной военной организации в концлагере Бухенвальд; К. Штих. Характерные особенности применения империалистических ВВС в локальных войнах после 1945 года.

«*Acta Poloniae Historica*». Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1976. Т. XXXIII.

Я. Тазбир. Томас Мор в Польше; М. Богущка. «Привлекательность» дворянской культуры? (сарматизация польской буржуазии в XVII в.); С. Меллер. Об отношениях между Польшей и Нидерландами в 1790—1795 гг.; Р. Чепулис-Растиенис. Структура и социальное положение интеллигенции Королевства Польского в период между восстанием 1830 г. и вплоть до 1863 года; З. Ландау. Национальный доход в историческом исследовании (по материалам межвоенной Польши); Г. Слабек. О происхождении социальной структуры сельского района на западных и северных территориях Народной Польши; Сообщение.—С. Кеневич. Польская культурная политика в XIX веке; Ч. Мадайчик. Мемуары как массовые документы: о возможности их использования гуманитарными науками; Дискуссия.—А. Брожек. Четыре письма из Техаса в Польшу 1855 года; Т. Грудзински. Институт истории и архивистики университета Николая Коперника в Торуне.

«*Z pola walki*». Warszawa. 1976, № 2.

Б. Радляк. Деятельность краевой организации СДКПил в 1902—1903 гг.; В. С. Неволлина (СССР). III конгресс Ко-

минтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши; Р. Домбровски. Деятельность Заграничного комитета Польской социалистической партии в период с октября 1939 г. до сентября 1941 г.; Б. Гонсеница-Сташечек. Коммунисты и антифашистские национальные фронты в Европе в период второй мировой войны; Е. Павлович. Концепции развития социалистической революции в международном коммунистическом движении в 1945—1947 гг.; Материалы и воспоминания.—Э. С. Винче, Т. Эренья (Венгрия). Идеологическое развитие рабочего движения в Венгрии на основе его программных документов (1868—1918 гг.); Из воспоминаний о Марии Кошутской (обраб А Быстржыцки); О работе над многотомной историей польского рабочего движения.—Отчет о заседании редакционного комитета (В. Булат).

«*Anale de istorie*». București. 1976, № 3.

О задачах, стоящих перед исторической наукой. Выступление тов. Н. Чаушеску на съезде политического воспитания и социалистической культуры; Исследования—сообщения.—И. Якош. Первая марксистская программа рабочего и социалистического движения Румынии; О. Матикеску. Волнующее свидетельство революционной деятельности. Судебный процесс над коммунистами и антифашистами 1936 г. в городе Брашов; В. Мойсук. Трианонский договор—международное закрепление законности объединения Трансильвании с Румынией; Г. Захария. Румыния накануне и в начале второй мировой войны; Роль солидарности румынского народа с американской революцией в период войны за независимость (И. Чаушеску); Документы.—Из архива истории Румынии (ч. 3-я); Воспоминания.—Зоя и Аксинте Фрунзе. Елена Куза; Страницы всемирной истории и истории международного рабочего движения.—К. Маркс и Ф. Энгельс о принципах сотрудничества между политическими отрядами рабочего класса (Г. Унк); Итальянская коммунистическая партия—политическая сила, тесно связанная с национальной действительностью и современной международной жизнью (И. Шербанеску).

«*Historie a vojenstvi*». Praha. 1976, № 1.

В. Чада. Навстречу 55-й годовщине возникновения КПЧ (ч. 2-я); К. Нусс. Воспитание молодежи ГДР в духе революционных боевых традиций; Б. Немец. О соотношении интернационального и национального в процессе укрепления единства стран социалистического содружества; И. Брож. О проявлениях антикоммунизма в военной и внешней политике империализма; В. Рыбецки. Социалистический интернационал; Л. Копецки. Военные архивы и научное исследование в армии.

«Historie a vojenství». 1976, № 2.

И. Урбан. Внешнеполитическая и военно-политическая линия XXV съезда КПСС; В. Рыбецки, О. Малер. Хельсинское совещание и разрядка военного напряжения в Европе; Б. Немец. Единство социалистических стран — фактор укрепления мира и обороноспособности социалистического

содружества; И. Жачек, Ф. Буржински. Необходимость обеспечения обороны социализма и ревизионистская концепция «нейтралитета»; К. Рихтер. 35-я годовщина соглашения о совместных действиях; Б. Чешка. Марксистско-ленинская социология и проблема социализации; Ю. Сумбатян. Армия в антиимпериалистической, национально-освободительной борьбе.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі. Мінск. 1972. 165 стр. Рец.: Pránda A.—*Národopisný věstník československý*. Brno. 1974, č. 8—9, s. 134—137.

Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. М. 1974. 399 стр. Рец.: Smolansky O. M.—*«Middle East Journal»*. Washington. 1976, № 1, pp. 96—101.

«Великая Отечественная война». Краткий науч.-попул. очерк. Изд. 2-е. М. 1973. 542 стр. Рец.: Hass G.—*«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft»*. Berlin. 1976, H. 3, S. 340—341.

«Внешняя политика Советского Союза». М. 1975. 415 стр. Рец.: Timeček J.—*«Právní obzor»*. Bratislava. 1976, č. 3, s. 281—283.

Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М. 1973. 296 стр. Рец.: Ross W.—*«Z pola walki»*. Warszawa. 1976, № 1, s. 189—194.

Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки. М. 1973. 342 стр. Рец.: Smolansky O. M.—*«Middle East Journal»*. Washington. 1976, № 1, pp. 96—101.

Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М. 1972. 368 стр. Рец.: Дашић М.—*«Историјски записи»*. Титоград. 1972, кн. 32, с. 615—617.

Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада в 1917—1941 гг. М. 1974. 375 стр. Рец.: L.-D. Behrendt.—*«Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas»*. Berlin. 1976, Bd. 20/1, S. 239—243.

Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М. 1974. 190 стр. Рец.: Pavlica T.—*«Slezský sborník»*. Ořava. 1976, č. 2, s. 136—137.

«История Швеции». М. 1974. 719 стр. Рец.: Oldberg J.—*«Historisk tidskrift»*. Stockholm. 1976, № 1, s. 76—82.

Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М. 1973. 152 стр. Рец.: Tinnefeld F.—*«Byzantinische Zeitschrift»*. München. 1976, H. 1, S. 76—78.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М. 1971. 63 стр. Рец.: Mogačová M.—*«Národopisný věstník československý»*. Brno. 1974, č. 8—9, s. 137—139.

Кубланов М. М. Возникновение христианства. Эпоха, идеи, искания. М. 1974. 216 стр. Рец.: SPD—*«ABSEES»*. Glasgow. 1976, № 2, pp. 120—121.

Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М. 1971. 319 стр. Рец.: Lakowski R.—*«Militärgeschichte»*. Berlin. 1976, № 2, S. 239—240.

Кузнецов Н. Г. Накануне. М. 1969. 375 стр. Перев. на нем. яз. Berlin. 1973. Рец.: Lakowski R.—*«Militärgeschichte»*. Berlin. 1976, № 2, S. 239—240.

Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л. 1973. 163 стр. Рец.: Dujssev I.—*«Byzantinische Zeitschrift»*. München. 1976, H. 1, S. 108—110.

Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М. 1970. 349 стр. Рец.: Smolansky O. M.—*«Middle East Journal»*. Washington. 1976, № 1, pp. 96—101.

«Новейшая история арабских стран (1917—1966)». М. 1968. 658 стр. Рец.: Smolansky O. M.—*«Middle East Journal»*. Washington. 1976, № 1, pp. 96—101.

Обухов Л. А. Африка: борьба за умы. Средства массовой информации и идеол. экспансии империализма в странах Троп. Африки. М. 1975. 229 стр. Рец.: Vuchodil F.—*«Mezinárodní vztahy»*. Praha. 1976, № 2, s. 65—66.

«Охрана памятников истории и культуры». Сборник документов. М. 1973. 191 стр. Рец.: Maliszewski J. M.—*«Ochroņa zabytków»*. Warszawa. 1976, № 1, s. 71—72.

Петров В. С. и др. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М. 1974. 335 стр. Рец.: Materiski W.—*«Studia nauk politycznych»*. Warszawa. 1976, № 2, s. 218—221.

«Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом полит. линии ком. движения.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в июле 1976 года.

Коммунисты и массы». М. 1975. 632 стр. Рец.: Szyszkowski M.—«Z pola walki». Warszawa. 1975, № 4, s. 195—199.

Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975. 406 стр. Рец.: Wojna R.—«Z pola walki». Warszawa. 1976, № 1, s. 197—200.

Туганова О. Е. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке.

М. 1967. 296 стр. Рец.: Smolansky O. M.—«Middle East Journal». Washington. 1976, № 1, pp. 96—101.

Яжборовская И. С. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX—первая четверть XX в.). М. 1973. 415 стр. Рец.: Sobczak J.—«Z pola walki». Warszawa. 1975, № 4, s. 186—190.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Изданы письма известного деятеля польского и международного коммунистического и рабочего движения Юлиана Мархлевского к жене и дочери. Публикация охватывает 1900—1923 годы. Наибольший интерес представляют письма 1919—1920 гг., посланные из Москвы учившейся в Польше дочери. В них сообщается, в частности, немало подробностей о жизни столицы пролетарского государства (J. Marchlewski. Listy do żony i córki. Warszawa. PiW. 1975. 395 str.).

◆ Монографию о политических партиях, действовавших в Польше в первые годы после второй мировой войны, написал Зенобиуш Козик на материалах Кракова и его воеводства. В книге характеризуется сложная политическая обстановка первых лет народной власти, когда на краковской земле практически развертывалась гражданская война (Z. Kozik. Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. 1945—1947. Kraków. WL. 1975. 470 str.).

◆ Польский ученый Виктор Стеффен опубликовал мемуары, интересные как свидетельство польского принадежности Вармии (автор является уроженцем этой части бывшей Восточной Пруссии и никогда не порывал связей с родными местами) (W. Steffen. Moja droga przez życie. Olsztyn. Wyd. «Pojezierze». 1976. 210 str.). Воспоминания Отилии Грот посвящены судьбам польских интеллигентов из Вармии и Мазур, прошедших в годы войны нацистские застенки и концлагеря (O. Grot. Gdy zabrakło miłości. Olsztyn. Wyd. «Pojezierze». 1976. 284 str.).

◆ Очерк истории администрации на польских землях от разделов Речи Посполитой до административной реформы, проведенной в Народной Польше в 1975 г., написал Анджея Айненкель. Наибольшее внимание уделено буржуазной Польше, времени фашистской оккупации и народной республике (A. Ajnenkel. Administracja w Polsce. Zarys historyczny. Warszawa. KiW. 1975. 210 str.). Его же перу принадлежит работа о межвоенном польском парламентаризме. Автор делает упор на функционирование сейма и сената (законодательная и контрольная деятельность, влияние на выработку политики), характеризует отдельных парламентских деятелей и партийные

фракции сейма (A. Ajnenkel. Parlamentaryzm Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa. WP (Omega). 1976. 410 str.).

◆ Группа польских историков под руководством Ежи Топольского создала обобщающий труд по истории Польши с древнейших времен до наших дней. Книга эта является, по существу, первым в Народной Польше полным в хронологическом и гематическом отношении учебником такого рода, содержащим совокупный очерк истории государства, народа и общества («Dzieje Polski». Warszawa. PWN. 1975. 919 str.).

◆ Историю ракетостроения в фашистской Германии и борьбы антигитлеровской коалиции за ликвидацию попыток нацистов применить в войне ракеты исследовал Михал Воевудский. Вышло третье издание его книги. Автор показывает усилия участников польского движения Сопротивления по раскрытию тайны гитлеровских ракет дальнего действия. Книга снабжена документальными приложениями (M. Wojevodzki. Akcja V-1, V-2. Warszawa. «PAX» 1975. 545 str.).

◆ Вышел в свет 3-й и последний том монографии о Лодзинском промышленном округе, написанный Гжизельдой Миссаловой. Она освещает процесс развития мануфактур и фабрик, становления класса буржуазии в 1815—1870 годах (G. Misałowa. Studia nad powstaniem Łódzkiego okręgu przemysłowego. 1815—1870. T 3 Burżuazja. Łódź. 1975. 248 str.).

◆ Материалы научной конференции в Лодзи о роли рабочего класса в развитии польского общества составили содержание книги «Современный рабочий класс Польши». В ней нашли отражение следующие проблемы: образование и развитие рабочего класса; социально-политические последствия завоевания им ведущей роли в жизни общества; проблематика его развития в ПНР («Współczesna polska klasa robotnicza». Warszawa. KiW. 1975. 408 str.).

◆ Деятельности Польши в ООН посвящена книга Анджея Абрашевского «Польша в Организации Объединенных Наций (1945—1975)». Автор знакомит читателя с позицией Польши по основным вопросам, обсуждавшимся в ООН. В книге приведены меморандумы и другие внешнеполитиче-

ские документы польского правительства (A. A b r a s z e w s k i. *Polska w Organizacji Narodów Zjednoczonych* (1945—1975). Warszawa. «Interpress». 1975. 164 str.).

◆ Увидел свет сборник работ известного польского историка Талеуша Мантейфеля. Материалы расположены в нем по рубрикам: Историк и история; Идеология и государственный строй; Из истории славянства в средние века; Историческая наука в период оккупации Польши и в последующие годы (T. M a n t e u f e l. *Historyk wobec historii. Rozprawy nieznanne. Pisma drobne. Wspomnienia*. Warszawa. PWN. 1976. 432 str.).

◆ В книге Юзефа Ковальчука «За кулисами политических событий 1936—1938 годов» представлены материалы о малоизвестных явлениях политической жизни Польши той поры. В ней приведены донесения чехословацкого посла в Польше Ю. Славика и рассказано о его встречах с В. Сикорским и М. Ратаем, повествуется о дипломатическом нажиме санационного правительства на тогдашнюю Чехословакию (J. K o w a l c z u k. *Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936—1938. W świetle raportów посла Czechosłowacji w Warszawie i innych archiwaliów*. Warszawa. KiW. 1976. 151 str.).

◆ Ряд очерков об участии поляков в войне североамериканских колоний за независимость (1775—1783 гг.) и гражданской войне в США (1861—1865 гг.) вошел в книгу Богдана Гжелоньского «Поляки в Соединенных Штатах Америки. 1776—1865». Сюда включены также очерки, посвященные полякам из числа первопоселенцев в Америке и эмигрантам—участникам польского восстания 1794 г. (B. G z e l o Ń s k i. *Polacy w Stanach Zjednoczonych Ameryki, 1776—1865*. Warszawa. «Interpress». 1976. 236 str.).

◆ Управление западными и северными польскими землями в первые послевоенные годы — сюжет работы Иеронима Рыбицкого. Автор рассказывает, как складывалась в Народной Польше концепция управления этими землями; о роли государственной администрации; о деятельности органов самоуправления в процессе освоения этих земель переселенцами (H. R y b i c k i. *Powstanie i działalność władzy ludowej na zachodnich i północnych obszarach Polski 1945—1949*. Poznań. WP. 1976. 248 str.).

◆ На страничке книги «Варшава. История города» Кароль Моравский знакомит читателей с многовековым прошлым польской столицы. Он начинает с легенд, связанных с названием города, и затем последовательно описывает всю богатую событиями его историю вплоть до нашего времени. В приложении помещена подробная хронологическая таблица (K. M o r a w s k i. *Warszawa. Dzieje miasta*. Warszawa. KiW. 1976. 359 str.).

◆ Институт теории государства и права АН ГДР выпустил книгу «США. Подъем и падение буржуазной демократии». Авторы освещают в ней следующие вопросы: путь от общества свободной конкуренции к диктатуре монополий, роль Верховного суда США в охране привилегий «200 семейств»,

функционирование механизма двухпартийной системы. Главная идея работы — закономерность происшедших в США с XVIII в. перемен в связи с внутренне присущими капитализму тенденциями развития («USA Aufstieg und Verfall bürgerlicher Demokratie»). Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1976. 229 S.).

◆ Фердинанд Май (ГДР) в книге «Покушение в Сараево» характеризует международную обстановку в июне—июле 1914 г., вскрывает причины первой мировой войны и обобщает новейшие данные относительно непосредственного повода к ней — сараевского убийства (F. M a y. *Das Attentat von Sarajewo*. Berlin. «Neues Leben». 1975. 304 S.).

◆ Двухтомная «Римская история. Эпоха империи» Вольфганга Зайфарта (ГДР) — работа об общественных, экономических, идеологических, политических и военных аспектах истории Римской империи Особое внимание автор уделит переходу от рабовладельческого способа производства к феодальному. Материал излагается по разделам: Время сложившегося классового общества (I—II вв.), Кризис рабовладельческого строя (III в.), Эпоха домината (IV в.), Крах западной части империи в V столетии (W. S e y f a r t h. *Römische Geschichte. Die Kaiserzeit. 2 Bände*. Berlin. «Akademie-Verlag». 1975. 584 S.).

◆ «Претензии и действительность. Двести лет борьбы за демократию в США: документы и высказывания» — сборник, составитель которого Эберхард Брюнинг поставил задачу посредством подобранных в хронологическом порядке выступлений и свидетельств, в основном представителей рабочего класса, безработных и цветного населения, показать лицо «другой Америки». Книга содержит 130 различных документов от Декларации независимости до программы Компартии США. Преобладающая часть материала приходится на начальный период империализма («Anspruch und Wirklichkeit. Zweihundert Jahre Kampf um Demokratie in den USA: Dokumente und Aussagen»). Hrsg. E. Brüning. Berlin. «Rütten und Loening». 1976. 822 S.).

◆ Илчо Димитров (Болгария) в книге о болгаро-итальянских политических отношениях периода фашистской диктатуры Муссолини рассматривает контакты между правящими кругами двух стран в связи с антиюгославской линией Рима, стремлением Софии найти постоянную опору среди крупных держав, а также в связи с империалистическими действиями Германии, Англии и Франции между двумя мировыми войнами (И. Д и м и т р о в. *Българо-италиански политически отношения 1922—1943*. София. «Наука и изкуство». 1976. 472 стр.).

◆ В связи с 1300-летием Болгарского государства и к 100-летию антитурецкого освободительного восстания в Болгарии опубликован сборник документов. В него включены 515 источников (полностью либо в отрывках), касающихся причин восстания, его подготовки Гюргевским революционным комитетом, деятельности болгарской эмиграции в Румынии, Сербии и России, хода

восстания, выступлений четников в разных округах страны, действий Х. Ботева, международных откликов на восстание (по май 1876 г.) («100 години от Априлското въстание и ботевата чета 1876»). Вспоменателен сборник. Исторически извори. Кн. първа. София «Кирил и Методий». 1976. 499 стр.).

◆ Христо Христов (Болгария) написал монографию о значении аграрного вопроса в болгарском национально-освободительном и революционном движении от эпохи установления османского владычества до 1878 года. Он рассматривает султанско-помещичьи порядки в болгарской деревне, ее экономику в XVIII—XIX вв., турецкие чифлики и господарьки, начало капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны, положение болгарских крестьян после Крымской войны, роль крестьян в освободительном движении, формы землевладения и землепользования в Дунайском вилайете накануне 1876 г., торговлю сельскохозяйственной продукцией в тот период и действия крестьян в 1877—1878 годах (Х. Христов. Аграрният въпрос в българската национална революция. София. «Наука и изкуство». 1976. 312 стр.).

◆ Эндре Ковач (Венгрия) — автор книги биографических очерков о различных политических деятелях Европы XIX — начала XX в.: Дж. Мадзини, А. И. Герцене, М. А. Бакунине, С. Ворцеле, Ж. Милковском, Я. Домбровском, Н. Бэлческу, Ф. Палацком, И. Фриче и Т. Масарике. Он рассматривает их как участников национально-освободительного движения, связанных знакомством или преемственностью идей (Е. Ковács. Történelmi arcképek. Budapest. «Gondolat». 1976. 623 old.). Его же перу принадлежит работа об отражении революционных событий и национально-освободительной борьбы народов Центральной и Восточной Европы в 1848—1849 гг. в тогдашней французской печати. Главное внимание уделено автором левой прессе: «Реформа», «Республика», «Народ» и тому подобным изданиям (Е. Ковács. Szabadságharcunk és a Francia közvélemény. Budapest. «Akadémiai kiadó». 1976. 331 old.).

◆ Дьердь Онодь (Венгрия) написал очерк политических событий в Палестине от первой мировой войны по начало 1976 года. В вводной главе дана краткая история Палестины и населявших ее народов со II тыс. до н. э. до рубежа XX в. н. э. (G. Onody. Palesztina és a palesztinok. Budapest. «Kossuth könyvkiadó». 1976. 231 old.).

◆ Видосава Николич-Стоячевич (Югославия) в работе «Раджевина и Ядар по неопубликованным рукописям сотрудников Цвиича» касается социальных, этнографи-

ческих и демографических проблем (поселения, миграция, администрация, топонимика, ономастика, народная архитектура, быт, фольклор, религия) и отдельно описывает 30 югославских селений согласно имеющимся материалам конца XIX — начала XX века (В. Николич-Стоячевич и Ядар у необјављених рукописама цвијичевих сарадника. Београд. «Научно дело». 1975. 224 стр.).

◆ Хартмут Вольф (ФРГ) исследует историко-ведческую сторону проблемы так называемой «Антонинской конституции» о признании за провинциалами в Римской империи прав римских граждан, уделяя особое внимание свидетельствам сохранившихся папирусных свитков о деятельности династии Антонинов и значению последующего эдикта императора Каракаллы 212 г. для населения Египта и иных провинций. Во втором томе исследования помещены обширные приложения из римских законов с комментариями (H. Wolff. Die Constitutio Antoniniana und Papyrus Gissensis 40 - I. Köln. «R. J. Hundt». 1976. Bd. 1: 292 S. Bd. 2: 245 S.).

◆ «Ежегодник Немецкого археологического института» (Западный Берлин) за 1975 г. содержит, помимо историографическо-библиографического раздела, 9 статей: Ютта Бёркер-Клэн и Кристоф Бёркер. Эфлатун Пинар; Райнер Бёммер. Новоассирийские наскальные рельефы из Мальтан (Северный Ирак); Роланд Хампе. Танцоры с изображения на коринфском кратере; Эрика Симон. Попытка истолкования метоп на южной стороне Парфенона; Вольфганг Ширинг. Фриз с амазонками на галикарнасском мавзолее; Ульрика Винтермайер. Полихромная рельефная керамика из Чентурипы (Средняя Сицилия); Адольф Борбайн. «Храм мира» императора Августа; Пауль Цанкер. Рельефы на гробницах римских вольноотпущенников; Вольф Хайльмайер. Архитектор Пантеона Аполлодор Дамасский («Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts». Bd. 90/1975. Berlin. «De Gruyter». 1976. 358 S.).

◆ Профессор Миссурийского университета (США) Джералд Барнер в работе о британском политическом контроле над индийской литературой в 1907—1947 гг. освещает формы колониальной цензуры и ее последствия для развития религиозно-сектантских и национально-освободительных тенденций в местной литературе на разных этапах истории Индии в XX в. вплоть до завоевания ею независимости (N. G. Barrie. Banned Controversial Literature and Political Control in British India 1907—1947. Columbia. UMP. 1974. 324 p.).

ГДЕ И СКОЛЬКО НОМЕРОВ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ» БЫЛО НАПЕЧАТАНО

24 (11) декабря 1900 г. в Лейпциге в маленькой типографии немецкого социал-демократа Германа Рау, издателя и редактора рабочей спортивной газеты, был сверстан и отпечатан первый номер общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра» — боевого органа российской революционной социал-демократии¹. Руководимая В. И. Лениным газета возглавила борьбу за идейную, политическую и организационную подготовку в России рабочей партии нового типа, неразрывно связанной с пролетарским движением и основанной на принципах революционного марксизма. «Только организованный в такую партию пролетариат,— писал В. И. Ленин в «Заявлении редакции «Искры»,— этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом»².

Выходом в свет первого номера «Искры» завершился важнейший этап предистории газеты (февраль — декабрь 1900 г.)³, который характеризовался напряженной работой В. И. Ленина в России и за границей по созданию опорных пунктов газеты, налаживанию транспортных путей, конспиративных связей, постановки всего издательского дела. Одновременно с этим В. И. Ленину приходилось решать ряд других вопросов.

Так, уже весной 1900 г. представители некоторых социал-демократических организаций в России и за границей намеревались созвать II съезд РСДРП с целью избрания Центрального Комитета и восстановления деятельности партии⁴. Вместе с тем высказывались пожелания, чтобы группа «Искры» взяла на себя редактирование возобновляемой «Рабочей газеты», которая должна была издаваться в нелегальной типографии в России. В. И. Ленин на эти предложения ответил согласием, но считал, что в условиях полицейского террора, идейного разброда и организационной раздробленности, царивших тогда в российском социал-демократическом движении, благополучный исход намечаемого съезда маловероятен.

Получив указание о месте и времени съезда, группа «Искры», опасаясь провала, который нанес бы непоправимый урон всей подготовительной работе по изданию общепартийного органа, не будучи уверенной в возможности посылки своего делегата на съезд, сочла необходимым составить письменный доклад для съезда. В докладе, впоследствии уничтоженном по конспиративным соображениям, В. И. Ленин отмечал, что выборы ЦК не только не решат вопроса об объединении социал-демократов, но вызовут прямой риск компрометации великой идеи создания партии в случае нового быстрого и полного провала, при отсутствии конспирации более чем вероятного⁵. По мысли В. И. Ленина, создание партии надо было начать с приглашения комитетам и другим организациям поддержать возобновляемый общий орган, который свяжет местные комитеты и подготовит группу руководителей движения⁶. Практическая реализация ленинского плана создания и упрочения

¹ См «Ленинская «Искра». К семидесятилетию со дня выхода первого номера». М. 1970, стр. 33. В середине октября 1900 г. в нелегальной типографии «Искры» в Лейпциге было отпечатано «Заявление редакции «Искры». Пока готовился материал для первого номера газеты, там набиралась брошюра «Майские дни в Харькове» (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 61). На всех изданиях, которые печатались в искровских типографиях, проставлялось ее полное наименование: «Типография «Искры».

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 359.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 391.

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1. М. 1967, стр. 327; «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Т. 1 (1870—1905). М. 1970, стр. 244.

⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 159.

⁶ Там же.

ния партии заключалась в идейном объединении русских социал-демократов и закреплении этого объединения партийной программой. При этом необходимо было создать организацию, которая бы специально занималась распространением в России нелегальной литературы, издаваемой редакцией «Искры», расширением и укреплением ее связей с местными комитетами и группами. Эту организацию В. И. Ленин назвал «русской социалистической почтой»⁷.

Теперь для реализации планов издания за рубежом общерусской марксистской газеты «Искра», научно-политического журнала «Заря» и другой партийной литературы нужна была типография. Ее организация, способы конспирации всего издательского дела занимали в тот период важное место в деятельности В. И. Ленина. История русского освободительного движения знала немало примеров работы нелегальных типографий в России, печатавших газеты, листовки и пропагандистскую литературу. Их деятельность была сопряжена с трудностями конспирации, риском разгрома и ареста революционеров карательными органами самодержавия. В более безопасном положении находились русские типографии за границей. В разное время в центрах революционной эмиграции (Англия, Швейцария) выпускали печатную продукцию Вольная русская типография, основанная А. И. Герценом в Лондоне, типографии «Народной Воли», группы «Освобождение труда», «Союза русских социал-демократов за границей» в Женеве и других организаций. Используя относительные буржуазно-демократические свободы некоторых западноевропейских стран, предоставивших русским эмигрантам политическое убежище, эти типографии находились на легальном положении. В действительности же их работа была далеко не безопасной и не огражденной от «всевидящего ока» царской охранки. Ее заграничная агентура наряду с политическим сыском неугодных самодержавию лиц занималась изучением революционной деятельности эмигрантов и проводила акции по ликвидации типографий.

Заграничные филиалы Департамента полиции в своей деятельности находили полную поддержку со стороны тайной полиции западноевропейских государств. Так, в 1886 г. парижская агентура департамента произвела в Женеве налет на типографию Заграничного отдела «Народной Воли».

Для этого в Швейцарию было переброшено несколько агентов охраны. В разгроме типографии участвовал, как он значился в агентурном сообщении, и «швейцарский гражданин». Чтобы замести свои следы, охранка распространила версию об имевшей место среди русской эмиграции борьбе между сторонниками народовольческого движения и его противниками, что якобы и привело к гибели типографии⁸. В результате налета было уничтожено 6 тыс. экземпляров различной литературы⁹.

Это обстоятельство учитывали В. И. Ленин и другие искровцы в своих планах постановки издательского дела. Поэтому организация легальной типографии в зарубежных условиях для печатания «Искры» и ее изданий была неприемлемой как не обеспечивающая безопасности искровцев. В результате неоднократных встреч В. И. Ленина с социал-демократами в России и за границей был разработан и при помощи зарубежных социал-демократов осуществлен новый вид деятельности социал-демократической «техники» в зарубежных условиях: нелегальная типография под легальным прикрытием. Так практически претворялось в жизнь теоретическое положение В. И. Ленина о поиске разнообразных форм маскировки революционной работы в условиях подполья¹⁰ и необходимости доведения до высшей степени совершенства¹¹ конспиративной техники как действенного оружия в борьбе с карательными органами царизма.

В качестве прикрытия нелегальной типографии «Искры» как раз и служила разрешенная немецкими властями типография Г. Рау. Такая форма конспирации издательского дела была сохранена и для типографий М. Эрнста (Мюнхен) и Г. Квелча (Лондон), в которых позднее печатались эта газета и другая искровская литература. И только с мая 1903 г., после переезда В. И. Ленина и редакции из Лондона в Женеву, «Искра» начала издаваться легально в своей типографии, объединенной после II съезда РСДРП с типографией «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». Редакция «Искры» с целью конспирации местонахождения типографии в Лейпциге предприняла ряд мер по ограничению прямых контактов с ней и широко использовала для этой цели почтовую связь. Все не-

⁸ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1887 г., д. 412, лл. 1—12.

⁹ Там же.

¹⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 468.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 194.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 357.

обходимые материалы и письма в адрес типографии пересылались только из-за границы с целью избежать перлюстрации переписки «черным кабинетом»¹² Департамента полиции. Отредактированные В. И. Лениным и подготовленные для печати статьи и заметки из Мюнхена направлялись в Лейпциг заказной бандеролью на один из последних известных адресов с передачей почтовых отправлений в типографию Г. Рау. Таким же способом посылались и корректура¹³.

Даже известные редакции социал-демократы порою не знали о действительном месте издания «Искры». Так, К. И. Захарова, агент «Искры» в Одессе, полагала, что газета печаталась в типографии Дитца в Штутгарте совместно с научно-политическим журналом «Заря»¹⁴.

В неведении о местонахождении искровской типографии в Германии оказался и Департамент полиции, несмотря на все принятые им во второй половине 1901 г. энергичные меры к ее обнаружению. Поиски типографии велись с помощью внутренней (российской) и заграничной агентуры, перлюстрации искровской корреспонденции, расшифровки конспиративных писем, изучения связей революционных социал-демократов. Охранка стремилась также внедрить в искровские круги в Петербурге своих агентов. Для этого был подобран М. Гурович (бывший издатель журнала «Начало», впоследствии разоблаченный как провокатор), который предварительно побывал в среде революционных социал-демократов в Швейцарии и, вернувшись в Петербург, усиленно искал связи с искровцами, в частности с агентом «Искры» в Петербурге В. П. Ногиним¹⁵.

Предпринимались и иные способы получить сведения о местонахождении искровской типографии. Однако царские ищейки вынуждены были констатировать, что «заграничная типография законспирирована. Явление за границей небывалое, где все типографии работают открыто. «Искровцы»

же устроились так: редакция их всем известна и помещается в Мюнхене, а где типография и кто в ней работает, не знает никто. В этой конспирации — залог прочного успеха»¹⁶. Строгие правила конспирации не позволяли в то время редакции «Искры» хранить все архивные материалы об организации издательского дела и работе нелегальной типографии. Поэтому некоторые моменты истории ее деятельности, в частности вопрос о количестве номеров «Искры», отпечатанных в лейпцигской и в других типографиях, продолжают оставаться малоизученными¹⁷. Тщательный анализ косвенных материалов позволяет определить действительное количество этих номеров. Основным документом для этого служит записка В. И. Ленина:

«В типографию газеты «Искра»

Порядок статей мы необходимо должны будем изменить. Набирайте, пока есть шрифт, *оставляя набор*. Завтра-послезавтра надеемся послать статьи.

Посылаю:

- 1) Корректуру
- 2) Харьков
- 3) Ковна и пр.
- 4) Самара
- 5) Крамола и т. д.
- 6) 2 стихотворения
- 7) Нижний Новгород

Пришлите краску для печати, мы не знаем, как добыть.

Ваш Ленин»¹⁸.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1898 г., оп. 226, д. 5, ч. 6, л.С., л. 161 об.; первые сведения о надвигающейся угрозе со стороны охранки для всего издательского дела «Искры» в Германии редакция газеты получила в июне — июле 1901 г из Петербурга от искровца С. И. Радченко («Переписка В. И. Ленина...». Т. 1, стр. 179).

¹⁷ О количестве отпечатанных номеров «Искры» в лейпцигской типографии Г. Рау нет единого мнения. Так, в Полном собрании сочинений В. И. Ленина (т. 2, прим. 132, стр. 595; т. 4, прим. 116, стр. 480), «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (т. 1, стр. 292) и работе немецкого историка Б. Янеля («Вестник» Московского университета, серия: Филология, журналистика, 1961, № 3, стр. 8) отмечается, что из типографии Г. Рау вышел только первый номер газеты. Другие авторы (А. Ильин, В. Ильин. Рождение партии. М. 1962, стр. 104; Ф. Донат. Статья в «Neues Deutschland», 1955, № 121; К. Штреб. Ленин в Германии, М. 1959, стр. 19) полагают, что там было издано четыре первых номера «Искры». Наконец, авторы монографии «Ленинская «Искра». К семидесятилетию со дня выхода первого номера» (прим. 3, стр. 33) считают оба этих утверждения недостаточно аргументированными.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 106.

¹² «Черный кабинет» — подразделение охранки, занимавшееся тайной перлюстрацией почтовой корреспонденции В целях сохранения секретности оно маскировалось под Комитет цензуры иностранных газет и журналов.

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 50.

¹⁴ К. И. Захарова - Цедербаум. С. И. Цедербаум. Из эпохи «Искры» (1900—1905 гг.). М.-Л. 1926, стр. 12.

¹⁵ «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями России. 1900—1903 гг.». Т. 1. М. 1969, стр. 276.

Записка предназначалась для типографии «Искры», так как часть материала, указанного в ней (Харьков), была помещена в № 4 газеты, а другая (крамола во Владимире-на-Клязьме, Ковна) — в № 5 и написана между 22 мая и 1 июня 1901 г., то есть по времени набора этих номеров. Составители тома Полного собрания Сочинений, придерживаясь версии, что в типографии Г. Рау в Лейпциге был отпечатан только первый номер «Искры», сделали к документу приписку: «...в Мюнхене (местное)». Они считают, что В. И. Ленин написал записку для мюнхенской типографии¹⁹. В чем тут дело?

Многomesячная работа редакции в нелегальных условиях, ее активный почтовый обмен корреспонденцией с типографией в Лейпциге могли привлечь внимание немецкой полиции к деятельности искровского литературного предприятия. В случае перлюстрации его переписки русской заграничной агентурой и немецкой тайной полицией создавалось бы тяжелое положение для членов редакции и ее типографии. С другой стороны, удаленность типографии от редакции вызывала массу неудобств при пересылке все возрастающего количества материалов и корректуры, направляемых по почте. Их задержка могла повлиять на сроки выхода газеты, тем более что редакция «Искры» предпринимала энергичные меры, чтобы сделать издание газеты двухнедельным. Поэтому редакция с учетом вышеприведенных соображений приняла решение перенести типографию из Лейпцига в Мюнхен. Но сделать это было нелегко.

В типографии Максимуса Эрнста в Мюнхене, специализировавшейся на издании книг и произведений искусства, под прикрытием которой должна была работать нелегальная искровская типография, не хватало некоторых полиграфических материалов. В связи с этим В. И. Ленин в приведенной выше записке обратился с просьбой в лейпцигскую типографию о посылке в Мюнхен краски для печати, которой там не было. Кроме того, перевозка основного искровского шрифта в новую типографию в Мюнхене при наличии большого количества материала в лейпцигской типографии могла вызвать задержку с выпуском очередных

номеров газеты. Вследствие этого, посылая статьи и другой редакционный материал для №№ 4 и 5 «Искры», В. И. Ленин просил также производить набор, пока есть шрифт, то есть не допуская перерыва в подготовке выпуска очередных номеров газеты. Следовательно, записка В. И. Ленина предназначалась не для типографии в Мюнхене, а была направлена в типографию в Лейпциг в момент подготовки ее передислокации в Мюнхен, а затем вместе с корректурой возвращена и оставлена в архиве редакции.

Эти соображения позволяют утверждать, что №№ 4 и 5 «Искры» были последними, которые набирались и печатались в лейпцигской нелегальной типографии. Этот вывод подтверждается также исследованием конспиративных посреднических адресов, которыми пользовались В. И. Ленин и редакция «Искры» для связей с Россией. До конца мая 1901 г. лейпцигские адреса в искровской переписке с Россией не применялись, что было одним из мероприятий редакции «Искры» по конспиративному обеспечению типографии в целях воспрепятствования заграничной агентуре Департамента полиции путем изучения адресов и перлюстрации почтовой корреспонденции установить ее местонахождение. С начала июня 1901 г., когда печатание № 5 «Искры» подходило к концу, редакция газеты для почтовой связи с Россией стала использовать в Лейпциге до девяти посреднических адресов²⁰. К моменту получения редакцией писем из России через эти адреса, то есть к 10 июня 1901 г., типография из Лейпцига уже переехала в Мюнхен. Наибольшее применение в искровских конспиративных почтовых связях через Лейпциг получил адрес немецкого социал-демократа К. Пинкау (Hohenzollernstraße, 13, K. Pinkau), на квартире которого жил наборщик первых номеров «Искры» И. Блюменфельд во время его работы в типографии Г. Рау в Лейпциге²¹. Впервые по этому адресу из России письмо было написано (ранее 10 июня 1901 г.) А. А. Квятковским из Кишинева²². Следовательно, начало введения в искров-

²⁰ Первым известным нам адресом в Лейпциге для связи редакции «Искры» с Россией был адрес: Blümlerstraße, 25, D-r F. Hornung (см. «Переписка В. И. Ленина...». Т. 1, стр. 114).

²¹ См. G. Raue. Wo der Funke entsprang. Museum für Geschichte der Stadt Leipzig. Abt. «Arbeiterbewegung». Leipzig 1963, S. 22.

²² См. «Переписка В. И. Ленина...». Т. 1, стр. 118.

¹⁹ Впервые фотокопия записки В. И. Ленина была опубликована в «Правде» 5 мая 1931 года. Подлинник же записки не имеет ни заголовка, ни пометки о ее отправке именно в типографию «Искры» в Мюнхене.

ские почтовые связи лейпцигских адресов совпало с окончанием работы в Лейпциге нелегальной типографии «Искры».

Следующим важным моментом в исследовании поставленного вопроса является анализ шрифтов, которые применялись для набора «Искры». Как показало изучение подлинных экземпляров газеты, для набора газеты применялись два вида шрифтов — основной (прямой) и дополнительный (петит). Они перевозились из одной типографии в другую, где печаталась газета. Вместе с тем редакция не имела дополнительного шрифта для набора номеров и страниц газеты и поэтому использовала гарнитуры набора из тех типографий, где печаталась «Искра». Это, в дополнение к вышесказанному, позволяет определить место издания

всех номеров (с 1 по 51 включительно) ленинской «Искры» (см. таблицу):

Все это дает возможность установить действительный адрес записки В. И. Ленина, помещенной в т. 46 (стр. 106) Полного собрания сочинений, и прийти к выводу, что в нелегальной типографии «Искры» в Лейпциге (декабрь 1900 — июнь 1901 г.) было отпечатано пять номеров газеты (№№ 1—5); определить место издания последующих номеров «Искры» (№№ 6—51); подтвердить, что №№ 1—38 газеты печатались только в нелегальных типографиях, действовавших под прикрытием официально разрешенных типографий немецких и английских социал-демократов.

Ю. С. Уральский

№№ газеты	Полиграфическое название шрифтов для набора номеров и страниц газеты	Период издания «Искры»	Место и типография, где печаталась «Искра»
1—5	Полужирный Альдине, кегль 16	Декабрь 1900 — июнь 1901	Лейпциг. Типография Г. Рау (Russenstraße, 48).
6—21	Жирный Альдине, кегль 16	Июль 1901—1 июня 1902	Мюнхен. Типография М. Эрнста (Zönefeldstraße, 4).
22—25	Полужирный Этиен, кегль 12. Вместо номера страницы также проставлялось буквенное обозначение — NO	Июль 1902 — 15 сентября 1902	Лондон. Типография Г. Квелча (37a, Clerkenwell Green).
26—38	Жирный Акудиенц Гротеск, кегль 20	15 октября 1902 — 15 апреля 1903	Там же.
39—45	То же	1 мая 1903 — 1 августа 1903	Женева. Типография «Искры» и «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» (Route Caroline, 27).
46—51	Жирный Акудиенц Гротеск, кегль 16	15 августа 1903 — 22 октября 1903	Женева. Типография РСДРП (Rue de la Coulouvrenière, 27).

ПЕРВАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА В РОССИИ

Возникновение в России специального сельскохозяйственного образования в первой половине XIX в. связано с Москвой. Потребности экономического развития страны вызвали появление отечественного производства усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, развитие агрономической науки и сделали необходимой подготовку отечественных кадров специа-

листов. По существу, первым в России специальным сельскохозяйственным учебным заведением¹ стала Земледельческая школа Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Она была основана в 1822 г.,

¹ Павловская практическая школа земледелия 1797 г. оказалась неудачной и нежизнеспособной правительственной попыткой, вскоре потерпевшей крах.

причем МОСХ четко определило задачи школы в интересах помещиков: «Учреждение в Москве Земледельческой школы для приготовления... приказчиков и управителей... было одной из главных целей Московского общества»². Школа должна была оказать реальную помощь помещицкому хозяйству для улучшения его ведения и увеличения доходности путем подготовки образованных, владеющих теорией и практикой специалистов, которые будут управлять именьями³. Результаты применения в хозяйстве достижений науки предполагалось демонстрировать наглядно на хуторе МОСХ, где ученики школы проходили практику.

Но Земледельческая школа с самого начала вышла за рамки помещичьих интересов. Она отвечала общим потребностям страны в кадрах сельскохозяйственных специалистов. Способствовала этому и деятельность первого директора школы (по 1838 г.) профессора Московского университета М. Г. Павлова. С 1821 г. он возглавлял университетскую кафедру сельского хозяйства, хорошо знал состояние сельского хозяйства в Европе, уровень естественных наук своего времени⁴. Будучи противником ведения хозяйства без использования достижений науки, Павлов считал, что Земледельческая школа должна давать основы современных знаний и умение применять теорию на практике. Отсюда — более широкая программа подготовки специалистов, а не управителей-исполнителей. Павлов знал, что обучение земледелию в связи с познанием законов природы «покажется странным большей части наших помещиков, порицающих всякий новый шаг к усовершенствованию»⁵. Что же касается метода обучения, имевшего целью расширить кругозор и научить мыслить, то он использовал его и в университете, что впоследствии ставил ему в заслугу один из самых одаренных его студентов А. И. Герцен: «Университет, впрочем, не должен оканчи-

вать научное воспитание... Его дело — возбуждать вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и делали такие профессора, как М. Г. Павлов»⁶. Среди его учеников были и такие люди, как В. Ф. Одоевский, М. Ю. Лермонтов (университетский пансион), И. С. Тургенев, Н. В. Станкевич (университет). Лекции Павлова будили мысль, отличались логикой изложения и эмоциональностью, Павлов идеалистически решал философские вопросы, но самая их постановка, стремление заставить молодые умы мыслить были положительным явлением.

О благотворном влиянии Павлова на учащуюся молодежь свидетельствуют многие. Критик П. В. Анненков вспоминал: «Значительная часть аудитории словесного отделения спускалась одним этажом ниже, в скромную залу физико-математического, и наполняла ее битком. Это было при лекциях М. Г. Павлова, читавшего сперва физики, потом теорию сельского хозяйства и в обоих случаях распространявшего границы своих предметов до включения в них целого философского созерцания»⁷. Учившийся одновременно с Герценом и осужденный в 1832 г. по «делу Сунгурова» Я. И. Костенецкий также был постоянным слушателем лекций Павлова: «Это был один из замечательнейших профессоров... Каждая его лекция запечатлевалась твердо в памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть — так последовательно истекала одна мысль из другой... До поступления в университет, в гимназии все науки преподавались нам чисто механически: мы затверживали только факты, об идеях и помину не было, и когда я прослушал первую лекцию Павлова, то я был необыкновенно поражен, как будто какая-то завеса спала с ума моего... Одним словом, в первый раз пробудилось мое мышление... Да, я всегда буду обязан Павлову за мое умственное пробуждение»⁸. Революционеры-демократы тоже отмечали положительную роль Павлова в воздействии на общественную мысль. В. Г. Белинский подчеркивал, что Павлов первым со страниц русского журнала «Мнемозина» заговорил о значении мысли и логики⁹. Н. Г. Черны-

² «Земледельческий журнал», 1823, № 7, стр. 8.

³ Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГАМ), ф. 419, оп. 1, д. 9, л. 15.

⁴ О том, что Павлов принадлежал к числу передовых людей России в области естествонаучных и философских взглядов, свидетельствует и его участие в прогрессивном альманахе В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера «Мнемозина» в 1825 г. (А. Гангнус. Естествонаучные идеи в «Мнемозине». «Природа», 1975, № 12).

⁵ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 3, л. 33.

⁶ А. И. Герцен. Былое и думы. Л. 1947, стр. 65—66.

⁷ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб. 1909, стр. 382.

⁸ Я. И. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни. «Русский архив», 1887, кн. 1, стр. 229—230.

⁹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. 2. М. 1953, стр. 463.

шевский отмечал: «Наконец, около 1820 г., с появлением Павлова начинается приготовление нынешнего Московского университета, одного из достойнейших двигателей не только ученого образования в тесном кружке нескольких десятков прилежных студентов, но и вообще образованности во всей массе русской публики. Долго Павлов не имеет себе сподвижников, электризирующих своим живым словом до энтузиазма; ему «принадлежит слава распространения любви к философии между молодыми литераторами»¹⁰.

Школа Павлова размещалась вначале недалеко от Бутырского хутора, в доме, арендованном обществом. В середине 1830-х годов было куплено и благоустроено новое здание на Смоленском валу. В главном корпусе размещались ученическая столовая, жилые комнаты, подсобные помещения, классные и умывальные. Кроме того, имелись два больших флигеля для хранения пособий, библиотека, кухня и ледник¹¹. Экипировка учащегося состояла из суконных сюртука и брюк, фризовой шинели, фуражки, черного шейного платка, двух носовых платков, перчаток, жилета, четырех рубашек¹². Все питомцы экипировались одинаково и резко отличались по одежде, например, от воспитанников учебных ферм министерства государственных имуществ, одетых сугубо по-крестьянски. Занятия шли с сентября по апрель, а после экзаменов учащиеся отбывали на хутор для практики, старшие — в мае, младшие — в июле¹³. Знания учеников проверялись на протяжении всего учебного года. Были заведены «третьи ведомости» с отметками, а сводка из ведомостей выставлялась в классах «для большего возбуждения соревнования между учащимися»¹⁴. Оценивались и практические занятия на хуторе, где ученики знакомились с сельскохозяйственными орудиями, удобрениями, улучшенными системами хозяйства¹⁵. Органичное включение практики в курс обучения — заслуга преподавателей именно Земледельческой школы. Приведем для сравнения воспоминания одного

тогдашнего учащегося об изучении агрономии «на пальцах» в другом учебном заведении: «Мы изучали минералогию, не видевши, кроме одного булыжника, ни одного камня; ...пахали различными плугами, сеяли, молотили и веяли различных конструкций машинами, не видевши никогда ни одной»¹⁶.

В 1855 г. в школе было 145 учеников, к 1861 г. — 152; многим школа отказывала, ссылаясь на тесноту помещений¹⁷. Она развивалась с самого начала как всесословная, включая крепостных крестьян. Кроме них, в дореформенный период там обучались юноши из московского Воспитательного дома, а также сыновья мещан, ремесленников, чиновников, купцов, иностранцев, священников, офицеров, вольноотпущенных, служивцев военных поселений, казаков и кантонисты. Ученики присылались со всей страны. Анализ социального их состава выявляет четкую тенденцию: до 40-х годов XIX в. подавляющее большинство учеников были крепостными, но число учеников из других сословий постепенно росло, а к 1859 г. стало преобладающим. Дирекция школы еще в 1840 г. отмечала: «Увеличивающееся число учеников свободных сословий явственно показывает, что образование, получаемое в школе, может действительно служить вернейшим средством, обеспечивающим будущность гражданина, желающего посвятить себя сельскому хозяйству как одному из основных источников общего и частного благосостояния»¹⁸. Через два года сообщается, что «многие из дворян и купцов изъявляют желание помещать детей своих в Земледельческую школу, но удерживаются от того, избегая совместности детей своих с прочими воспитанниками низшего происхождения»¹⁹.

Размежевания учащихся по сословиям не существовало в школе с ее основания, не возникло никакого особого отделения для «благородных» и впоследствии. При Павлове установилось равное отношение к учащимся даже и в единой их экипировке и в награждении на экзаменах только сильнейших. Уже в 1824 г. во время экзаменов были награждены книгами многие

¹⁰ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 2. М. 1949, стр. 178—179, 666.

¹¹ ЦГАМ, ф. 472, оп. 1, д. 51, лл. 1 об., 2, 3 об., 6—9 об.

¹² Там же, д. 12, л. 2.

¹³ «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1847, № 5, стр. 204—205.

¹⁴ «Земледельческий журнал», 1839, № 1, стр. 44.

¹⁵ Там же, 1839, № 1, стр. 57, 59.

¹⁶ «Русская старина», т. 26, 1879, ноябрь, стр. 453—454.

¹⁷ «Журнал сельского хозяйства», 1856, № 1, стр. 45—46; «Сельское хозяйство», 1862, № 3, стр. 125.

¹⁸ «Земледельческий журнал», 1840, № 3, стр. 360.

¹⁹ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 475, л. 1.

крепостные²⁰. В 1826 г. после публичных испытаний Павлов сообщал, что удостоены наград из 52 чел. 46 крепостных²¹. Когда один полтавский помещик просил выслать ему в Диканьку и Миргород книги по сельскому хозяйству и каталоги машин и осведомлялся, как учатся посланные им в Земледельческую школу крестьянские мальчики Сидер Белоус и Ефим Овчар, то Павлов не преминул отметить, что оба «учатся весьма успешно..., приз дан первому за отличие в учении и поведении»²². В присланных для усовершенствования из петербургской Земледельческой школы крепостных Бондюгине и Мельникове Павлов тотчас разглядел «особенные дарования»²³. И впоследствии школа подчеркивала, что имеются «между воспитанниками ее отличные дарования, какими небо наделяет все сословия»²⁴.

Так как в школу принимались и неграмотные, то их обучали грамоте по ланкастерской системе, вызвавшей резко отрицательное к себе отношение со стороны ярых крепостников. Припомним ее оценку Хлэстовой — персонажем бессмертного творения А. С. Грибоедова:

И впрямь с ума сойдешь от этих, от
одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных
обучений²⁵.

За пятилетний курс обучения питомцы школы должны были овладеть многими предметами по программе, разработанной Павловым. В 1826 г. он писал, что «нужно усилить преподавание математики, физики и химии как наук точных, на успехи сельского хозяйства имеющих весьма сильное влияние»²⁶. Архивные дела хранят копии нескольких выпускных аттестатов, отразивших претворение в жизнь павловской программы. Так, аттестат крепостного дворового человека кн. Долгорукого Василия Брыкина удостоверял, что последний обучался с 1824 по 1829 г. «закону божьему, грамматике, арифметике, геометрии, географии, земледельческой статистике, основаниям механики и физики, земледельческой химии,

хозяйственной ботанике, землемерию, сельской архитектуре, скотоврачебному искусству касательно повальных болезней и сельскому хозяйству с изрядными успехами»²⁷.

Непременным условием подготовки хороших специалистов Павлов считал сельскохозяйственные работы. Воспитанники школы проходили на учебно-опытном хуторе разнообразную практику. Ее впоследствии дополнили занятия в лесопитомнике, ботаническом саду, пришкольном огороде. Проводились ботанические экскурсии, ознакомление с наилучшими именными, производством сельхозмашин на заведениях братьев Бутеноп, Вильсона и Петровского, занятия по землемерию. Последний Павлов придавал особое значение: «необходимость определять ценность земли не числом ее обитателей, а самыми выгодами, которые из нее извлечь можно, в наше время сделалась ощутительною»²⁸. Для воплощения этой программы требовались умелые преподаватели. Сохранилась интересная записка 1822 г. одного из членов МОСХ: «Для учения крестьянских детей в предполагаемой школе нужны учителя не кой-какие, как бы казалось по соображениям их низкого состояния, но люди сведущие и способнейшие сообщать свои сведения»²⁹.

Таких преподавателей Павлов подбирал специально. Сельское хозяйство и земледельческую химию преподавал он сам, позже — П. М. Преображенский и магистр агрономии А. М. Бажанов, географию и статистику — В. П. Андросов, ботанику — Н. И. Анненков, русский язык — А. П. Смирнов, сельскохозяйственную технологию — П. А. Александров. В 40-е годы XIX в. ученики слушали в Московском университете общие лекции проф. Я. А. Линовского, по технической химии — проф. Р. Г. Геймана, по технологии — П. А. Александрова, посещали химическую лабораторию и Зоологический музей. Университетские профессора Н. И. Железнов, Р. Г. Гейман, М. Ф. Спасский и другие присутствовали на выпускных экзаменах в школе. Ее преподаватели были как из дворян и духовного сословия, так и разночинцами. Нередко школа использовала на педагогическом поприще знания наиболее талантливых своих питомцев, в том числе крепостных. Например, с 1831 по 1835 г. репетитором земледельческой химии и ниводводства служил «с отличным усердием и успехом»

²⁰ Там же, оп. 1, д. 39, л. 19.

²¹ Там же, ф. 472, оп. 1, д. 10, л. 3 об.

²² Там же, ф. 419, оп. 1, д. 72, лл. 2, 3 об., 4 об.

²³ Там же, д. 93, л. 3 об.

²⁴ «Земледельческий журнал», 1846, № 5, стр. 118.

²⁵ А. С. Грибоедов. Горе от ума. М. 1946, стр. 95.

²⁶ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 89, л. 1 об.

²⁷ Там же, д. 144, л. 4.

²⁸ Там же, оп. 1, д. 167, л. 1.

²⁹ Там же, д. 20, л. 2.

Федор Горчаков, крепостной помещиков Шатиловых³⁰.

Тем тягостнее ощущалась зависимость одаренных учеников от их владельцев, иногда желавших возвращения питомцев школы еще до окончания ими полного курса. Показательна история крепостного Андрияна Биндасова из имения полковника Черткова. Отпущенный летом по требованию владельца в его подмосковное село Чернево, ученик к началу занятий не вернулся. На запрос школы Чертков ответил, что в имении произошел семейный раздел и «Биндасов достался не мне, а шурина моему генерал-майору Шененгу»³¹. Павлов в 1827 г. писал в совет МОСХ: «Мое мнение, что разбор учеников из школы прежде срока и без разрешения Общества может послужить во вред заведению»³², после чего настоял на необходимости отказа владельцам при досрочном отзыве питомцев из школы, что явилось немаловажным достижением учебного заведения. С другой стороны, в условиях крепостнического строя любые неожиданности могли подстергать крепостного, мечтавшего стать агрономом. Так, в 1828 г. управляющий имением гр. Остермана-Толстого сообщил, что бывшего крепостного Петра Жданова следует исключить из Земледельческой школы, ибо он получил свободу и «за него платить школе некому»³³. За два года до этого Жданов был провозглашен на публичных испытаниях лучшим³⁴. Одаренный мальчик так и не смог закончить образование. Больше «повезло» дворовому мальчику Демидовых Ивану Бугрову, который был «отпущен вечно на волю» и школе предлагалось числить его «вольноотпущенным», а в 1835 г. он получил свидетельство о ее окончании³⁵.

Плата за обучение вообще нередко служила препятствием на пути социального образования молодых дарований, и не только из числа крепостных. В 1829—1831 гг. шла длительная переписка между начальником Камчатки, Сибирским комитетом и МОСХ, откуда изыскать средства для обучения на казенный счет третьего по счету ученика, присланного с Камчатки, солдатского сына Григория Мутовина. Непременный секретарь Общества С. А. Маслов предложил взять нужную сумму из фонда от-

деления овцеводства. Его аргументация, «в духе времени», достойна воспроизведения: «Если бы сие отделение завело стадо мериносов, то один бы баран для улучшения породы овец стоил бы 1300 рублей, а образованный в школе мальчик будет иметь назначение улучшить породу» лиц, не знающих агрономии³⁶.

Программа подготовки специалистов из всех сословий неоднократно подвергалась нападкам со стороны лиц, выражавших отношение многих помещиков к «чрезмерному» образованию простолюдинов. В 1829 г. при обсуждении в Комитете МОСХ финансового положения школы начальник IV отделения МОСХ Н. Н. Муравьев предлагал отменить преподавание земледельческой химии, сельской архитектуры, ботаники и ветеринарии, а курс других наук уменьшить «в предназначенных им пределах», ибо при наличии учеников разных сословий «должен быть положен предел знаний, приличных каждому из сих состояний»³⁷. Павлов решительно отстаивал прежнее положение вещей³⁸, и Н. Н. Муравьев жаловался, что «школа устранена от надзора начальника IV отделения»³⁹. В 1842 г. секретарь МОСХ, протестуя против стремления дать крепостным «гимназическое образование», ополчился на обилие наук и педагогов, дорогое сукно для фуражек и сюртуков у всех питомцев⁴⁰. В 1845 г. записка помещика А. А. Столыпина четко выразила крепостническую точку зрения: «Общество... обязалось образовывать в школе будущих управляющих имениями, а не литераторов, архитекторов, химиков, ботаников и проч.»⁴¹. Напротив, преподаватель школы П. М. Преображенский и профессор Московского университета Я. А. Линовский отстаивали необходимость изучения сельского хозяйства как науки, чтобы школа была «рассадником науки сельского хозяйства в России»⁴², а также высказывались за то, чтобы крепостным давать «какие-либо права после выпуска»⁴³. Вопреки тормозящим попыткам начальства с начала 1850-х годов шло дальнейшее расширение программы за счет естественных наук и математики. Постепенно все это позволило Земледельческой школе стать всероссийским по значе-

³⁰ Там же, ф. 472, оп. 1, д. 21, л. 4.

³¹ Там же, ф. 419, оп. 1, д. 110, лл. 1, 2, 5.

³² Там же, л. 4.

³³ Там же, ф. 472, оп. 1, д. 9, л. 20.

³⁴ Там же, д. 10, л. 3 об.

³⁵ Там же, д. 19, лл. 3, 5.

³⁶ Там же, ф. 419, оп. 1, д. 168, л. 10 об.

³⁷ Там же, д. 143, лл. 6 об., 10, 25.

³⁸ Там же, л. 15.

³⁹ Там же, л. 29.

⁴⁰ Там же, д. 474, лл. 1 об., 11, 22—23.

⁴¹ Там же, д. 670, л. 3 об.

⁴² Там же, лл. 7, об.—8.

⁴³ Там же, л. 8 об.

нию средним звеном в складывавшейся с конца 1840-х годов системе специального сельскохозяйственного образования. Репутация этого заведения была устойчивой, его ряды пополнялись постоянно. После 1861 г. в Земледельческой школе обучались, в частности, будущие известные ученые П. А. Костычев (сын крепостного) и А. А. Измайльский.

Школа неоднократно ходатайствовала о предоставлении своим питомцам льгот и прав, важных для их будущего социального положения. С 1836 г. ученики, поступившие в нее из Воспитательного дома, получали затем освобождение от рекрутской и податной повинностей, а через 10 лет агрономической деятельности — потомственное почетное гражданство. С 1850 г. выпускники свободных сословий получали аттестат ученого управительского помощника, а через 6 лет практики — звание ученого управителя, который впоследствии приобретал личное почетное гражданство. Окончившие школу после указа 1850 г. и ставшие вольноотпущенными крестьяне также получали эти права. Но школа возбудила ходатайство о даровании прав и выпускникам до 1850 г., включая крепостных. Успехи выпускников на агрономическом поприще подтверждали не только отзывы, но и ученые публикации, и новый директор школы Н. И. Анненков сообщал в 1856 г. в совет МОСХ, что статьи многих выпускников «выказывают наблюдательность их авторов, пользу приобретенных ими в школе познаний и даже хороших будущих агрономов»⁴⁴.

Всего с первого выпуска 1827 г. и по 1860 г. Земледельческая школа обучила около 700 специалистов (вместе с не окончившими полный курс — до 900 чел.). Ее питомцы преподавали сельскохозяйственные науки в Омском училище Сибирского линейного войска, Строгановской земледельческой и Горьгорецкой школах, Чугуевской сельскохозяйственной школе, Оренбургском училище земледелия, заводили опытные поля и фермы на Камчатке, в Сибири, на Украине. Центральной учебной фермой управлял выпускник школы С. Ф. Федоров. Основная масса выпускников становилась «в различных частях нашего отечества»⁴⁵ управляющими имениями, применявшими теоретические познания на практике, с учетом разнообразия местных условий. Так, талантливый агроном А. А. Авксентьев (из Воспитательного дома) с 1835 г., по окончании школы,

успешно служил в славившемся шелководством имении члена МОСХ А. Ф. Реброва в Пятигорском уезде⁴⁶. С 1836 по 1847 г. в журналах МОСХ было опубликовано 12 статей Авксентьева; с 1839 г. он управлял имениями в Орловской, Екатеринославской, Тамбовской и Саратовской губерниях «со знанием дела», «не упуская из виду ничего, что может быть по местным обстоятельствам полезно», развивая лесоводство, шелководство, пчеловодство и овцеводство; в 1850 г. он получил потомственное почетное гражданство, а на I Сельскохозяйственной выставке в Петербурге — большую серебряную медаль за отличные пшеницу и просо из саратовского имения⁴⁷.

Программа школы давала возможность ее питомцам быть подготовленными к поступлению в высшее учебное заведение, но не перед всеми открывались заветные двери. Из ее выпускников первым ученым агрономом с высшим образованием стал А. И. Астауров (из вольноотпущенных), блестяще окончивший школу в 1850 г. и по рекомендации школы направленный в Горьгорецкий земледельческий институт, где сдал экзамены «в полном гимназическом курсе», а в 1856 г. успешно окончил его, получив диплом со званием ученого-агронома (что равнялось университетскому кандидату со всеми вытекающими отсюда правами)⁴⁸. Потребности времени закрепляли и развивали заложенные еще Павловым программу и характер образования в Земледельческой школе. Комиссия 1860 г. признала необходимым вернуться к 5-летнему сроку обучения, возобновить преподавание ряда предметов и ввести новые, чтобы приблизить школу «к составу земледельческой гимназии и, кроме специального образования, дать необходимое общее образование»⁴⁹. Борьба передовых ученых, отстаивавших цели и объем специального сельскохозяйственного образования в России, продолжалась и во второй половине XIX века. Профессор Петровской земледельческой и лесной академии И. А. Стебут писал: «Всякая сельскохозяйственная школа, если только она не чисто ремесленная, должна прежде всего развивать в учащихся агрономическое мышление... Ученый-агроном должен

⁴⁶ См. П. Я. Букшпан. Русский шелковод XIX века. «Вопросы истории», 1975, № 9.

⁴⁷ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 251, лл. 1 об., 2, 9; д. 791, лл. 1, 2, 4, 5, 10, 11, 15.

⁴⁸ Там же, д. 974, лл. 1—2 об.; д. 1414, л. 2 об.

⁴⁹ Там же, д. 1523, лл. 18—19, 22.

⁴⁴ Там же, д. 1336, лл. 1, об.—2 об.

⁴⁵ Там же, д. 921, л. 1.

хорошо знать химию, физику, географию, физиологию растений и т. д.»⁵⁰. Основы та-

ких знаний и закладывались Земледельческой школой с самого ее основания.

⁵⁰ М. Компанеев. Ученые агрономы России. М. 1971, стр. 36—37.

З. Д. Ясман

ПОВСТАНЧЕСКИЕ СТАНИЦЫ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В первом десятилетии XVIII в. центральные уезды России стали ареной острых классовых боев. Основной массе населения страны — крестьянам и ремесленному люду жилось плохо. К прежним повинностям прибавились новые тяготы, связанные с Северной войной, крупным строительством и рядом преобразований, что требовало больших расходов. Борьба крестьян приобрела ярко выраженный антикрепостнический характер. Одним из руководителей этой борьбы в Верхнем Поволжье и был Гаврила Иванович Старцев¹. По происхождению он крестьянский сын, родом из дер. Старцево Нижегородского уезда².

Еще в конце XVII в. Г. И. Старцев являлся атаманом большой крестьянской «станции», которая получила широкую известность в Верхнем Поволжье. Правда, об этом периоде жизни Г. И. Старцева существует единственное, но весьма красноречивое свидетельство: показание в Преображенском приказе нижегородского крестьянина А. Леонтьева, осужденного в 1700 г. за «непристойные слова» в «высочайший адрес» и утверждавшего, что «Старченко, не столько ходя крови пролил и душ погубил, что он, государь (Петр I. — О. Р.), на Руси крови пролил и душ погубил»³. Очевидно, эта известность помогла в будущем Г. И. Старцеву стать одним из руководителей крестьянского движения.

В начале 1706 г. его «станцию» разбили каратели. сам атаман и «есаул» Г. Ковырзанов были схвачены и отправлены в нижегородскую тюрьму. Отсюда Старцеву через свою сестру, которая была замужем за нижегородцем А. Банковым, удалось собрать остатки «станции» под команду однодворца Андрея Сеченого. Последнего

уведомили о времени доставки колодников в Москву, в Преображенский приказ. По пути следования у нижегородской деревни Бунково Старцев и Ковырзанов были «отбиты из-под караулу». После «отбоя» вожаков отряд, состоявший из крестьян кн. Лобановых, деревень Жиряки и Zubovo Городецкой волости, ушел в керженские леса под Ветлугу «И разбивали на сухом пути в селах и деревнях по дорогам, и на плавной Волге-реке многих розных чинов людей», — показывал на допросе схваченный в 1707 г. карателями Ковырзанов. Он сообщил, что в 1707 г. численность их отряда сильно возросла, чему способствовало то обстоятельство, что керженские леса издавна служили прибежищем всех воинствующих противников существующего строя и господствующей церкви. Из местных крестьян был образован еще ряд больших отрядов во главе с ближайшими соратниками Г. И. Старцева — А. Сеченым, Г. Ковырзановым, Гр. Боровиковым, А. Банковым и другими. Сам Старцев нередко осуществлял руководство их совместными операциями.

Летом 1707 г. отряды Старцева совершили нападение на г. Унжу, где разорили воеводский двор и приказную избу со всеми документами. Тогда же «был бой у него, Старченка, с катунскими приказными людьми», которые были обращены в бегство. К концу года повстанцы взяли под контроль «водный путь» по Верхней Волге, Оке, Шексне, Мологе, уничтожили свыше 10 стругов с «государевыми припасами». «По суху» были совершены нападения на вотчины кн. Ф. Ю. Ромодановского, стольника И. Матюшкина, Макарьева и Юрьевоцкого монастырей и др. «А ездили де они на те воровства з знамены и з барабаны, а знамены и барабаны, которые у них были, взяли они на стругах разбоем»⁴, —

¹ В официальных документах и в советской исторической литературе он известен как Старченко.

² ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, л. 1.

³ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М. 1957, стр. 179.

⁴ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, лл. 1—4; Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, ф. А, оп. 1, д. 87а, лл. 90—94 (далее — ОРФИИ АН СССР).

доносил в Преображенский приказ нижегородский воевода И. Леонтьев. Из донесения видно, что в отрядах Старцева было значительное число беглых солдат, даже из Преображенского полка, а также рекрутов и донских казаков. По-видимому, под их влиянием в отрядах Старцева и его соратников делались попытки ввести некоторые элементы организованности, позаймованные у казачьих и регулярных войск. Царским указом воеводам верхневолжских уездов было велено «его, Ганку Старченка с товарищи всякими сыски сыскивать накрепко и учинить заказ под страхом смертной казни, а кто поймает и приведет, обещать ему великого государя жалованьем деньгами числа не малого и повышение чину»⁵.

В начале 1708 г. казанский комендант И. Кудрявцев писал в Ближнюю канцелярию о том, что «Гаврюшка Старченок с товарищи во многих местах стоят великим скопом», «а по Волге и Оке чинятца многие разбои». «О подписях воровских мелом о бунте и что у тех воровских подписей поставили караул»⁶ сообщал тогда и новый нижегородский воевода Н. Кутузов. Из донесения воевод явствует, что обстановка во многих центральных городах была беспокойной. Возможно, действия крестьянских отрядов оказывали активизирующее влияние на часть посадского населения. Однако данных, свидетельствующих о существовании активной агитации и посылке в города «подстрекателей к бунту» из числа участников вооруженной борьбы, нами не обнаружено. Немаловажным является и тот факт, что во всех больших городах Центральной России были крупные «рекрутские станции», к тому же через эти города часто везли к месту военных действий во время Северной войны готовые воинские формирования, которые могли быть использованы местной администрацией при угрозе открытого восстания. Это явилось одним из решающих обстоятельств, оказавших влияние на ход классового бор-

бы в центре России в первом десятилетии XVIII века. Кроме того, в августе 1708 г. в помощь верхневолжским воеводам был направлен полк регулярных войск полковника Гр. Елчанинова⁷. Но и крестьянские отряды в 1708—1709 гг. значительно расширили сферу своих действий. В августе 1708 г. отряды Старцева нападали на поместья, «в другогряд» ворвались в Унжу, захватили денежную казну, бумаги, выпустили заключенных⁸.

Балахонский, юрьев-повольский и нижегородский воеводы вновь извещали «о разбоях по Оке и Волге и на сухом пути меж Балахны и Юрьевцом-Повольским», «о умножении воровства в Нижегородском уезде», «меж которыми атоманом Ганко Старченок». Балахонские земских дел бургомистры писали в ратушу: «В прошлом 707 и в нынешнем 708 годех в зимнее время и по разлитье вешней воды, и в лете на Волге реке на низ меж Балахною и Нижним и ниже Нижнего, и вверх по той же реке Волге меж Балахны и Юрьевцом-Повольским, и выше по обе стороны, и сухим путем на помещиковых и вотчинниковых и монастырских землях стоят воры и разбойники многими станицами... со многим ружьем. И ездят в лотках и стругах, и на лошадях. И лотки останавливают, и грабят многих торговых людей»⁹. Из Гороховецкого, Галичского уездов приходили донесения о том, что к ним «пришли и живут воровские люди Гаврюшка Старченок и Гаврюшка Ефремов с товарищи с ружьем, с пищальми и пистолеты, и с копыи, и с луками, и с шпагами»¹⁰.

Унженский воевода Н. Сатин 28 сентября 1708 г. писал в Ближнюю канцелярию о нападениях «разбойников» на поместья галичского дворян: «И ныне у них стоят в Ветлукской волости и чинят многие разорения и убивства. Да они же, воры, хвалятца: Мы де разорили город Унжу, не токмо де вашу волость»¹¹. Крестьянин Юрьев-Повольского уезда Родион Васильев, схваченный карателями с оружием в руках, при-

⁵ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 522, лл. 5—6; ОРФПИ АН СССР, ф. А, оп. 1, д. 87а, лл. 95—96.

⁶ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 167 об.—168; В. И. Лебедев. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания. «Труды» Историко-археологического института. Т. XII: Булавинское восстание. М. 1935, стр. 61. «Подписи воровские мелом о бунте» были сделаны на городских воротах Нижнего Новгорода.

⁷ ЦГАДА, ф. 210, Разрядная вязка (Р. в.) 46, д. 80, лл. 12—13.

⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 168—168 об.; В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 63.

⁹ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 1, лл. 168 об.—169; ч. 5, лл. 266 об.—267 об., 270—271; В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 62.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 5, лл. 288—289; ч. 1, лл. 171—171 об.

¹¹ Там же, ч. 5, д. 288.

допросе в Преображенском приказе, из которого вскоре бежал, показал: «Вор Ганка Старченок ходя у них по деревням многолюдством с ружьем чинит многие разбои, разоренье и смертные убивства. А в тех же их юрьевецких волостях во многих селех и деревнях их братья, многие крестьяня, держат у себя в домех ружья, винтовки. А есть ли многолюдством по того вора послать служилых людей, и его взять будет не мочно, для того; что он (Старцев.— *О. Р.*) тое посылку послыша, товарищев своих всех станет держать с собою. А в сборе с ним, сказывает, их же братья крестьяня, все с ружьем и ружья де у них множество»¹². О подобном положении в Нижегородском уезде извещал Монастырский приказ староста слободы Васильевский Федор Абрамов. Нижегородский воевода И. Леонтьев просил прислать регулярные войска, так как крестьянские отряды появились всего в трех верстах от города, и «вор Ганка Старченок... ходит со знамены и з барабаны, и он казнит и четвертует и приказывает, что будет в Нижнем и распустил тюрьмы»¹³.

Приведенные документы позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что часть населения центральных уездов не только сочувствовала, но и помогала повстанцам, в которых она видела своих защитников. Карательные отряды или терпели поражения, или не могли обнаружить «воров»; население уведомляло повстанцев о прибытии правительственных войск. Более того, ряд фактов свидетельствует о том, что местные крестьяне, вооружившись, периодически образовывали «отряды самообороны», собратья которым не стоило больших усилий. Затем они незаметно расходились, так как села часто располагались в двух-трех верстах друг от друга. Эти отряды действовали «вообще» с отрядами Старцева и другими, быстро перемещавшимися из уезда в уезд и служившими ядром для создания других крестьянских отрядов во многих центральных уездах страны. Члены отряда Старцева становились во главе местных вооруженных отрядов и старались внести в их действия элементы организации. Такая тактика партизанской борьбы помогала повстан-

цам порою одерживать верх над отдельными карательными командами, но оказалась неэффективной против крупных сил регулярной армии, посланных сюда летом 1709 года.

В 1708—1710 гг. ареной активного действия отрядов Старцева явились Костромской, Кинешемский и Галичский уезды. Местные помещики слали десятки челобитных в центральные правительственные органы, прося защитить их «от всеконечного разорения» и «смертного убивства». Интересна коллективная «заручная» челобитная костромских дворян, которые писали в 1710 г.: «Вор и разбойник Гаврюшка Старченок в прошлых годах (1708 г.— *О. Р.*) явился в Костромском уезде великим собранием человек по сту и больше, и чинит нам великое конечное разорение разбоем своим и много чинит смертное убивство, разстреливает ис фузей. И многие помещики и вотченики и з домашними своими от страху разбоя тово вора, Гаврила Старченка, выехали в город Кострому ис домишек своих и живем в городе. Просим вашего величества, вели, государь, для сыску тово вышеявленново вора и розбойника, Гаврилы Старченка с товарищи, послать с Москвы афицера с салдаты». Подобные же «заручные» коллективные челобитные на имя царя «подали и кинешемские, и галичские дворяне»¹⁴. Анализ этих данных приводит к таким выводам: подобные документы, во-первых, могли появиться только из районов, где резко обострились классовые конфликты, решавшиеся с помощью оружия; во-вторых, действия крестьянских «станиц», которые большинство дореволюционных авторов представляли как грабеж в прямом смысле слова, являлись специфической формой классовой борьбы.

В феврале 1710 г. в верхневолжские уезды была послана карательная команда капитана кн. Г. Вяземского «в 60 солдат» «да в прибавку к ним, солдатом, велено є ним быть костромичам полковые службы, городовым дворяном и детем боярским пятидесяти человеком с боевым ружьем»¹⁵. Пока каратели продвигались к Костроме, крестьянские отряды продолжали набеги на поместья и вотчины. «Ездит он (Г. Старцев.— *О. Р.*) в Костромском уезде днем и

¹² Там же, ф. 371, оп. 1, д. 515, л. 23.

¹³ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 2604, лл. 1—4 об.; ф. 9, оп. 1, д. 18, ч. 5, лл. 284—284 об.; ф. 210, Р. в. 53, д. 462, лл. 1318—1325; д. 463, лл. 1326—1328 об.

¹⁴ Там же, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 5—6, 29—29 об., 35—36, 42—43.

¹⁵ Там же, ф. 371, оп. 1, д. 617, лл. 7—8 об., 37—38, 44—45. Такие же указы были посланы галичскому и кинешемскому воеводам (лл. 39—42).

ночью со многими товарищами своими ис беглых салдат нарядным делом и разбивает многие помещиковы и вотчинниковы дома и побивает многих людей до смерти. Так же в тех домах, где грабит, похваляется быть для грабежу в граде Костроме, — писал в Разрядный приказ с нескрываемой тревогой воевода Б. Воейков-Большой. В апреле 1710 г. солдаты Вяземского начали операции против повстанцев, но результаты оказались ничтожными. Капитан доносил в Москву, что «костромские земских дел бургомистры и уездные люди подвод и водою судов и работников, так же к тому делу бумаги и чернил, и свеч, и на колodников чепей и желез не дают. И в том розыскному делу чинится остановка»¹⁶. Как видно, одни жители уезда отказывались выполнять распоряжения властей, не желая разгрома повстанцев, другие, поступая таким же образом, страшились мести со стороны последних. Должно быть, бургомистры не стали бы чинить «остановку розыскному делу» в том случае, если бы в уезде действовали случайные и малочисленные группы.

Отряды Старцева и «его товарищев» захватили некоторые большие торговые села на Волге, где проводились межобластные ярмарки. В Луховском уезде таким было село Семеновское. «И в то село Семеновское славной вор Гаврило Иванов сын Старченок с товарищи многолюдством человек по пятидесяти и больше с ружьем, приходя живут А поймать себя те воры многоогненным ружьем не дают и на помнке погонных людей из ружья побивают до смерти»¹⁷, — сообщал луховской воевода И. Костюрин в мае 1710 года. Луховскому воеводе было приказано, «взяв с собою в Луху городовых дворян и детей боярских и иных служилых людей и грацких жителей, сколько человек возможно, ехать в Луховский уезд для помнки того вора. А буде он, вор с товарищи объявится Московской и иных, губерний в городех и ему, воеводе, о том писать, а в городы Московской губернии к воеводам с нарочными посыльщиками извещать тотчас же»¹⁸.

Стряпчий дворцовой Юмохонской волости С. Мальцев писал: «И от них де, воров, из Решемской слободы ис Юмохонской во-

лости на торги торговые люди ездить не смеют. А в Юмохонской волости разоряют воры и разбойники многие вотчины»¹⁹. Между 10-ми и 20-ми числами мая повстанцы Старцева захватили и потопили государственные и торговые суда. «Как съехался вор Гаврила Старченок с вором же Гараской Павловым на Волге-реке на острову Круглом и с ним де, Гараскою. он, Старченок, плыли» «с товарищи девяносто три человека в струшку чардашном крашеном, да в четырех лотках с пушками²⁰ и со всяким огненным ружьем, и с шпаги, и с копьи, и с знаменн». Однажды они остановили струг с «государевыми полковыми припасы», пливший от Кинешмы. Забрав боеприпасы и четыре чугунные пушки. Старцев и Павлов поплыли к Костроме. Как позже показал драгун И. С. Батюшков, сопровождавший этот струг, «говорили де, они, воры, великие похвальные слова — есть де у них товарищев человек с триста, а как зберутца все и мы де станем и города разорять. И скажите де в Нижнем я в Казани — полковые припасы побрали Гаврюшка Старченок с товарищи»²¹.

20 мая 1710 г. отряд Старцева подошел к пригороду Костромы Кадыю. Вскоре сюда прибыл карательный отряд Вяземского. Бой между повстанцами и солдатами продолжался несколько часов. Вот как его описывает Вяземский: «И на том бою ево, Старченка с товарищи, я с солдаты ранили в том пригородке, а товарищев ево многих ранили и побили. И усмотря он, Старченок, изнеможение свое с остальными товарищи побежал розно в леса. А на том бою побили их, воров, до смерти десять человек, а которые ранены и те ушли с ним, Старченком, в леса». Каратели в том бою тоже потеряли 10 человек, так что утверждение Вяземского, что Старцев «побежал розно» — явное преувеличение, сделанное для того, чтобы не получить нагоняя от начальства за «блестящую победу». В бою был захвачен раненным беглый солдат Алексей Иванов, бывший галицкий крестьянин кн. Я. С. Львова из дер. Петрилово. Он показал, что повстанцы сожгли поместья Я. Ф. Чичагова и А. Н. Волгина. В бою у Кадыя участвовало около 60 человек, в большинстве — беглые солдаты и

¹⁶ Там же, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 37—38; Р. в. 54, д. 15, лл. 471—472.

¹⁷ Там же, Р. в. 56, д. 9, лл. 22—23, 30—30 об.

¹⁸ Там же, лл. 31—31 об.

¹⁹ Там же, лл. 45—45 об.

²⁰ У Старцева «на струшку» были четыре медных пушки.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Р. в. 56, д. 9, лл. 13—14 об., 18—21 об., 46—48.

рекруты²². Повстанцы ушли после этого в Нижегородский уезд²³.

Для ускорения разгрома крестьянских отрядов Вяземский мобилизовал всех костромских отставных и городской службы дворян и детей боярских — 294 человека. Нижегородский воевода И. Леонтьев «для поимки тово вора Гаврюшки Старченка с товарищи посылает из Нижнево офицеров с солдаты до Балахны и до Юрьевца Повольскова и до иных городов»²⁴. Правительство требовало объединить усилия ка-

рательных команд: «А буде он, князь Григорий (Вяземский.— О. Р.) с посланными Нижнева Нова Города от Ивана Леонтьева служилыми людьми, которые посыла ны для поимки тех же воров (Г. Старцева «с товарищи».— О. Р.), где случатца, и им о поимке тех воров чинить по согласию меж собою вопче по тому ж со всяким радением»²⁵.

О последующих событиях сведений нет. Найденный нами документ гласит, что глубокой осенью 1710 г. Старцев находился в Казани, в местной тюрьме²⁶. Дальнейшая его судьба неизвестна.

О. М. Ронский

²² Там же, лл. 9—12, 15—17; Р. в. 54, д. 23, лл. 333—334 об.

²³ Там же, Р. в. 56, д. 9, лл. 52—52 об.

²⁴ Там же, лл. 13—17.

²⁵ Там же, лл. 18—21.

²⁶ Там же, лл. 52 об.—54.

НЬЮБУРГСКИЙ ЗАГОВОР

Даже на фоне колоритной и богатой неожиданными поворотами истории освободительной войны американского народа 1775—1783 гг. события, развернувшиеся в начале 1783 г. (когда американская армия находилась на своей последней зимовке в Ньюбурге, неподалеку от Нью-Йорка) и вошедшие в историю под названием «Ньюбургского заговора», выделяются своим драматизмом и таинственностью. Обилие разнотипных действующих лиц, переплетение политических, экономических и военных вопросов, запутанный клубок интриг при недостаточности сохранившихся достоверных сведений — все это превратило «Ньюбургский заговор» в одну из самых загадочных и противоречивых страниц американской истории, до сих пор вызывающую ожесточенные споры. Пример тому — оживленная дискуссия последних лет в ведущем американском историческом журнале по ранней истории страны «William and Mary Quarterly»¹. Но и она не внесла окончательной ясности в вопрос, который, как констатирует один из участников дискуссии, Э. Скин, «так никогда и не был полностью понят историками»². Од-

нако, хотя многие детали этого события неясны, общий их смысл и политическое содержание можно все-таки установить с достаточной определенностью, если рассматривать эти события на фоне социально-политической обстановки, сложившейся в стране к концу войны.

К тому времени активные боевые действия против англичан уже закончились, предпринятые победы американцев под Йорктауном в октябре 1781 года. Но внутренняя борьба между различными группировками буржуазии по вопросу о методах укрепления политической власти продолжалась. Наиболее активной действующей силой национальной политической арены — Контиентального конгресса, начиная с 1781 г., продолжала оставаться группа так называемых «националистов» — представителей в основном торгово-промышленной буржуазии северных и центральных штатов, ядро которой составляли суперинтендант (глава финансового управления), богатейший филаделфийский торговец Р. Моррис, его заместитель и однофамилец Г. Моррис из Нью-Йорка, члены конгресса Дж. Вильсон, А. Гамильтон и Р. Петерс. Еще в разгар войны они добивались максимальной централизации и усиления государственной власти в целях подавления низов, активизированных освободительным движением, и установления прямого господства крупной торгово-промышленной буржуазии. Ударной силой «националистов» стал влиятельный, порожденный войною слой круп-

¹ R. K o h n. The Inside History of the Newburgh Conspiracy: America and the Coup d'Etat. «William and Mary Quarterly», vol. XXVII, 1970, № 1; P. N e i s o n. Horatio Gates at Newburgh, 1783. Ibid., vol. XXIX, 1972, № 1; E. S k e e n. The Newburgh Conspiracy Reconsidered. Ibid., vol. XXXI, 1974, № 2.

² Ibid., vol. XXXI, № 2, p. 233.

ных держателей государственных долговых обязательств, которые скупали обесценившиеся государственные бумаги в надежде на последующую консолидацию государственного долга. Начиная с Хартфордского съезда 1780 г., кредиторы постоянно требовали выплаты процентов по государственным бумагам за счет введения федеральных налогов любыми средствами, вплоть до диктатуры³. Программа «националистов», выдвинутая Р. Моррисом в 1781—1782 гг., предусматривала консолидацию государственного долга, учреждение национального банка и создание стабильной денежно-кредитной системы, введение постоянного федерального налога, усиление полномочий конгресса в регулировании междуштатной и внешней торговли⁴.

В конгрессе этот план, натолкнувшись на сопротивление сторонников прав штатов и южных плантаторов, продвигался с большими трудностями. Из основных предложений Морриса было принято лишь два — об учреждении банка Северной Америки и введении конгрессом 5-процентных таможенных пошлин на импортируемые товары. Когда же в октябре 1782 г. Род-Айленд и Вирджиния отказались ратифицировать решение о таможенных пошлинах и тем самым сорвали план наделения конгресса правом налогообложения, стало ясно, что вся программа «националистов» зашла в тупик. Время работало против них: в Париже уже полным ходом шли мирные переговоры с Англией, и призрак внешней угрозы, столь необходимый для осуществления их планов, должен был вскоре исчезнуть. Моррис честно признавался своим коллегам: «Как патриот я желал бы продолжения войны до тех пор, пока центральное правительство не получит больше власти». Его заместитель называл войну не иначе, как «большим другом суверенной власти»⁵. Нужно было спешить, и люди, желавшие войны ради достижения своих целей, естественно, были готовы и на другие крайние меры.

Последней надеждой «националистов»

³ M. Jensen. The Idea of a National Government during the American Revolution. «Political Science Quarterly», vol. LVIII, 1943, № 3, pp. 370—371.

⁴ J. Ferguson. The Nationalists of 1781—1783 and the Economic Interpretation of the Constitution. «Journal of American History», vol. 56, 1969, № 2.

⁵ M. Jensen. The New Nation. A History of the United States during the Confederation 1781—1789. N. Y. 1950, p. 66.

стала голодная и неоплаченная (ввиду халатного отношения конгресса) армия. Бедственное ее состояние к концу 1782 г. достигло критической точки. Вздурораженные близким концом войны, офицеры требовали от конгресса выполнения обещанной им в 1780 г. пожизненной пенсии в размере половинного жалованья; роптали и нижние чины, годами не получавшие денег. Но конгресс оставался безучастным. «Терпение и долгие страдания армии достигли предела,— писал в октябре военному министру Б. Линкольну главнокомандующий Дж. Вашингтон, специально оставшийся на ту тревожную зимовку в Ньюбурге,— дух недовольства еще никогда не был так силен, как сейчас»⁶. Тут «националистов» увлекла дерзкая мысль—объединить алчность крупных кредиторов и ропот негодующей армии в единый таран для сокрушения сопротивления конгресса. При этом они думали не столько о страданиях армии, сколько о карманах кредиторов, а также о своих собственных, которые, по их мнению, заслуживали по крайней мере не меньшего пополнения.

Идея использования армии в политических целях, в частности для укрепления государства, осеяла некоторых из них, например, А. Гамильтона, и раньше⁷. Но теперь она стала основой стратегии «националистов». «Армия держит в своих руках меч,— писал Г. Моррис консервативному нью-йоркскому деятелю Дж. Джею 1 января 1783 г.,— и вы достаточно хорошо знакомы с историей человечества, чтобы понять больше, чем я сказал, и, возможно, больше, чем она сама думает»⁸. Их ближайшая задача заключалась в том, чтобы, хорошенько напугав конгресс бунтом армии, добиться утверждения намеченной программы. О дальнейших планах «националистов» нет прямых данных. Возможно, на той стадии они и не были еще сформулированы. Но вряд ли заговорщики, заполучив в свои руки «меч армии», ограничились бы простыми угрозами в адрес конгресса, который они презирали как ничтожный и беспомощный орган. Слабость конгресса, донельзя расстроенное состояние финансов, популист-

⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXV. Washington. 1938, p. 228.

⁷ См., например, «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. II. N. Y. 1961, pp. 402, 404.

⁸ D. Higginbotham. The War of American Independence. Military Attitudes, Policies and Practice, 1763—1789. N. Y. 1971, p. 407.

ские тенденции на местах — все это вызвало у них отвращение к республиканскому «эксперименту» и тягу к сильной власти.

Логика ситуации, политическая ориентация и материальные интересы заговорщиков и их сторонников дают основание считать, что заговор имел антиреспубликанскую направленность и в конечном итоге мог привести к установлению авторитарного буржуазного строя в виде монархии или военной диктатуры. Важна была не форма, а содержание; за ценой же сторонники решительных действий не стояли бы. «Я утратил всякую надежду на то, что наш союз может существовать в какой-либо иной форме, кроме абсолютной монархии, — писал Г. Моррис генералу Н. Грину в декабре 1782 г. — а она, судя по всему, решительно расходится со вкусами и настроениями народа. Неизбежным следствием этого может быть, если я не ошибаюсь, только одно — раскол, а потом и война»⁹. Монархические симпатии Гамильтона тоже общеизвестны, и именно эти два молодых (А. Гамильтону было 28 лет, Г. Моррису — 29), способных и воинствующих антидемократов стали душой заговора. В целом идеи монархизма оставались тогда живучими среди консервативной буржуазии¹⁰. Заговорщикам было на кого опереться.

Как же развивались события? 29 декабря в Филадельфию прибыла делегация армии в составе генерала А. Макдугалла, полковников Д. Брукса и М. Огдена. Они предъявили конгрессу петицию, в которой офицеры требовали выплаты обещанной пенсии в виде выходного пособия или по частям в течение нескольких лет, а также немедленного аванса. Требования были в основном прежние, но на этот раз сквозь общий сдержанный тон пробивалась скрытая угроза: «Любые дальнейшие эксперименты по испытанию нашего терпения могут иметь фатальные последствия»¹¹. Делегаты заявили, что не уедут без положительного решения со стороны конгресса. О такой завязке заговорщики могли только мечтать. «Если взяться должным образом, — писал Гамильтон губернатору Нью-Йорка Д. Клинтону, — то эти требования можно

повернуть на пользу дела»¹². Началась разработка армейских делегатов. В переговорах Р. и Г. Моррисы склоняли их к мысли о необходимости объединения требований армии и частных кредиторов с целью установления прямого налогообложения как единственной гарантии удовлетворения требований офицеров. Для делегатов наступил этап письменных консультаций с одним из военачальников, генералом Г. Ноксом, сочувствовавшим «националистам»¹³.

24 января 1783 г. на сцену выступил сам «финансист революции» Р. Моррис. В закрытом обращении к конгрессу он пригрозил отставкой в случае непринятия системы налогообложения, дав срок до 1 мая. Через три дня Дж. Вильсон, поддержанный Гамильтоном, вновь выдвинул программу «националистов» на обсуждение конгресса. Опять начались словопрения, а тем временем 4 февраля конгресс наотрез отказал офицерам в пожизненной пенсии. Страсти накалялись. Пора было «подключать» армию. Приятель Гамильтона Брукс срочно отправился в Ньюбург с двумя посланиями Ноксу. В первом делегаты сообщали о решении конгресса, во втором Г. Моррис просил Нокса выступить в поддержку гражданских кредиторов: «пользуясь военной терминологией, вы захватите форт, а кредиторы оккупируют его для вас»¹⁴. В обоих посланиях предлагалось потребовать от конгресса введения постоянных федеральных налогов.

Но Моррисы и К° понимали, что даже при поддержке со стороны Нокса решающее слово в армии останется за Дж. Вашингтоном и что «заполучить» его необходимо. Знали они и то, что щепетильный в отношениях с гражданской властью главнокомандующий не пойдет на сознательное участие в таком предприятии. Следовательно, нужно заманить его, но искусно и осторожно. И вот через несколько дней, когда вести Брукса, по расчетам конспираторов, должны были уже возбудить армию, Вашингтон получает письмо Гамильтона от 13 февраля. Запугивая Вашингтона «небывало критическим состоянием финансов» и сетуя на «слабоумие» и «нерешительность» конгресса, тот напоминал о «главной задаче дня — учреждении федеральных фондов»,

⁹ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 175.

¹⁰ L. Dunbar. A Study of «Monarchical» Tendencies in the United States from 1776 to 1801. N. Y. 1970.

¹¹ F. McDonald. The Formation of the American Republic 1776—1790. Baltimore. 1965, p. 23.

¹² «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. III. N. Y. 1962, p. 240.

¹³ «Letters of Members of the Continental Congress». Vol. VII. Washington. 1934, p. 14 (далее — «Letters...»).

¹⁴ Ibid., pp. 34—35.

в решении которой «может помочь правильно направляемое влияние армии». Как бывший адъютант главнокомандующего Гамильтон отлично знал, что в аналогичных ситуациях Вашингтон всегда усмирал армию, сам спорил с конгрессом и выжидал. Поэтому он стремился окружить роль, предназначенную Вашингтону, привычным для того ореолом. «Трудность будет состоять в том,—писал он,—чтобы удержать страдающую и стонущую армию в рамках умеренности. Здесь должно помочь влияние вашей светлости. Для этого было бы желательно не подавлять ее стремления добиться удовлетворения, но через вмешательство доверенных и предусмотрительных людей направить это стремление»¹⁵. В постскрипуме, словно невзначай, Гамильтон предлагал в качестве одного из «доверенных и предусмотрительных людей» Нокса, видимо, на тот случай, если Вашингтон не захочет действовать сам.

Письмо озадачило Вашингтона, и он медлил с ответом. Тем временем «националисты» нагнетали кризисную атмосферу. Темные и угрожающие слухи ползли отовсюду. 20 февраля Дж. Мэдисон заносит в дневник разговор с участием Гамильтона, Петерса и членов конгресса Т. Фитцсимонса, Н. Гохэна и Д. Каролла: «Гамильтон и Петерс информировали собравшихся о том, что армия наверняка тайно решила не складывать оружия до тех пор, пока не выяснится ситуация с ее оплатой»¹⁶. «Запущено ныне все для того, чтобы добиться постоянных налогов,—сообщал из Филадельфии ярый противник группировки Р. Морриса А. Ли С. Адамсу.—Ужас перед взбунтовавшейся армией обыгрывается очень эффективно»¹⁷.

Между тем в конце февраля Нокс, основательно поразмыслив, отказался от рискованного предложения, а 4 марта Вашингтон ответил Гамильтону. Он согласился с ним в общей оценке ситуации, но при всей солидарности с целями «националистов» предлагаемое средство показалось ему страшнее самой болезни. Лучше политиков зная, что армия — это сильный инструмент, он разглядел во внешне безобидном намеке Гамильтона «фатальные последствия»: открытое противоборство армии с конгрессом «приведет к гражданским волнениям и закончится кровопролитием. Что за ужа-

сающая перспектива! Спаси нас бог от вовлечения в нее!». То, что в обозначавшейся гражданской войне ему замыслила корона монарха или власть диктатора, не меняло дела. Принцип верховенства гражданской власти и невмешательства армии в ее дела оставался для Вашингтона неприкосновенным: «Я буду следовать той линии поведения, которой придерживался всегда,—писал он.—...Было бы непolitично вмешивать армию в эти дела, что может возбудить подозрения и иметь обратный эффект»¹⁸. Конгресс, считал Вашингтон, и так вынужден будет пойти на уступки, и главнокомандующий дал понять, что не намерен поддерживать вооруженное запугивание законодателей.

Таким образом, конспираторы были теперь вынуждены как-нибудь заставить Вашингтона пойти на это. Способ напрашивался сам собою: спровоцировать бунт в армии, который не оставил бы Вашингтону иного выхода, кроме как присоединиться к ее требованиям и «направить», выражаясь словами Гамильтона, «ее стремление». Единственным крупным военачальником (после Вашингтона и Нокса), который мог бы возглавить такой бунт, был победитель при Саратогге генерал Г. Гейтс. Хотя он слыл демократом и не питал особых симпатий к «националистам», приложившим руку к пресечению «интриги Конвея»¹⁹, острая личная неприязнь к Вашингтону делала его возможным орудием в руках заговорщиков. Не ведая о двойной игре, Гейтс мог клюнуть на приманку — возможность свалить Вашингтона. В этом его подогревало и окружение — молодые честолюбивые офицеры, недовольные сдержанностью Вашингтона: адъютант Гейтса капитан Дж. Армстронг, капитан К. Ричмонд, майор У. Барбер.

Заговорщики приступили к решающему наступлению. 28 февраля Р. Моррис опубликовал секретный ультиматум конгрессу в газетах, а 8 марта предложил новые условия: дать штатам годичный срок для выплаты своей доли государственного долга (будучи твердо уверен, что это неосуществимо), а в случае отказа перевести весь долг на конгресс и ввести федеральные на-

¹⁵ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI. Washington. 1938, pp. 186—187.

¹⁶ «Интрига Конвея» — попытка в 1777—1778 гг. сместить Вашингтона с поста главнокомандующего, в которой участвовал ряд деятелей армии и конгресса, в том числе Г. Гейтс и генерал Т. Конвей.

¹⁵ «The Papers of Alexander Hamilton». Vol. III, pp. 253—255.

¹⁶ Ibid., p. 264.

¹⁷ «Letters...». Vol. VII, p. 28.

логи. Моррис рассчитывал дать последний толчок армии и кредиторам. Но противники в конгрессе легко разгадали ход «финансиста» и не собирались уступать. «Здесь, конечно, кроется маневр с целью навязать штатам систему консолидации долга, в которой м-р Моррис и его друзья так глубоко заинтересованы», — писал А. Ли С. Адамсу²⁰ В тот же день, 8 марта, в лагерь в Ньюбурге прибыл эmissар «националистов» полковник У. Стюарт, крупный держатель государственных бумаг и бывший адъютант Гейтса. Он еще раз попытался вовлечь в дело Вашингтона²¹, а получив отпор, обратился к Гейтсу. Стюарт, по признанию самого Гейтса, был «нечто вроде агента наших друзей в конгрессе и администрации», цель приезда которого состояла в «обеспечении сотрудничества армии с гражданскими кредиторами»²².

Как конфиденциально сообщал вскоре после этих событий Дж. Армстронг, «первоначальный план», привезенный в Ньюбург еще Бруксом, предусматривал создание «решительного, мужественного союза армии с другими государственными кредиторами»²³. Но «проклятый растяпа» (Брукс) не смог поставить дело. Стюарт, человек более влиятельный и энергичный, по всей вероятности, должен был восполнить провал Брукса. Он, как стало впоследствии известно Вашингтону, «возбуждал офицеров, говоря им, что кредиторы полагаются на них и даже присоединятся к ним на поле боя, если необходимо»²⁴. Видный нью-йоркский политик У. Дуэр, бывший в то время в лагере, в своих воспоминаниях констатировал существование заговора против Вашингтона²⁵. Слухи о закулисной возне вокруг Гейтса дошли и до Вашингтона, который в цитированном выше письме Гамильтону упомянул о «старой закваске, снова начавшей бродить под маской лицемерия и внешней сердечности»²⁶.

Конкретные планы Гейтса и его сообщников остались донныне нераскрытыми. Аме-

²⁰ «Letters...». Vol. VII, p. 68.

²¹ J. Flexner. George Washington in the American Revolution (1775—1783). L. 1972, p. 502.

²² G. Bancroft. History of the Formation of the Constitution of the United States of America. Vol. I. N. Y. 1882, p. 318.

²³ «Letters...». Vol. VII, p. 155.

²⁴ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, pp. 213—214.

²⁵ «William and Mary Quarterly», vol. XXIX, № 1, p. 154.

²⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 186.

риканский историк Р. Кон, опираясь на ряд косвенных свидетельств, считает, что группа Гейтса вышла из-под контроля «националистов» и планировала самостоятельный военный переворот²⁷. Ему возражал П. Нельсон, отрицавший наличие у Гейтса далеко шедших устремлений²⁸. Как бы там ни было, важнее, что практические шаги группы Гейтса пока играли на руку заговорщикам из Филадельфии. 10 марта по лагерю разлетелись листовки с анонимным «первым Ньюбургским обращением». Написанное, как выяснилось позже, в штабе Гейтса самым горячим его приверженцем 24-летним Дж. Армстронгом, обращение было сильнодействующим документом, «по композиции, изяществу и силе выражения мало с чем сравнимым в английском языке», — как признавал сам Вашингтон²⁹. Это — яростный выпад от имени «товарища по оружию» против конгресса, который «попирает ваши права, презирует ваши мольбы и оскорбляет ваши страдания». Описав помыканье армией, автор вопрошал: «Если таково обращение с вами в тот момент, когда ваши мечи необходимы для защиты Америки, чего же можно ждать от мира, когда голос ваш ослабнет, а мощь рассеется?». Затем предлагалась единственная альтернатива грозящему «голоду» и «завению»: армия не должна доверять лицам, «призывающим к сдержанности и дальнейшему терпению». Ей следует выдвинуть ультиматум, в котором заявить, что «отныне даже малейшее свидетельство недостойного отношения конгресса должно, подобно могиле, размежевать нас с ним навсегда; что в любой политической обстановке у армии есть своя альтернатива: в случае наступления мира ничто, кроме смерти, не отнимет у нас оружия, а в случае продолжения войны — под покровительством и руководством нашего прославленного командира удалиться в какую-нибудь ненаселенную местность, откуда с улыбкой и издевкой наблюдать за перепуганным конгрессом»³⁰. По существу, это был открытый призыв к бунту. А в одно время распространявшемся объявлении предлагалось организовать на следующий день собрание всех офицеров.

Эти события застали Вашингтона врасплох. «Шторм, — по его словам, — собрался

²⁷ R. Koh n. Op. cit., pp. 199—200.

²⁸ P. Nelson. Op. cit., p. 150—151.

²⁹ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 240.

³⁰ J. Flexner. Op. cit., p. 504.

внезапно и неожиданно»³¹. Но ненадолго. 11 марта он издал приказ, в котором, не ограничившись «осуждением этих незаконных действий», предложил представителям офицеров собраться в субботу 15 марта для обсуждения положения. Он распорядился также, чтобы старший из присутствующих офицеров председательствовал на собрании и доложил ему о результатах. Это, вероятно, подбодрило группу Гейтса: Вашингтон как будто бы не собирался принимать участия в собрании. 12 марта в коротком «втором Ньюбургском обращении» была выражена надежда на то, что новое собрание можно использовать для старых целей и что реакция Вашингтона является «молчаливой санкцией» планов офицеров.

Однако то были лишь иллюзии. Вашингтон ясно сознавал суть происходящего и уже угадывал общие контуры заговора. «Во всем этом деле есть что-то очень таинственное», — писал он 12 марта одному из организаторов «таинств», Гамильтону. И далее — почти дословно — члену конгресса от Вирджинии Д. Джонсу: «Многие считают, что весь план зародился и вырос в Филадельфии и что некоторые лица вели двойную игру: распространяли в лагере и Филадельфии слухи и подозрения... Как только умы армии, как считалось, были готовы к действиям, появились анонимные обращения»³². Вашингтон всегда подозревал в «филадельфийских интриганах» стремление использовать его детище — армию, «внесшую наибольший вклад в достижение независимости», в их целях; а в данном случае, как он позднее писал Гамильтону, — «в качестве простых марионеток для учреждения континентальных фондов»³³. Роль марионетки в руках невидимого режиссера вызвала у будущего «отца страны» резкое недовольство. К тому же это была игра с огнем. Поэтому Вашингтон видел свою обязанность в том, чтобы «сразу же остановить ногу, повисшую над громадным обрывом, не дать захватить офицеров врасплох, спасти их от вовлечений в пропасть гражданского террора»³⁴.

15 марта зал «Храма», по воскресеньям использовавшийся как танцевальная школа и вмещавший целую бригаду, был забит до

отказа. Настроение у всех было озлобленным и решительным. В отсутствие Вашингтона председательствовал по праву старшинства Гейтс. Но не успело собрание начаться, как дверь, ведущая на помост, открылась и в ней показался главнокомандующий. По залу прокатился ропот удивления. В напряженной тишине под взглядами, в которых, по свидетельству очевидца, «первые проглядывало не обожание, а неприязнь»³⁵, Вашингтон начал говорить. Подчеркнув, что судьба армии, переплетенная с его собственной, не может не волновать его, Вашингтон затем логически проследил возможные последствия предлагаемых анонимным автором действий. Что нам наместили? В случае продолжения войны «удалиться и предоставить неблагодарную страну самозащите? Но кого же ей придется защищать? наших жен и детей, фермы и другую покинутую нами собственность? ...В условиях мира — не складывать оружия до восстановления справедливости. Получается «ужасный выбор — бросить страну в крайний час ее бедствий или повернуть против нее оружие (что и имеется в виду, если конгресс не согласится на скорое удовлетворение требований)». Вашингтон уверял собравшихся в том, что конгресс «преисполнен самых высоких чувств по отношению к заслугам армии» и будет действовать по справедливости. Он призвал осудить агитаторов и выразить свою полную лояльность конгрессу. Это, заключил главнокомандующий, спасет страну и прославит армию в веках³⁶.

Логические выводы и обращения к высоким побуждениям не возымели особого эффекта: атмосфера оставалась напряженной. Тут Вашингтон достал из кармана письмо от одного из членов конгресса (Дж. Мэдисона) в подтверждение благих намерений государственной власти. При этом он смущенно надел очки, о которых знали ранее только самые близкие, и произнес фразу: «Джентльмены, я надеюсь, вы извините меня, я ведь не только поседел на службе родине, но и почти ослеп». Это, как говорили очевидцы, растопило аудиторию. Прочтя письмо, Вашингтон тотчас покинул собрание. Однако дело было решено. Хотя один из присутствовавших «националистов», Т. Пикеринг, взял слово и попы-

³¹ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, p. 211.

³² Ibid., pp. 216, 214. Гамильтона как ветерана армии и своего бывшего любимого адъютанта Вашингтон ни в чем не подозревал.

³³ Ibid., p. 293.

³⁴ Ibid., p. 217.

³⁵ J. Flexner. Op. cit., p. 506.

³⁶ «The Writings of George Washington». Vol. XXVI, pp. 224—227; см. также Н. Яковлев. Вашингтон. М. 1976, стр. 270—271.

тался вернуть офицеров к воинственному настроению, его никто не поддержал. Собравшиеся приняли мирную петицию к конгрессу, в которой отмежевывались от «подрывных обращений» и напоминали о своих нуждах.

Так закончился «возможно, самый опасный час в истории Соединенных Штатов» (по словам известного исследователя той эпохи Дж. Флекснера)³⁷. «Ньюбургский заговор» потерпел крах. А пришедшее вскоре сообщение о заключении мира с Англией и роспуск армии в июне 1783 г. (с уплатой офицерам пятилетнего жалованья) окончательно похоронили возможность его повторения.

Почему же сорвался план заговорщиков? Важную роль, конечно, сыграли решительность и стойкость республиканских убеждений самого Вашингтона. Как писал один из ранних его биографов Лодж, «в тот момент было вполне осуществимо изменить структуру государства и предоставить удачливому полководцу всю полноту власти... Армия была единственным цельным, активным и хорошо организованным органом в стране, который при поддержке со стороны класса кредиторов не встретил бы серьезной оппозиции... В тот час разброда и пассивности захват военными контроля над государством и установление какой-либо

формы монархии были бы нетрудным делом. Другой вопрос: смогла ли бы она долго просуществовать?»³⁸. Здесь-то мы и подходим к более глубокой причине краха «Ньюбургского заговора», о котором американские буржуазные историки обычно умалчивают, увенчивая лаврами лишь Вашингтона. Республиканизм Вашингтона и других деятелей американской буржуазии был в конечном счете лишь отражением общих глубинных сдвигов в политических настроениях низов в ходе освободительной борьбы. Американский народ, избавившийся от гнета английской короны, не потерпел бы установления монархии в собственной стране. Вашингтон и другие дальновидные деятели понимали это и отсекали экстремистские методы и рискованные политические проекты своих коллег. То были чисто «семейные» разногласия. Недаром Вашингтон на всю жизнь сохранил прекрасные отношения с бывшими заговорщиками, начиная с Р. Морриса и кончая Дж. Армстронгом. Главное же тому доказательство — конституция 1787 г. и правление федералистов, вскоре воплотившие как конкретную экономическую программу «националистов», так и их главную цель — создание сильного буржуазного государства.

В. О. Печатнов

³⁷ J. Flexner. Op. cit., p. 508.

³⁸ H. C. Lodge. George Washington. Vol. I. Boston. 1889, pp. 332, 334.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугай Николай Федорович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории СССР (советский период) Московского историко-архивного института. Специализируется по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Автор ряда статей о ревкомах.

Исмаил-Заде Деляра Ибрагим-кызы — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области кавказоведения. Автор работ по истории народов Закавказья, проблемам аграрной истории, кочевого хозяйства, историографии, исторической географии, источниковедения.

Нарочницкий Алексей Леонтьевич — академик, действительный член Академии педагогических наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, директор Института истории СССР АН СССР, профессор. Специалист по новой и новейшей истории, истории внешней политики России и Советского Союза и истории международных отношений. Автор монографии «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895», один из авторов «Истории дипломатии» и других коллективных трудов, автор ряда работ по новой и новейшей истории и истории внешней политики СССР.

Салычев Степан Степанович — доктор исторических наук, заведующий сектором Института всеобщей истории АН СССР, специализируется по истории международного рабочего движения. Автор монографий: «Идеология и политика Французской социалистической партии (1944—1964 гг.)», «Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921—1940 гг.», «Новые левые: с кем, против кого» и ряда других работ.

Дементьев Игорь Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории МГУ. Автор работ по историографии и истории общественной мысли в США, в том числе «Американская историография гражданской войны в США (1861—1865)», «Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.)».

Устинов Валентин Алексеевич — доктор исторических наук, и. о. заведующего лабораторией применения ЭВМ и математических методов в исторических исследованиях Института истории СССР АН СССР, специалист в области применения ЭВМ и математики в гуманитарных науках. Автор монографий: «Применение электронных вычислительных машин в исследовании письменности древних майя», тт. I—IV. «Применение вычислительных машин в исторической науке» и ряда других исследований.

Кузнецин Василий Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ, специалист в области социально-экономической истории древнего Рима. Автор монографий: «Очерки по истории земледелия в Италии II в. до н. э.—I в. н. э.», «Римское рабовладельческое поместье», «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии II в. до н. э.—I в. н. э.» и ряда других исследований.

Павловский Юрий Николаевич — кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий сектором «Имитационное моделирование» Вычислительного центра АН СССР, работает в области вычислительной математики и математической кибернетики. Автор ряда статей по численным методам, теории управления, исследованию операций.

Гусейнова Агиля Саттыр-кызы — научный сотрудник Института кибернетики АН Азербайджанской ССР. Работает в области математической кибернетики. Автор ряда статей по математическому моделированию.

Тихонова Зоя Николаевна — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Специализируется по истории российского рабочего движения и истории КПСС до 1917 года. Автор ряда публикаций, брошюр и статей по указанной тематике.

Сазонов Владимир Васильевич — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Специализируется по истории международного рабочего движения середины XIX века. Автор публикаций и статей по данной тематике.

Андреева Жанна Васильевна — кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР. Автор учебника «История советского Приморья» (в соавторстве), монографии «Древнее Приморье. Железный век» и других работ по ранней истории Дальнего Востока.

SUMMARIES OF ARTICLES

N. F. BUGHAI. The Revolutionary Committees as Extraordinary Organs of the Dictatorship of the Proletariat

The article examines the problem of establishing the Revolutionary Committees as extraordinary organs of the dictatorship of the proletariat in the years of the civil war and foreign military intervention in Russia. Drawing on extensive factual material, the author generalizes the experience gained by the Communist Party in setting up a network of the Revolutionary Committees and organizing their activity, traces the causes which necessitated the establishment of these organs of power of the working people and shows the organic unity of the Revolutionary Committees and the Soviets as organs of a single system of power. The author cites numerous examples reflecting the role of the Revolutionary Committees in solving the tasks confronting the country during the war period and in peacetime.

ISMAIL-ZADEH DELARA IBRAHIM-KYZI. Russian Settlements in Transcaucasia in the 1830's-1880's

The article traces the history of the appearance of the first Russian settlements in Transcaucasian territory. Particular attention is devoted by the author to such aspects as the quantity and dynamics of the Russian settlements which made their appearance in the given area between the 1830's and 1880's, their location on the territory of Transcaucasia, the social composition of the resettlers. The article contains materials enabling one to trace the tsarist government's policy towards the resettlers, the overwhelming majority of whom were peasants. The comparative historical method employed by the author of this research work permits to determine the place and significance of Transcaucasia in the general resettler movement to the territory of the Caucasus.

A. L. NAROCHNITSKY. The Balkan Crisis of 1875-1878 and the Great Powers

The article sums up the main results of research carried out by Soviet historians into the policy of the Great Powers with regard to the Balkan crisis of 1875-1878. Particular attention is devoted to V. I. Lenin's appraisal of the Balkan peoples' national-liberation movement and of Turkey's feudal-absolutist oppression in the Balkans. The author subjects to closely argued criticism the tendency manifested by many bourgeois scientists to present in a distorted light the steps taken by the Great Powers in the sphere of foreign policy during that period. The article stresses the outstanding contribution made by scientists from a number of Balkan countries to the objective elucidation of these questions. The author singles out some of the problems which have been inadequately studied and require further scientific elaboration.

S. S. SALYCHEV. Certain Tendencies in the Evolution of Social-Democracy

The article examines the contradictory processes in the ideology and politics of contemporary Social-Democracy. The departure of the Social-Democratic parties from the cold war dogmas and a certain strengthening of the Left tendencies in the internal policy

of these parties go hand in hand with a marked sharpening of the ideological struggle against communism. The author makes a point of stressing that the realization of the much greater possibilities created by the objective conditions of the class struggle to achieve closer unity of the working class presupposes the acutest fight against anti-communism and opportunism which have become so deeply rooted in the Social-Democratic movement.

I. P. DEMENTYEV. The Principal Trends and Schools in American Historiography of the Postwar Period

The author gives a generalizing characteristic of the development of American historiography during the postwar period, shedding light on the evolution of its principal trends and schools. The attention in the article is focussed on the politico-ideological significance of one or another historical conception, methodology, analysis of the new techniques of research and critical tendencies in the historiography of the last decade. In conclusion the author examines a number of works produced by Marxist historians in the U.S.A.

V. A. USTINOV, V. I. KUZISHCHIN, Y. N. PAVLOVSKY, A. S. GUSEINOVA. Experimental Imitation Modelling of the Historico-Social Process

The authors make an attempt to build one of the first mathematical models simulating the concrete historical process. Particular importance is attached in the article to elaborating the technique of constructing such a model, with the Peloponnesian War (B.C. 431-404) being chosen as the subject of modelling. The mathematical model was built in conformity with available source data and the main conclusions furnished by special literature; the authors determined its basic parameters, the required quantity and the necessary correlations of the latter, translated them into the language of mathematics, and fixed the necessary model pitch, limit of tolerance and the number of computing operations. The construction of a mathematical model of this type even at the present, purely preliminary stage made it possible to form a clearer idea of the dynamics of the socio-economic and military-political situation of the belligerents.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 11, 1976

Articles: **N. F. Bughai.** The Revolutionary Committees as Extraordinary Organs of the Dictatorship of the Proletariat (1918-1921); **D. Ismail-Zadeh.** Russian Settlements in Transcaucasia in the 1830's-1880's; **Academician A. L. Narochnitsky.** The Balkan Crisis of 1875-1878 and the Great Powers; **S. S. Salychev.** Certain Tendencies in the Evolution of Social-Democracy; **I. P. Dementyev.** The Principal Trends and Schools in American Historiography of the Postwar Period; **V. A. Ustinov, V. I. Kuzishchin, Y. N. Pavlovsky, A. S. Guseïnova.** Experimental Imitation Modelling of the Historico-Social Process. Historical Essays. **Z. N. Tikhonova.** The Bolshevik Newspaper *Vperyod (Forward)* Founded by V. I. Lenin; **V. V. Sazonov.** Frederick Engels's Publicistic Works During the "Manchester Period"; **J. V. Andreyeva.** The Blue Rocks. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: **E. G. Istomina, G. I. Korolev.** Historico-Geographical Literature of the European Socialist Countries. Book Reviews: **V. I. Lenin** and the All-Russian Extraordinary Committee. A Collection of Documents (1917-1922); **G. A. Trukan.** The Working Class in the Struggle for the Victory and Consolidation of Soviet Power; **N. V. Naumov.** The Great October Socialist Revolution as Reflected in French Bourgeois Historiography; "A History of the U.S.S.R. from the Earliest Times to the End of the 18th Century"; "Contemporary History, 1939-1973"; **V. V. Zhurkin.** The U.S.A. and International Political Crises; **E. Bickerman.** Chronology of the Ancient World (the Near East and antiquity), etc. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » № 11, 1976

Articles: **N. F. Bougaï.** Les comités révolutionnaires (revkoms) en tant qu'organes extraordinaires de la dictature du prolétariat (1918-1921); **D. Ismaïl-Zadé.** Les agglomérations russes en Transcaucasie dans les années trente—quatre-vingt du XIXe siècle. **A. L. Narotchnitski,** membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. La crise des Balkans de 1875-1878 et les grandes puissances; **S. S. Salytchev.** Certaines tendances dans l'évolution de la social-démocratie; **I. P. Démentiev.** Les orientations et les écoles principales dans l'historiographie américaine d'après-guerre; **V. A. Oustinov, V. I. Kouzitchine, Y. N. Pavlovski, A. S. Gousseïnova.** L'expérience de la simulation d'imitation du processus historique social. Aperçus historiques: **Z. N. Tikhonova.** Le journal «Vpériod» édité par Lénine; **V. V. Sazonov.** Articles publicistes de F. Engels dans la « période de Manchester »; **J. V. Andréeva.** Les rochers bleus. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues: **E. G. Istomina, G. I. Korollov.** Les publications historiques géographiques des pays socialistes d'Europe. Comptes rendus des livres: « V. I. Lénine et V.Tch.K. ». Recueil de documents (1917-1922); **G. A. Troukan.** La classe ouvrière dans la lutte pour la victoire et la consolidation du Pouvoir soviétique; **N. V. Naoumov.** La Grande Révolution socialiste d'Octobre vue par l'historiographie bourgeoise française; « L'histoire de l'U.R.S.S. Des temps les plus reculés jusqu'à la fin du XVIIIe siècle »; « L'histoire contemporaine. 1939-1973 »; **V. V. Jourkine.** Les Etats-Unis et les crises politiques internationales. **E. Bickerman.** La chronologie du monde antique (Proche-Orient et l'antiquité) et autres. Faits, Evénements, Hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Livres nouveaux en U.R.S.S. et à l'étranger.

de la revista «Cuestiones de historia» № 11, 1976.

Artículos: N. F. Bugay. Comités revolucionarios como órganos extraordinarios de la dictadura del proletariado (1918—1921); D. Ismail-Zade. Poblados rusos de Transcaucasia en los años 30—80 del siglo XIX; Académico A. L. Narochnitzkiy. Crisis de los Balcanes de los años 1875—1876 y las grandes potencias; S. S. Salichev. Algunas tendencias en la evolución de la democracia social; I. P. Dementiev. Direcciones y escuelas principales en la historiografía norteamericana del período de postguerra; V. A. Ustinov, V. I. Kuzishin, Y. N. Pavlovskiy, A. S. Guseinova. Experiencia de la construcción de los modelos imitacionales del proceso histórico-social. Ensayos históricos: Z. N. Tijonova. Periódico leninista «Vperiod»; V. V. Sazónov. Obras publicísticas de F. Engels en el período de Manchester; Zr. V. Andreeva. Rocas azules. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas: E. G. Istómina, G. I. Korolev. Publicaciones histórico-geográficas de los países socialistas de Europa. Reseñas de libros: V. I. Lenin y VChK. Colección de los documentos (1917—1922); G. A. Trukan. Clase obrera en la lucha por la victoria y el fortalecimiento del Poder Soviético; N. V. Naumov. La Gran Revolución Socialista de Octubre vista por la historiografía burguesa de Francia; «Historia de la URSS. De antigüedad hasta los fines del siglo XVIII»; «Novísima historia. 1939—1973»; V. V. Zhurkin. Los EE. UU. y las crisis internacionales políticas; E. Bikerman. Cronología del mundo antiguo (Oriente Cercano y antigüedad) etc. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas, soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 22/IX 1976 г.

А 06032.

Подписано к печати 3/XI 1976 г.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл. печ. л. 19,60.

Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз.

Изд. № 2821. Зак. № 2854.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125365, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

БЕИТУЛЛОВ М. Животът на населението от турски произход в НРБ. София. Паргиздаг. 1975. 98 с

КАЗАСОВ Д. Някогашните наши градове. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1975. 208 с

МАРКОВА З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София. Изд-во на БАН. 1976. 220 с

ШАРЛАНОВ Д. Отечественият фронт и социалистическата революция. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1975. 115 с.

Anonymus gesta hungarorum. Béla király jéggyöjének könyve a magyarok cselekedeteiről. Ford. Pais Desző. Budapest. Magy. Helikon. 1975. 172. old.

A Varsói Szerződés Szervezete. Dokumentumok. 1955—1975. Szerk. bizottság: Marjai József é. m. Budapest. Kossuth-Zrinyi. 1976. 244. old.

ELEKES L. A történelem felfogása korunk polgári tudományában. Budapest. Kossuth. 1975. 341. old

PÉTER K. A magyar romlásnak századában. Budapest. Condolat 1975. 203. old.

VARKONYI A. R. Két pogány közt. A Rákóczi-szabadságharc története. 3-ik kiad. Budapest. Móra. 1975. 159. old.

CRÜGER H. Der Verlust des Objektiven. Zum Verhältnis von Vergangenheit und Gegenwart in der historischen Erkenntnis. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 96 S.

Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. Zum 14. Intern. Historiker-Kongress in San Francisco 1975. Hrsg. von Joachim Herrmann und Irmgard Sellnow. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 322 S.

Die USA und Europa 1917—1945. Studien zur Geschichte der Beziehungen zwischen den USA und Europa von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. Hrsg. von Fritz Klein. In Verbindung mit Karl Drechsler u. a. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 301 S.

Dokumente zur deutschen Geschichte. 3. Bd. Hrsg. von Wolfgang Ruge und Wolfgang Schuman. I. 1917—1919. Bearb. von Joachim Petzold und Dagmar Zink. 136 S.; 2. 1919—1923. Bearb. von Heinz Habedank und Erwin Könnemann. 104 S. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975.

USCHNER M. Lateinamerika—Schauplatz revolutionärer Kämpfe. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1975. 345 S.

125 Jahre Kommunistisches Manifest und bürgerlich-demokratische Revolution 1848/49. Referate und Diskussionsbeiträge. Wiss. Red.: Gunter Hildebrandt und Walter Wittwer. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 312 S.

Bataliony chlopskie w walce o narodowe i społeczne wyzwolenie. Sesja popularnonaukowa w XXX rocznicę bitew pod Wojdą Zaborecznem i Różą. Lublin, 3—4. 2. 1973 r Red. nauk. Kazimierz Przybysz. Warszawa. Lud. spółdzielnia wyd. 1975. 376 s

BORUCKI M. Mussolini. Warszawa. KiW. 1975. 231 s.

OCHMAŃSKI J. Dzierżyński. 1877—1926. Poznań. Wyd-wo poznańskie. 1975. 123 s.

OKĘCKI St. Cudzoziemcy w polskim ruchu oporu 1939—1945. Warszawa. Interpress. 1975. 217 s.

SZCZAWIEJ J. Ciosy. Z lat walki 1939—1945. T. 1—2. Warszawa. Lud. spółdzielnia wyd. 1975. T. 1. 461 s. T. 2. 423 s.

Teksty źródłowe do ćwiczeń z historii Polski średniowiecznej (do r. 1492). Wybrała Leokadia Matusik. Wrocław. Uniw. Wrocławski im. Bolesława Bieruta. 1975. 391 s.

TURSKI M. i ZDANOWSKI H. Ruch pokoju: ludzie, fakty. Z historii polskiego ruchu obrońców pokoju. Warszawa. Interpress. 1975. 113 s.

HAJKOVÁ A. Strana v odboji. Z dějin ilegálního boje KSČ v letech 1938—1942. Praha. Svoboda. 1975. 330 s.

HAVLIČ O. a KETTNER J. Komunistické a dělnické strany světa. Praha. Svoboda. 1976. 669 s.

LAŠTOVKA. Plzeň v boji proti fašismu. Stručné dějiny odboje plzeňanu proti fašistickým okupantům. 1938—1945. Plzeň Západočes. nakl. 1975. 159 s.

MACUREK J. Pod Hostýnem a Křídlem. Úvahy o osudech vesnického lidu ve 14.—19. století. Brno. Vlastivědná knih. moravská. 1975. 220 s.

PETRAN J. Rebelie. Příběh jednoho týdne a dvou dní v březnu roku 1775. Praha. Českosloven. spis. 1975. 259 s.

NEAMȚU V. La technique de la production céréalière en Valachie et en Moldavie jusqu'au XVIII-me siècle. Trad. du roum. par Anton Marin. București. Ed. Acad. R.S.R. 1975. 269 p.

Жене Србије у НОБ. Боса Цветић, гл. и одг. уред. Београд. Нолит. 1975. 1003 с.

HADŽIJAHIĆ M. Od tradicije do identiteta. (Geneza nacionalnog pitanja bosanskih muslimana). Sarajevo. Svjetlost. 1974. 262 s.

НЕДЕЛКОВИЋ Д. Светозар Марковић у развоју и социјалистичке мисли на делу. Београд. Српска акад. наука и уметности. 1975. 152 с.

DUNCAN A. A. M. Scotland. The Making of the Kingdom. Edinburgh. Oliver and Boyd. 1975. XII, 705 p.

НОВЫЕ КНИГИ

- O'CONNOR U. *A Terrible Beauty is Born. The Irish Troubles 1912—1922.* London. Hamilton. 1975. IX, 181 p.
- UTLEY T. E. *Lessons of Ulster.* London. Dent. 1975. 154 p.
- GIL F. G. *Latinoamérica y Estados Unidos. Dominio, cooperación y conflicto.* Presentación por Rafael López Pintor. Madrid. Tecnos. 1975. 269 p.
- MARTÍ GILABERT F. *La abolición de la inquisición en España.* Pamplona. Univ. de Navarra. Inst. de historia de la iglesia. 1975. 358 p.
- BADALONI N. *Il marxismo di Gramsci. Dal mito alla ricomposizione politica.* Torino. Einaudi. 1975. 187 p.
- CHABOD F. *L'Italia contemporanea (1918—1948).* Torino. Piccola bibl. Einaudi. 1975. 226 p.
- LUZZATTO G. *Breve storia economica dell'Italia medievale. Dalla caduta dell'Impero romano al principio del Cinquecento.* Torino. Piccola bibl. Einaudi. 1975. 223 p.
- PORTA A. *Joan en Gerrit Corver. De politieke macht van Amsterdam (1702—1748).* Acad. proefschr. Assen. Van Gorcum. 1975. XI, 380 blz.
- KOHT H. *Norsk bindereising.* Foreord av Reidar Almås. Oslo. 1975. XVI, 379 s.
- SEMMINGSEN I. *Drøm og dåd. Utvandringen til Amerika.* Oslo. Aschehoug. 1975. XVIII, 167 p.
- HERCULANO A. *História da origem e estabelecimento da inquisição em Portugal.* Rev. de Vitorino Nemésio. Introd. de Jorge Borges de Macedo. Verificação do texto por António C. Lucas. Amadora. Bertrand. 1975. T. I. CXXXVII, 320 p.
- Liberdade é também vontade.* Lisboa. Min. da comunicação social. 1975. 102 p.
- ABBOT W. W. *The Colonial Origins of the United States: 1607—1763.* N. Y. a. o. Wiley. 1975. IX, 134 p.
- CHINWEIZU. *The West and the Rest of Us. White Predators, Black Slavers and the African Elite.* New York. Vintage Books. 1975. XVI, 520 p.
- GOUGH B. *Canada.* Englewood Cliffs (N. J.). Prentice-Hall. 1975. IX, 182 p.
- LONGFORD L. *Abraham Lincoln.* Introd. by Elizabeth Longford. New York. Putnam. 1975. 231 p.
- NEVINS A. *Allan Nevins on History.* Comp. and Introduced by Ray Allen Billington. New York. Scribner. 1975. XXVII, 420 p.
- GERLACH A. *Deutsche Literatur im Schweizer Exil. Die politische Propaganda der Vereine deutscher Flüchtlinge und Handwerksgelesen in der Schweiz von 1833 bis 1845.* Frankfurt a. M. Klostermann. 1975. VIII, 645 S.
- GRUBE J. *Bismarcks Politik in Europa und Übersee. Seine „Annäherung“ an Frankreich im Urteil der Pariser Presse (1883—1885).* Bern. H. Lang; Frankfurt/M. P. Lang. 1975. 277 S.
- Le mouvement syndical dans la Résistance.* Préf. d'Henri Krasucki. Textes de Gustave Allyn e. a. Conclusions de Jean Schaeffer. 35 facs. de la vie Ouvrière clandestine. Paris. Ed. de la Courtille. 1975. 222(9) p.
- PARAF P. *L'homme de toutes les couleurs. Le racisme... Pourquoi?* Préf. de René Maheu. Iconographie Raymonde Nave. Paris. La Farandole. 1975. 219 p.
- RABAUT J. *L'antimilitarisme en France 1810—1975.* Faits et documents. Paris. Hachette. 1975. 253 p.
- OLIVECRONA G. *Svenskarna och deras herar.* Stockholm. Wahlström and Widstrand. 1975. 191 s.

ВНИМАНИЕ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала), воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласию, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Цена 70 коп.

Индекс 70145

ВСЕ ЖИЛЫЕ ДОМА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ,

находящиеся в личной собственности граждан, застрахованы в обязательном порядке. В случае их гибели или повреждения от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий органы Госстраха гарантируют их владельцам выплату страхового возмещения.

● В дополнение к обязательному проводится и добровольное страхование строений, которое обеспечивает гражданам получение более полного возмещения ущерба в случае перечисленных событий, а также внезапного выхода подпочвенных вод, паводка, необычных для данной местности продолжительных дождей, обильного снегопада, аварий отопительной системы и водопроводной сети.

● Добровольное страхование строений проводится исходя из оценки строений по действующим государственным розничным ценам.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите более подробно ознакомиться с условиями его проведения и оформить договор, обратитесь в районную инспекцию Госстраха или к страховому агенту.

ГОССТРАХ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СВОИ УСЛУГИ.

ГОССТРАХ РСФСР